ЗЕНОН КОСИДОВСКИЙ

БИБЛЕЙСКИЕ СКАЗАНИЯ

ЗЕНОН
КОСИДОВСКИЙ

•

БИБЛЕЙСКИЕ СКАЗАНИЯ

ЗЕНОН КОСИДОВСКИЙ

БИБЛЕЙСКИЕ СКАЗАНИЯ

Издательство
политической
литературы
Москва
1975

29
К71

Издание третье

Перевод с польского
Э. ГЕССЕН, Ю. МИРСКОЙ

Редакция
Т. ТРИФОНОВОЙ

Косидовский З.

К71 Библейские сказания. Изд. 3-е. М., Политиздат, 1975.

455 с. с ил.

В книге, написанной интересно, увлекательно, с большим художественным мастерством, ее автор, видный польский писатель Зенон Косидовский, знакомит читателей с достижениями мировой науки, занимающейся изучением Библии. Он привлекает данные истории и археологии, литературоведения и других наук и показывает, что Библия является не «богодухновенной» книгой, а памятником мировой литературы, отразившим жизнь многих поколений древних народов. Автор подробно рассматривает библейские мифы, подвергает их всестороннему исследованию и показывает их связь с легендами далекой древности, подлинные истоки их происхождения.

К $\frac{10509-042}{079(02)-75}$ Заказ «Союзкниги» **29**

ОТ АВТОРА ПО СЛУЧАЮ ВЫХОДА ТРЕТЬЕГО ИЗДАНИЯ

Я счастлив, что книга, в которую я в свое время вложил много труда и душевных сил, оказалась полезной не только у меня на родине, но и в других братских странах нашего социалистического содружества. Особенно радостна мне ее популярность в Советском Союзе, свидетельством которой является не только нынешнее, третье издание, но и полученные мною многочисленные дружеские письма от советских читателей.

Социализм, общество, основанное на социальном равенстве и справедливости, должны строить и развивать люди интеллектуально зрелые, свободные от всякого рода религиозных предрассудков и иллюзий. В древности мифы разъясняли людям в доступной им тогда форме тайны бытия и успокаивали их тревогу, но сегодня, в эпоху рационализма и великих научных открытий, вера в сверхъестественное стала ненужным балластом, реакционным пережитком, мешающим продвижению человечества вперед.

В своей книге я использовал в борьбе против религиозных мифов метод научных доказательств, как самый убедительный для современного человека. Опираясь на результаты исследо-

ваний многих ученых, я старался показать, как возникли мифы и каким целям они служили,— словом, раскрыть их место и роль в истории, сознательно скрываемые богословами.

Надеюсь, что в столь важной для современного общества борьбе за торжество светской, рационалистической мысли, за достоинство человеческого интеллекта моя книга сыграла и продолжает играть свою скромную роль.

Зенон Косидовский

ВСТУПЛЕНИЕ

Мои книги обычно относят к категории научно-популярной литературы. Не преуменьшая значения этого полезного жанра, я должен признать, что мои честолюбивые устремления идут дальше. Быть может, я и заблуждаюсь, но считаю себя писателем, который избрал материалом для своего творчества эпопею завоеваний современной науки. Меня привлекают научные открытия, но в еще большей степени — ученый как человек, его усилия, его тяжелый труд и драматические перипетии на пути к истине, его успехи, достигаемые часто ценой здоровья и даже жизни.

На мой взгляд, нет ничего более захватывающего, чем жизнеописания длинной вереницы исследователей, гениальных и благородных энтузиастов, бескорыстных искателей истины, жаждущих знаний, которые наперекор всему ниспровергали предрассудок за предрассудком и проливали все больше света в наши непросвещенные умы. Среди ужасов, на которые не скупилась и не скупится для нас история, по существу, только они являются оправданием нашего земного существования. Их жертвы и триумфы — это, пожалуй, самая заманчивая из литературных тем. Перефразируя Стендаля, можно было бы сказать, что человечество без знаний уподобилось бы кораблю без балласта, брошенному на произвол слепой стихии.

Если я писал о судьбах древних культур, то делал это именно потому, что искал жизнеутверждающее начало истории, ту путеводную нить человеческого прогресса, которая пробивается через бурные периоды войн, мрака и жестокости. Я искал человека, который, невзирая на путы первобытных инстинктов и предрассудков, упорно шел

вперед, к светлым горизонтам будущего. Проследить его мучительный путь через эпохи и столетия — вот задача, которую я ставил в моих книгах. Мне кажется, что нет более увлекательной эпопеи, чем движение рода человеческого от пещерного быта до открытия атома и завоевания космоса.

В этом движении человечества немаловажное место занимает Ветхий завет. Тысячами нитей пронизывает он культуру многих народов, под его влиянием формировались представления поколений, язык и обычаи. И однако, как мало мы знакомы с его содержанием! Старшее поколение помнит лишь отдельные, избранные места из Библии, а новое поколение, воспитанное в материалистическом духе, ничего о ней не знает. Переводы Библии, даже современные, архаичностью своего языка отталкивают рядового читателя, а людей неверующих к тому же отпугивает давным-давно установившееся мнение, будто это «священная» книга, полная религиозных мифов и ритуальных предписаний. Между тем современная наука доказала, что Библия — это своеобразный документ светского характера, содержащий немало ценных исторических сведений.

Начало систематических исследований в этой области — мы не касаемся отдельных более ранних попыток — относится к середине XIX века. Однако какие огромные революционные перемены в наших взглядах на Библию произошли за этот относительно короткий период! Вплоть до середины минувшего века в качестве священной, «богодухновенной» книги она пользовалась своеобразным иммунитетом от посягательств науки, иммунитетом, закрепленным строгими правилами церковных учреждений. Попытки критически взглянуть на библейский текст, под лингвистическим или историческим углом зрения, долгое время считались святотатством и покушением на религиозные верования. Глубоко укоренилось убеждение, будто Моисей, Иисус Навин, Давид, Соломон и пророки действительно написали соответствующие части Библии, что Яхве провозгласил десять заповедей на горе Синай, что Илья Пророк вознесся на небо в пылающей колеснице, а Даниил вышел невредимым из львиного рва. Когда библейский текст слишком очевидно расходился с тем, что отвечает понятию святости, комментаторы выискивали в нем аллегорический смысл мистического характера. Так, например, Песнь песней — любовная лирика, дышащая восточной чувственно-

стью,— превратилась в их толковании в религиозную поэму, где под символом возлюбленного скрывался Яхве (а в христианскую эру — Иисус Христос).

Нам, людям эпохи великих открытий в естествознании, трудно понять, что еще так недавно Библия считалась единственным авторитетом в вопросах науки о вселенной. Очаровательные в своей наивности библейские сказания об Адаме, Еве и рае большинство людей воспринимало буквально как окончательную истину о происхождении жизни на земле. Когда Дарвин в 1859 году в книге «О происхождении видов» обнародовал свою теорию эволюции, она вызвала бурю протестов не только среди поклонников Библии, но и в некоторых научных кругах.

Во второй половине прошлого века благодаря ряду выдающихся научных открытий стремительно расширялся горизонт человеческих знаний, и, естественно, должно было измениться и отношение к Библии. Ее проблемами наконец заинтересовались настоящие ученые. Постепенно стала развиваться библеистика, первые истоки которой относятся еще к XVII веку. Образовалась новая отрасль науки, со своими, с каждым днем углубляющимися исследовательскими методами. Этим переменам благоприятствовала прежде всего общая атмосфера в Европе, постепенно выходившей из своей культурной изоляции. Путешественники и исследователи малоизученных материков пробудили у европейцев живой интерес к великим культурам Ближнего и Дальнего Востока. Тогда-то люди поняли, что Библия больше не может претендовать на звание единственной священной книги. Ведь у индийских браминов есть Ригведа, у последователей нового индуизма — Махабхарата и Рамаяна, у буддистов Индии, Японии, Китая и Монголии — книги Махаяна, у парсов — последних поклонников зороастризма — Зендавеста, у мусульман — Коран. И список этот отнюдь не исчерпан, так как сюда надо было бы добавить еще священные книги китайского конфуцианства, даосизма и японского синтоизма. Как ни различны между собой все эти священные книги, но каждая, по мнению ее последователей, содержит единственную, возвещенную свыше истину. Библия занимает в их ряду свое место, причем отнюдь не самое первое, поскольку даже по количеству последователей она уступает многим из них.

Лишившись ореола исключительности, Библия перестала быть необычайным и неповторимым явлением и ока-

залась одним из многих выражений человеческой тоски по истине. Как и в других подобных книгах, в Библии отразились социально-психологические процессы, которые свойственны народам всех континентов, безотносительно к расе, языку и культуре. Ученые, занимающиеся исследованием библейского текста, разработали новую область науки, именуемую библейской критикой, которая делится на низшую и высшую. Низшая критика занимается установлением подлинного текста Библии путем обнаружения ошибок переписчиков и комментаторов. Нас скорее интересует высшая критика, так как благодаря ее сенсационным открытиям мы узнали, что́ действительно представляет собой Ветхий завет. Одними из первых в этой области научного исследования были Ренан и Вельгаузен. Безупречная логика их лингвистических методов, доведенная до виртуозной тонкости, в конце концов преодолела сопротивление догматиков, и даже католическая церковь вынуждена была с этим считаться.

Какими же методами пользуется высшая критика в своей исследовательской работе? Вопрос этот довольно сложный и для неспециалистов, быть может, слишком скучный. Попытаемся свести нашу проблему к нескольким основным элементам и с этой целью приведем довольно упрощенное сравнение, обладающее, однако, достоинством наглядности. Представим себе полониста, изучающего литературное произведение, являющее собой монтаж из сочинений Рея (1505—1569 годы), Пассека (1636—1751 годы), Нарушевича (1733—1796 годы), Немцевича (1757—1841 годы) и Лелевеля (1786—1861 годы). Поскольку польский язык с ходом времени развивался и претерпевал значительные изменения, а у каждого из упомянутых здесь авторов к тому же был свой собственный стиль, знаток польской литературы, столкнувшись с таким неоднородным произведением, с легкостью обнаружит в разных кусках текста различия в синтаксисе, словаре и фразеологии. Проведя тщательный анализ текста, он быстро обнаружит мистификацию. Мало того, он установит авторов отдельных составных частей, а если это ему почему-либо не удастся, то по характерным признакам языка сможет определить время написания данного текста. В конце концов он докажет, что это произведение является мозаикой, составленной из отрывков различного происхождения, и потому не может принадлежать перу одного автора.

Критика Библии имеет дело с подобными, только гораздо более сложными проблемами. Книги Ветхого завета, почитаемые иудеями, сохранились на древнееврейском языке, за исключением немногочисленных арамейских фрагментов [1]. Благодаря документам, найденным в Тель-эль-Амарне и Рас-Шамре, а также благодаря некоторым наиболее древним текстам Библии, как, например, песнь Марьям, сестры Моисея, и песнь Деборы, удалось восстановить путь развития древнееврейского языка начиная с XIII века до н. э. Таким образом, ученые получили прекрасный инструмент для глубокого лингвистического анализа отдельных книг Библии. Разумеется, это титанический труд, требующий напряженного внимания и огромного объема знаний. Исследования Библии все еще продолжаются, а достигнутые результаты по-прежнему являются предметом оживленных научных споров. Однако некоторые основные положения теперь уже ни у кого не вызывают даже малейших сомнений.

Прежде всего, установлено, что Ветхий завет является собранием исторических документов, народных легенд, законов, ритуальных предписаний и мифов, источники которых относятся к различным эпохам и различным социальным слоям. Собрали и обработали их еврейские компиляторы в довольно поздний период, преимущественно после вавилонского пленения. Под давлением этих фактов пошатнулись многие освященные веками традиционные представления. Например, будто авторами Пятикнижия были Моисей и Иисус Навин, будто пророки сами записывали свое учение, будто Давид сложил псалмы, а Соломон — Песнь песней и Притчи.

Критикам Библии еще на много лет хватит работы, чтобы разобраться в бесчисленных наслоениях текстов и дать им научное определение. Их задачу к тому же усложнили дополнения, по тем или иным причинам внесенные длинным рядом редакторов, компиляторов и переписчиков. К числу этих дополнений, между прочим, относятся так называемые этнологические мифы, то есть мифы, созданные задним числом для объяснения отдельных событий, истинный ход которых стерся в памяти поколений.

[1] Католики помимо этих книг, признаваемых иудеями и христианами-некатоликами, причисляют к канону Ветхого завета еще семь книг, написанных по-гречески: Товита, Иудифи, Варуха, Премудрости Иисуса, сына Сирахова, и три книги Маккавейские.

Этнологическими мифами, например, являются такие эпизоды, как чудесный переход через Красное море, чудо с манной небесной и чудо остановки течения реки Иордан. Исследователи доказали, что за этими мифами скрываются факты вполне естественные, но преображенные человеческой фантазией на протяжении веков в сверхъестественные.

Однако вершиной исследования Библии является ее историческая критика. Постараемся в нескольких фразах показать, в чем главная заслуга этой критики.

До начала XIX века наши сведения о древних культурах Ближнего Востока были чрезвычайно ограниченны и во многих случаях довольно сумбурны. Единственными источниками для их изучения тогда служили смутные указания Библии и описания греческих историков, таких, как Геродот, Ксенофонт и другие. Названия таких народов, как вавилоняне, ассирийцы, египтяне, персы, мало что говорили людям в ту эпоху, и территории их государств составляли белые пятна на карте Древнего мира. Библия же, вырванная из исторического контекста, давала почву для самых фантастических толкований; не было никакой возможности отличить в ней легенду от исторической правды.

Туман невежества стал рассеиваться только с наступлением эпохи великих археологических открытий в середине минувшего века. Из-под песков пустыни извлекли на поверхность замечательные памятники забытых культур — святилища и гробницы фараонов, а также руины храмов и царских дворцов Хорсабада, Хаттушаша, Ниневии, Вавилона, Ура, Угарита и многих других древних городов Месопотамии и Сирии. В раскопках найдено бессчисленное количество письменных документов, буквально целые огромные библиотеки и архивы. Так, например, в руинах дворца ассирийского царя Ашшурбанипала в Ниневии сохранилось 25 тысяч глиняных табличек с клинописными текстами: здесь и дипломатическая переписка, трактаты, молитвы, литературные памятники и религиозные мифы минувших веков, в том числе эпос о Гильгамеше, содержащий рассказ о потопе. В 1901 году в Сузах был найден кодекс законов вавилонского царя Хаммурапи (II тысячелетие до н. э.); кодекс этот, как оказалось, был источником некоторых законодательных установок Пятикнижия.

После того как француз Шампольон (1790—1832

годы) расшифровал египетские иероглифы, а немец Гротефенд (1775—1853 годы) проник в тайны клинописных знаков, все ранее найденные документы можно было прочитать. Работа эта еще не завершена, но уже сегодня мы многое узнали о малоизвестных или совсем забытых народах Древнего мира: шумерах, вавилонянах, ассирийцах, халдеях, финикийцах, филистимлянах, хеттах, персах, арамейцах и египтянах. Мы получили много сведений об их культуре, религии и обычаях и так обстоятельно изучили историю некоторых из этих народов, что по данному вопросу появились капитальные труды.

В середине минувшего века археологические раскопки начались также и в Палестине. Уже обнаружено большинство городов, названия которых мы ранее знали только из Библии. В развалинах этих городов найдено подтверждение подлинности ряда фактов, упоминаемых в Библии, в том числе найдены неопровержимые доказательства захватнической политики Иисуса Навина, остатки зданий времени Саула, Давида и Соломона, а также следы опустошительных вторжений арамейцев, ассирийцев и халдеев. Египетские, ассирийские, халдейские и персидские надписи и документы позволили нам установить, что не все в Библии легенда и фантазия, что есть в ней отдельные исторически достоверные факты.

Израильский народ, как и всякий другой народ, не мог жить в полной культурной и бытовой изоляции, особенно потому, что был молодым народом по сравнению с окружавшими его древними, богатыми и зрелыми, цивилизациями. Историческая критика взяла на себя задачу установить эти связи и уже может похвастать некоторыми несомненными успехами. Прежде всего, с помощью метода корреляции ей удалось частично реконструировать хронологию библейской истории, пополнить или восстановить эпизоды, которые в Библии либо вовсе обойдены молчанием, либо рассказаны лаконически и односторонне, и выяснить политические мотивы многих ранее непонятных нам событий. Одним словом, придать довольно наивно рассказанной библейской истории некий прагматический порядок причин и следствий.

Нам важнее всего было установить тесную связь между обычаями, законодательством и религией. Этим проблемам мы посвящаем в книге много места. Здесь достаточно отметить для примера, что десять заповедей и за-

коны Моисея сложились под влиянием месопотамского законодательства, что история сотворения мира, так же как и сказание о потопе и ряд других сказаний, заимствована из вавилонской мифологии, что даже вся эсхатология пророков, например картины страшного суда, загробной жизни, рая и ада, ангелов и сатаны,— все это заимствовано из чужих источников. Словом, все христианские религиозные концепции на несколько столетий старше Библии, из которой мы их почерпнули.

Под влиянием этих научных открытий мы стали смотреть на Библию другими глазами и, к нашему удивлению, обнаружили, что она является одним из шедевров мировой литературы, произведением реалистическим, в котором бурлит и хлещет через край настоящая жизнь. Просто трудно поверить, что этот калейдоскоп сказаний, полных пластики, движения и колорита, а также человеческих образов из плоти и крови, мог возникнуть в столь отдаленном прошлом и просуществовать до наших дней.

Содержание Библии так богато, как богата сама жизнь. Идиллические сцены на ее страницах перемежаются картинами кровавых войн, эксцессами разнузданности и разврата, а также эпизодами, которые потрясают своим трагизмом. Как красочна галерея ее образов! Достаточно назвать Самсона, мятущегося, полубезумного, одинокого царя Саула или изысканного и весьма предприимчивого Соломона, который нажил огромное состояние на торговле лошадьми и производстве меди.

События эти венчает коллективная трагедия еврейского народа, угнанного в вавилонское рабство. Но, как во всякой трагедии, построенной по классическому канону, вместе с ее финалом наступает катарсис — очищение и реабилитация. Изгнанники неплохо жили в Вавилоне, однако они погибали от тоски по родине. Сидя на берегах Евфрата, они горестно пели покаянные псалмы и не теряли надежды, что для них еще засияет солнце свободы.

Когда персидский царь разрешил им вернуться на родину, они шли, изнемогая от усталости и лишений, через пустыни и горные перевалы, чтобы на развалинах разрушенного Иерусалима построить новую жизнь. Под влиянием пережитых страданий некоторые пророки провозглашали своеобразную этику, нормы общественного правопорядка, монотеизм, опирающийся на веру в то, что вселенной управляет только один бог.

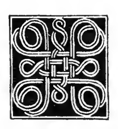
Вот такой представлялась мне Библия, когда я приступил к работе над этой книгой. Трудность заключалась в том, что мне пришлось иметь дело с материалами двоякого характера: с одной стороны, с текстом Библии, а с другой — со всем необъятным количеством научных сведений, которые бросают подчас совершенно новый свет на события, описанные в Библии. Нужно было объединить эти два элемента в книге, которая должна была отличаться от научных или даже научно-популярных работ.

Мне было важно, чтобы читатели познакомились с содержанием Библии и поняли ее так, как объясняет ее современная наука. Поэтому я избрал для книги композицию, которую можно назвать двухрядной: отдельно — содержание Библии и отдельно — комментарий к ней. Таким образом появилась эта несколько странная и рискованная форма, которая, я надеюсь, не окажется слишком неудобной для чтения.

Излагая библейский текст, я стремился передать его с предельной доходчивостью, чтобы сегодняшний читатель мог познакомиться с ним без особого усилия. Как правило, я старался последовательно придерживаться двухрядной композиции, однако в тех случаях, когда можно было дополнить, расцветить или оживить фабулу библейских сказаний сведениями, полученными благодаря археологическим открытиям, я, не колеблясь, это делал. Это касается, например, истории города Ура и реалий, которые придают бóльшую выразительность сказанию об Аврааме.

Немало усилий мне пришлось потратить на решение проблем другого порядка: как разобраться в психологических мотивах, которые лежат в основе многих эпизодов Библии. Чаще всего ее текст не дает нам прямого объяснения и содержит по преимуществу туманные намеки, заставляющие задуматься в поисках догадки. Почему левиты под предводительством Корея взбунтовались против Моисея? Почему его родственники отказались повиноваться? Почему верховный жрец Аарон отрекся от Яхве и установил культ золотого тельца? Таких интригующих вопросов в Библии множество. Если на некоторые из них я решился ответить, то всегда искал подтверждения своей догадки в каком-либо библейском тексте либо в логическом выводе, естественно вытекающем из обстоятельств, сопутствующих данному событию.

ОТ СОТВОРЕНИЯ МИРА ДО ВАВИЛОНСКОЙ БАШНИ

ОТВОРЕНИЕ МИРА. Вначале бог создал небо и землю. Земля была бесформенна, пустынна и погружена в вечный мрак. Всюду простирались только воды, а над ними носился дух божий. И сказал бог: да будет свет! Увидев, что свет хорош, он отделил его от тьмы и назвал днем, а тьму назвал ночью. На следующий день он сотворил небесный свод посреди вод, разделивший их на две части: на воды, которые были на земле под небом, и на воды, которые в виде туч и дождей повисли в небе. На третий день он собрал воды под небом в одно место, и тогда показалась суша. И назвал бог скопление вод морем, а сушу землею. И повелел он тогда, чтобы на земле произросли многие виды растений, дающих семена, и деревьев, родящих плоды. На четвертый день он создал два тела небесных, светящихся на своде неба: большее, чтобы светило днем, и меньшее для освещения ночи. Так возникли солнце и луна, для того чтобы отличать день от ночи и обозначать времена года, дни и месяцы. На своде неба бог поместил множество звезд. На пятый день он призвал к жизни чудища морские и всякую иную живую тварь, обитающую в воде, а также птиц, парящих над землей. И благословил их, сказав: плодитесь и размножайтесь и заполняйте как море, так и воздух. На шестой день создал он скотов и гадов и всяких других животных, передвигающихся по земле. И под самый конец сотворил человека по образу и подобию своему, чтобы властвовал над всею землею, над всем, что жило и росло на земле. На седьмой день бог отдыхал после своей работы и день этот благословил и сделал его праздником на вечные времена.

ДАМ И ЕВА В РАЮ. На плодородной равнине, лежащей на востоке, бог сотворил сад, известный всем как райский сад, и поселил в нем Адама (дословно — человека), чтобы он возделывал его и заботился о нем. В раю росло множество разных деревьев, ласкающих взор и полезных своими сладкими плодами. В самом центре рая стояли дерево жизни и дерево познания добра и зла. По саду текла большая река, поставляющая растениям влагу. В том месте, где река эта выходила за пределы рая, она разделялась на четыре главные реки мира. Одна из них называлась Фисон, она обтекала землю Хавила, где находится золото лучшей пробы, благовонная смола и камень оникс. Вторая река называлась Гихон и омывала всю страну Куш. Третья река была Хиддекель *, она течет к востоку от Ассирии, а четвертая река — Евфрат.

Бог разрешил Адаму вкушать плоды со всех деревьев, за исключением дерева познания добра и зла, к плодам которого запретил прикасаться под угрозой смерти. Бог знал, что человеку нехорошо оставаться в одиночестве, и привел к нему в рай всяких зверей, живущих на земле, и птиц, летающих в воздухе. Адам дал имена зверям, птицам и прочим тварям, но все равно чувствовал себя одиноким, потому что не было с ним рядом товарища, подобного ему.

Тогда бог наслал на Адама крепкий сон, вынул у него ребро и создал из этого ребра женщину *. И сказал Адам: «Вот это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женой, ибо взята от мужа. Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут одна плоть».

Адам и жена его были наги, но не стыдились этого.

Среди зверей, которых создал бог, наибольшей хитростью отличался змей. Однажды он спросил у женщины, почему бог запретил им есть плоды с дерева познания добра и зла. И женщина ответила на это: «Чтобы мы не умерли». «Вы ни в коем случае не умрете»,— уверял ее лицемерный змей и доказывал, что бог не велит им есть плоды с этого дерева, опасаясь, что у людей откроются глаза и они познают добро и зло так же, как и сам бог. Женщина внимательно посмотрела на дерево познания добра и зла и увидела, как прекрасно оно и его плоды, дающие мудрость. И она сорвала запретный плод, съела его, а потом уговорила мужа, чтобы он последовал ее примеру.

И тогда упала завеса с их глаз, и они заметили, что наги. Стыдясь своей наготы, они нарвали фиговых листьев, чтобы прикрыть тело.

Когда бог прохаживался по раю, Адам с женой спрятались между деревьями. Бог спросил Адама: «Где ты?» И тот ответил так: «Шелест шагов твоих я услышал в раю и убоялся, потому что я наг, и скрылся». Бог тогда спросил: «Кто сказал тебе, что ты наг? Не ел ли ты от дерева, с которого я запретил тебе есть?»

Адам свалил всю вину на жену, а та в свою очередь, когда бог спросил ее, обвинила змея в том, что он ее обольстил и уговорил вкусить запретный плод. Бог рассердился на змея, проклял его и обрек на вечные времена ползать по земле, есть прах и жить в непрестанной вражде с человеком. А женщине бог сказал, что отныне она будет в муках рожать детей и будет подчиняться мужу, который будет властвовать над нею. Под конец бог обратился к Адаму и сказал ему, что за его ослушание проклята будет земля, которая его кормит. «Терние и волчцы произрастит она тебе; и будешь питаться полевою травою. В поте лица твоего будешь есть хлеб, до-

коле не возвратишься в землю, из которой ты взят; ибо прах ты и в прах возвратишься!»

Адам нарек жену свою именем Ева, ибо она должна была стать матерью всех живущих на земле. И бог сделал для грешной четы одежды из звериных шкур, прикрыл их наготу и выгнал из рая, ибо не хотел допустить, чтобы они съели плоды с дерева жизни и таким путем обрели бессмертие. На страже у врат рая он поставил крылатого херувима с огненным мечом.

АИН И АВЕЛЬ. У Адама и Евы были два сына: старший — Каин и младший — Авель. Авель пас овец, Каин обрабатывал землю. Однажды случилось так, что Каин принес в дар богу плоды земли, Авель же посвятил ему первородных ягнят от стада своего. Бог Яхве благосклонно принял дары Авеля, а на подношение Каина даже не посмотрел.

Каин был разгневан, и лицо его помрачнело. Тогда Яхве спросил Каина: «Почему ты огорчился? И отчего поникло лицо твое?» «Если будешь творить добро,— говорил бог Каину,— жертва твоя будет принята, если же будешь творить зло, у порога твоего станет грех, а ты в своей алчности не сумеешь совладать с собой и впадешь в него».

Каин, однако, не внял предостережению. Снедаемый завистью, он заманил Авеля в поле и коварно убил его. Увидев, что свершилось преступление, бог снова обратился к Каину: «Где Авель, брат твой?» А Каин ответил: «Не знаю; разве я сторож брату моему?» Тогда бог сказал в великом гневе: «Что ты сделал? Голос крови брата твоего вопиет ко мне от земли».

И бог проклял Каина и сказал ему, что будет он изгнанником и скитальцем на земле во веки вечные, а того, кто захочет убить его, ждет страшное наказание. И, прячась от Яхве, Каин отправился в изгнание и поселился на земле Нод, к востоку от Эдема. Там он нашел себе жену и имел с ней сына Еноха *. Правнуком Еноха был Ламех, у которого было две жены. От одной из них, Ады, он имел сына Иавала, который стал праотцом кочевников и пастухов. Брат его Иувал стал праотцом музыкантов, играющих на гуслях и свирели. Тувалкаин, рожденный от второй жены, Циллы, был ремесленником, искусным в обработке меди и железа.

Адам жил девятьсот тридцать лет. Ева родила ему сыновей и дочерей, и от них произошли многочисленные потомки. Один из них, Мафусаил, жил девятьсот шестьдесят девять лет. Его внуком был Ной, который, в свою очередь, родил трех сыновей: Сима, Хама и Иафета.

ОТОП. Потомство Адама и Евы постепенно заселяло землю. Но род людской был отмечен клеймом первородного греха. Человек в тяжелом труде должен был добывать хлеб насущный, в сердце его угнездилась злоба и мерзость. Люди истребляли и грабили друг друга в непрестанных войнах. Земля полна была насилия и преступлений, и в этой страшной сумятице никто не обращал внимания на предостерегающий голос творца.

Яхве пожалел о том, что сделал, и всей душой скорбел о преступлениях рода человеческого. И он решил истребить все, что жило на свете, как людей, так и животных, чтобы положить конец их греховному существованию. Но ему все-таки не хотелось, чтобы его творение полностью обратилось в прах. Бог надеялся, что новое, другое поколение людей и животных окажется более послушным и устроит лучший, более счастливый мир.

Среди грешников один только Ной, муж праведный, полюбился господу. У Ноя было три сына: Сим, Хам и Иафет, которые тоже не свернули с праведного пути. По указанию бога Ной построил ковчег из дерева гофер и осмолил все щели, снаружи и изнутри. Длина ковчега была триста локтей, ширина — пятьдесят локтей, высота его — тридцать локтей, и были у ковчега три палубы, и только одно окно и одна дверь. С помощью сыновей Ной закончил постройку ковчега, хотя тогда ему уже было шестьсот лет.

Едва бог увидел, что ковчег готов, он возвестил, что снизошлет на землю потоп. Бог решил спасти только Ноя с женой и троих его сыновей с женами, а также по одной паре от всех четвероногих, пресмыкающихся и птиц. Ной согнал в ковчег зверей, погрузил всякую пищу и заперся в ковчеге вместе с семьей.

Через семь дней начался проливной дождь, продолжавшийся сорок дней и сорок ночей. Вода поднималась все выше, пока не залила всю землю, и бурные волны захлестнули даже самые высокие горы. Погибло все живое: люди, звери, птицы. Только Ноев ковчег вместе с его семьей и зверями держался на поверхности бескрайнего водного пространства.

Дождь наконец прекратился, но вода спадала очень медленно, и еще в течение ста пятидесяти дней не было видно ни клочка суши. На седьмой месяц ковчег остановился на горах Араратских, и на десятый месяц показались из воды вершины окружающих гор.

Ной подождал еще сорок дней, а потом выпустил через окно ворона, чтобы узнать, найдет ли он сушу, но птица вскоре вернулась. Затем Ной выпустил голубку, но и она вернулась, не найдя места, где бы смогла отдохнуть. Спустя семь дней он снова ее выпустил, и тогда под вечер она вернулась, держа в клюве олив-

ковую ветвь, и это означало, что на земле кое-где уже обнажилась суша. Ной подождал еще семь дней и в третий раз выпустил голубку, на этот раз она не вернулась, ибо земля уже просохла.

Ной вышел из ковчега и построил алтарь, дабы принести своему господу жертву в благодарность за спасение. Яхве решил, что никогда больше не покарает род человеческий потопом, и в знак вечного мира со всеми живущими на земле тварями повесил на небе лучезарный свод семицветной радуги.

Ной снова взялся за обработку земли и разведение скота, насадил виноградник и даже научился изготовлять вино. Однажды он выпил лишнее, в опьянении сорвал с себя одежду и голый уснул в своем шатре. Его застал в таком виде Хам, отец Ханаана, и, смеясь, сообщил братьям о том, что он увидел. Но Сим и Иафет проявили больше уважения к отцу: отводя глаза, чтобы не видеть его наготы, они укрыли его одеждой. Когда Ной проснулся и узнал, как вел себя Хам, то пришел в такой гнев, что проклял его потомков и предсказал, что они станут рабами Сима и Иафета.

После потопа Ной прожил еще триста пятьдесят лет, к моменту смерти ему было девятьсот пятьдесят лет. От его сыновей произошли три большие группы рода человеческого, заселяющего землю. Иафет стал родоначальником народов Севера, от Сима пошли семиты, а Хам положил начало африканским народам — хамитам *. Одним из потомков Хама был Нимрод, прославившийся как «сильный зверолов перед господом».

АВИЛОНСКАЯ БАШНЯ. Вначале населяющие землю люди говорили на одном языке. Они занимали равнину в стране Сеннаар, в бассейне рек Тигра и Евфрата. Земля там была необыкновенно плодородная, так что им жилось все лучше и лучше. Это их ввело в гордыню, и они решили построить такую высокую башню, чтобы верхушка ее доставала до самого неба. Вместо камней они использовали в качестве строительного материала обожженный кирпич, а вместо извести — глину. Башня росла все выше, пока Яхве не встревожился и не решил посмотреть, что она собой представляет. Человеческая гордыня вызвала его гнев, и он смешал языки, чтобы люди не могли между собой договориться. Среди строителей башни возникло по этой причине такое замешательство, что они вынуждены были отказаться от своего дерзкого замысла и рассеялись по всему свету, побросав груды материала и орудия, которыми они пользовались. А город, где возводили башню и где произошло смешение языков человеческих, назвали Вавилон.

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ОТКРЫТИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ СОТВОРЕНИЯ МИРА, РАЯ, ПОТОПА И ВАВИЛОНСКОЙ БАШНИ

Из Библии мы узнаем, что первоначальной родиной евреев была Месопотамия. Семья Авраама жила в Уре, древней столице шумеров, а затем переселилась в Ханаан, то есть нынешнюю Палестину. Евреи, таким образом, принадлежали к большой группе народов, которые создали в бассейне Евфрата и Тигра одну из богатейших культур в истории человечества. Главными творцами этой великой культуры были шумеры. Уже в третьем тысячелетии до н. э. они строили замечательные города, обводняли почву с помощью разветвленной сети оросительных каналов, у них процветало ремесло, они создали великолепные памятники искусства и литературы. Аккадцы, ассирийцы, вавилоняне, хетты и арамейцы, которые впоследствии основали в Месопотамии и Сирии свои государства, были учениками шумеров и от них по наследству переняли великие культурные ценности.

До середины XIX века мы располагали лишь скудными и даже нелепыми сведениями относительно культуры этих народов. Только археологические раскопки, с широким размахом проведенные в Месопотамии, открыли нам величие и богатство этих народов. Были откопаны такие могущественные города, как Ур, Вавилон и Ниневия, а в царских дворцах найдены тысячи табличек, испещренных клинописью, которую уже удалось прочитать. По содержанию своему эти документы делятся на исторические хроники, дипломатическую корреспонденцию, договоры, религиозные мифы и поэмы, среди которых находится древнейший эпос человечества, посвященный шумерскому национальному герою Гильгамешу.

Тип шумера.

По мере расшифровки клинописи становилось ясным, что Библия, которую на протяжении веков считали оригинальным творением древних евреев, возникшим якобы по внушению бога, восходит своими корнями к месопотамской традиции, что многие частные подробности и даже целые сказания в большей или меньшей степени заимствованы из богатой сокровищницы шумерских мифов и легенд.

Собственно говоря, в этом нет ничего удивительного. В свете современной исторической науки скорее могло бы показаться странным, если бы дело обстояло иначе. Мы ведь знаем, что культуры и цивилизации бесследно не исчезают, что ценнейшие свои достижения они — подчас сложными путями — передают более молодым культурам. До недавнего времени мы считали, что европейская культура всем обязана Греции, а между тем новейшие исследования показали, что во многих отношениях мы являемся наследниками того, что пять тысяч лет тому назад создал гений шумерского народа. Культуры и народы в вечном потоке появляются и исчезают, но их опыт живет и обогащается в следующих поколениях, участвует в создании новых, более зрелых культур.

В этой исторической непрерывности евреи не представляли и не могли представлять обособленного явления. Корнями своими они уходили в месопотамскую культуру, вынесли из нее в Ханаан представления, обычаи и религиозные мифы, возникшие на протяжении тысячелетий на берегах Тигра и Евфрата. Отчетливые следы этих отдаленных влияний мы находим сегодня в библейских текстах.

Обнаружение этих зависимостей и заимствований, од-

нако, дело не легкое. Евреи, поселившись в Ханаане, постепенно освободились от влияния Месопотамии. Вынесенные оттуда представления, мифы и сказания они передавали устно из поколения в поколение и постепенно видоизменяли их, порой до такой степени, что только с помощью месопотамских источников можно распознать их родословную.

В забвении этих уз родства были заинтересованы главным образом жрецы, которые, вернувшись из вавилонского пленения, в период с VI по IV век до н. э., редактировали текст Ветхого завета и передали его нам в той форме, в какой он сохранился по сей день. В своих компиляциях они пользовались старинными народными сказаниями, но без зазрения совести препарировали их для своих заранее намеченных религиозных целей.

Тип семита.

Им было чуждо понятие исторической достоверности. Сказания, передаваемые из поколения в поколение, служили им только для доказательства того, что Яхве уже со времен Авраама правил судьбами избранного им народа.

К счастью для ученых и исследователей, жрецы в своей работе по переделке и подделке не всегда были последовательны. Они проглядели в библейских текстах много подробностей, выдающих их тесную связь с культурой Месопотамии. На протяжении целых веков никто не мог объяснить их смысла. Только великие археологические открытия, позволившие нам воссоздать забытые культуры шумеров, аккадцев, ассирийцев и вавилонян, бросили луч света на эти ранее непонятные подробности, выявили их древнее происхождение.

Библейская история сотворения мира может служить

Древнейший тип шумерского письма.

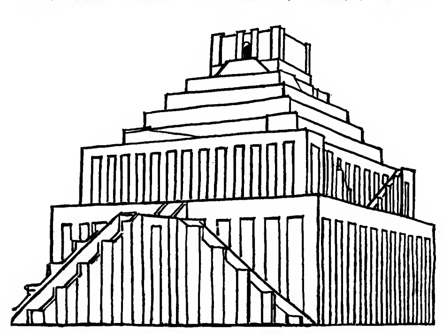
примером того, как жрецы извратили старые месопотамские мифы. Знаменитый археолог Джордж Смит прочитал на клинописных табличках целую вавилонскую поэму о сотворении мира, известную под названием «Энума злиш», внешне не имеющую ничего общего с библейским сказанием. Содержание зтого мифологического зпоса, разумеется с большими сокращениями, можно изложить так.

Вначале существовала только вода и царил хаос. Из зтого страшного хаоса родились первые боги. С течением веков некоторые боги решили установить порядок в мире. Это вызвало возмущение бога Абзу и его жены Тиамат, чудовищной богини хаоса. Бунтовщики объединились под водительством мудрого бога Эа и убили Абзу. Тиамат, изображаемая в виде дракона, решила отомстить за смерть мужа. Тогда боги порядка под водительством Мардука в кровавой битве убили Тиамат, а ее гигантское тело разрубили на две части, из которых одна стала землей, а другая небом. А кровь Абзу смешали с глиной, и из зтой смеси возник первый человек.

Сразу же возникает вопрос: что может быть общего между возвышенной, монотеистической историей, описанной в Ветхом завете, и зтой мрачной, чрезвычайно примитивной вавилонской космогонией? И все-таки существуют неопровержимые данные, доказывающие, что тем или иным образом зта космогония послужила сырьем для древнееврейского, гораздо более возвышенного варианта. Американский археолог Джеймс Дж. Причард взял на себя труд скрупулезно сопоставить оба текста и обнаружил в них множество удивительных совпадений. Поражает прежде всего общая для обоих текстов последовательность событий: возникновение неба и небесных тел, отделение воды от земли, сотворение человека на шестой день, а также отдых бога в Библии и совместный пир вавилонских богов в тексте «Энума злиш» на седьмой день. Ученые справедливо считают, что текст книги Бытие (гл. 3, ст. 5): «...и вы будете, как боги, знать

добро и зло», как и некоторые другие тексты, имеют смысл политеистический. Очевидно, иудейские редакторы проявили здесь невнимание, и в библейских текстах сохранились следы древних политеистических воззрений. В главе шестой той же книги (ст. 2) упоминаются «сыны божии», а именно такое определение дает вавилонский миф взбунтовавшимся богам, поскольку они действительно были сыновьями бога Абзу и богини Тиамат.

В течение долгого времени исследователи ломали головы над вторым стихом первой главы книги Бытие, в которой говорится о духе божьем, а по сути дела — о живительном дыхании бога, носившемся над водою. Этот стих толковали по-разному, иногда совершенно фантастически, пока в развалинах финикийского города Угарита (близ нынешнего Рас-Шамра, в Сирии) не нашли клинописные таблички, представляющие собой сборник мифологических поэм. В космогоническом мифе ученые наткнулись на текст, согласно которому бог сидел на воде, как птица на яйцах, и высидел

Вавилонская башня. Реконструкция по раскопкам в Вавилоне.

из хаоса жизнь. Несомненно, библейский дух божий, носящийся над водой, является отголоском этого угаритского мифа.

Библейская история сотворения мира безусловно возникла в тиши жреческого уединения и в качестве интеллектуальной концепции теологов не снискала популярности в широких кругах еврейского народа. На воображение простых людей, вероятно, больше действовали драматические мифы о героических схватках богов с гигантским чудищем хаоса. В текстах Ветхого завета сохранились явственные следы этих народных поверий. В угаритской поэме бог Ваал одерживает победу над семиглавым драконом Левиафаном. В Книге пророка Исаии (гл. 27, ст. 1) мы дословно читаем: «В тот день поразит господь мечом своим тяжелым, и большим и крепким, левиафана, змея прямо бегущего, и левиафана, змея изгибающегося, и убьет чудовище морское». Чудовище выступает также под названием Раав. О конфликте Яхве с Раавом упоминают Книга Иова, один из псалмов, а также Книга Исаии.

Мы находимся в выгодном положении: можем проследить, какой путь проделал в истории месопотамский миф о борьбе богов с чудовищем. Во времена шумеров победоносным богом, одолевшим дракона, считался Энлиль. Когда Месопотамию завоевал аккадский царь Хаммурапи, победителем чудовища стал бог Мардук. Прошли века, гегемонию над Междуречьем захватили ассирийцы, и тогда звание высшего божества в государстве получил Ашшур. Ассирийские писатели вымарали на клинописных табличках имя Мардука и вместо него вписали имя своего собственного бога, бога своего племени — Ашшура. Сделали они это, однако, неаккуратно и в некоторых местах текста пропустили имя Мардука. Затем миф дошел до Палестины, где евреи заставили Яхве бороться с чудовищем Левиафаном, или Раавом. По мнению некоторых ученых, этот миф пробрался даже в христианскую религию в форме легенды о святом Георгии, убивающем дракона.

В связи с библейским сказанием о сотворении мира стоит под конец в качестве любопытной подробности привести факт, чрезвычайно характерный для людей, которые видели в Ветхом завете альфу и омегу любого человеческого знания. В 1654 году архиепископ Ушер из Ирландии заявил, что из внимательного изучения «священного писания» вытекает, что бог сотворил мир в 4004 году до н. э. В течение целого века дату эту помещали во всех очередных изданиях Библии, а того, кто

подвергал ее сомнению, считали еретиком.

Против архиепископа Ушера, однако, выступил епископ Лайтфут, упрекавший его в недостаточной точности при вычислениях. По мнению этого епископа, мир возник не просто в 4004 году до н. э., а 23 октября 4004 года до н. э. в 9 часов утра.

Что касается рая, то он тоже является творением шумерской фантазии. В мифе о боге Энки рай изображен как сад, полный плодовых деревьев, где люди и звери живут в мире и согласии, не зная страданий и болезней. Расположен он в местности Дильнум, в Персии. Библейский рай, несомненно, расположен в Месопотамии, ибо в нем берут начало четыре реки, из которых две — это Евфрат и Тигр.

В обоих мифах есть поразительные совпадения. В нашу задачу не входит разбор мелких подробностей, однако следует подчеркнуть, что и в первом и во втором сказании содержится идея грехопадения человека. В Библии змей соблазняет Адама и Еву отведать плодов с дерева познания добра и зла, в месопотамском мифе коварным советником людей является бог Эа. Обе версии выражают мысль, что познание зла и добра, то есть мудрость, ставит человека на равную ногу с богами и дает ему бессмертие. Вспомним, что в раю наряду с деревом познания добра и зла росло еще дерево жизни, дающее бессмертие. Бог изгнал Адама и Еву не только за непослушание, но также из опасения, что они потянутся за плодом дерева жизни и, подобно богу, обретут бессмертие. В третьей главе книги Бытие (ст. 22) мы читаем: «И сказал господь бог: вот, Адам стал как один из нас (здесь снова остаток политеизма), зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно».

До известной степени проясняется также происхождение библейского змея-искусителя. Шумерский герой Гильгамеш отправился на райский остров, где жил любимец богов Утнапиштим, чтобы получить от него растение жизни. Когда он возвращался через реку, один из богов, не желая, чтобы человек получил бессмертие и стал равен богам, принял облик змея и, вынырнув из воды, вырвал у Гильгамеша волшебное растение. Кстати говоря, в этой шумерской легенде следует, по всей вероятности, искать объяснения, почему со времен Авраама на протяжении многих веков евреи изображали Яхве в виде змея. Только жрецы в иконоборческой ярости уничтожили эти символы, клеймя их, как проявление идолопоклонства.

Археологи нашли в руинах одного из месопотамских городов аккадскую печать с выгравированной сценой, которая предположительно иллюстрирует прототип сказания об Адаме и Еве. Мы видим на этой резьбе дерево со змеем, а по обеим сторонам две фигуры: мужчину с рогами и женщину. Следует честно признать, что контуры фигур сильно стерты и потому трудноразличимы, а посему некоторые исследователи выразили сомнение в том, имеет ли печать что-либо общее с мифом о первом человеке. Однако поскольку им не удалось найти другого, более убедительного, объяснения сценки, то, пожалуй, побеждает взгляд, что действительно найдено доказательство существования уже в Месопотамии мифа об Адаме и Еве.

С незапамятных времен людей интриговало то обстоятельство, что бог сотворил Еву таким своеобразным способом, а именно из ребра Адама. У бога ведь было вдоволь глины, из которой он мог бы вылепить и женщину, как вылепил мужчину. Клинописные таблички, выкопанные в развалинах Вавилона, дали прямо-таки сенсационное разъяснение этой загадки. Оказывается, вся эта история основана на весьма забавном недоразумении. А именно: в шумерском мифе у бога Энки болело ребро. На шумерском языке слову «ребро» соответствует слово «ти». Богиня, которую позвали, чтобы она вылечила ребро у бога Энки, зовется Нинти, то есть «женщина от ребра». Но «нинти» означает также «дать жизнь». Таким образом, Нинти может в равной мере означать «женщина от ребра» и «женщина, дающая жизнь».

И здесь именно коренится источник недоразумения. Древнееврейские племена заменили Нинти Евой, поскольку Ева была для них легендарной праматерью человечества, то есть «женщиной, дающей жизнь». Однако второе значение Нинти («женщина от ребра») как-то сохранилось в памяти евреев. В связи с этим в народных сказаниях получился конфуз. Еще с месопотамских времен запомнилось, что есть что-то общее между Евой и ребром, и благодаря этому родилась странная версия, будто Ева сотворена из ребра Адама. Здесь перед нами еще одно доказательство того, как много древние евреи позаимствовали в своих легендах у народов Месопотамии[1].

---

[1] В связи с Адамом стоит привести очень забавный инцидент, который произошел несколько лет тому назад в конгрессе Соединенных Штатов. В официальной брошюрке «Расы человечества» художник изобразил Адама с пупком. Это вызвало интерпелляцию конгрессмена из Северной Каролины Чарлза Т. Дергема. Он заклеймил рисунок как одно из прояв-

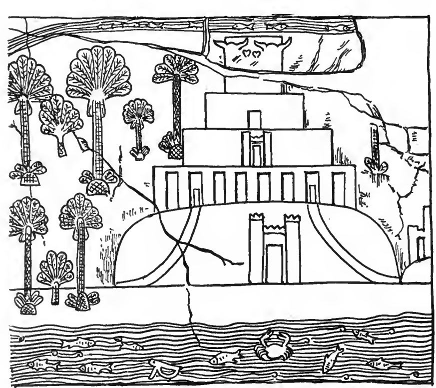
Зато легенда о Каине и Авеле, кажется, порождена исключительно древнееврейской фантазией. Древнееврейские племена пытались в этой легенде объяснить себе, почему их добрый отец Яхве обрек род людской на постоянный тяжелый труд, страдания и болезни. У части исследователей сложилось мнение, что эта легенда помимо всего является отголоском конфликтов, возникавших в глубокой древности между кочевыми скотоводческими народами и населением, которое начало вести оседлый образ жизни и посвятило себя земледелию. Древние евреи были в те времена скотоводами, поэтому Авель, пастырь овец, стал в их сказании любимцем Яхве и невинной жертвой земледельца Каина. Кстати, стоит отметить, что в истории развития человечества было как раз наоборот: именно кочевые племена нападали на миролюбиво настроенных земледельцев. Такая пристрастность в библейской легенде, во всяком случае, знаменательна, ибо она свидетельствует о том, что сказание о Каине и Авеле возникло в очень отдаленную эпоху, когда древние евреи еще вели кочевой образ жизни. В период, когда они уже осели в Ханаане и сами вынуждены были защищаться от нападений воинственных племен пустыни, легенда стала как бы анахронизмом, однако она продолжала существовать в качестве почитаемого наследия, доставшегося от предков-скотоводов.

лений ширящейся коммунистической пропаганды, поскольку у Адама, которого бог вылепил из глины, не было матери и поэтому он не мог иметь пупка. В ходе бурной дискуссии ревностного поклонника Библии умиротворили тем фактом, что в Ватикане находится картина Микеланджело, на которой Адам тоже изображен с пупком.

В семидесятые годы минувшего века огромное впечатление произвело открытие, касающееся библейского потопа.

В один прекрасный день скромный работник Британского музея в Лондоне Джордж Смит приступил к расшифровке табличек с клинописью, присланных из Ниневии и сложенных в подвале музея. К своему удивлению, он наткнулся на древнейшую поэму человечества, описывающую подвиги и приключения Гильгамеша, легендарного героя шумеров. Однажды, разбирая таблички, Смит буквально не поверил глазам своим, ибо на некоторых табличках он нашел фрагменты сказания о потопе, поразительно похожие на библейский вариант. Едва он их опубликовал, как поднялась буря протеста со стороны ханжей викторианской Англии, для которых Библия была священной, богодухновенной книгой. Они не могли примириться с мыслью, что история Ноя —

это миф, заимствованный у шумеров. То, что прочитал Смит, по их мнению, скорее указывало на случайное совпадение деталей. Спор этот могла бы окончательно разрешить лишь находка недостающих клинописных табличек, что, однако, представлялось весьма маловероятным. Но Джордж Смит не складывал оружия. Он лично отправился в Месопотамию и — о чудо! — в гигантских руинах Ниневии нашел недостающие фрагменты сказания, которые полностью подтвердили его предположение. Об этом свидетельствовали такие идентичные подробности, как эпизоды с выпущенными на свободу вороном и голубем, описание горы, к которой пристал ковчег, длительность потопа, а также мораль сказания: наказание человечества за грехи и спасение благоче-

Зиккурат в Ниневии. Ассирийский барельеф VII в. до н. э.

стивого человека. Разумеется, есть и различия. Шумерский Ной зовется Утнапиштим, в шумерском мифе действует множество богов, наделенных всеми человеческими слабостями, а в Библии потоп навлекает на род человеческий Яхве, творец мира, изображенный во всем величии своего могущества. Переделка мифа в монотеистическом духе, наверно, относится к более позднему времени, а своему окончательному религиозно-этическому углублению она обязана, по-видимому, редакторам из жреческих кругов.

Опытный историк знает, что очень часто легенды — это опоэтизированная история и что нередко в них содержится историческая правда.

Поэтому возник вопрос, не является ли сказание о потопе отголоском стихийной катастрофы давно минувших времен, которая глубоко врезалась в память многих поколений. Вопрос этот с блеском разрешил великий английский археолог Леонард Вулли, открывший Ур. В гигантской мусорной свалке, которая в течение тысячелетий скапливалась под стенами шумерской столицы, он прорыл шахту и на глубине четырнадцати метров обнаружил гробницы шумерских царей начала третьего тысячелетия до н. э., содержащие огромные сокровища и человеческие останки.

Но Вулли решил обязательно выяснить, что скрывается под этим местом захоронения. Когда рабочие по его указанию прошли следующий пласт, они наткнулись на речной ил, в котором не было никаких следов человеческого существования. Неужели рабочие добрались до напластований почвы, относящихся к тому периоду, когда в Месопотамии еще не было человеческих поселений? На основании триангуляционных расчетов Вулли пришел к выводу, что он еще не достиг девственной почвы, поскольку ил лежал выше окружающего его пласта и образовывал отчетливо выраженное возвышение. Дальнейшие раскопки кладбища принесли замечательное открытие. Под слоем ила толщиной в три метра появились новые следы поселений: кирпичи, мусор, пепел от костров, осколки керамики. Как форма, так и орнамент черепков гончарных изделий свидетельствовали, что они относятся к совершенно другой культуре, чем те, которые были обнаружены над слоем речного ила. Расположение пластов можно было объяснить только следующим образом: какое-то грандиозное наводнение уничтожило неизвестные нам человеческие поселения неведомой давности, а когда вода отступила, пришли другие люди и наново заселили Месопотамию. Это были шумеры,

создавшие самую древнюю из известных нам цивилизаций мира.

Для того чтобы могли нагромоздиться почти три метра ила, вода в том месте должна была в течение очень долгого времени стоять на высоте без малого восемь метров. Подсчитано, что при таком уровне воды вся Месопотамия могла стать жертвой разбушевавшейся стихии. Значит, здесь произошла катастрофа в масштабе, редко встречающемся в истории, и тем не менее катастрофа все-таки локального характера. Но в представлении жителей Передней Азии пространство, захваченное катастрофой, составляло весь мир, и для них наводнение было всемирным потопом, которым боги покарали грешное человечество. Сказания о катастрофе переходили из века в век — от шумеров к аккадцам и вавилонянам. Из Месопотамии сказания эти перекочевали в Ханаан, здесь древние евреи переделали их на свой лад и свою версию запечатлели в Ветхом завете.

Во всех городах на берегах Евфрата и Тигра возводились странные по форме сооружения огромной высоты. Они складывались из кубических или округлых глыб, нагроможденных друг на друга ярусами, сужающимися кверху, наподобие ступенчатых пирамид. На срезанной верхушке обычно находилось небольшое святилище, посвященное местному божеству. К нему вела трехмаршевая каменная лестница. Во время богослужения по лестнице под хоровое пение и звуки музыкальных инструментов проходила процессия жрецов в белых одеждах.

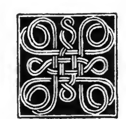
Самая знаменитая из этих пирамид, называемых зиккуратами, находилась в великолепной столице страны Вавилоне. Археологи раскопали ее фундамент и нижнюю часть стен. Мы точно знаем, каков был ее архитектурный облик, потому что помимо ее описаний на клинописных табличках найдено ее изображение. Пирамида состояла из семи ярусов, и высота ее равнялась девяноста метрам.

Возник вопрос: не была ли вавилонская пирамида прообразом библейской Вавилонской башни? Известный французский ученый Андре Парро посвятил этой проблеме целую книгу и на основе ряда доказательств пришел к убеждению, что вопрос этот не вызывает ни малейших сомнений. Здесь трудно привести всю его довольно сложную и обстоятельную аргументацию. Ограничимся наиболее существенными доказательствами. Согласно библейскому сказанию, в те времена, когда на земле еще существовал один язык, люди строили Вавилонскую башню в стране Сенна-

ар, которую некоторые ученые отождествляют с Шумером. Строительный материал, которым они пользовались,— обожженный кирпич и речная глина в качестве цемента — в точности соответствует строительному материалу вавилонской пирамиды.

В книге Бытие (гл. 11, ст. 7) мы читаем: «...смешаем там языки их, так чтобы один не понимал речи другого». Почему же евреи считали Вавилонскую башню символом человеческого тщеславия и почему, по их мнению, именно здесь Яхве смешал языки потомков Ноя? Прежде всего следует сказать, что название столицы «Вавилон» означает на вавилонском языке «врата божьи» (баб-илу), а на древнееврейском языке сходно звучащее слово «балал» означает процесс смешения. В результате звукового сходства обоих слов Вавилон легко мог стать символом языкового хаоса в мире, тем более что был многоязычным городом. Не нужно также удивляться тому, что евреи видели в Вавилоне и его пирамиде олицетворение дерзости и греховности по отношению к богу. Вавилонские цари построили пирамиду, используя труд рабов и военнопленных, согнанных из разных стран света. В VII веке до н. э. вавилонский царь Набополассар приступил к реставрации древней башни и, между прочим, приказал выбить на ее стене следующую фразу: «Людей многих национальностей я заставил работать над восстановлением этой башни».

Среди рабов, участвовавших в реставрации башни, наверное, были и евреи. В их памяти сохранилось тяжелое вавилонское пленение, и эти горькие воспоминания нашли отражение в сказании о Вавилонской башне. Как мы увидим дальше, тема Вавилонской башни прозвучит в Библии еще раз, когда речь пойдет об ангельской лестнице, которая приснилась Иакову, внуку Авраама. Однако с периода вавилонского пленения тогда уже прошло много времени. Новые поколения, родившиеся в Ханаане, почти полностью забыли об обидах, которые причинили их предкам вавилонские цари. Правда, образ пирамиды не стерся в их памяти, он приобрел только совершенно другое значение: стал лестницей, символизирующей союз человека с богом.

АВРААМ,
ИСААК И ИАКОВ

ЕМЬЯ АВРАМА ЖИВЕТ В УРЕ. У Фарры было три сына: Аран, Аврам и Нахор. Самый старший, Аран, умер рано, оставив только одного сына, Лота. Аврам взял в жены свою сводную сестру, Сару, а она оказалась бесплодной. Фарра был очень богат *. Он жил в прекрасном доме, имел много слуг, рабов, сотни баранов, золото и серебро, а также сыновей, которые помогали ему в работе, присматривая за слугами, пасущими скот на пригородных пастбищах. Кроме того, Фарра, давно расставшись с жизнью кочевника-скотовода, занимался торговлей. Итак, он был уважаемым патрицием знаменитого Ура Халдейского, как его называет Библия.

Отсутствие в Библии каких-либо сведений об этом городе мы восполним тем, что нам известно из археологии и истории. Столица древнего Шумера к тому времени существовала уже более тысячелетия. На ее узких, извилистых, немощеных улочках всегда было шумно и людно. Сквозь пеструю толпу с трудом пробивались караваны навьюченных ослов или отряды царской стражи. Только когда на улице появлялись торжественные фигуры жрецов в белых полотняных одеждах, люди почтительно расступались. Высоко над крышами города поднималась конусообразная пирамида со святилищем бога луны Наннар Син на вершине. Это была одна из пирамид-зиккуратов, славившихся не только на берегах Тигра и Евфрата, но даже в далеком Египте, а там ведь уже давным-давно были построены фараоновы пирамиды, причисленные к чудесам света. Окрестности Ура походили в ту пору на цветущий сад. Среди сети искусственных больших и малых каналов, по которым живительной влагой растекались ленивые волны Евфрата, купались в солнечных лучах квадраты полей, засеянных ячменем и овощами, оливковые и финиковые рощи, сочные, тучные луга. Всюду мелькали полунагие загорелые тела крестьян и рабов, занятых на полевых работах. По Евфрату двигались тяжелые баржи, груженные товарами. У ворот и стен города располагались странствующие купцы и кочевники со своими стадами, уставшими от долгого пути.

АРРА РЕШАЕТ ПЕРЕСЕЛИТЬСЯ В ХАРРАН. Отчий дом Фарры стоял в городе у самой крепостной стены. Двухэтажный, кирпичный, побеленный известью, он имел внушительный вид, как и подобает жилищу свободного гражданина Ура. Маленькие сени за входной дверью, где гость мог в водоеме ополоснуть ноги и руки, вели на мощеный двор, полный воздуха и света. По каменной лестнице поднимались наверх — там

были расположены отдельные комнаты, соединенные снаружи галереей, покоившейся на четырех столбах. По покатой крыше, навнсавшей над галереей, дождевая вода свободно стекала во двор, а оттуда по каналу — на улицу. За лестничной клеткой были расположены: терракотовый туалет, кухня, кладовая, баня и помещение, в котором рабыни растирали жерновами зерно на муку. На первом этаже находилась молельня со статуей семейного божества. Под ее каменными плитами хоронили в глиняных гробах умерших членов рода.

Фарра занимался хозяйством, отдавал распоряжения, вел счета и торговал. Ежедневно утром и вечером он клал поклоны домашнему божеству, а в праздники отправлялся к подножию пирамиды и страстно молился богу луны, в то время как жрецы в великолепных одеждах шествовали вверх и вниз по лестнице под серебристые звуки труб и пение хора. Казалось, Фарра так и доживет свой век в достатке и спокойствии. Ведь он достиг уже весьма преклонного возраста и нажил солидное состояние. Однако же в один прекрасный день Фарра решил запереть свое жилище, отказаться от удобств, навсегда покинуть родной город и направиться в далекий городок Харран, в бассейне верхнего Евфрата, на берегу его притока Нар-Бали.

Первыми путешественниками и посредниками в торговле были в древности кочевники-скотоводы, которые перегоняли стада с пастбища на пастбище и забирались в своих скитаниях очень далеко. Сначала они просто обменивали свои изделия — кожу, ткани из козьей шерсти, жиры, масло, молоко и мясо — на товары, которых сами не производили. Со временем они обнаружили, что могут получать прибыль, покупая товары в одном городе и продавая их дороже в другом. Такой торговле способствовало то, что кочевники все время были в пути, и оседлое население городов и деревень охотно пользовалось их услугами.

Фарра именно таким образом сколотил свое состояние. Потом, однако, он пришел к выводу, что ему выгоднее расстаться с кочевой жизнью, поселиться в Уре и заниматься посредничеством между кочевыми племенами и их покупателями. От этих странствующих купцов и скотоводов Фарра узнал много интересного о городке Харране и его окрестностях. Харран был расположен на одном из самых оживленных торговых путей того времени. Этот протоптанный караванами путь вел от Персидского залива вверх по Евфрату, в районе Харрана круто сворачивая на юго-запад, проходил мимо городов Кадеша и Дамаска, пересекал Ханаан вдоль средиземноморского побережья и подходил к границам Египта. Это был очень длинный, кружной путь. Почему практичные купцы де-

дали крюк в сотни километров вместо того, чтобы направляться из Ура прямо на запад, в Ханаан? Потому, что иначе им пришлось бы идти через ужасную, безводную Сирийскую пустыню. На это можно было решиться, только имея верблюдов, но верблюды в ту пору еще не были приручены; лишь в XII веке до н. э. ими стали пользоваться в качестве вьючных животных. Приручили их бедуины в далекой Аравии — таинственной стране, поздно вступившей на арену истории.

Фарра знал, должно быть, что земли в районе Харрана чрезвычайно плодородны, что там есть фруктовые сады, пашни, обширные луга. Он знал, что там нет недостатка в воде, ибо Евфрат и Нар-Бали поят землю и никогда не подводят земледельцев. К тому же — и это, пожалуй, было важнее всего — Харран стал своеобразной международной ярмаркой. Купеческие караваны останавливались там и обменивали ценные товары, привезенные из Месопотамии и Египта. Итак, Фарра мог там успешно заниматься торговлей, не отказываясь в то же время от традиционного в его роду скотоводства.

В Уре между тем обстановка осложнялась. Могущественный вавилонский царь и великий законодатель Хаммурапи старался навязать покоренным народам единую общегосударственную религию. С этой целью он возносил бога своего племени Мардука, ставя его выше всех других богов Месопотамии. Не подчинявшиеся ему города он карал огнем и мечом, а жителей обрекал на рабский труд. Ревностным приверженцам бога луны, к числу которых принадлежал и Фарра, не оставалось ничего иного, как переселиться туда, куда не простиралась рука венценосного преследователя. Таким образом, в Харране собралась многочисленная колония эмигрантов. Они воздвигли там величественный храм, и Харран стал вторым после Ура центром культа бога Син. Среди далеких единоверцев у Фарры было много знакомых, друзей и близких родственников. Не удивительно, что он всей душой рвался в эти новые, незнакомые края.

АРРА, НАХОР И АВРАМ НА НОВОЙ РОДИНЕ *.

Семье Фарры хорошо жилось в Харране. Глава рода по-прежнему занимался торговлей, а сыновьям он поручил скот, который пасся на пригородных лугах. Места там были удивительно красивые и благодатные. Городок, застроенный куполообразными домишками, сверкавшими на солнце ослепительной белизной, раскинулся среди зелени холмов. Днем и ночью журчали там источающие свежесть ручьи, а луга и склоны гор были

усеяны цветами. На западе под солнечным небом маячил вдали горный хребет Антитавр.

Аврам, следя за порученными ему стадами, часто проводил вместе с пастухами ночи у костра. Ночи были изумительно прохладные, благостно тихие, располагающие к раздумьям. Аврам часами наблюдал за звездами, изучал их путь на небосклоне, похожем на черный балдахин, и все глубже постигал необъятность мира, его величие, красоту и гармонию. В сердце его зарождалось смятение: вера в бога луны становилась все более шаткой. И вот однажды его осенила мысль, что создателем вселенной, солнца, луны и звезд мог быть только единый бог *, могущественный, вездесущий, невидимый, милостивый, но вместе с тем неумолимый в гневе. Аврам не скрывал своей новой веры. Он открыто проповедовал ее в городе.

Вокруг реформатора религии собралась горстка верных и преданных людей. К приверженцам нового божества примкнули жена Аврама, Сара, его племянник Лот, и слуги, к которым он был всегда добр. Жители Харрана, пламенные почитатели бога Син, отвернулись от Аврама, как от отщепенца. Маленькая община новой религии, окруженная стеной недружелюбия, жила собственной жизнью. Строгий, пуританский нравственный кодекс сектантов, возврат к простоте быта предков-кочевников, их жертвоприношения в честь какого-то незнакомого, неопределенного божества — все это вызывало со стороны почитателей бога Син неприязнь и осуждение. Даже Фарра и Нахор не скупились на упреки в адрес Аврама, особенно возмущаясь тем, что он смутил своим кощунственным учением молоденького Лота. Однако у народов Востока семейные узы очень крепки, и, пока Фарра был жив, в доме ничего не изменилось. Все по-прежнему помогали друг другу в работе, в семье царили мир и согласие.

Но пришел день, когда Фарра расстался с жизнью. Согласно преданию, ему было тогда двести пять лет. Аврам и Нахор честно поделили оставленное отцом большое состояние, семья распалась на две ветви. Отныне Аврама ничто больше не связывало с городом, где он испытал столько оскорблений и обид. Ему шел уже семьдесят пятый год, но тем не менее его манила кочевая жизнь предков, вольные просторы, черные шатры из козьей шерсти, широкое дыхание свободы; там он сможет беспрепятственно молиться своему богу и приносить ему жертвы на каменных алтарях; там он сможет учить своих людей чистоте нравов и оберегать их от соблазнов городской жизни.

УТЬ В СТРАНУ ХАНААН. И вот однажды Аврам приказал собираться в путь *. Он решил направиться в землю Ханаанскую, о которой рассказывали, что она мало населена, что там хорошие пастбища, а кроме того, там можно заняться торговлей, поскольку вдоль всей страны идут купеческие караваны в Египет. Туда направилось уже не одно семитское скотоводческое племя в поисках лучших условий жизни. В странах Тигра и Евфрата становилось все теснее, а беспрестанные войны, растущие налоги и произвол администрации отравляли жизнь населению. Скотоводы и купцы постоянно рассказывали о Ханаане, и не удивительно, что эта далекая страна показалась Авраму землей обетованной.

Караван, вышедший из Харрана, свидетельствовал о богатстве его владельца. Во главе, верхом на больших и крепких ослах, ехали Аврам, Сара и Лот. За ними следовала сотня ослов, навьюченных продовольствием, бурдюками с водой, шатрами, тюками с утварью и одеждой. Далее пастухи гнали стада коз и овец, а замыкала шествие личная гвардия Аврама — триста рабов, вооруженных луками и пращами. Дороги в то время были небезопасными; в пустыне на караван могли напасть разбойники, и ни один из купцов или шейхов племен не рисковал отправляться в путь без вооруженного отряда.

До земли Ханаанской было больше тысячи километров, но путники не жаловались на скуку. На трассе царило оживленное движение. Часто попадались навстречу караваны, возвращавшиеся из Египта, и бородатые купцы рассказывали много интересного о Ханаане и великом царстве фараонов. Кроме того, караван Аврама пересекал селения и городки, а однажды прошел мимо большого города под названием Кадеш.

Наконец, после многих недель странствия путники с радостью увидели перед собой знаменитый Дамаск. Аврам решил остановиться там, чтобы предоставить людям и животным заслуженный отдых. Он приказал раскинуть шатры в поле, у городских ворот, а сам поспешил с дарами к местному правителю — просить его о гостеприимстве. Жители Дамаска с огромным любопытством рассматривали людей Аврама. Зрелище и в самом деле было занятное. У черных шатров хлопотали мужчины и женщины, бегали ребятишки. Их одежда была совершенно непохожей на белые бурнусы бедуинов — жителей близлежащей пустыни. Мужчины носили на бедрах красные с голубым полосатые юбки. В холодные дни они надевали на голое тело рубашки с короткими рукавами и набрасывали на плечи пестрые плащи, которые ночью заменяли им одеяла. Излюбленным цветом женщин был зеленый — именно он преобла-

дал в их одежде. Под длинными плащами женщины носили яркие туники. Голову они закутывали, наподобие чалмы, очень длинной, яркой шалью, концы которой спускались на спину до самого края плаща. Они были кокетливы и не пренебрегали украшениями. Чернили волосы антимонием, подкрашивали веки малахитом и растертой в порошок бирюзой, а губы и щеки мазали красной охрой. На руках и ногах у них блестели серебряные браслеты, а на шее — ожерелья из разноцветного бисера. Когда наступали сумерки, пришельцы из далекого Харрана усаживались у костра и под аккомпанемент маленьких лир пели грустные, странно-трогательные песни. Дети, убаюканные пением, сладко засыпали на руках у матерей.

Аврам бегал по городу, отчаянно торговался и закупал вещи, нужные для дальнейшего путешествия. При этом он знакомился со многими людьми. Однажды он свел знакомство с молодым и очень смекалистым жителем Дамаска, Елиезером, и тот оказал ему множество услуг. Аврам взял его к себе, как сына, и поручал ему наиболее ответственную работу в своем хозяйстве.

НА ЗЕМЛЕ ОБЕТОВАННОЙ. Пришло время покинуть Дамаск. Люди Аврама неохотно расставались с городом, который так привлекал их своими шумными базарами и веселым гомоном толпы. Они по целым дням бродили в людской толчее и с любопытством глазели на товары, привезенные из дальних стран. Окрестности Дамаска тоже пришлись им по душе. Кругом простирались пахотные поля и луга, а на склонах пологих холмов раскинулись оливковые рощи и сады, деревья в которых сгибались под тяжестью абрикосов и миндаля.

Однако, невзирая на недовольство домочадцев, Аврам приказал трогаться в путь. Длинный караван навьюченных ослов и жалобно блеющего скота потянулся на юг. Спустя некоторое время путники попали в предгорные районы. Дорога поднималась все выше и выше. На границе Сирии и Ханаана они увидели перед собой слева бескрайнюю Сирийскую пустыню, а справа Хермон — мощный горный массив, откуда берет начало река Иордан.

Ханаан в те времена был еще полудикой, малонаселенной страной. В долинах, где земля была урожайной, встречались кое-где поселения, вернее, крепости, в которых жили местные правители и их вооруженные дружины. Остальное население жило вне крепостных стен, в шалашах и шатрах, занималось возделыванием полей и виноградников. Люди скрывались в крепости только в минуты опас-

ности, когда на них совершали набеги воинственные племена, рыскавшие по земле Ханаанской в поисках добычи.

Аврам обходил стороной долины и крупные поселения, выбирая пустынные возвышенности, где он мог свободно пасти свои стада. Никто не чинил ему никаких препятствий. Местные жители привыкли к караванам номадов, кочующих по стране в поисках пастбищ. Убедившись, что эти кочевники не питают враждебных намерений, они охотно вели с ними торговлю. К тому же разведчики донесли, что Аврама сопровождает вооруженный отряд в триста человек, и они предпочитали его не трогать.

После краткой стоянки в Сихеме Аврам раскинул шатры в районе Вефиля. На горе между Вефилем и Гаем он построил алтарь и приносил жертвы богу в благодарность за покровительство. Но тамошние пастбища истощились, и пришлось двинуться дальше; таков уж был удел скотоводов. Аврам кочевал теперь от пастбища к пастбищу через Хеврон и Беершебу и, наконец, пришел в Негев, южную часть Ханаана, граничившую с Египтом.

Земля Ханаанская, которую так расхваливали странствующие купцы, принесла Авраму, в сущности, один лишь разочарования. На возвышенностях, где он чувствовал себя свободно, пастбища были скудны, а деревьев росло мало, случалось, не хватало топлива и не на чем было готовить пищу. Воду и ту приходилось носить издалека. Вдобавок ко всему в Ханаане нередко бывала засуха. В частности, засуха настигла Аврама в Негеве. Пастбища выгорели дотла. Людям и животным угрожала голодная смерть. Доведенный до отчаяния, Аврам подошел к египетской границе и попросил гостеприимства у фараоновых чиновников *.

АК САРА СТАЛА ЖЕНОЙ ФАРАОНА. Египтяне привыкли к подобного рода гостям. Скотоводческие племена, застигнутые засухой, нередко искали у них пристанища. Им обычно предоставляли просторные, малоосвоенные пастбища в устье Нила. Совершавшие набеги разбойничьи племена натыкались на границе на крепостной вал, именуемый Княжеской стеной, на сторожевые башни и бдительную охрану; но мирным скотоводам египтяне обычно не отказывали в гостеприимстве. Конечно, чиновники фараона требовали за это определенной мзды; кроме того, иногда они забирали у кочевников красивых девушек и посылали их в гаремы вельмож или даже самого фараона. Аврам знал об этом. Приближаясь к египетской границе, он подозвал свою жену Сару и сказал: «Я знаю, что ты женщина прекрасная собою; когда египтяне увидят тебя, то скажут: это жена его, и убьют меня,

а тебя оставят в живых. Поэтому скажи, что ты мне сестра, чтобы мне было хорошо благодаря тебе и чтобы я из-за тебя не лишился жизни». Сара была покорной женой. Чтобы спасти мужа, она пошла на хитрость и выдала себя за его сестру. Кстати, это было не совсем ложью, так как она была сводиой сестрой Аврама. Вельможи рассказали фараону о красоте Сары, и он взял ее в свой гарем. Она так полюбилась ему, что он засыпал ее мнимого брата щедрыми дарами. У Аврама вскоре появился «мелкий и крупный скот, и ослы, и рабы, и рабыни, и лошаки, и верблюды».

Но на Египет вдруг обрушились ужасные бедствия, и фараон, доискиваясь причины гнева богов, узнал всю правду. Поняв, что он прогневал еврейского бога, взяв в гарем жену вождя племени, фараон позвал Аврама и спросил его с укором: «Что ты это сделал со мною? Для чего не сказал мне, что она жена твоя?» Аврам оправдывался как мог, но факт оставался фактом: обманув моиарха, он нанес ему тяжелое оскорбление. Однако, то ли фараон боялся сиова навлечь на себя гиев чужого бога, то ли он все еще любил Сару, во всяком случае, он не только простил Аврама, но разрешил ему покинуть пределы Египта, увозя с собой все имущество. Аврам вернулся в Ханаан с женою Сарой и с Лотом богаче, чем до прихода в Египет.

ЖАСНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ ЛОТА. Аврам вернулся в Вефиль, на то место, где он воздвиг когда-то жертвенник своему богу. Его племянник, Лот, женился и стал самостоятельно разводить скот. Вскоре оказалось, что двум все возрастающим стадам там слишком тесно. Между пастухами Аврама и Лота то и дело происходили споры, драки из-за пастбищ. Авраму надоели эти семейные дрязги, он позвал Лота и сказал: «Да не будет раздора между мною и тобою и между пастухами моими и пастухами твоими, ибо мы родственники. Не вся ли земля пред тобою? Отделись же от меня. Если ты налево, то я направо; а если ты направо, то я налево».

Аврам великодушно предоставил Лоту право выбора, и тот, не задумываясь, воспользовался им. Ему приглянулась долина на южном побережье Мертвого моря, где было много пастбищ, и он поселился в Содоме, хотя жители этого города славились своей нечестивостью.

Аврам же поселился в долине Мамре, близ Хеврона. Там в тени дубрав он раскинул шатры и воздвиг господу новый жертвенник. Однажды к Авраму прибежал гонец с грозиой вестью. В зеленой долине на южном побережье Мертвого моря, где Лот распо-

ложился со своими стадами, находились кроме Содома и Гоморры еще три города. Их правители были в порабощении у царя еламского и двенадцать лет покорно платили ему дань, а на тринадцатый год возмутились. Тогда царь еламский заключил союз с тремя другими царями на Евфрате, вместе с ними пошел войной против бунтовщиков и нанес им страшное поражение. Правители Содома и Гоморры погибли в бою, остальные бежали в горы. Победители с огромной добычей и множеством пленных уже возвращались к себе на родину. В числе других угнали Лота с семьей и всем имуществом. Аврам, не задумываясь, бросился выручать племянника. Во главе трехсот восемнадцати вооруженных слуг и дружественных ему соседей он кинулся в погоню за неприятелем, невзирая на его огромное численное превосходство.

Войска месопотамских царей стали лагерем близ местности Дан, у северной границы Ханаана. В разноплеменных и разноязычных отрядах царили беспорядок и беспечность. Опьяненные победой и трофейным вином, солдаты улеглись спать, не выставив ночной стражи. Аврам, поделив своих людей на маленькие отряды, напал ночью на лагерь с разных сторон одновременно, застиг неприятеля врасплох и вызвал такую панику, что все обратились в бегство. Аврам преследовал врага до самого Дамаска и вернулся победителем в землю Ханаанскую, приведя обратно Лота и других освобожденных пленных и вернув им все награбленное захватчиками имущество.

Новый царь Содома и цари остальных четырех городов встретили его как избавителя. Навстречу ему с хлебом и вином вышел также Мелхиседек, царь и верховный жрец салимский[1]; Мелхиседек благословил Аврама от имени Яхве, бога всевышнего, которому он поклонялся, так же как и Аврам.

Аврам пожертвовал богу десятую долю добычи, а когда царь содомский попросил его вернуть только людей, а добычу оставить себе, он ответил гордо: «Поднимаю руку мою к господу богу всевышнему, владыке неба и земли, что даже нитки и ремня от обуви не возьму из всего твоего, чтобы ты не сказал: я обогатил Аврама». Он настоял лишь на том, чтобы долю добычи получили вожди дружественных племен — Анер, Эшкол и Мамрий, которые ходили вместе с ним в поход.

---

[1] Существует предположение, что Салим — это Иерусалим.

ВРАМ ЗАБОТИТСЯ О ПОТОМСТВЕ*. Аврама все время терзали сомиения. Ои услышал во сне голос бога*, и бог заверил его, что земля Ханааиская станет родииой его потомков. А между тем у Аврама ие было сына. Было похоже, что его единственым наследником останется Елиезер нз Дамаска. Аврам, правда, усыновил его, но все же это был слуга и человек чужой кровн. Видя, как страдает ее муж, бездетная Сара сжалилась над ннм н решнла воспользоваться старииным обычаем предков. Обычай этот позволял бесплодной жене привестн мужу наложницу; сын, рожденный от такого союза, признавался законным наследником со всемн правамн первородства. Выбор Сары пал на египетскую рабыию Агарь. И действительно, к радости Аврама, египтянка зачала. Вскоре, однако, в доме началнсь раздоры. Агарь безудержно хвастала своей беремениостью и вела себя все более дерзко. Сара, терзаясь завнстью н беспокоясь о своем положении в семье, накннулась на Аврама с упреками, твердя, что он во всем виноват. Аврам вздохнул и, не желая вмешнваться в женские склоки, сказал: «Служанка твоя в твоих руках — делай с иею, что тебе угодно». Сара продолжала прнтеснять рабыню, и та ушла из дому.

Агарь, заливаясь слезамн, пошла куда глаза глядят. Она блуждала в пустыне и, не нмея прнстаннща, заснула под открытым иебом у колодца. Там ей явился ангел и спросил: «Агарь, служанка Сарина! Откуда ты пришла и куда идешь?» Она ответила: «Я бегу от лица Сары, госпожи моей». Тогда ангел сказал: «Возвратись к госпоже своей и покорись ей». Агарь устала скитаться н сразу же послушалась ангела. Она вериулась домой и покаялась перед своей госпожой. Вскоре она роднла сына, которому дали имя Измаил.

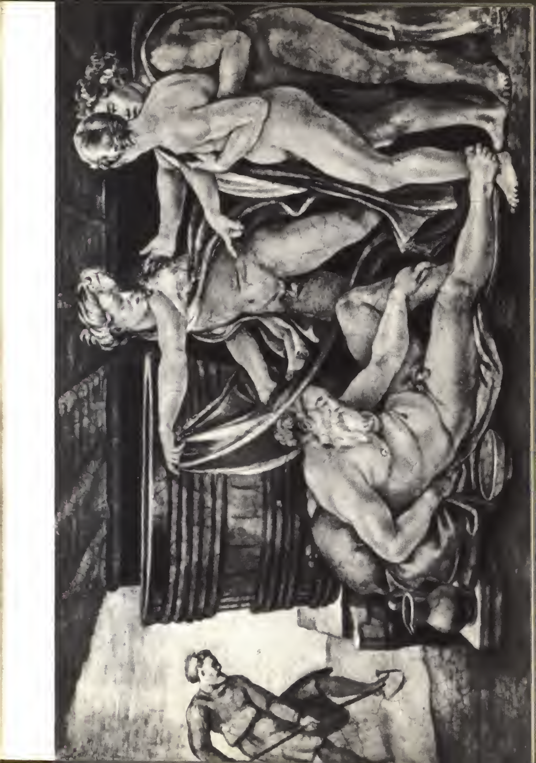

ВРАМ СТАНОВИТСЯ АВРААМОМ. С тех пор прошло тринадцать лет. Авраму исполнилось уже девяносто девять лет; его сын Измаил вырос и стал своеиравным, непокорным подростком. Однажды бог велел Авраму сплотить своих подданных в еднный народ н единую религиозную общину. В связн с этим он прнказал, чтобы все мужчнны и мальчики, как свободные, так н рабы, подверглнсь обрезанию в знак союза, заключенного с богом. Он установил также на вечные времена обряд обрезання для всех детей мужского пола на восьмой день жизни. Кто не захочет выполнить обряд, перестанет считаться членом племени.

Аврам, которому когда-то дали имя в честь одиого из миогочисленных месопотамскнх богов, решил изменить его в знак отказа от языческого прошлого н назвался Авраамом, что значит «отец

ALBERT9
DVRER
NORICVS
FACIEBAT
1504

множества народов». Одновремеино свою жену, Сару, он назвал Саррой, что соответствует титулу «ваше высочество». Акт изменення имен должен был также придать Авраму княжеское достоинство, уравнять в правах с соседними царями и вознести над людьми его племени.

РИХОД ТРЕХ ТАИНСТВЕННЫХ МУЖЕЙ. Это самовозвышение не изменило, однако, жизни Авраама. Он по-прежнему жил в шатре, блюдя простоту нравов, а для своих подданных оставался добрым и справедливым отцом. Однажды после работы Авраам сидел у входа в шатер. Разморенный жарой, убаюканный шелестом дубравы и жужжанием пчел, он задремал. Внезапно он услышал шаги и, очнувшись, увидел перед собой трех незнакомых странников. Следуя правилам гостеприимства, Авраам поклонился им и пригласил в свой шатер. Приказав подать гостям воды для умывания, он побежал к Сарре: «Поскорее замеси три саты лучшей муки и сделай пресные хлебы». Сам же он поспешил к стаду, заколол молоденького теленка и велел его зажарить. На холсте перед шатром рабыни расставили кувшины с молоком, подносы с маслом, мясом и хлебом. Авраам пригласил гостей поесть, но сам он, в знак уважения, не сел с ними, а стоял рядом, пододвигая им еду и питье.

Насытившись, гости спросили: «Где Сарра, жена твоя?» «Здесь, в шатре»,— отвечал Авраам. Тогда самый почтенный из путников сказал, что у Сарры родится сын. Сарра в шатре услышала эти слова, но, поскольку она была в очень преклонном возрасте, предсказание показалось ей невероятным. Она не могла удержаться от смеха, подумав: «Мне ли, когда я состарилась, иметь сие утешение? И господин мой стар». Таинственный гость услышал ее смех и спросил с укоризной: «Отчего это рассмеялась Сарра, подумав: — неужели я действительно могу родить, когда я состарилась? — Есть ли что трудное для господа?» Смущенная Сарра отрицала все, говорила, что не смеялась. Но гость настаивал: «Нет, ты рассмеялась».

Вскоре путники поднялись и пошли по направлению к Содому. Авраам проводил их немного и лишь тогда догадался, что принимал у себя бога Яхве и двух ангелов. Он узнал также, что бог идет в Содом и Гоморру, чтобы покарать их за нечестивость. Это показалось Аврааму несовместимым с понятием о справедливости. Он спросил у бога: если в Содоме найдется пятьдесят невинных, справедливо ли, чтобы они погибли вместе с грешниками? Бог ответил, что он пощадит город, если найдет там пятьдесят праведников. Однако и это не успокоило Авраама. Смиренно, подчеркивая, что

он есть прах и пепел перед господом, Авраам спросил, истребит ли Яхве город, если там окажется только сорок пять праведииков. «Не истреблю»,— ответил бог. Но Авраам ие остаиовился и иа этом. Он продолжал спрашивать, покарает ли Яхве город, обиаружив там сорок или тридцать, или даже двадцать праведииков. Бог каждый раз терпеливо отвечал, что в таком случае сдержит карающую десницу. Когда Авраам иазвал иакоиец десять праведииков, Яхве снова дал ему успокоительиый ответ и, прекратив этот затянувшийся разговор, ушел. Авраам же вериулся домой.

 ОДОМ И ГОМОРРА. Бог не пошел в Содом собствеииой персоной, а послал туда двух своих ангелов. Уже наступил вечер, когда небесиые посланцы встретили у городских ворот Лота. Племяиник Авраама поклонился и пригласил их к себе в дом. Они, как подобает путникам, знающим обхождеиие, вежливо отказывались, твердя, что предпочитают остаться иа улице. Лот, одиако, так настаивал, что они иаконец согласились воспользоваться его гостеприимством. Лот обрадовался, приказал рабыиям испечь пресные хлебы и приготовил угощеиие. Когда же путиики поели, он разложил им постель иа ночь. Но не успели оии улечься, как дом окружили жители Содома и с громкими криками требовали, чтобы им выдали подозрительных чужестраицев *. Лот считал своим священным долгом защитить гостей, находящихся под его кровом. Так повелевал закон гостеприимства, унаследоваииый им от отцов. Поэтому он вышел на улицу, предусмотрительио заперев за собой дверь, и умолял своих сограждаи не обижать пришельцев. «Вот, у меня двс дочери,— воскликнул ои в отчаяиии,— которые еще не познали мужа; лучше я выведу их к вам, делайте с ними, что вам угодно, только людям сим не делайте иичего худого, так как оии пришли под кров дома моего!»

Но толпа осталась глухой к мольбам Лота. Более того, его схватили и обязательно убили бы, если бы ангелы в последиюю миииуту ие втащили его обратио в дом. Тогда разъяреииая чернь пыталась выломать двери. Но аигелы потерялн терпеиие и поразили слепотой всех мужчин, бесчииствующих у дома. Содомляие пришлн в ужас. С плачем н проклятиями оин разбрелись по городу. У дома Лота восстаиовилось спокойствие, и тут ангелы признались хозяиину, кто они такие и с каким заданием пришли в Содом. Оии велели Лоту, захватив с собой жеиу и обеих дочерей с их женихами, иемедлеиио покииуть город, обречеииый иа гибель. Лот сразу поверил иезнакомцам, но вот появились его зятья, самоиадеяииые маловеры. Оии высмеяли предсказаиие гостей и заявили, что и ие

подумают покинуть родной город. На рассвете, когда пришла пора двинуться в путь, сомнения охватили и Лота. Он тянул время, канителился, пока наконец ангелы не взяли его под руки и насильно не увели из города. У ворот ангелы велели семье Лота идти в горы и предупредили, чтобы никто не смел оглядываться назад. Беженцы были уже в местечке Сигор, когда услышали позади себя оглушительный грохот. На Содом и Гоморру обрушился ливень серы и огня. Вся земля сотрясалась, а города обратились в груды дымящихся развалин. Никто из нечестивых горожан не спасся. Над Содомом и Гоморрой воцарилось молчание смерти. Увы, жена Лота нарушила запрет ангелов, оглянулась и тут же превратилась в соляной столб.

АК БЫЛ ОБМАНУТ ЦАРЬ АВИМЕЛЕХ. Авраам направился снова на юг Ханаана и раскинул шатры на лугах между городами Кадешом и Суром. Он часто навещал там герарского царя Авимелеха, с которым подружился. Авраам и здесь выдавал Сарру за свою сестру, и Авимелех взял ее в свой гарем. Но бог, грозя Авимелеху жестокой карой, велел вернуть Сарру мужу нетронутой. Авимелех, пораженный, призвал к себе Авраама и спросил с упреком: «Что ты с нами сделал? Чем я согрешил против тебя, что ты навел было на меня и царство мое великий грех?» Авраам смущенно оправдывался, говоря: «Я подумал, что нет на месте сем страха божия, и убьют меня за жену мою. Да она и подлинно сестра мне; она дочь отца моего, только не дочь матери моей; и сделалась моею женою. Когда бог повел меня странствовать из дома отца моего, то я сказал ей: сделай со мной сию милость, в какое ни придем мы место, везде говори обо мне: «это брат мой»».

Авимелех простил Аврааму обман, разрешил ему проживать в своем государстве и даже подарил множество овец, коров, рабов и рабынь. Кроме того, он выдал ему тысячу сребренников для Сарры, чтобы вознаградить ее за стыд, испытанный перед жителями Герара.

ОЖДЕНИЕ ИСААКА. Когда Аврааму исполнилось сто лет, сбылось обещание божье: Сарра родила сына. От счастья она смеялась по целым дням и призывала всех радоваться вместе с нею. Кормя младенца, она то и дело думала про себя: «Кто осмелился бы сказать Аврааму: «Сарра будет кормить детей грудью, а однако, я родила сына, несмотря на пре-

клонный возраст моего мужа». В память о радостном событии она дала ребенку имя Исаак, близкое по звучанию древнееврейскому слову «смеяться». Мальчик рос здоровым и через несколько лет уже резвился вместе со своим сводным братом Измаилом. Сарра наблюдала за этими играми с возрастающим беспокойством. Ее терзала мысль, что после смерти Авраама основная часть имущества достанется Измаилу, как первородному, Исаак же получит лишь жалкие крохи наследства. В ней росла неприязнь к египетской рабыне Агари и ее ребенку. В конце концов она решила навсегда избавиться от них и сказала Аврааму: «Выгони эту рабыню и сына ее; ибо не наследует сын рабыни сей с сыном моим Исааком». Авраам долго противился требованиям жены; он искренне привязался к молодой, красивой египтянке, к Измаилу же питал подлинно отцовскую любовь. Но вот в это дело вмешался бог и заявил, что именно Исаака, а не Измаила он решил сделать отцом поколений Авраамовых, и тогда Авраам с болью в сердце исполнил желание Сарры. Он дал несчастным изгнанникам хлеба и бурдюк с водой, расцеловал их и посоветовал идти в Египет, где у Агари была родня. Путь был долог и опасен. В пустыне у одиноких скитальцев кончилась вода, и им угрожала смерть от жажды. Агарь оставила Измаила под деревом и отошла на расстояние выстрела из лука, чтобы не видеть предсмертных мук сына. Она села на песке спиной к нему и горько заплакала. Но тут появился ангел божий, велел Агари позвать сына и отвел их обоих к колодцу, где они утолили жажду и наполнили водой пустые бурдюки. Бог сохранил жизнь Измаилу, так как решил сделать его родоначальником арабских племен *. Спасенные изгнанники поселились в пустынном районе страны. Измаил стал непревзойденным стрелком и прекрасным охотником. Время от времени он поступал на службу к египтянам, сражаясь в их наемных отрядах. Мать высватала ему в жены египтянку. Авраам же ни разу больше не увиделся со своим отвергнутым сыном [1].

САAК НА ЖЕРТВЕННИКЕ. Однажды бог, желая убедиться в преданности Авраама, решил подвергнуть его испытанию: велел ему принести в жертву и сжечь своего любимого сына Исаака. Сын был единственной надеждой Авраама, но тем не менее он скрепя сердце подчинился воле божьей. Ночью тайком от Сарры он наколол дров для жертвенника, при-

---

[1] Арабы по сей день выводят свой род от Измаила и верят, что Измаил и его мать похоронены в Мекке под черным камнем Кааба — величайшей святыней ислама. Это предание вошло в текст Корана.

готовил еду, взял сына и двух слуг и отправился в путь. На третий день они достигли подножия горы. Авраам приказал слугам обождать внизу вместе с ослом, сам же с Исааком поднялся на вершину. Сын нес дрова, отец в одной руке держал горящую лучину, а в другой острый нож. По дороге Исаак спросил: «Отец мой... вот огонь и дрова, где же агнец для всесожжения?» Авраам ответил: «Бог усмотрит себе агнца для всесожжения, сын мой». На вершине горы Авраам построил из камней жертвенник, связал потрясенного Исаака и уложил его на дровах. Затем он занес нож для удара, но бог через ангела своего остановил его руку и благословил за то, что, покорный велению бога, он готов был принести в жертву своего единственного сына. В награду бог еще раз заверил Авраама, что его потомство будет многочисленным, как звезды на небе и песчинки на морском берегу. В это время заблудившийся баран запутался рогами в терниях. Авраам принес его в жертву богу вместо Исаака и двинулся в обратный путь.

МЕРТЬ САРРЫ. Авраам заключил договор с царем Авимелехом и получил разрешение пользоваться пастбищами и колодцами в его стране. Но страна эта слишком напоминала ему о разлуке с любимой Агарью и первородным сыном Измаилом. И Авраам переселился в Хеврон, где когда-то жил счастливо и безмятежно в долине Мамре. Однако там, к скорби его, умерла Сарра. Ей было уже сто двадцать семь лет, и невзгоды дальнего пути, должно быть, ускорили ее кончину. Авраам отправился к местному царю хеттскому * и, низко кланяясь, просил разрешения похоронить Сарру в его земле. Царь сочувственно встретил Авраама и отвел место на хеттском кладбище. Авраама оно не устраивало по религиозным соображениям. Кроме того, он опасался, как бы хетты не восприняли это как знак подчинения их царю. Авраам дорожил свободой кочевой жизни и ревниво оберегал свою религиозную и племенную независимость. Поэтому он отказался от места на хеттском кладбище и просил царя походатайствовать перед богатым хеттеянином по имени Ефрон, чтобы тот уступил ему пещеру Махпелу, пригодную для семейной гробницы. Ефрон оказался человеком великодушным и готов был отдать пещеру даром. Но Авраам не соглашался и в конце концов купил ее за четыреста сиклей серебра. Сарру торжественно похоронили в пещере. На похоронах присутствовали многие хеттеяне, у которых Авраам пользовался большим уважением. Пещера Махпела, близ Мамре, стала семейной гробницей первых патриархов, местом вечного упокоения Авраама, Исаака и Иакова.

АК ЖЕНИЛИ ИСААКА. Авраам был уже стар и решил, что пришла пора позаботиться о жене для Исаака. Он ни за что не хотел, чтобы сын взял в жены хеттеянку или ханаанеянку, которая привнесла бы в семью чужую кровь и веру в чужих богов. От странствующих купцов Авраам знал, что в Харране живет семья его брата Нахора. Именно там, среди родственников, следовало искать жену для сына. Авраам призвал своего верного слугу и поручил ему сосватать Исааку жену. Он дал ему в дорогу десять верблюдов с погонщиками и щедрые дары для невесты и ее родителей.

После долгого пути караван остановился у колодца близ города Харрана. Путники были утомлены. Верблюды опустились на колени в ожидании водопоя. Близился вечер, час, когда женщины приходят к колодцу за водой. Слуга Авраама решил выбрать в невесты Исааку ту девушку, которая быстрее других даст ему напиться. Солнце стояло на краю небосклона, все кругом было озарено золотисто-багряным блеском. Из городских ворот вышли женщины, беседуя и весело смеясь. Среди них была девушка удивительной красоты. На плече она несла кувшин и двигалась так изящно, что весь ее облик радовал глаз. Посланец Авраама вежливо поклонился и попросил у нее воды. Девушка приветливо улыбнулась и протянула ему полный кувшин. Затем она быстро набрала воды в ведро и напоила верблюдов. Она делала это так охотно и проворно, что сразу пришлась посланцу по душе. Он спросил, как ее зовут и чья она дочь. И тут, к его удивлению, оказалось, что это Ревекка, дочь Вафуила и внучка Нахора. Видно, бог милостью своею, подумал посланец, привел меня сразу к девушке из рода Фарры. Он уже не сомневался, что нашел для Исаака идеальную невесту, обладающую всеми качествами, какие требовал Авраам: красотой, кротостью нрава и хозяйственной сноровкой. Напоив верблюдов, Ревекка пригласила путников переночевать в доме ее родителей и пообещала, что в сарае найдется также место и корм для животных. Тогда посланец, окончательно плененный добротой Ревекки, достал из дорожного мешка золотые серьги и запястья и торжественно вручил ей. Ревекка в растерянности смотрела на блестящие безделушки, не решаясь принять столь ценный подарок. Вскоре, однако, женское кокетство в ней взяло верх, и Ревекка, под восторженные возгласы подруг, надела драгоценности и побежала домой — похвастать подарками и предупредить родных о прибытии посланца. Навстречу гостю вышел брат Ревекки, Лаван, привел его в дом, дал ему воды умыться, а верблюдов отвел в сарай, расседлал и накормил. В доме между тем приготовили трапезу и пригласили гостя к столу. Но тот, прежде чем сесть за стол,

решил объяснить хозяевам, кто он и зачем прибыл. Он рассказал об Аврааме и его сыне Исааке, об их большом богатстве и, наконец, разложил привезенные дары: посуду из золота и серебра, прекрасные ткани и другие ценные предметы. Хозяева рассматривали их с восхищением. Тогда сват поклонился и попросил отдать Ревекку Исааку в жены. Родители охотно согласились, но, вопреки обычаю, окончательное решение предоставили самой девушке. Ревекку позвали в комнату и спросили, пойдет ли она замуж за незнакомого человека в чужую страну. Девушка ответила решительно: «Пойду!»

С Ревеккой отправили ее кормилицу и служанок. Женщин усадили на верблюдов, и караван, провожаемый плачем и нежными напутствиями родных, двинулся в землю Ханаанскую.

Исаак с нетерпением ждал прибытия невесты. Он часто выходил на дорогу и всматривался вдаль. Однажды к вечеру он услышал звон медных колокольчиков и вскоре увидел лениво шагающих верблюдов. Пока Исаак гадал, свои ли это едут, Ревекка заметила его и спросила у свата: «Кто этот человек, который идет по полю навстречу нам?» «Это господин мой»,— отвечал слуга Авраама. Девушка немедленно сошла с верблюда, прикрыла лицо плащом, как подобает невесте, и скромно приветствовала будущего супруга. Обрадованный Исаак ввел ее в шатер покойной Сарры в знак того, что отныне его жена будет матерью рода. Потом сразу отпраздновали и свадьбу. Сын Авраама так полюбил свою жену Ревекку, что это утешило его в печали по умершей матери.

ВРААМ ЖЕНИТСЯ ВТОРИЧНО *. Аврааму наскучила жизнь вдовца, он еще не чувствовал себя старым и решил жениться вторично. Он взял в жены женщину по имени Хеттура, и та родила ему шестерых сыновей. От этих сыновей у Авраама было много внуков, и так как столь разросшееся потомство могло вызвать нежелательные осложнения в вопросе о наследстве, то Исаак требовал, чтобы отец еще при жизни закрепил за ним право первородства. Авраама огорчали семейные раздоры, но он вынужден был признать, что по существу Исаак прав. Нельзя было пренебрегать извечным родовым законом и дробить имущество. Главным наследником мог быть только первородный сын. Скрепя сердце Авраам решил расстаться с сыновьями и внуками от второй жены. Он наделил их щедрыми дарами и посоветовал направиться к востоку от Ханаана, где было много никем не занятых пастбищ, и там начать новую жизнь.

От этих потомков Авраама взяли начало новые племена, чуждые и враждебные потомкам Исаака.

Авраам умер, когда ему было сто семьдесят пять лет. Его похоронили рядом с Саррой в пещере Махпела. На похороны прибыл из далекой пустыни Измаил, сын несчастной Агари.

ЛИЗНЕЦЫ ИСААКА И РЕВЕККИ. Исаак и Ревекка очень любили друг друга. Но в доме царила печаль, так как они прожили вместе уже двадцать лет, а детей у них не было. В конце концов бог внял их молитвам, и Ревекка забеременела. Исааку было уже шестьдесят лет, когда она родила близнецов. Первым появился на свет Исав, и поэтому он считался первородным. Второму нарекли имя Иаков, что по-русски означает «держи за пятку», поскольку во время родов он держал своего брата за пятку [1]. Братья ничем не походили друг на друга и никогда не дружили. Ревекка жаловалась, что уже в ее чреве они постоянно дрались. А когда выросли, трудно было поверить, что это близнецы. Исав был приземист и широкоплеч, все тело у него было покрыто рыжими волосами. Он был смел, задирист, любил грубоватые шутки и охотно мерялся силой с домочадцами. Доверчивый, добродушный и наивный, он, однако, легко впадал в гнев и тогда становился опасен. Исав целые дни проводил на охоте или на пастбищах с пастухами. Он совсем не заботился о своей внешности, был неряшлив, а его пропотевшая одежда пахла полем и козами. Под жизнью он понимал широкие просторы, солнце, свободу. Никогда не заботился о том, что принесет ему завтрашний день. Вернувшись домой после своих скитаний, он не занимался хозяйством. Проголодавшись, садился за еду; испытывая жажду, пил; когда его клонило ко сну, ложился где попало и спал.

Иаков между тем был совершенно другим человеком. Он всегда ступал по проторенным дорожкам, хлопотал по хозяйству, был образцовым, трудолюбивым и покорным сыном. Исав считал его простачком и относился к нему с некоторым пренебрежением. Он не подозревал, как сообразителен и хитер этот маменькин сынок.

Старый Исаак отдавал явное предпочтение Исаву. Должно быть, сын нравился ему своей ловкостью на охоте и физической силой. Это были мужские качества, напоминавшие Исааку о его предках-кочевниках. К тому же Исав по-своему любил отца, был добр к нему, старался его развлечь, а придя с охоты, всегда преподносил ему свою добычу.

---

[1] «Держать за пятку» означало у древних евреев «убрать кого-нибудь со своего пути», «победить кого-либо».

Любимцем же Ревекки был Иаков. Исава она считала неотесанным грубияном и даже немного стыдилась его. Самая мысль о том, что именно он будет основным наследником рода, лишала ее сна. Ревекка опасалась, что Исав легкомысленно загубит родовое имущество, а Иаков, прирожденный хозяин и торговец, останется ни с чем. Она день и ночь думала о том, как предотвратить беду и добыть для Иакова право первородства.

ЗА ЧЕЧЕВИЧНУЮ ПОХЛЕБКУ. Однажды Иаков стоял у кухонного очага и варил себе чечевичную похлебку. Вдруг пришел Исав и попросил дать ему поесть. Он устал и был голоден как волк. Весь день провел на охоте, но вернулся с пустыми руками. Когда Исав испытывал голод, ему необходимо было поесть немедленно, таков уж был у него характер. Но Иаков и не думал делиться с братом похлебкой. Исав жадно вдыхал вкусный запах и просил все настойчивее. Тогда Иаков, как бы шутя, спросил: «А ты продашь мне право первородства за чечевичную похлебку?» «Продам!» — ответил Исав не задумываясь. «И поклянешься?» «Клянусь!» — сказал ветрогон. Конечно, он этого не принимал всерьез. Мало ли в чем он клялся, когда приходил в возбуждение! Так уж повелось у скотоводов и охотников. Обуреваемые чувствами, они не считались со словами. Для Иакова же клятва была незыблемой и священной, и он твердо верил, что приобрел право первородства. Исав с восторгом принялся за еду, не подозревая, какие роковые последствия повлечет за собой его легкомыслие.

ДАЧИ И НЕВЗГОДЫ ИСААКА. В Хевроне, где Исаак прожил долгие годы, случилась засуха и настал голод. Исаак решил двинуться в страну Авимелеха, царя герарского, с которым некогда дружил Авраам.

Жители Герара так восхищались красотой Ревекки, что Исаак, опасаясь, как бы его не убили, чтобы овладеть его женой, говорил всем, что они с Ревеккой брат и сестра.

Однажды царь Авимелех случайно увидел в окно, как Исаак заигрывает с Ревеккой, и догадался обо всем. Он позвал Исаака к себе и спросил: «Вот это жена твоя; как же ты сказал: «она сестра моя»?..» — Исаак смутился и ответил: — «Потому что я думал: не умереть бы мне ради нее».

Авимелех был возмущен. «Что это ты сделал с нами? — сказал он.— Едва один из народа не совокупился с женою твоею, и ты ввел бы нас в грех». Но все же он простил Исааку обман, как в

свое время простнл Аврааму. Народу же он объявил, что тот, кто посмеет троиуть Ревекку, будет приговорен к смертной казни.

Исаак, живя в стране Герар, впервые наряду со скотоводством занялся и земледелием. Ои очень преуспел в этом и собирал обильные урожаи. Вскоре он стал богатейшнм человеком, имел громадиые стада овец и крупного скота, миожество слуг. Это вызывало зависть местиых жителей. Герарскне пастухн ссорились с Исааком из-за колодцев, вырытых когда-то Авраамом. Исаак переходил с места иа место, но стоило ему вырыть новый колодец, как недруги тут же засыпали его песком.

В коице коицов Исаак переселнлся в Внрсавню, где построил жертвеииик Яхве. Туда к нему прнбыл Авнмелех вместе со своим другом Ахузафом н военачальннком Фнхолом, чтобы попросить прощеиня за причнненные обнды. Исаак с горечью спросил: «Для чего вы пришли ко мне, когда вы возненавндели меня н выслали меня от себя?» Авнмелех же ответнл: «Мы ясно увндели, что господь с тобою, н потому мы сказалн: поставнм между намн и тобою клятву н заключнм с тобою союз, чтобы ты не делал нам зла, как и мы ие коснулнсь до тебя, а делалн тебе одно доброе и отпустили тебя с мнром; теперь ты благословен господом».

Так был заключен новый союз между евреями и местным царем. Исаак устроил в честь гостей большое пнршество, а затем с миром отпустнл их домой.

ИТРОСТЬ РЕВЕККИ И ИАКОВА.

Исаак к старости почтн совсем потерял зрение н ие разлнчал даже своих близкнх. К тому же его огорчал Исав, который взял себе в жены двух хеттеянок, пренебрегая традицией племенн н не заботясь о чистоте крови.

Но, несмотря иа это, отец по-прежиему любил Исава н продолжал считать его первородиым сыном. Однажды ои позвал его к себе н сказал: «Вот я состарился; ие зиаю дия смерти моей; возьми теперь орудия твон, колчан твой и лук твой, пойди в поле и иалови мне дичн. И приготовь мне кушанье, какое я люблю; н принеси мие есть, чтобы благословила тебя душа моя, прежде, нежели я умру».

Исав немедленно отправился на охоту, чтобы выполнить волю отца. Ревекка подслушала их разговор, и у нее созрел хитроумиый плаи. Оиа решнла, воспользовавшись отсутствием Исава, подослать к отцу Иакова и обмаииым путем получнть у него благословение, которое дается лишь первородиому сыну.

Иаков, узиав об этом, испугался н стал возражать: «Исав, брат мой, человек косматый, а я человек гладкнй. Может статься, ощу-

пает меня отец мой; и я буду в глазах его обманщиком, и наведу на себя проклятие, а не благословение».

Но Ревекка рассеяла его опасения и велела привести двух козлят. Она приготовила из них кушанье, надела на Иакова плащ Исава, чтобы от него исходил запах полей, а руки и шею обернула ему шкурами козлят.

Переодетый таким образом Иаков вошел к отцу и, выдавая себя за Исава, протянул ему кушанье. Исаак был удивлен, что Исав так быстро вернулся с охоты, и, чтобы удостовериться, потрогал Иакова руками. «Голос, голос Иакова,— пробормотал он,— а руки, руки Исавовы».

Когда Исаак поел и выпил вина, его опять охватили сомнения. Он попросил мнимого Исава поцеловать его и успокоился, почувствовав запах пропитанной потом одежды. Исаак сказал радостно: «Вот запах от сына моего, как запах от поля, которое благословил господь». И тут же совершил над Иаковом торжественное благословение, которое делало его первородным сыном и главным наследником.

Исав, вернувшись с охоты, узнал, каким бесчестным способом его лишили наследства. Отцовское благословение было мистическим актом, который нельзя отменить; то, что оно получено обманным путем, не имело значения. Исаак и Исав были бессильны что-либо сделать. Исав воспылал гневом и грозил убить Иакова. Но, щадя любимого отца, он вооружился терпением и решил исполнить свою угрозу после его смерти.

ЕСТНИЦА ИАКОВА. Ревекка, опасаясь за жизнь Иакова, сказала ему: «Исав, брат твой, грозит убить тебя. И теперь, сын мой, послушайся слов моих, встань, беги к Лавану, брату моему, в Харран; и поживи у него несколько времени, пока утолится ярость брата твоего, пока утолится гнев брата твоего на тебя и он позабудет, что́ ты сделал ему. Тогда я пошлю, и возьму тебя оттуда».

Исаак тоже одобрил этот план. В Харране Иаков сможет найти себе жену из собственного племени и избежать ошибки Исава, женившегося на хеттеянках. Отец, очевидно, простил уже сыну подлый обман, нежно распрощался с ним и благословил на дорогу.

Иаков отправился в дальний путь, как бедный странник с сумой за плечами и посохом в руке. Он должен был выскользнуть из лагеря незамеченным, поздней ночью, когда грозный Исав крепко спал в своем шатре. Он шел все время пешком, ночуя под открытым небом. Однажды, когда стемнело, он подложил себе под голову

камень и, утомленный долгой дорогой, заснул. Ему приснился очень странный сон: он увидел лестницу, которая верхушкой касалась неба. По ней ходили ангелы, а на самой верхней ступеньке стоял Яхве и милостиво говорил ему: «Я господь, бог Авраама, отца твоего, и бог Исаака. Землю, на которой ты лежишь, я дам тебе и потомству твоему. И будет потомство твое, как песок земной; и распространишься к морю, и к востоку, и к северу, и к полудню... И вот, я с тобою...»

Под утро Иаков проснулся и поклялся Яхве, что будет считать его своим богом и отдавать ему десятину, если он спасет его от опасностей, обеспечит хлебом и позволит вернуться в отцовский дом. В память о своем необыкновенном видении Иаков установил священный камень и возлил на него елей. А место это он назвал Вефиль, что значит «дом божий».

АК ЛАВАН И ИАКОВ ОБМАНЫВАЛИ ДРУГ ДРУГА. Иаков пришел в Харран к вечеру. У городских ворот вокруг колодца собрались пастухи и поили скот. Иаков спросил, знают ли они Лавана, внука Нахора. В это время к колодцу подошла красивая девушка со стадом овец. «Вот Рахиль, дочь его!» — воскликнули пастухи. Увидев свою двоюродную сестру, Иаков расчувствовался и поцеловал ее в щеку. Рахиль вернулась домой и рассказала отцу о прибытии гостя. Лаван прибежал к колодцу, обнял Иакова и повел к себе в дом. За ужином он без конца расспрашивал об Исааке и Ревекке, а наслушавшись вдоволь, полюбопытствовал, что привело Иакова в Харран. Иаков попросил дядю взять его к себе на службу. Лаван, будучи человеком деловым, спросил, какую он потребует плату. К разговору внимательно прислушивались обе дочери Лавана, стыдливо поглядывая на гостя. Иаков тоже присматривался к ним и что-то взвешивал в уме. У старшей сестры, по имени Лия, гноились глаза и вообще она не отличалась красотой. Зато младшая, Рахиль, была так прекрасна, что Иаков не мог наглядеться на нее. Наконец, набравшись мужества, он сказал Лавану: «Я буду служить тебе семь лет за Рахиль, младшую дочь твою». Лаван рассмеялся и, так как сделка казалась ему выгодной, охотно согласился. Иакову был поручен уход за скотом. Он был настоящим мастером этого дела, и стада Лавана росли, как никогда прежде. Семь лет пролетели, как семь дней. Пришло время Лавану расплачиваться. Он заверил Иакова, что сдержит обещание, и созвал гостей на свадьбу Рахили. Свадьбу отпраздновали шумно, не было недостатка ни в еде, ни в напитках, пирующие веселились и не отказывали себе ни в чем. К концу дня, согласно

обряду, жених ушел в темную комнату, куда ему должны были привести невесту. К удовольствию гостей, он направился туда довольно неуверенной походкой, так как сильно опьянел. Все совершилось точно по обряду. Но утром, когда в комнате стало светло, Иаков проснулся совершенно трезвым и с ужасом обнаружил рядом с собой не Рахиль, а Лию. Он сразу понял, что Лаван подло обманул его, пристроив таким образом свою некрасивую дочь. Возмущенный, он вскочил и кинулся к тестю с резкими упреками. Но старый хитрец сказал с невозмутимым видом: «В нашем месте так не делают, чтобы младшую выдать прежде старшей». Этот наглый ответ окончательно вывел Иакова из себя. Он кричал, сердился и поднял такой шум, что переполошил весь дом. Но Лаван слушал его совершенно спокойно и, когда зять, устав, притих немного, предложил ему отработать еще семь лет за Рахиль. Бедному Иакову ничего другого не оставалось, и он согласился, потребовав, однако, чтобы на этот раз тесть расплатился с ним вперед. Действительно, свадьба с Рахилью состоялась неделю спустя после первой свадьбы. Таким образом у Иакова сразу оказались две жены. Конечно же он отдавал предпочтение Рахили, а с Лией обращался плохо. Дома не было согласия, сестры ревновали друг к дружке, и каждая старалась расположить мужа к себе. Из-за этого часто возникали ссоры. Вдобавок судьба словно насмехалась над Рахилью. Красавица оказалась бесплодной, в то время как Лия год за годом родила Иакову четырех сыновей. Дурнушка хвасталась этим без меры. Кормя детей, она не переставала издеваться над красивой, но несчастной Рахилью. Рахиль в отчаянии обратилась к Иакову: «Дай мне детей, а если не так — я умираю». Иаков рассердился и ответил резко: «Разве я бог, который не дал тебе плода чрева?»

Рахиль, не видя иного выхода, решила воспользоваться старинным обычаем своего народа: она выбрала красивую рабыню, по имени Валла, и дала ее Иакову в наложницы. Валла действительно вскоре забеременела. Когда она рожала, Рахиль держала ее на своих коленях, чтобы, согласно обычаю, ребенок рабыни считался ее ребенком. Так родился мальчик, по имени Дан. Рахиль сияла от радости и восклицала: «Судил мне бог, и услышал голос мой, и дал мне сына!» Спустя некоторое время Валла родила второго сына. Рахиль сказала тогда с облегчением: «Борьбою сильною боролась я с сестрою моею и превозмогла». Теперь, напротив, приуныла Лия. Она внезапно перестала рожать и явно проигрывала в этом материнском поединке. Подумав, она последовала примеру сестры и выбрала мужу наложницу со звучным именем Зелфа. Красивая наложница понравилась Иакову и родила ему двух сыновей кряду. Как торжествовала Лия, вернув себе превосходство над сестрой!

«К благу моему,— восклицала она,— ибо блаженною будут называть меня женщины!»

Случилось так, что сын Лии, Рувим, убирая в поле пшеницу, нашел там чрезвычайно редкое растение — мандрагоровые яблоки, эффективное средство против бесплодия. Он поскорее принес их матери, чтобы она снова рожала сыновей. Пронырливая Рахиль узнала об этом и прибежала к сестре просить, чтобы та поделилась с ней чудодейственным зельем. Счастливая обладательница зелья и не думала помогать сестре. Она сварливо отвечала: «Неужели мало тебе завладеть мужем моим, что ты домогаешься и мандрагоров сына моего?» Однако она все же решила уступить мандрагоры за право спать с Иаковом в ближайшую ночь. Лия родила еще двух сыновей и одну дочь, так что в итоге она могла похвастать шестью родными сыновьями и дочерью и двумя сыновьями от рабыни Зелфы. Казалось, что Лия уже непобедима. Но вот случилось неожиданное: Рахиль превозмогла свое бесплодие и родила сына, которому дали имя Иосиф.

Прошло следующих семь лет службы, и Иаков решил вернуться в Ханаан. Он потребовал от Лавана дополнительную плату за свои труды. «Ты знаешь, как я служил тебе и каков стал скот твой при мне,— доказывал он тестю.— Ибо мало было у тебя до меня, а стало много; господь благословил тебя с приходом моим».

Лаван выискивал все новые отговорки, но, признавая в душе, что зять прав, понемногу начал сдаваться. Видя его колебания, Иаков предложил, что останется служить у него, если отныне и впредь Лаван будет отдавать ему всех коз, овец и баранов с крапинами и пятнами. Поскольку в стаде преобладал белый и черный скот, а животных с крапинами и пятнами почти не было, Лаван охотно согласился на это условие, посмеиваясь над наивностью зятя. Но он сильно просчитался, забыв, что Иаков занимается скотоводством чуть ли не с младенческих лет и отлично владеет искусством скрещивания животных. Иаков собрал свежие прутья, надрезал на них кору, чтобы образовались белые полоски, и клал прутья у водопоя. Овцы, наглядевшись на них, давали приплод сплошь с крапинами и пятнами. Лаван не сразу спохватился, что черного и белого скота в его стадах становится все меньше, а численность голов с крапинами и пятнами катастрофически растет. Он неуклонно беднел, а Иаков превращался в богача, владеющего бесчисленными стадами овец, баранов и коз, а также множеством рабов и рабынь, верблюдов и ослов. Словом, на этот раз нашла коса на камень. Сыновьям Лавана это, разумеется, не могло понравиться. Видя, что хитрый шурин лишил их почти всего имущества, они подняли крик, жалуясь, что «Иаков завладел всем, что было

у отца нашего, и из имения отца нашего составил все богатство сие».

Иаков, защищаясь, утверждал, что бог хотел покарать Лавана за то, что он обманывал его, Иакова. И именно поэтому рождался скот с крапинами и пятнами. «И отнял бог скот у отца вашего,— объяснял он своим женам,— и дал мне». Любящие жены взяли сторону мужа. А когда Иаков сказал им под большим секретом, что бог велит ему возвращаться в Ханаан, они очень обрадовались. И при случае высказали свою давнишнюю обиду на отца: «Не за чужих ли он нас почитает? Ибо он продал нас и съел даже серебро наше. Посему все богатство, которое бог отнял у отца нашего, есть наше и детей наших. Итак, делай все, что бог сказал тебе».

ЕГСТВО ИАКОВА. Обстановка в доме Лавана стала очень напряженной. Иаков не без основания опасался, что сыновья Лавана захотят силой отнять его имущество. И он решил тайком покинуть Харран.

Иаков не знал, что перед отъездом Рахиль украла из родительского дома статуэтки домашних богов, которые издавна покровительствовали всему роду Фарры.

Караван Иакова был необычайно велик. Там были верблюды, вьючные ослы, овцы, бараны и козы; Иакова сопровождали две жены, две наложницы и одиннадцать сыновей, не считая многочисленной челяди с семьями. Такому каравану невозможно было уйти из Харрана незамеченным. И все-таки Лаван лишь на третий день хватился беглецов. Он мигом созвал сыновей и во главе вооруженных слуг бросился в погоню. Но по дороге бог предупредил его, чтобы он не обижал Иакова и не допускал кровопролития.

Семь дней длилась погоня. Лаван настиг Иакова на горе Галаад, когда тот раскидывал шатры. Лаван подошел к беглецу, поджидавшему его со своими вооруженными людьми, и сказал: «Что ты сделал? Для чего ты обманул меня и увел дочерей моих, как плененных оружием? Зачем ты убежал тайно, и укрылся от меня, и не сказал мне? Я отпустил бы тебя с веселием и с песнями, с тимпаном и с гуслями. Ты не позволил мне даже поцеловать внуков моих и дочерей моих; безрассудно ты сделал. Есть в руке моей сила сделать вам зло; но бог отца вашего вчера говорил ко мне и сказал: «Берегись, не говори Иакову ни хорошего, ни худого». Но пусть бы ты ушел, потому что ты нетерпеливо захотел быть в доме отца твоего: зачем ты украл богов моих?»

Иаков очень удивился, так как ничего не знал о краже. Он обещал казнить вора и разрешил Лавану произвести в его лагере

тщательный обыск. Лаван обшарил шатры Иакова, Лии и двух наложниц, затем направился к шатру Рахили. Виновница хищения быстро спрятала статуэтки под верблюжье седло, а сама села сверху. Лавану и в голову не пришло искать их там, и он, конечно, их не нашел.

Тут Иаков в свою очередь пришел в негодование, рассердился на тестя за погоню и оскорбительный обыск. Он напомнил Лавану все обиды, испытанные за двадцать лет службы: «Ты осмотрел у меня все вещи, что́ нашел ты из всех вещей твоего дома? — вопрошал он с гневом,— покажи здесь пред родственниками моими и пред родственниками твоими; пусть они рассудят между нами обоими. Вот, двадцать лет я был у тебя; овцы твои и козы твои не выкидывали; овнов стада твоего я не ел. Растерзанного зверем я не приносил к тебе; это был мой убыток; ты с меня взыскивал, днем ли что пропадало, ночью ли пропадало. Я томился днем от жары, а ночью от стужи, и сон мой убегал от глаз моих. Таковы мои двадцать лет в доме твоем. Я служил тебе четырнадцать лет за двух дочерей твоих и шесть лет за скот твой, а ты десять раз переменял награду мою. Если бы не был со мной бог отца моего, бог Авраама и страх Исаака, ты бы теперь отпустил меня ни с чем».

Лаван продолжал утверждать, что все имущество, захваченное Иаковом, в сущности, принадлежит ему. Но все-таки он согласился на отъезд зятя в Ханаан. «Дочери — мои дочери,— сказал он Иакову,— дети — мои дети; скот — мой скот, и все, что ты видишь, это мое; могу ли я что́ сделать теперь с дочерями моими и с детьми их, которые рождены ими?»

Лаван предложил Иакову заключить союз. В знак согласия они воздвигли холм из камней. Лаван назвал его Иегар-Сагадуфа, а Иаков назвал его Галаад. Лаван сказал при этом: «Этот холм свидетель, и этот памятник свидетель, что ни я не перейду к тебе за этот холм, ни ты не перейдешь ко мне за этот холм и за этот памятник, для зла. Бог Авраамов и бог Нахоров да судит между нами, бог отца их».

Они вместе поели, затем Лаван расцеловал дочерей и внуков и пустился с сыновьями в обратный путь.

АКОВ БОРЕТСЯ С БОГОМ. Иаков перешел границу Ханаана и раскинул лагерь в местности, названной им Маханаим (лагеря). От местных жителей он получил тревожные известия о своем брате, Исаве. Исав поселился у Мертвого моря на плоскогорье Сеир, то есть «косматом», «поросшем деревьями», и стал правителем страны Едом. Он занимался

главным образом охотой в горах, но не брезговал и грабежами, если представлялся случай. В густо населенных долинах Ханаана Исав пользовался дурной славой. У Иакова сердце сжалось от страха. Ведь он был виноват перед братом и не надеялся, что тот забыл старые обиды. Иаков направил к Исаву послов с просьбой о прощении. Вскоре послы вернулись и сообщили, что Исав идет ему навстречу во главе четырехсот вооруженных воинов. Иаков в испуге стал молить бога: «Избавь меня от руки брата моего, от руки Исава; ибо я боюсь его, чтобы он, пришедши, не убил меня и матери с детьми. Ты сказал: Я буду благотворить тебе, и сделаю потомство твое, как песок морской, которого не исчислить от множества».

Затем он принял все меры предосторожности. Ослов, волов, верблюдов, овец и людей разделил на две группы и разместил на таком расстоянии друг от друга, чтобы в случае нападения хоть одна группа могла спастись бегством. Кроме того, Иаков решил смягчить Исава щедрыми дарами. «Умилостивлю его дарами, которые идут предо мною,— рассуждал он,— и потом увижу лице его; может быть, и примет меня». Он выделил из каравана двести коз, двадцать козлов, двести овец, двадцать баранов, тридцать верблюдиц с жеребятами, сорок коров, десять волов, двадцать ослиц и десять ослов. Это огромное стадо он разделил на три равные части и отправлял каждую отдельно через одинаковые промежутки времени, чтобы постепенно смягчить гнев брата.

Ночь Иаков провел в лагере, и там с ним произошло нечто весьма странное. Ему приснилось, будто он яростно борется с богом *. «Не отпущу тебя, пока не благословишь меня»,— крикнул Иаков богу, словно равному себе. Он боролся изо всех сил и наконец заставил бога благословить его как законного наследника Исаака. Бог выдерживал натиск Иакова до рассвета и, увидев, что одолеть его не может, коснулся жилы его бедра, которая немедленно засохла. Вырвавшись таким образом из рук Иакова, бог благословил его и сказал, что отныне имя его будет Израиль, что значит «боровшийся с богом».

Проснувшись утром, Иаков обнаружил, что хромает на одну ногу. Но он был бодр, так как ночное происшествие рассеяло сомнения, терзавшие его все эти годы. Бог своим благословением узаконил добытое обманом право первородства и к тому же обещал, что Иаков даст начало роду, который будет властвовать над другими людьми. Место, где все это произошло, Иаков назвал Пенуэл, что значит «лицо бога», а сыны Израилевы в память об этом событии никогда не едят жилы бедра убитых животных.

СТРЕЧА С ИСАВОМ. Наконец появился Исав во главе своих воинов. Иаков, несмотря на благословение божье, все еще трусил. Услышав, что брат близко, Иаков поспешно разделил свою семью на три группы. Впереди он поставил обеих наложниц с детьми, затем Лию с ее потомством, а в самом конце свою любимую Рахиль с Иосифом.

Видя, что их никто не трогает, Иаков решился подойти к брату. Он приблизился и семь раз поклонился ему до земли. Но оказалось, что Исав забыл старые обиды. Он нежно обнял Иакова и заплакал от радости. Увидев толпу женщин и детей, Исав не мог скрыть изумления и спросил у брата: «Кто это у тебя?» «Дети, которых бог даровал рабу твоему»,— ответил Иаков. Тогда наложницы подошли ближе и поклонились.

Исав только теперь обратил внимание на огромные стада, которые Иаков гнал впереди себя. «Для кого у тебя это множество, которое я встретил?» — спросил Исав. Иаков ответил, что это для него, Исава. Тот долго и слышать не хотел ни о каких подарках и принял их лишь после настойчивых уговоров.

Исав пригласил брата к себе в горы и предлагал совершить дальнейший путь вместе. Но Иаков все еще не доверял ему. Он притворился, будто принимает приглашение, но объяснил, что вместе идти они не могут, так как ему необходимо беречь стада и потому он продвигается очень медленно и делает длительные стоянки. Он попрощался с Исавом, обещав, что обязательно будет следовать за ним и погостит в его доме на плоскогорье Сеир.

ЫНОВЬЯ ИАКОВА МСТЯТ ЗА СЕСТРУ. Не успел Исав скрыться из виду, как Иаков свернул в сторону с намеченного пути, перешел Иордан и остановился у города Сихема. Сихемский царь Еммор разрешил ему поселиться в своей стране. Иаков купил участок земли, раскинул шатры и задумал там обосноваться. Но вскоре произошел случай, расстроивший все его планы. Старший сын Еммора, Сихем, похитил дочь Иакова, Дину, когда она вышла на прогулку, и обесчестил ее. Юный царевич не был законченным негодяем, он полюбил свою жертву и готов был на ней жениться. Он немедленно вместе с отцом отправился к Иакову просить руки девушки. Сыновья Иакова работали в то время в поле. Вернувшись домой и узнав о поступке царевича, они воспылали страшным гневом. Похищение сестры считалось в то время величайшим оскорблением, которое, по обычаям пустыни, можно было искупить только кровью. Потомки Фарры были горды и свободолюбивы. Они не понимали городских жите-

лей, для которых вопросы достоинства, чести и расовой солидарности не играли уже особенной роли. Увидев гнев сыновей Иакова, царь Еммор очень смутился и стал их уговаривать: «Сихем, сын мой, прилепился душою к дочери вашей; дайте же ее в жену ему. Породнитесь с нами; отдавайте за нас дочерей ваших, а наших дочерей берите себе. И живите с нами; земля сия пред вами, живите и промышляйте на ней и приобретайте ее во владение». А Сихем, полный раскаяния, добавил: «Только бы мне найти благоволение в очах ваших, я дам, что́ ни скажете мне. Назначьте самое большое вено и дары; я дам, что ни скажете мне, только отдайте мне девицу в жену». Как же плохо знал царь Еммор еврейских скотоводов! Он предлагал им породниться и слиться в один народ, а именно этого Иаков с сыновьями боялись больше всего. Они так заботились о чистоте племени, что отправлялись за женами в далекий Харран, а сыновей, женившихся на женщинах другой расы, презирали.

И вот сыновья Иакова поставили условие, которое они считали неприемлемым для царя Еммора. Они потребовали, чтобы царь, его сыновья и все мужчины его народа подвергли себя обрезанию. «Только на том условии мы согласимся с вами,— заявили они,— если вы будете как мы, чтобы и у вас весь мужеский пол был обрезан. И будем отдавать за вас дочерей наших и брать за себя ваших дочерей, и будем жить с вами, и составим один народ. А если не послушаетесь нас в том, чтобы обрезаться, то мы возьмем дочь нашу и удалимся».

Каково было их удивление, когда царь принял и это условие! Должно быть, Сихем полюбил Дину настоящей, большой любовью. А кроме того, у царя были и другие, более меркантильные соображения. Убеждая своих подданных согласиться на обрезание, он говорил им, в частности: «Только на том условии сии люди соглашаются жить с нами и быть одним народом, чтобы и у нас обрезан был весь мужеский пол, как они обрезаны. Не для нас ли стада их, и имение их, и весь скот их?.. Только согласимся с ними, и будут жить с нами».

Казалось, все кончится миром. Все мужчины города Сихема и его окрестностей подвергли себя обрезанию. Но на третий день, когда они, еще не оправившись после операции, обессиленные, лежали в своих домах, братья Дины, Симеон и Левий, созвали своих людей, перебили всех до единого жителей Сихема, увели сестру из царского дворца, а остальные братья в это время ограбили окрестности города, взяли в плен женщин и детей, угнали весь скот. Иаков не знал о заговоре сыновей и был очень расстроен кровавой расправой. Он позвал к себе Симеона и Левия и горько их попрекнул. «Вы возмутили меня,— сказал он,— сделав меня ненавистным

для жителей сей земли, для ханаанеев и ферезеев. У меня людей мало; соберутся против меня, поразят меня, и истреблен буду я и дом мой».

АКОВ В ВЕФИЛЕ И В МАМРЕ. Иакову нужно было поскорее уйти из Сихема, пока соседние народы не начали мстить за кровавую расправу над Еммором. Ночью Иакову явился бог и сказал: «Встань, пойди в Вефиль и живи там; и устрой там жертвенник богу, явившемуся тебе, когда ты бежал от лица Исава, брата твоего». На следующее утро Иаков призвал все свое племя очиститься от грехов и покончить с идолопоклонством. «Бросьте богов чужих, находящихся у вас,— сказал он,— и очиститесь, и перемените одежды ваши; встанем и пойдем в Вефиль; там устрою я жертвенник богу, который услышал меня в день бедствия моего и был со мною в пути, которым я ходил». После этого домочадцы Иакова закопали под большим дубом близ Сихема различные предметы языческого культа, привезенные из Месопотамии.

Когда Иаков тронулся в путь, жителей окрестных городов охватил ужас божий, и его никто не преследовал. Прибыв в Вефиль, Иаков построил жертвенник и назвал это место Эль-Вефиль, так как именно там ему явился бог, когда он убегал от Исава. Иаков совершил жертвоприношение из животных и масла. Бог снова явился ему, еще раз подтвердил его новое имя Израиль и сказал: «Я бог всемогущий, плодись и умножайся; народ и множество народов будет от тебя, и цари произойдут из чресл твоих. Землю, которую я дал Аврааму и Исааку, я дам тебе, и потомству твоему по тебе дам землю сию».

А когда они ушли из Вефиля и направились в Ефрафу (позднее Вифлеем), у Рахили начались роды. Она родила Иакову сына, а сама умерла. Она очень страдала и перед смертью дала сыну имя Бенони, что значит «сын мучений». Однако Иаков, радуясь рождению двенадцатого сына, изменил ему имя на Вениамин, что значит «сын правой руки».

Но Иакову, как видно, не суждено было жить спокойно в Ханаане. Он поселился в Гадере, и там его сын от Лии, Рувим, вступил в преступную связь с его наложницей Валлой. Потрясенный этим новым ударом, Иаков переселился в Мамре, где старый Исаак с нетерпением ожидал его возвращения. Обняв сына и всласть ему нарадовавшись, Исаак умер, прожив сто восемьдесят лет. На похороны прибыл Исав, и братья похоронили отца в семейной гробнице Махпела, где покоились тела Авраама и Сарры.

ПРАВДА И ЛЕГЕНДА О ПАТРИАРХАХ

Мы уже знаем, что дошедший до нас вариант библейского текста возник сравнительно поздно, после возвращения евреев из вавилонского пленения, то есть между VI и IV веками до н. э. Авторами окончательной редакции были жрецы. Их цель заключалась не в том, чтобы записывать историю народа, а в том, чтобы поучать. История была, по их понятиям, орудием, которым пользовался бог, чтобы изъявлять свою волю, карать и награждать. Исходя из своих религиозных и назидательных соображений, они видоизменяли традиционное историческое наследие, убирали оттуда все, что их не устраивало, и дополняли текст собственными вымыслами, подчеркивающими ту или иную религиозную идею. Библейским героям, подчинявшимся, по их мнению, закону божьему, они давали положительную оценку, а тех, кто по тем или иным причинам нарушал закон, изображали грешниками, которых постигла заслуженная кара.

Не подлежит сомнению, что жрецы были не оригинальными авторами, а лишь компиляторами и редакторами более древних текстов. Тщательный анализ Библии обнаружил, что в ее тексте явственно проступают три разных слоя. Самая древняя часть Библии написана в IX веке до н. э. Ее отличительной чертой является то, что для обозначения бога неизвестные авторы употребляют слово «Элохим». Между тем в более поздних текстах, относящихся к VIII веку до н. э., бог уже именуется Яхве. В VII веке до н. э. обе части были объединены и перемешаны, так что в тексте имена Элохим и Яхве постоянно чередуются *. Позднее эти объединенные варианты многократно переписывались и редактировались. Окон-

чательный вариант послужил жрецам основой для создания той формы сказаний, в какой они вошли в канонический текст Библии.

В области критического анализа библейского текста и в установлении хронологии отдельных частей Библии очень много сделал немецкий ученый Юлиус Вельгаузен. Тщательно исследовав библейский текст, он пришел к выводу, что история еврейского народа, изображенная в Библии, была записана не по свежим следам событий, а значительно позднее и, стало быть, легенды о патриархах, Моисее и даже судьях возникли сравнительно недавно. Школа Вельгаузена пользовалась огромной популярностью в течение целого тридцатилетия и имеет своих сторонников поныне. Наука, однако, идет вперед. Великие археологические открытия опровергают многие выводы немецкого ученого. Огромные вавилонские архивы, найденные в таких городах, как Ниневия, раскопки палестинских городов, упоминающихся в сказаниях о патриархах, и сопоставление этих открытий с библейскими текстами — все это неопровержимо доказывает, что историческое наследие, использованное жрецами VI столетия до н. э., намного старше, чем предполагал Вельгаузен.

Это историческое наследие передавалось древними евреями из уст в уста, из поколения в поколение. Благодаря фольклорному характеру передачи рассказов подлинные события обрастали таким множеством легенд, преданий, мифов, притч и побасенок, что сейчас уже трудно отличить правду от вымысла. Жрецы-компиляторы бесцеремонно переделывали сказания в соответствии со своими религиозными тезисами. Но все же в качестве канвы для поучений они использовали древние сказания, отражающие творческую фантазию народа, его помыслы, чаяния и нравы. Жрецы по недосмотру не устранили из текстов всего, что свидетельствует об их древности. В книге Бытие, например, сохранились явные пережитки политеизма и фетишизма; в сказаниях о патриархах мы очень часто встречаем обычаи и мифы месопотамского происхождения.

Из клинописных табличек, найденных при раскопках Ниневии и Угарита, мы узнали, что библейские сказания об Адаме и Еве, Вавилонской башне и всемирном потопе в большей или меньшей степени восходят к шумерским и вавилонским мифам, а некоторые описанные в Библии обычаи были распространены у народов Месопотамии и даже частично нашли отражение в законах Хаммурапи. Словом, некоторые библейские сказа-

ния уходят корнями в весьма отдаленные эпохи.

Долгое время ученые считали, что народные легенды передавались только устно. Но после открытия, сделанного в 1905 году английским археологом Флиндерсом Петри, возникла гипотеза, что авторы древнейших библейских сказаний располагали также какими-то письменными источниками. В медном руднике на горе Синай Петри обнаружил древний высеченный в скале буквенный текст, относящийся к XV веку до н. э. Надпись еще не расшифрована окончательно, но уже установлено, что в ней тридцать два знака и сделана она на каком-то семитском наречии. Предполагают, что ее высекли в скале израильские рабы, сосланные египтянами на принудительные работы в рудники. Итак, вполне вероятно, что жители Ханаана записывали свои документы уже во втором тысячелетии до н. э. Нужно помнить, что родиной буквенного письма была граничащая с Ханааном Финикия. Кроме того, среди документов XIV века до н. э., найденных в Тель-эль-Амарне, находится обширная переписка между Ханааном и Египтом. Все эти факты дают основание предполагать, что если не раньше, то во всяком случае во времена Моисея израильтяне пользовались письменностью.

Почему же в таком случае палестинские раскопки столь бедны письменными источниками? Ведь в Египте и Месопотамии найдены огромные архивы, подробно воссоздающие историю этих стран, в то время как в Палестине обнаружено лишь незначительное количество письменных документов (например, знаменитый кодекс из Гезера X века, записи Иезекииля VII века и письма из Лакиша VI века). Ответ прост: в Палестине писали тушью на хрупких глиняных черепках, а в Месопотамии выдалбливали клинописные знаки на толстых табличках из обожженной глины. Во влажном палестинском климате черепки рассыпались, а если даже некоторые из них чудом сохранились, то надписи на них, сделанные тушью, стерлись настолько, что их невозможно прочесть. В 1960 году археологи нашли исключительно хорошо сохранившееся письмо VII века до н. э. на глиняном черепке. В письме крестьянин жалуется князю, что сборщик забрал у него плащ в счет якобы неуплаченной подати. Письмо имеет большое научное значение, так как оно доказывает, что в Палестине в ту эпоху пользовались письменностью даже в повседневном быту.

О древности библейских сказаний свидетельствует также само их содержание. Образ жизни Авраама в Ханаане

типичен для кочевых скотоводческих племен. В определенные времена года патриарх раскидывал лагерь у стен какого-нибудь города, обменивая свои товары — молоко, шерсть и кожу — на предметы городского производства. Лагерь состоял из шатров, образующих круг. У шатров сидели женщины, пряли шерсть и пели свои месопотамские песни. Большой шатер патриарха стоял посредине и служил местом сбора старейшин. Авраам отдавал там приказания слугам и пастухам, разрешал споры, принимал гостей.

Это были суровые времена. Среди древних евреев господствовало право вендетты, право «око за око, зуб за зуб». Кровавые события, вызванные похищением Дины, наверняка не были исключением, хотя факт осуждения их Иаковом говорит, что к тому времени эти обычаи уже несколько смягчились.

В пользу древности библейских сказаний свидетельствует также процесс постепенного изменения общественных отношений, ход которого можно проследить по тексту Библии.

В племени Авраама мы наблюдаем типично патриархальные отношения, но уже и там начинают явственно проступать классовые различия. Авраам — рабовладелец и богач; от остальных членов племени его отделяет пропасть, которую он пытается углубить, присваивая себе и своей жене княжеские имена.

Мы являемся также свидетелями постепенного перехода древнееврейского племени к оседлости. Авраам — типичный вождь бедуинского племени, живущий в обстановке патриархальной простоты. Он собственноручно заколол теленка, чтобы угостить трех таинственных путников, а в качестве питья подал им молоко. Исаак пытается уже заняться земледелием и пьет не молоко, а вино. Иаков же со всеми своими достоинствами и недостатками — продукт оседлой, почти городской среды.

Весь этот эволюционный процесс, так явственно проступающий в библейских сказаниях, находится в полном соответствии с тем, что известно современной науке о первобытных общественных укладах.

Из библейских преданий можно заключить, что Авраам начал исповедовать монотеизм. Благодаря тщательному исследованию различных редакционных слоев в Библии мы получили возможность установить, до какой степени этот факт является результатом ретуши, наведенной жрецами в VI веке до н. э. Известно, что в более поздние времена евреи неоднократно обращались к культу ханаанских богов и

пророки страстно обрушивались на них за это. И скорее всего в эпоху патриархов мы имеем дело не столько с чистым монотеизмом, сколько с генотеизмом, то есть с убеждением, что, хотя и существуют многие боги, поклоняться следует только одному из них — покровителю племени. Бог Авраама лишен универсальных черт, это типичный бог племени, который заботится исключительно о благе избранного им народа.

Представление об этом боге крайне примитивно. Он держит себя как простой смертный, вмешивается в житейские дела, ведет с Авраамом споры и даже одобряет его сомнительные в нравственном отношении уловки. Иаков борется с богом всю ночь и заставляет его узаконить право первородства, обманным путем отнятое у Исава.

После возвращения евреев из вавилонского пленения, когда под влиянием пророков окончательно сформировался монотеизм, такая религиозная концепция была уже анахроничной. Наличие этих наивных и примитивных представлений в Библии можно объяснить лишь тем обстоятельством, что жрецы-редакторы включили их в текст в неприкосновенном виде вместе с древнейшими народными преданиями, на которые они опирались в своей работе.

В библейских сказаниях читателя особенно поражают яркие и выразительные характеристики патриархов. Каждый образ индивидуален и удивительно реалистичен. Как непохожи друг на друга Авраам, Лот, Исаак и Иаков! Как убедительны в своей женственности Сарра, Ревекка, Рахиль или несчастная Агарь! А Исав, влюбленный в охоту и вольные просторы и презирающий земледельческий труд! Порывистый, вспыльчивый, но вместе с тем добродушный и незлопамятный. Знаменательно, что Библия рассказывает о нем с явной симпатией. Даже Исаак, которому Исав, должно быть, доставлял немало хлопот, питает к нему слабость. Очевидно, в образе Исава нашла выражение подсознательная тоска евреев по доброму старому времени прадедов — свободных скотоводов и кочевников.

Все, что рассказано в Библии о патриархах, чрезвычайно занимательно, полно драматических ситуаций и приключений. Перед нами встает живой человек, близкий и понятный нам своими достоинствами, недостатками, конфликтами. Именно благодаря этому Библия, словно чудом уцелевший осколок живой жизни отдаленных эпох, позволяет нам сегодня заглянуть в самую глубь чего-то подлинно человеческого и непреходящего.

Рассказы о патриархах обладают всеми особенностями народных сказаний и отражают мышление первобытных племен. Нетрудно представить себе тогдашних скотоводов, которые, сидя у костра, рассказывали друг другу забавные истории о предках: как Аврам обманул фараона, как слуга Исаака встретил Ревекку у колодца, как хитрый Иаков выманил у брата право первородства, а потом отнял у Лавана почти все имущество, как Лия и Рахиль состязались в деторождении.

Это были рассказы простых, примитивных людей, которых приводили в восторг различные проделки народных героев. Они глубоко чувствовали поэтическую красоту своих сказаний, но часто путались в моральной оценке поступков, приписываемых предкам. Жизнь кочевников была суровой и полной опасностей; тот, кто хотел удержаться на поверхности в ту варварскую и жестокую эпоху, не мог быть чересчур щепетилен в вопросах совести.

В своих сказаниях кочевники давали волю фантазии. Патриархи отличаются небывалой долговечностью и плодовитостью. Сарра, уже будучи старушкой, поражает царей своей красотой. Бог и ангелы вмешиваются в житейские дела и распутывают драматические, безвыходные ситуации. В этом вмешательстве подчас много сказочной прелести. Вспомним, например, трогательные сцены в пустыне, когда ангел убеждает Агарь вернуться домой или когда он спасает ее и Измаила от смерти.

Совершенно исключено, чтобы все эти детали, с такой достоверностью воссоздающие жизнь древнейших эпох, сочинили жрецы, жившие в VI веке до н. э., то есть в совершенно других социальных и бытовых условиях. Это было бы не под силу даже талантливому писателю.

Правда, жрецы, видоизменяя тексты, внесли в них некоторые несуразности, но их сравнительно немного. Если жрецы утверждают, например, что у патриархов были верблюды, то это потому, что в их время верблюды встречались на каждом шагу. Лишь сравнительно недавно установлено, что верблюд в качестве вьючного животного появился на исторической арене не раньше XII столетия до н. э., то есть на несколько сот лет позже эпохи патриархов. Жрецы, по всей вероятности, имели в своем распоряжении очень древние народные сказания о патриархах, возможно даже в письменном виде, и включили их в свою компиляцию почти без изменений, точно воспроизводя традиционный текст.

Но из этого отнюдь не следует, что суждения тех ученых,

которые подвергают сомнению самый факт существования патриархов, лишены основания. Разумеется, у древнееврейских племен были свои вожди, но неизвестно, можно ли их отождествлять с героями библейских сказаний — Авраамом, Исааком и Иаковом. Новые археологические открытия не только не вносят ясности в этот вопрос, но еще больше запутывают его. Попробуем вкратце рассказать, что уже известно науке на эту тему.

В Тель-эль-Амарне (Египет) найдено триста клинописных табличек XV века до н. э. Это письма сирийских и палестинских князей к фараонам Аменхотепу III и Эхнатону. В одном из писем палестинский князь сообщает, что в его стране появились явирские племена, прибывшие из Месопотамии. Многие исследователи Библии предполагают, что речь идет о еврейских племенах.

Совершенно сенсационным открытием мы обязаны французскому археологу Андре Парро. Между Мосулом и Дамаском находится холм, названный арабами Тель-Харири. Рабочие, рывшие там однажды могилу, нашли странного стиля статуэтку, относящуюся к какой-то незнакомой культуре.

Парро, узнав о находке, поспешил туда и в 1934 году начал систематические раскопки. Уже в первые дни он нашел фигуру бородатого мужчины с молитвенно сложенными руками. Клинописный текст у основания скульптуры гласил: «Я Лами-Мари, царь государства Мари...»

Эта новая находка произвела колоссальное впечатление. О существовании в древности государства Мари, правда, было известно и ранее, но никому не удавалось установить, где оно находилось. В XVII веке до н. э. страну завоевали вавилонские войска и сровняли ее столицу с землей, так что от нее не осталось и следа. Дальнейшие поиски Парро подтвердили, что под холмом находятся развалины столицы Мари. Были обнаружены храм, жилые дома, крепостные стены, зиккурат и прежде всего великолепный царский дворец, построенный в третьем тысячелетии до н. э. Дворец состоял из двухсот шестидесяти комнат и залов. Там были кухни, бани с ваннами, тронный зал и молельня, посвященная богине Иштар. Всюду виднелись следы пожара и умышленного разрушения — безусловные признаки вавилонского нашествия.

Крупнейшей находкой оказался царский архив, состоящий из тридцати трех тысяч шестисот табличек с клинописными текстами. Из этих табличек мы узнали, что население Мари составляли племена амореев. В состав государства входил также город Харран, при-

чем именно в тот период, когда туда прибыла семья Фарры.

Когда ученые начали расшифровывать хроники, рапорты и переписку государства Мари, обнаружилась удивительная вещь: упоминаемые в этих документах названия городов Нахур, Фаррахи, Сарухи и Фалеки поразительно похожи на имена родственников Авраама — Нахор, Фарра, Серух и Фалек. Кроме того, там говорится о племенах Авам-рам, Иакоб-эль и даже о племени Вениамин, которое появилось на границе и досаждало жителям Мари. Не подлежит сомнению, что имена Авраама, его внука Иакова и самого младшего из сыновей Иакова, Вениамина, находятся в непосредственной связи с названиями этих племен. Кстати, стоит напомнить, что тестя Нахора в Библии зовут Харран; таким образом, мы и здесь видим полное совпадение имени человека с названием города.

В результате этого открытия напрашивается следующий вывод: имена патриархов — это в действительности названия племен или городов, основанных или же завоеванных этими племенами. Таким образом, Авраам, например,— это мифологическое олицетворение одного из племен, прибывших в Ханаан из Месопотамии. В его лице народная память воплотила историю племени, перекочевавшего в новую страну.

Лингвистический анализ клинописных табличек из Мари доказал, что евреи по своему происхождению были очень близки к амореям и даже составляли одну из их этнических ветвей. В древние времена от Персидского залива двигалась в северном направлении мощная волна миграции семитских племен, известных под названием амореев. Их безудержный поток продвигался вверх по Евфрату, вытесняя шумеров, и занял почти всю Месопотамию. На развалинах покоренных маленьких государств амореи создали многочисленные собственные государства, которые в конце концов сплотил в единую крупную державу самый выдающийся из аморейских царей — Хаммурапи. В переселении аморейских племен несомненно принимали участие и евреи. Об этом свидетельствует факт, что первоначально они жили в Уре, а потом переселились в Харран — город, как известно из найденных в Мари таблиц, населенный амореями.

В более позднюю эпоху с севера вторглись на территорию Месопотамии племена несемитского происхождения. Теснимые ими, семитские племена отступали на юго-запад. Во время этой новой миграции арамейцы заняли Сирию, а моавитяне, аммонитяне и эдомитяне поселились в западном и южном Ханаане. Несколько

Вавилонский царь Хаммурапи получает от бога Солнца Шамаша земные законы.

позднее туда прибыло племя авраамидов, причем из Библии следует, что причиной его переселения послужили какие-то конфликты религиозного характера. Смутные воспоминания об этих событиях жили в народе в виде легенд и сказаний, много веков спустя включенных жрецами в Библию.

Благодаря археологическим открытиям мы можем сегодня выделить в сказаниях об Аврааме, Исааке и Иакове конкретные фрагменты, свидетельствующие о непосредственной связи их с месопотамской традицией и с древнейшими религиозными культами. На некоторых из них надо остановиться подробнее, чтобы убедиться, насколько правильно предположение о древности этих народных легенд.

Вот, например, щекотливый вопрос о передаче Сарры в царские гаремы. Нельзя забывать, что это случилось в начале второго тысячелетия до н. э., в эпоху, когда общественный строй кочевых племен был крайне примитивен. Женщина считалась собственностью мужчины, который мог ею распоряжаться по своему усмотрению. Даже несколькими столетиями позже Яхве грозит царю Давиду, что в наказание заберет у него жену и отдаст соседу. Не удивительно, что Сарра так беспрекословно подчинилась воле мужа.

У древних месопотамских, а следовательно, и еврейских племен связь замужней женщины с посторонним мужчиной считалась преступлением не потому, что он не был ее мужем, а единственно по той причине, что женщина была собственностью другого. Это касалось и невесты, если будущий муж уже заплатил за нее выкуп. В то же время связь с девушкой, за которую еще не получен выкуп, не считалась особенно предосудительной. Мужчина обязан был лишь

уплатить родителям компенсацию.

Главным делом жены было рожать детей и продолжать род мужа. Строгое соблюдение ею супружеской верности преследовало единственную цель: обеспечить законность потомства и наследования. В соответствии с этими понятиями девичеству незамужних женщин не придавалось никакого значения. То, что Лот ради спасения своих гостей готов был отдать собственных дочерей на поругание содомской черни, объясняется именно этой традицией.

Дочери еще не были замужними женщинами, матерями рода, и, стало быть, причиненный им урон был бы не слишком велик.

Это отнюдь не значит, что евреи одобряли подобные поступки. Например, сыновья Иакова, Симеон и Левий, жестоко отомстили за похищение сестры.

Эпизод с Лотом просто притча, передававшаяся из поколения в поколение. Народ, должно быть, хотел с помощью этой гиперболической метафоры подчеркнуть, как дорог был Лоту закон гостеприимства. А помимо того, создается впечатление, что в данном случае Библия передает злую сплетню, распространяемую в народе. Ведь Лот был родоначальником моавитян и аммонитян, к которым евреи относились презрительно и враждебно.

Обычаи, касающиеся общественного положения женщины, зафиксированы в кодексе Хаммурапи. Согласно этому кодексу, даже прелюбодеяние считалось допустимым, если муж соглашался на него по тем или иным причинам, в частности ради спасения своей жизни. Авраам дважды посылал Сарру в гаремы чужих царей, выдавая ее за свою сестру. Это отнюдь не свидетельствует, как думали раньше, об извращенных моральных понятиях древних евреев. Об отношении древних к подобным поступкам мы можем судить по тому, что бог явно одобряет хитрость Авраама. Ведь бог наказывает не его, а царей, хотя они стали жертвой обмана. Очевидно, они были виноваты в том, что вообще действовали методами произвола и насилия, и поэтому у Авраама были все основания опасаться их. Впрочем, наказание царей имеет практическое значение. Нужно было заставить их вернуть Сарру, которой предназначено было стать родоначальницей поколений Израилевых.

Поскольку речь идет о Сарре, то стоит остановиться на забавном вопросе о ее красоте. Ей было шестьдесят пять лет, когда фараон взял ее в свой гарем, а в восемьдесят лет она произвела своей внешно-

стью фурор в царстве Авимелеха. Герои библейских сказаний вообще отличаются сверхъестественной долговечностью и плодовитостью. Фарра умер, когда ему было двести пять лет, Авраам дожил до ста семидесяти пяти лет. Поэтому почитатели Библии охотно верили, что супруга патриарха так долго сохраняла женское обаяние.

Библейская легенда о красоте Сарры прошла через всю историю израильского государства. В горных пещерах на берегу Мертвого моря были найдены в 1947 году свитки с библейскими текстами, относящимися к периоду III века до н. э.— I века н. э. Свитки являлись собственностью еврейской секты ессеев, центром которой был монастырь в Кумране, построенный, вероятно, во II веке до н. э. Один из свитков содержит арамейский комментарий к книге Бытие; там имеется, в частности, описание красоты Сарры. В переводе оно звучит так:

«О, как румяны ее щеки, как пленительны глаза ее, как изящен нос ее и как сияет ее лицо! О, как красивы груди ее и незапятнанна белизна ее тела! Как сладостно смотреть на ее плечи и руки, полные совершенства! Как тонки и нежны ее пальцы, как изящны ее ступни и бедра!»

Печальная история Агари тоже находит объяснение в месопотамских обычаях, зафиксированных в законодательстве Хаммурапи. Закон четко определил место наложницы и ее детей в семье. Наложница должна была рожать на коленях у бездетной супруги. Это был акт формального признания сына рабыни законным наследником рода. В Библии этот своеобразный обычай отражен в сказании о дочерях Лавана.

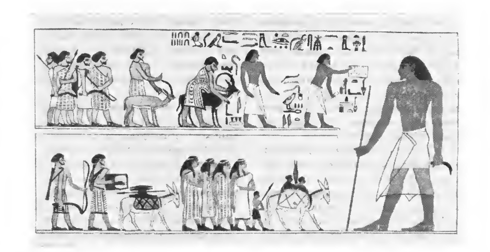
В архиве, найденном среди развалин дома богатого месопотамского купца в Нузу, обнаружен брачный контракт семьи Тегаптилли (около 1500 года до н. э.); в нем содержится, в частности, следующий параграф:

«Если у жены будут дети, муж не имеет права брать вторую жену. Если же у нее детей не будет, она сама выберет мужу рабыню, а детей, рожденных от этого союза, воспитает, как своих собственных».

Теперь перейдем к одному из самых странных и таинственных обрядов, установленных Авраамом во время скитаний по Ханаану, а именно к обрезанию. Это один из древнейших обрядов первобытных племен, и смысл его нам до сих пор неясен. Мы его встречаем во все времена во всех частях света. Геродот объяснял его заботой о личной гигиене, современные же ученые склонны рассматривать его как магический акт, символизи-

рующий кровавую жертву божеству. Обрезание существовало у некоторых индейских племен до открытия Америки, у народов Австралии, Полинезии и Африки. Для нас важно, что обрезанию подвергали себя также египетские жрецы. Евреи, вероятно, познакомились с этим обрядом во время своего непродолжительного пребывания в Египте и под впечатлением его религиозной символики ввели этот акт у себя как внешний признак союза с богом. Геродот утверждает, что евреи, эдомитяне, аммонитяне и моавитяне заимствовали обычай обрезания у египтян. Это кажется тем более вероятным, что в Месопотамии, откуда названные племена прибыли в Ханаан, такого обряда не существовало. Греческий историк утверждает, кроме того, что египтяне, в свою очередь, переняли обычай обрезания у эфиопов. По всей вероятности, также и арабы ввели его у себя под влиянием эфиопов, причем еще до появления Мухаммеда. Всюду, куда распространялось их влияние, они вводили этот обычай вместе с исламом, хотя Коран не только не требует обрезания, но вообще обходит этот вопрос молчанием.

Если обычай обрезания следует выводить из Египта, то

Скотоводы просят египетского сановника пропустить их через границу. Барельеф из гробницы в Бени Хассан.

разговор Авраама с богом и его попытки спасти невинных содомлян явно месопотамского происхождения. В шумерском сказании о потопе богиня Иштар приходит к верховному богу, ответственному за потоп, обвиняя его в несправедливости и даже преступлении. По ее мнению, бог не имел права истреблять все человечество, если заодно с грешниками погибли и невинные, благочестивые люди. Свою речь Иштар заканчивает знаменательной фразой: «Каждый грешник сам отвечает за свои грехи».

В этом шумерском мифе осуждается принцип коллективной ответственности. Проблема страданий и смерти честных и праведных людей с незапамятных времен волновала умы поколений. Почему бог допускает, чтобы праведники страдали, а грешники жили в свое удовольствие? С попыткой найти ответ на этот вопрос мы сталкиваемся, в частности, в библейском сказании о трагической судьбе Иова и в других древних легендах.

О том, как глубоко врезалось в память еврейских племен пребывание в Месопотамии, свидетельствует, в частности, приснившаяся Иакову лестница, с поднимающимися и спускающимися по ней ангелами. Она поразительно похожа на зиккураты, т. е. пирамиды в Уре и Вавилоне, с их каменными ступенями, по которым поднимались и спускались жрецы. Всякие сомнения по этому поводу рассеивают слова Иакова, сказанные после пробуждения: «Как страшно сие место! Это не что иное, как дом божий, это врата небесные». Эти «врата небесные» в применении к лестнице были бы совершенно непонятны, если бы мы не знали, что Вавилон значит в переводе «врата божьи». Итак, здесь явная ассоциация с вавилонским зиккуратом.

В память о своем сновидении Иаков установил камень и возлил на него елей. Это древний семитский обычай. Культ камней самый древний у первобытных племен. Черный камень Кааба в Мекке — памятник древней религии арабов времен политеизма. Культ камней существовал также у финикийцев и ханаанеян. В Палестине при раскопках обнаружено множество таких камней. В частности, среди развалин города Гезера нашли восемь священных столбов, установленных на холме. Семиты верили, что там проживает бог, и назвали их Вефиль, что значит «дом божий». Именно так назвал Иаков место, где ему приснилась лестница с ангелами. Этот эпизод доказывает, что в поколении Иакова жив был еще архаический фетишизм.

Много хлопот доставила исследователям сцена всесож-

Баран из золота и ляпис-лазури из царской гробницы в Уре.

жения Исаака. Эта мрачная глава Библии, где Яхве подвергает своего верного почитателя столь жестокому испытанию, совершенно несовместима с представлением о добром, милосердном боге. Сегодня мы знаем, что этот эпизод — последний отголосок варварского культового обряда. Благодаря археологическим открытиям мы проследили также его происхождение.

В Месопотамии, Сирии и Ханаане существовал очень древний обычай приносить в жертву богам первородных детей. Во время раскопок в Гезере — одном из крупнейших центров ханаанского культа — археологи нашли урны со скелетами восьмидневных детей, принесенных в жертву богам.

Детей приносили в жертву также по случаю постройки храмов и общественных зданий. Останки этих жертв часто находили замурованными в фундаменты домов, а в Мегиддо у подножия городской стены было найдено зацементированное тело пятнадцатилетней девушки.

Эпизод с Исааком связан также и с месопотамскими мифами. Об этом можно судить по упоминанию о баране, запутавшемся рогами в тернии. Это был, вероятно, какой-то культовый символ: английский археолог Вулли при раскопках Ура нашел скульптуру барана, запутавшегося рогами в кустарнике. Эта скульптура, очевидно, почиталась у шумеров как святыня. Об этом свидетельствует не только тот факт, что ее нашли в одной из царских гробниц, но и то, как она выполнена. Деревянная скульптура обшита золотом, а бараньи рога и ветви кустарника древний мастер сделал из ляпис-лазури.

Племена, населявшие Ханаан во времена Авраама, принадлежали по большей части к западной группе семитов и

говорили на языке, очень близком к еврейскому. Наши сведения об их религиозных верованиях долгое время были очень скудными. Только клинописные таблички, найденные среди развалин финикийского города Угарита, позволили точно воссоздать их мифологию и религиозные обряды. Верховным богом ханаанеян был Эль, выступающий часто под именем Даган или Дагон. Его считали создателем мира и изображали в виде длиннобородого старца. Самым популярным богом был, однако, Ваал — хозяин грозы и дождя, покровитель земледельцев. Из многочисленного пантеона ханаанеян следует назвать еще богиню любви Астарту. Культовые обряды в ее честь носили характер сексуальных оргий. Кроме того, каждый ханаанский город имел своего бога-покровителя.

В религии ханаанеян немало общего с верованиями вавилонян. У некоторых ханаанских богов есть свой вавилонский эквивалент, и даже имена у них схожи. Не подлежит сомнению, что первоначальная, политеистическая религия евреев была во многом близка к ханаанской. Библейские тексты свидетельствуют, что и евреи часто пользовались словом «Ваал» для определения бога. Элохим-бог содержит тот же корень, что и имя верховного ханаанского бога — Эль, а его сын, часто отождествляемый с Ваалом, назывался Яв, что сродни имени Яхве.

Ханаанеяне стояли на значительно более высокой ступени цивилизации, чем кочевые еврейские племена, хотя и приносили человеческие жертвы. Они жили в городах, были искусными ремесленниками и занимались земледелием. Это превосходство цивилизации в сочетании с родством языка и религии не могло не оказать большого влияния на новых иммигрантов, кочевников, живших в шатрах.

Авраам пытался, вероятно, противостоять этому влиянию, и его позиция нашла выражение в эпизоде с Исааком. Как обычно в Библии, варварский культовый обряд подвергается здесь сублимации и становится символом глубокой религиозной мысли. В данном случае авторы библейского текста хотели подчеркнуть беспрекословное подчинение Авраама воле божьей и существенные сдвиги, которые произошли в религиозных представлениях его племени.

В книге Чисел жертвоприношения детей подвергаются резкому осуждению, как худшее из преступлений ханаанеян. Таким образом, случай с Исааком является как бы актом формального отмежевания от кровавых обрядов, вероятно все еще распространенных тогда в Ханаане.

Долгое время оставался загадочным вопрос о статуэтках домашних божков, украденных Рахилью. Исследователей Библии интересовало, зачем Рахиль украла статуэтки и почему Лаван придавал им такое значение. Ответ был найден лишь недавно. В архиве клинописных табличек из Нузу было обнаружено завещание, в котором отец оставляет старшему сыну статуэтку домашнего божка и главную долю наследства. Отец подчеркивает в своем завещании, что другие сыновья имеют право приходить в дом основного наследника и приносить жертвы божку. Согласно законодательству Хаммурапи, зять, обладающий статуэткой тестя, пользовался правом на наследство наравне с сыновьями.

Исходя из этого, можно предполагать, что Рахилью руководили чисто практические соображения: украв статуэтку, она обеспечивала своему мужу права на наследство. Лаван знал об этом и именно поэтому так настойчиво добивался возвращения украденного.

Очень древним является также обычай отработки у тестя определенного количества лет в качестве выкупа за невесту. Как ни странно, у некоторых народов Востока обычай этот сохранился и поныне. Польский писатель Аркадий Фидлер в своей книге «Дикие бананы» рассказывает, что он наблюдал подобные отношения у вьетнамского племени таев. Еще в XIX веке они были распространены у татар и сирийцев. Швейцарский путешественник Буркхардт в книге «Путешествие по Сирии» рассказывает: «Однажды я встретил молодого человека, который восемь лет работал за одну еду; к концу этого срока он должен был получить в жены хозяйскую дочь, за которую иначе ему пришлось бы уплатить семьсот пиастров. Когда мы познакомились, молодой человек был уже три года женат. Но он горько жаловался на тестя, который по-прежнему требовал, чтобы он выполнял для него даром самую тяжелую работу. Это мешало ему обзавестись собственным хозяйством и заботиться о семье. Встретились мы в районе Дамаска». Как удивительно это похоже на отношения между Лаваном и Иаковом!

В главах книги Бытие, рассказывающих историю трех патриархов, мы встречаем названия городов, которые долгое время считались легендарными. Но великие археологические открытия на рубеже XIX и XX веков доказали, что эти города существовали в действительности и что в этом отношении Библия вполне достоверна.

Это касается прежде всего города Ура, из которого отец

Авраама эмигрировал в Харран. В 1922 году крупный английский археолог Леонард Вулли предпринял раскопки на холме, названном арабами Смоляной горой, и обнаружил развалины огромного города, основанного шумерами за три тысячи лет до н. э. На вершине сооружения, похожего на пирамиду-зиккурат, стоял храм бога луны.

Вулли восстановил по раскопкам дом состоятельного горожанина, жившего примерно в XIX—XVIII веках до н. э., то есть в то время, когда предположительно там проживал род Фарры. В этой связи английский ученый пишет в своей книге «Ур Халдейский»:

«Мы должны коренным образом пересмотреть наши взгляды на библейского патриарха, после того как мы узнали, в каких культурных условиях прошли его молодые годы. Он был гражданином крупного города, наследником старой, высокоразвитой цивилизации. Жилища свидетельствуют о комфортабельной жизни, даже о роскоши».

Еще интереснее история открытия Харрана. Согласно библейской традиции, род Фарры эмигрировал из Ура в Харран по религиозным причинам. По мнению американского востоковеда Олбрайта, это происходило где-то между XX и XVII веками до н. э., в царствование Хаммурапи. Определение времени царствования Хаммурапи и поныне составляет предмет споров. Ученые называют три даты: 1955—1913 годы, 1792—1750 годы и, наконец, 1728—1686 годы до н. э.*. Есть основания предполагать, что род Фарры поклонялся богу луны. На это указывает, в частности, следующая фраза из Книги Иисуса Навина: «За рекою (Евфратом) жили отцы наши издревле, Фарра, отец Авраама и отец Нахора, и служили иным богам» (гл. 24, ст. 2).

Из библейского текста мы знаем, почему Авраам покинул Харран и отправился в землю Ханаанскую. Причиной эмиграции был его переход к генотеизму, что, согласно Библии, произошло еще в Уре.

Одна из легенд, записанных на клинописных табличках, найденных в Угарите, рассказывает о борьбе между почитателями луны и солнца и об изгнании почитателей луны. Кроме того, следы культа луны найдены и в Палестине. Ученые предполагают, что имя отца Авраама — Фарра происходит от общего для всех семитических языков слова, обозначающего луну.

Британский археолог Дэвид Сторм Райс отправился в 1957 году в южную Турцию и нашел развалины Харрана. Оказалось, что город был расположен на реке Нар-Бали, притоке верхнего Евфрата, при-

мерно в пятистах километрах к северу от Ура. О том, что Харран был центром культа бога луны и что жители его славились своим религиозным фанатизмом, мы знали из различных древневавилонских текстов. Но никто и не подозревал, как сильно они были привязаны к своему божеству. В результате исследований, проведенных английским археологом, выяснилось, что культ луны сохранялся там в течение всего времени существования Римской империи, что в борьбе с ним оказалось бессильным христианство и даже ислам вынужден был мириться с ним целыми столетиями. Только в царствование Саладина храм бога луны был разрушен. На его фундаменте в 1179 году построили мечеть, в свою очередь разрушенную монголами в XIII веке н. э.

Под развалинами трех ворот мечети Райс нашел три каменные плиты с высеченными символами бога луны. Плиты были уложены таким образом, что почитатели Мухаммеда, входя в мечеть, наступали на них в знак того, что древняя религия Харрана уничтожена навсегда.

Опираясь на эти данные, Райс выдвинул гипотезу, что культ бога луны просуществовал в Харране до XII века н. э.

Какие из этого следуют выводы? Если предположить, что библейский Авраам существовал в самом деле, то его уход из Харрана нужно рассматривать как бегство основателя нового культа от преследований фанатических поклонников бога луны. Здесь напрашивается аналогия с Мухаммедом, вынужденным бежать из Мекки.

Если же подвергнуть сомнению самый факт существования Авраама, то на основании табличек, найденных в Мари, мы можем считать этот библейский образ олицетворением всей истории скитаний одного из еврейских племен. Напомним, что некоторые библейские тексты дают основание предположить, что монотеизм Авраама не был монотеизмом в современном понимании, а всего лишь культом племенного бога, именуемого Элохим.

Следует ли в связи с этим отвергнуть гипотезу, будто эмиграция из Харрана была вызвана религиозными причинами? Думаю, что нет. Нужно только личность Авраама заменить образом племени, и тогда вся гипотеза покажется вполне вероятной. Одно из проживающих в Харране племен вступило в конфликт с почитателями бога луны, не желая поклоняться никому, кроме божества своего племени, и вынуждено было в конце концов покинуть Харран и искать счастья в Ханаане. Отголоски этих событий сохранились в народных легендах и сказаниях, включенных впо-

следствии жрецами в библейский текст.

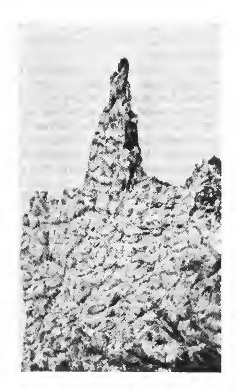
Сравнительная история религии показывает, что боги претерпевали те же изменения, что и их приверженцы. Под влиянием политических катастроф и страданий евреи постепенно углубляли свою племенную религию и в конце концов, возвратившись из вавилонского пленения, подняли ее на вершины полного монотеизма. Яхве становится универсальным богом, отвечающим требованиям новой эпохи и цивилизации.

Жрецы-редакторы именно в этом духе правили древние сказания, пытаясь изобразить Авраама приверженцем чистейшего монотеизма. Как известно, это им удалось не полностью, и в отдельных фрагментах текста Яхве сохранил черты первобытного божества племени.

Археологические раскопки в Палестине дают всё лучшие результаты. В последнее время найдены развалины нескольких более мелких городов, упомянутых в библейской истории патриархов. Так, близ современного местечка Тель-Балафа обнаружены развалины города царя Еммора, где сыновья Иакова совершили свою кровавую вендетту. Самый древний слой раскопок относится к XIX веку до н. э. Там найдены остатки мощной крепостной стены, дворца и храма, судя по которым царь Еммор был могущественным властелином.

А, например, местность Мамре, где Авраам, а затем Исаак благоденствовали в тени дубрав, вообще никогда не исчезала. Она расположена в трех километрах к северу от Хеврона. Арабы называют ее Харам-Рамет-эль-Халиль (священная возвышенность друга божьего, то есть Авраама). Там издавна окружены культом дуб, колодец и жертвенник Авраама. При археологических раскопках здесь обнаружили древний колодец и фундамент жертвенника, на котором впоследствии воздвигли христианский алтарь. Кроме того, в окрестных пещерах найдено множество человеческих останков, свидетельствующих о том, что в древние времена в Мамре находилось большое кладбище. Над пещерой в Махпеле, где, согласно Библии, похоронены патриархи Авраам, Исаак и Иаков, находится теперь одна из самых почитаемых исламских мечетей.

Мы сегодня знаем также, где находился Герар — город Авимелеха. Его развалины обнаружены в Тель-Джемле, в тринадцати километрах к юго-востоку от Газы. В 1927 году английская археологическая экспедиция, ведя раскопки, добралась до слоя, относящегося к бронзовому веку. Среди развалин найдено множество ве-

Соляной столб на берегу Мертвого моря, напоминающий человеческую фигуру.

сов — из этого можно заключить, что Герар был во времена Авраама крупным торговым центром.

До сих пор, к сожалению, не удалось установить местоположения Содома и Гоморры, хотя в последние годы в мире ученых все прочнее утверждается мнение, что эти города существовали в действительности. Вот вкратце результаты поисков, достигнутые к сегодняшнему дню.

1. Уже в середине XIX века англичане установили, что от узкого мыса Лисан, на восточном берегу Мертвого моря, тянется под водой высокий скальный гребень, разделяющий это озеро на два отдельных бассейна. Южный — очень мелкий, а в северном дно резко опускается на глубину до четырехсот метров. Предполагают, что мелкая часть была некогда сушей, затопленной в результате какого-то геологического катаклизма. Согласно Библии, Содом и Гоморра находились в долине Сиддим, «где ныне море Соленое» (Бытие, гл. 14, ст. 3). Недавно были найдены отрывки из «Первобытной истории» финикийского жреца Санхунятона, который пишет: «Долина Сиддим провалилась и стала озером...»

2. Геологические обследования обнаружили следы резких вулканических катаклизмов в долине Иордана, у подножия гор Тавр, в Аравийской пустыне, в заливе Акаба и у берегов Красного моря. Геологи установили даже дату этого стихийного бедствия. Оно произошло примерно за два тысячелетия до н. э., то есть во времена Авраама.

3. В непосредственной близости к Мертвому морю расположены холмы каменной соли. Некоторые из них в ре-

зультате процесса выветривания приобрели форму, напоминающую человеческую фигуру. Несомненно, что именно это послужило основой для возникновения легенды о жене Лота, превращенной в соляной столб.

4. Отсюда следует, что в памяти народной сохранился образ какого-то стихийного бедствия, случившегося в древние времена в районе Мертвого моря. Вокруг этого события родилось множество преданий и легенд, но их корни исторически достоверны.

5. Летчики, совершающие систематические рейсы над Мертвым морем, утверждают, что заметили контуры каких-то развалин, причем именно в том месте, где предположительно находились Содом и Гоморра. Аквалангисты пытались обследовать морское дно. Например, начальник баптистской миссии в Вифлееме доктор Ральф Банэй заявил в 1958 году, что он добрался до самого дна и обнаружил там следы плотины. Но к его словам отнеслись с сомнением.

Спуститься на дно Мертвого моря и разобрать, что там находится, чрезвычайно трудно. Вода содержит двадцать пять процентов соли и настолько мутна, что на расстоянии вытянутой руки ничего не видно. Кроме того, плотность воды такова, что человек может спокойно улечься на поверхности и читать книгу. Для того чтобы спуститься на дно, ныряльщик должен захватить килограммов сорок груза. Кроме того, высокое содержание соли вызывает болезненное раздражение кожи и отечность губ.

В последнее время к подводной экспедиции серьезно готовится американо-канадская археологическая группа. Возможно, ей удастся раскрыть тайну Содома и Гоморры.

Нам нужно коснуться еще вопроса о Дамаске. В Библии ничего не сказано о том, что Авраам останавливался там по пути в Ханаан. Однако, описывая этот эпизод, мы исходили из конкретных источников и предпосылок.

1. О пребывании Авраама в Дамаске упоминает еврейский историк Иосиф Флавий (37—95 годы н. э.) в своем сочинении «Еврейские древности». Очевидно, он располагал какими-то неизвестными нам источниками.

2. Древний путь из Харрана в землю Ханаанскую вел через Сирию и, стало быть, через Дамаск. Нет оснований думать, что Авраам избрал другой, окружной и менее удобный, маршрут.

3. Пребывание в Дамаске подтверждается тем, что в доме Авраама появляется

вдруг новое лицо — Елиезер из Дамаска. Патриарх возложил на него ответственные обязанности в своем хозяйстве и до рождения собственного сына считал его своим главным наследником, на основании кодекса Хаммурапи, который в случае бездетности допускал усыновление.

Страна, в которую переселился Авраам, называлась первоначально Ханаан, лишь позднее греческий историк Гордот назвал ее Палестиной, по имени библейских филистимлян — народа, занявшего в XIII веке до н. э. южное побережье Ханаана.

Палестину можно разделить на три основных района: низменность у Средиземного моря, возвышенность к западу от Иордана, так называемое Предиорданье, и скалистые земли на восточном берегу реки, то есть Заиорданье. На юге средиземноморского побережья почва была удивительно плодородной. Расположенную там долину Сарон называли «райским садом». Урожайной была и возвышенность к западу от Иордана. Благодаря жаркому климату там созревали даже финики. Особенно славилась своим плодородием Галилея, которая была густо населена с самых древних времен. Именно там обнаружены развалины ряда городов, упомянутых в Библии. К востоку от Иордана также лежали районы, население которых занималось земледелием.

Но в основном Ханаан был скотоводческой страной. Плоскогорья, склоны гор и степи были хорошими пастбищами, хотя они периодически страдали от засухи. В долине Иордана землю возделывали лишь у озера Геннисарет, в других же местах земля была покрыта буйной растительностью, и там водились даже хищные звери.

Примитивные методы земледелия без применения удобрений, быстрое истощение почвы и периодические засухи привели к тому, что голод бывал в стране частым явлением.

Египтяне привыкли к виду кочевых скотоводческих племен, приходивших на границу просить пристанища. Они знали, что их пригнал голод, что это мирные люди, не питающие враждебных намерений. Поэтому они охотно пускали их на свои, тогда еще мало заселенные, территории в дельте Нила. Конечно, за эту услугу они требовали от пришельцев дани. На фресках в одной из египетских гробниц изображены до крайности истощенные номады, настоящие скелеты, обтянутые кожей. На фреске же в гробнице в Бени-Хассане мы находим реалистическое изображение семитского скотоводческого племени, ведущего на границе переговоры с египетскими чиновниками.

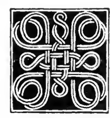
Египетский пограничный вал, возведенный для защиты от нападений воинственных племен пустыни, существовал уже за две тысячи лет до н. э., то есть во времена Авраама. Мы узнаем об этом из воспоминаний египетского вельможи Синухета, который дал себя вовлечь в какие-то придворные интриги, после чего вынужден был бежать за границу. Синухет рассказывает, как он перебрался под покровом ночи через Княжескую стену и пришел в северный Ханаан, где нашел приют у вождя племени, вроде Авраама, Исаака или Иакова. В своих воспоминаниях Синухет много говорит о плодородии Ханаана; это подтверждает свидетельство Библии, называющей Ханаан землей, «где течет молоко и мед». Разумеется, эта похвала могла касаться только тех областей, где существовало земледелие и садоводство. Синухет пишет, в частности: «Это была хорошая земля. Инжир и виноград росли там в большом изобилии, а вина было больше, чем воды. Мы никогда не испытывали недостатка в меде и масле. На деревьях полно было самых различных фруктов. Там выращивали также пшеницу и ячмень. Скота было несметное множество. Каждый день я ел хлеб, вино, вареное мясо и жареную птицу. Кроме того, я питался и дичью, так как они охотились для меня, а сам я тоже часто отправлялся с собаками на охоту».

Описание одежды, которую носили люди племени Авраама, мы можем дать тоже благодаря археологическим открытиям, сделанным в Египте. В гробнице египетского вельможи в Бени-Хассане (XVIII век до н. э.) есть фреска, изображающая племя семитских кочевников, прибывших из Палестины. Мы видим там бородатых мужчин, женщин и детей. На некоторых мужчинах надеты короткие юбки из разноцветной полосатой ткани, женщины же и остальные мужчины закутаны в длинные живописные плащи. Оружие кочевников составляют копья, луки и пращи. Один из номадов играет на маленькой лире,— это доказывает, что уже тогда семиты любили музыку. Преобладающие цвета — зеленый, красный и голубой. Мужчины и женщины носили различные украшения.

В Библии мы тоже находим свидетельства того, что еврейские племена любили яркие цвета. В книге Исход (гл. 25, ст. 1—7) бог велит Моисею, чтобы он собрал от своих людей приношения: «И сказал господь Моисею, говоря: скажи сынам израилевым, чтобы они сделали мне приношения; от всякого человека, у которого будет усердие, принимайте приношения мне.

Вот приношения, которые вы

должны принимать от них: золото и серебро и медь, и шерсть голубую, пурпуровую и червленую, и виссон, и козью (шерсть), и кожи бараньи красные, и кожи синие, и дерева́ ситтим, елей для светильника, ароматы для елея помазания и для благовонного курения, камень оникс и камни вставные для ефода (верхняя короткая одежда.— Ред.) и для наперсника». А во Второй книге царств (гл. 1, ст. 24) Давид восклицает: «Дочери израильские! Плачьте о Сауле, который одевал вас в багряницу с украшениями и доставлял на одежды ваши золотые уборы».

БУРНАЯ
ИСТОРИЯ ИОСИФА

РОДАННЫЙ В РАБСТВО. У Иакова было двенадцать сыновей, но больше всего он был привязан к младшим — Иосифу и Вениамину, рожденным его любимой Рахилью. Вениамин был еще ребенком, а Иосиф вырос и стал смышленым отроком, и никто в семье не мог с ним сравниться по уму и сообразительности. Отец, разумеется, очень им гордился и, как это иной раз бывает, легко подчинялся его прихотям. Между прочим, подарил ему узорчатые одежды очень красивой расцветки и не настаивал, чтобы юнец утруждал себя хозяйственными работами. На сыновей Валлы и Зелфы Иаков взвалил все заботы о скотине, и они целые дни проводили на пастбищах, в то время как Иосиф щеголял дома в нарядном платье, прилизанный как настоящий франт. При этом он держался очень высокомерно, безудержно хвастал и, о чем бы ни заговорили, всегда оказывалось, что он все знает лучше, чем его единокровные братья. Хуже того, случалось, он подсматривал за ними и сразу же доносил отцу обо всех их провинностях. У сыновей Иакова, которые много времени проводили за пределами отчего дома, были свои секреты, поэтому они от всего сердца возненавидели тщеславного хвастуна и доносчика, портившего им жизнь. Но Иосиф, ослепленный своим величием, не отдавал себе отчета о растущей обиде братьев. Не проходило дня, чтобы он не допекал их тем или иным способом. Особенно раздражала их привычка Иосифа рассказывать свои сны, в которых братья всегда выступали в какой-нибудь унизительной роли.

Однажды, когда вся семья собралась за столом, Иосиф рассказал такой сон: «Вот мы вяжем снопы посреди поля; и вот мой сноп встал и стал прямо; и вот ваши снопы стали кругом и поклонились моему снопу». Единокровные братья возмутились и насмешливо спросили: «Неужели ты будешь царствовать над нами? Неужели будешь владеть нами?» Иаков, как всегда, и в этой стычке взял сторону своего любимца. Но вскоре Иосифу приснился другой сон, в котором не только одиннадцать звезд, но даже луна и солнце поклонились ему. Это больно задело старика отца.

«Что это за сон, который ты видел? — сердито проворчал он.— Неужели я, и твоя мать, и твои братья придем поклониться тебе до земли?»

Иосиф, неожиданно получивший нагоняй от Иакова, в течение некоторого времени держал себя тише воды, ниже травы. Однако потом неприятное происшествие было забыто, и отец снова осыпал Иосифа милостями и привилегиями.

Случилось однажды, что единокровные братья в поисках пастбищ дошли вплоть до Сихема и долго не давали о себе вестей.

Обеспокоенный их молчанием, Иаков послал Иосифа разузнать, что с ними происходит. Иосифу польстило отцовское поручение, и он немедля взял на себя роль надсмотрщика. В Сихеме он узнал, что братья вместе со стадом ушли в окрестности города Дофан. Тогда он отправился за ними следом. Братья находились на пастбище и сразу увидели Иосифа, едва только он появился на горизонте. Один из братьев с издевкой воскликнул: «Вот идет сновидец» — и предложил приветствовать его так, чтобы у него отпала всякая охота к снам. Глядя на разряженного франта, который явно снова собрался шпионить за ними, сыновья Валлы и Зелфы решили покончить с ним раз и навсегда. И замыслили они убить его и бросить в высохший колодец, а отцу сообщить, что его пожрал хищник, но Рувим высказался против такого плана и умолял братьев не проливать братскую кровь. Он предложил бросить Иосифа в колодец живьем, ибо он все равно погибнет там с голоду. В глубине души, однако, Рувим рассчитывал под покровом ночи вытащить брата из ловушки и отвести к отцу.

Озлобленные братья после долгих споров согласились с Рувимом и, как только Иосиф подошел к ним, накинулись на него, раздели донага и, связав постромками, опустили на дно глубокого колодца. Несчастный сразу потерял сознание, а когда очнулся во рву, его охватил ужас, и он начал громко причитать. Преступные братья остались глухи к его жалобам и мольбам; как ни в чем не бывало они сели за еду и не бросили ему даже ломтика хлеба. Но вот вдали появился караван мадиамских купцов или измаильтян [1], который вез из Галаада в Египет благовонные коренья, мирру и бальзам. Это были богатые купцы в роскошных одеждах. На шее и на плечах у них сверкали украшения из чистого золота, даже упряжь вьючных ослов была отделана золотыми шишечками. Тут сыновьям Иакова пришла в голову мысль продать Иосифа в рабство. Странствующие купцы внимательно оглядели худощавого отрока и заключили сделку: заплатили за него двадцать сребреников, так как хорошо знали, что на египетском рынке молодые рабы высоко ценятся. Едва только караван двинулся в дальнейший путь, подлые братья смочили одежду Иосифа в крови козла и послали отцу, спрашивая, узнает ли он ее. Увидев окровавленную одежду любимого сына, Иаков едва не лишился рассудка. Разорвав на себе в клочья одежду, он стенал в безутешном горе: «Это одежда сына моего; хищный зверь съел его; верно, растерзан Иосиф». Потом он надел власяницу и без конца оплакивал свою утрату. Семья всячески старалась облегчить отцовское горе, но безутешный Иаков по-

[1] В Библии непоследовательно называются то одни, то другие. Иногда измаильтян отождествляют с бедуинами.

вторял надрывающимся голосом: «С печалию сойду к сыну моему в преисподнюю». Пока он томился в своем безутешном горе, мадианитяне тем временем шли дальше, уводя в Египет несчастного, горько плачущего Иосифа, которого так коварно предали его братья.

ОСИФ В ДОМЕ ПОТИФАРА. Странствующие купцы продали Иосифа начальнику телохранителей фараона Потифару. Таким образом сын Иакова стал слугой одного из крупнейших вельмож Египта. Жилось ему там неплохо. Трудолюбивый, честный и безмерно старательный, он снискал благосклонность своего хозяина, и тот оказывал ему доверие и давал все более ответственные поручения. В конце концов дошло до того, что Потифар назначил Иосифа главным управителем своих имений и не вмешивался в его распоряжения. Все, что только Иосиф ни предпринимал, получалось хорошо. У Потифара по справедливости были основания, чтобы отличить перед другими еврейского раба. Ибо с тех пор, как Потифар отдал в его руки управление своим хозяйством, богатства его росли, а сам он, освобожденный от забот повседневной жизни, мог спокойно посвятить себя войску и действовать к своей выгоде. Но, как говорится, счастье никогда не бывает прочным.

Иосиф был юноша статный и красивый. Жена Потифара воспылала к нему страстью и всячески старалась склонить к прелюбодеянию. Однако он отвергал ее заигрывания, не желая отплатить своему господину низкой изменой за все его благодеяния. К сожалению, похотливая женщина вбила себе в голову, что любым путем должна соблазнить юношу. Воспользовавшись случаем, когда в доме не было ни мужа, ни слуг, она под каким-то предлогом заманила Иосифа в спальню, повисла у него на шее и тяжестью своего тела увлекла на ложе. Иосиф отчаянно сопротивлялся и в конце концов убежал, оставив свою одежду в руках искусительницы.

Глубоко оскорбленная в своей женской гордости, отвергнутая искательница любви отомстила за свое поражение. Она подняла ужасный крик и, когда со всех сторон сбежались слуги, показала им одежду Иосифа как доказательство его вины.

Вернувшись домой, Потифар узнал обо всем и, поверив лицемерному возмущению супруги, бросил Иосифа в темницу. Но даже в несчастье сын Иакова ничуть не утратил своей услужливости и предупредительности. За короткий срок он завоевал расположение начальника тюрьмы, и тот назначил его надзирателем над другими узниками. Иосиф был удобным человеком, которому можно было доверить повседневную работу и хозяйственные обязанности. Уж

таков был его характер, всюду, где бы Иосиф ии появлялся, он выдвигался на первое место благодаря своему усердию и готовиости к услугам. Неудовлетвореииое честолюбне двнгало им как в мелких, так и в серьезных делах, а в стремлеиии добиться похвалы Иосифу помогал практический н решительиый ум н его способность иравиться начальству.

Одиажды в темницу прнвелн главного вниочерпня н главного хлебодара царя егнпетского. Иоснф старался облегчить их участь в иесчастье н прислуживал им. Неудачливые прндворные отвечалн ему дружбой, болтали с ннм по целым дням, посвящали его в дворцовые иитриги и рассказывали, какие слабостн у царствующего владыки. Иосиф все это прнмечал в своей памятн и спустя недолгое время разбирался во всех дворцовых делах так хорошо, как будто сам там служил. Одиажды за беседой выяснилось, что обоим придворным привиделись страииые сны. Главному виночерпию сннлась виноградиая лоза: иа ией выросли три ветви, которые сперва покрылись цветом, а потом на них созрелн ягоды. И тогда он подставнл чашу, выжал из ягод сок и подал напиток фараоиу.

Иосиф подумал иемножко н предсказал виночерпию, что через три дня фараон помилует его и верит на прежнее место. И по этому случаю Иосиф попросил внночерпня заступиться за иего перед фараоном, ибо он без внны брошен в темннцу. Главный хлебодар тоже рассказал Иоснфу свой сон. Ему приснилось, будто иа голове у иего три корзины с хлебными изделнямн, а птицы их выклевалн у него. Иоснф помрачиел и предсказал ему, что через три дня его отдадут в рукн палачей.

О ДВОРЦЕ ФАРАОНА. Действительио, спустя трн дня предсказание Иосифа исполнилось. Фараои праздновал день своего рождения и во время пира вспомннл, как хорошо его обслуживал главный виночерпий. И фараон простил его, освободил из темницы и снова отдал ему ключ от дворцового погреба. Зато по отношению к главному хлебодару фараон остался иепреклонен н прнказал его казнить.

К сожаленню, как это нередко бывает, главный внночерпий в счастье своем забыл о товарище по беде, который предсказал ему возвращение иа свободу. Иосиф еще два года томился в темнице и потерял уже всякую иадежду, что неблагодарный сдержит свое обещание. И трудно предвндеть, как сложнлась бы судьба Иосифа, еслн бы фараои в свою очередь не стал видеть сны. Как-то ночью ему прнсннлся такой сон: нз рекн вышлн семь тучных коров н сталн пастнсь на прнбрежном лугу. Но вот вслед за ннмн из воды

вышли семь тощих коров и пожрали тучных. В другой раз ему приснилось, что выросли из земли семь колосьев, налитых зерном, а потом рядом встали семь колосьев пустых и иссушенных ветром и пожрали здоровые колосья.

Загадочные сны привели фараона в смятение. Он созвал со всего Египта самых лучших волхвов и мудрецов, умеющих толковать сны. А они только головами качали, совещались и спорили между собой и в конце концов беспомощно развели руками и признались божественному владыке, что им не удается угадать скрытый смысл его сновидений.

Фараон был угрюм и подавлен, все во дворце пришли в мрачное настроение. И только тогда главный виночерпий вспомнил об Иосифе. Предвидя удобную возможность добиться от фараона еще больших милостей, он рассказал ему про молодого еврея, который когда-то в темнице точно предсказал ему будущее. В душе фараона вспыхнула надежда. Не медля ни минуты, он приказал привести Иосифа. После того как узник остригся и сменил одежду, его ввели к фараону, и он пал ниц перед владыкой, а тот нетерпеливо спросил: «Мне снился сон, и нет никого, кто бы истолковал его, а о тебе я слышал, что ты умеешь толковать сны».

Иосиф внимательно выслушал фараоновы сны о тучных и тощих коровах, а также о колосьях — полных и хороших и тонких и иссушенных ветром. Подумав, Иосиф сказал, что в Египте будет семь лет урожайных, после которых наступит семь лет засухи и голода. Однако Иосиф не ограничился одним только предсказанием, а посоветовал фараону немедленно назначить мудрого управителя, который бы в годы изобилия собрал в амбарах одну пятую часть урожая с целью покрытия недостатка в годы бедствия. Фараону очень понравился этот совет. Он пристально вгляделся в открытое лицо статного юноши, и у него сразу мелькнула мысль, что он нашел человека, в котором почиет дух божий. И фараон тут же назначил Иосифа своим наместником и отдал в его руки управление всем Египтом. Ибо только диктаторскими мерами можно было осуществить хозяйственный план, который требовал наложения тяжелой дани как на феодалов-помещиков, так и на крестьян, живущих в нищете.

Иосифу исполнилось тридцать лет, когда он неожиданно из самых низин падения своего был возведен на вершину успеха и великолепия. После четырнадцати лет рабства он получил право приказывать своим бывшим хозяевам и стал правой рукой монарха, которого в Египте считали богом.

Согласно принятому придворному протоколу Иосифа облекли властью в чрезвычайно торжественной обстановке. Сидя на позо-

лоченном троне, фараон вручил ему регалии, соответствующие высокой должности: золотой перстень, драгоценную цепь на шею и великолепные одежды. А затем он произнес священную фразу: «Я фараон; без тебя никто не двинет ни руки своей, ни ноги своей, во всей земле Египетской». В тот же день весь двор в колесницах, запряженных огненными конями, помчался в храм. Иосиф в качестве наместника восседал во второй, после фараоновой, колеснице, а когда он проезжал по улицам, глашатаи призывали население пасть на колени перед новым владыкой. В храме фараон нарек Иосифа новым египетским именем — Цафнаф-пенеах, что буквально означало «бог говорит: да здравствует». Кроме того, фараон дал ему в жены дочь Потнфера, влиятельного жреца из города Он (греческий Гелиополис), обеспечив Иосифу таким путем поддержку могучей жреческой касты.

ОСИФ ПРАВИТ В ЕГИПТЕ. В течение семи урожайных лет Иосиф ездил по всей стране и лично следил за выполнением приказов. Амбары до краев заполнялись пшеницей, а в стране, невзирая на сбор дани, был такой достаток, что люди благословляли нового правителя. Везло ему и в семейной жизни, ибо супруга его Асенефа родила двух сыновей — Манассию и Ефрема.

Согласно предсказанию Иосифа, наступили годы засухи и голода, которые задели не только Египет, но и все соседние страны. Люди страдали от голода, и, когда они обратились с мольбой к фараону, чтобы он приказал открыть перед ними амбары, фараон отослал их к Иосифу. Как рачительный хозяин, Иосиф внял их просьбе, но не стал распределять хлеб даром. Сначала люди должны были платить за продовольствие деньгами, а когда денег у них не осталось, продавали лошадей, овец, волов и ослов, лишь бы избежать мук голода. В конце концов они лишились земли и сами отдали себя в рабство. Таким образом, после семи лет катастрофы вся земля вместе с теми, кто ее возделывал, перешла в полную собственность к фараону. Только жрецы сохранили свое имущество, так как фараон, считаясь с их влиятельностью, разрешил им в годы благоденствия самим собирать запасы. Едва только вся земля отошла к фараону, Иосиф стал сдавать ее в аренду и возвестил народу: «Вот я купил теперь для фараона вас и землю вашу; вот вам семена, и засевайте землю. Когда будет жатва, давайте пятую часть фараону: а четыре части останутся вам на засеяние полей, на пропитание вам и тем, кто в домах ваших, и на пропитание детям вашим». И люди клялись, что будут верно служить фараону. С тех

пор вступил в жнзнь закон, согласно которому египетский народ отдавал фараону пятую часть своего урожая. Закон этот, одиако, ие распростраиялся на жрецов, и благодаря этому оии богатели и росло их могущество.

ОД ИАКОВА СТРАДАЕТ ОТ ГОЛОДА. В Хаиааие тоже была страшная засуха. Прослышав, что в Египте можно приобрести пшеиицу, Иаков послал десятерых своих сыновей в страиу фараона за хлебом. Дома ои оставнл только Вениамииа, которого любил так сильио, что не соглашался отпустить его, доверив братьям заботу о ием. Братья иавьючили иа ослов пустые мешки и тронулись в дальннй путь. В Египте их допустили пред лицо высшего иачальиика в государстве, нбо только он личио мог продать им хлеб. Взглянув на проснтелей, прибывших из Хаиаана, Иосиф испытал сильное потрясеиие. Он вмиг узиал братьев, которые иекогда продали его за двадцать сребреников. Одиако он не открыл нм, кто он такой, н разговарнвал с ннми через переводчика. Не мог ои также отказать себе в удовольствни и не попугать их. Во всеуслышание ои обвинил их, будто они пришли в Египет ие за тем, чтобы купить пищу, а как соглядатаи. Братьев от страха бросало в жар н в холод. Они всяческн оправдывались, уверяли, что пришли только за хлебом, рассказывали, что у их престарелого отца, который прислал их сюда, было двенадцать сыиовей, из иих самый младший остался дома, а один брат пропал без вести.

Иосиф, нахмурясь, выслушал нх н не подал внду, как глубоко взволновало его сообщеиие о том, что Иаков и Вениамин живы. Притворяясь крайие разгневаииым, он упрямо обвинял братьев, будто оии пришли со шпионскимн целямн. Он предупредил их, что бросит всех в темиицу и только одного отпустнт домой за младшим братом, которого велел привести в доказательство правдивости всех их россказией. Иосиф остался глух к заверенням н мольбам братьев, призвал стражннков и прнказал отвести их в темиицу.

Спустя три дия ему все-таки стало жаль братьев, и он решил смягчить приговор. Ои прнзвал их к себе еще раз и заявил, что продаст им хлеб и позволит вериуться в Хаиаан с условием, что оии приведут ему младшего брата, и лишь одиого нз них оставнт в темиице в качестве заложника.

Не подозревая, что египетский начальиик поннмает еврейскнй язык, сыиовья Иакова стали горько сокрушаться н говорнли друг другу, что их постигло справедливое наказанне за бесчестиый

поступок, который они совершили в отношении брата. Таким образом, Иосиф узнал, что виновные в черном деле сожалеют о содеянном ими и что по существу они неплохие люди. И он так глубоко расчувствовался, что ему пришлось выйти в соседнюю комнату и там, в одиночестве, выплакать сердечную боль и незарубцевавшуюся тоску по семье. Вытерев слезы, Иосиф взял себя в руки, приказал наполнить мешки братьев хлебом и только старшего из них, Симеона, велел отвести в тюрьму как заложника. Втайне от братьев Иосиф приказал также вернуть им деньги, заплаченные за хлеб, и украдкой вложить их в мешки. Таким путем он хотел испытать их честность. Сыновья Иакова отправились в Ханаан с ослами, навьюченными мешками с пшеницей. В пути братья остановились на ночлег. Развязав мешки с пшеницей, чтобы дать корм ослам, они нашли свои деньги, уплаченные за хлеб. В убежденьи, что произошла какая-то ошибка, братья решили вернуть деньги, когда в следующий раз прибудут в Египет. Произошло это, однако, не скоро, ибо Иаков ни за что на свете не соглашался расстаться с Вениамином, а Симеон тем временем уже терял надежду, что выйдет когда-нибудь на волю. Лишившись Иосифа, отец боялся за жизнь младшего сына, видел в нем единственную усладу своей старости. Не помогали ни угрозы, ни мольбы, не подействовало даже обещание Рувима, что он позволит убить двух своих сыновей, если не приведет назад Вениамина. Иаков оставался непреклонным, в связи с чем братья решили не ходить в Египет во второй раз, так как боялись предстать перед египетским начальником без Вениамина.

Вскоре привезенные запасы пищи истощились, и люди снова стали страдать от голода. У Иакова не было другого выхода; пришлось ему скрепя сердце отпустить и Вениамина вместе с остальными сыновьями. И чтобы задобрить египетского начальника, Иаков послал ему в подарок немного бальзаму и меду, благовонные травы и ладан, фисташки и миндаль. И велел он также вернуть египетскому начальнику деньги, которые совершенно необъяснимым образом очутились в мешках.

Братья отправились в Египет с самыми мрачными предчувствиями, но Иосиф, увидев Вениамина, принял их милостиво. Он велел поварам готовить пир, а гостей поручил опеке домоправителя, чтобы они могли отмыться от пыли. Братья воспользовались этим случаем, чтобы вернуть деньги, найденные в мешках. Но, к их удивлению, слуга Иосифа отказался принять деньги и успокоил их словами: «Будьте спокойны, не бойтесь... серебро ваше дошло до меня». Братья вздохнули с облегчением, а тут сразу же их ожидала новая радость. Домоправитель привел из темницы Симеона и дал ему чистые одежды, ибо он также был приглашен на пир.

Во дворце братья до земли поклонились египетскому начальнику и поднесли ему дары, присланные Иаковом. Иосиф приветствовал их, оглядел дары и спросил про здоровье отца. А когда он поднял глаза на Вениамина, брата своего, такая любовь вскипела в нем, что только величайшим усилием воли сдержал он слезы. Он стремительно вышел во внутреннюю комнату и выплакался там без свидетелей. Потом он умыл лицо и, вернувшись в празднично убранный зал, приказал подавать к столу. Во время пира Иосиф заботился, чтобы юному Вениамину доставались самые лакомые кусочки. Вскоре за столом воцарилось веселье, все напились.

ОСИФ ПОДВЕРГАЕТ БРАТЬЕВ НОВОМУ ИСПЫТАНИЮ. На следующий день Иосиф приказал своему домоправителю, чтобы он снова положил деньги в мешок каждого из братьев, а в мешок Вениамина велел сверх того подбросить свою серебряную чашу, по которой он не раз гадал, предсказывая себе будущее.

Едва сыновья Иакова вместе с навьюченными ослами очутились за пределами города, Иосиф послал за ними в погоню своего домоправителя. Они здорово испугались, когда их внезапно окружили вооруженные солдаты на боевых колесницах. Домоправитель с грозным видом подошел к братьям и обвинил их в краже серебряной чаши наместника. Братья, разумеется, горячо возражали и, согласившись, чтобы их обыскали, заявили: «У кого из рабов твоих найдется (чаша), тому смерть; и мы будем рабами господину нашему». Но домоправитель ответил, что он отведет в тюрьму только вора. Каково же было удивление братьев, когда серебряную чашу извлекли из мешка Вениамина! Сыновья Иакова в отчаянии рвали на себе одежды и оплакивали свою злосчастную судьбу. И в этот момент они успешно сдали второе испытание по честности, которому их подверг Иосиф. Ибо они решили не покидать Вениамина в беде и вместе с ним вернулись в египетскую столицу.

Придя во дворец, они пали в ноги Иосифу и умоляли, чтобы он оставил их в рабстве вместе с Вениамином. Но египетский начальник не пожелал принять их жертву и настаивал, чтобы один только Вениамин понес наказание. Тогда вышел вперед Иуда и смело произнес такие слова: «Господин мой спрашивал рабов своих, говоря: «есть ли у вас отец или брат?» Мы сказали господину нашему, что у нас есть отец престарелый, и (у него) младший сын... Теперь, если я приду к рабу твоему, отцу нашему, и не будет с нами отрока... то он, увидев, что нет отрока, умрет... Итак, пусть я, раб твой вместо отрока останусь рабом у господина моего, а отрок пусть

идет с братьями своими». Видя, что единокровные братья оказались достойными людьми, Иосиф больше уже не мог скрывать свои чувства. Он удалил из комнаты всех египтян и открыл братьям, кто он есть. Все его величие сразу улетучилось, и он разразился таким громким плачем, что слышно было во всех закоулках дворца. Братьев словно гром поразил; они вовсе даже не обрадовались, а забеспокоились, не захочет ли Иосиф отомстить им за обиды. Но Иосиф нежно их расцеловал и с особенно теплым чувством обнял Вениамина, младшего братца. Когда он вдоволь натешился и отер слезы радости, то сказал, и в голосе его звучало нетерпение: «Идите скорее к отцу моему и скажите ему: так говорит сын твой Иосиф: «Бог поставил меня господином над всем Египтом; приди ко мне, не медля. Ты будешь жить в земле Гесем; и будешь близ меня, ты, и сыны твои, и сыны сынов твоих, и мелкий и крупный скот твой, и все твое. И прокормлю тебя там, ибо голод будет еще пять лет; чтобы не обнищал ты, и дом твой, и все твое»».

Весть о необычайной встрече быстро дошла до царского дворца. Фараон в милости своей уполномочил Иосифа перевести из Ханаана всю семью и послать за ними колесницы, чтобы легче им было перебираться. Иосиф сделал так, как разрешил ему его господин. Кроме того, он щедро оделил дарами всю свою семью. Единокровным братьям велел выдать по две смены одежды, а Вениамину пять смен одежд и триста сребреников, а отцу помимо одежд и денег послал много других богатств Египта. Подарки навьючили на хребты десяти ослов, а десять ослиц везли пшеницу и другие припасы, чтобы при переезде в Египет люди Иакова не терпели голода. Когда сыновья прибыли в Ханаан и рассказали отцу, какое приключение произошло с ними при дворе фараона, он сперва не поверил и воодушевился только тогда, когда увидел привезенные дары. Плача от радости, он сказал: «Довольно, еще жив сын мой Иосиф; пойду и увижу его, пока не умру».

ОД ИЗРАИЛЯ ПОСЕЛЯЕТСЯ В ДЕЛЬТЕ НИЛА.

Род Израиля в количестве шестидесяти шести человек двинулся в Египет и остановился в земле Гесем, у дельты Нила. Когда Иосифа уведомили о приезде отца, он помчался в колеснице навстречу и с плачем кинулся ему на шею. Взволнованный старец сказал Иосифу: «Умру я теперь, увидев лице твое; ибо ты еще жив». Потом Иосиф повел отца и пятерых из своих братьев во дворец и представил их своему благодетелю. В ответ на просьбу братьев фараон разрешил им поселиться в земле Гесем, а затем с уважением поглядел на седовласого Иакова, ко-

торый с чувством собственного достоинства стоял перед ним в широкой шерстяной одежде, с пастушескнм посохом в руке. И фараон спросил у Иакова: «Сколько лет жизни твоей?» «Дней странствования моего сто тридцать лет»,— ответил старец и, подняв правую руку, благословил фараона.

Пастбнща в Гесеме были тучные и обильные. Израильские поселенцы быстро освоились иа новых местах. Иаков жнл еще семнадцать лет, а когда почувствовал приближение смерти, попросил Иосифа, чтобы он его похоронил рядом с дедом и отцом в Махпеле, блнз Мамре. Перед смертью Иаков принял в лоно своей семьи Манассию и Ефрема, сыновей Иосифа и египтянки. Благословив двенадцать своих сыновей, от которых должно было произойти двенадцать колен Израилевых, он повернулся к стене и испустил дух. Останки его набальзамировали по египетскому обычаю. Погребальный обряд длился сорок дней, после чего весь Египет оплакивал его семьдесят дией. К могиле Авраама в Хаиаане потяиулась многолюдная похорониая процессия, в которой приняли участие все сановники фараона. За гробом шли плакальщицы. Они так отчаянно причитали, что жители Ханаана удивлялись: какого же это великого египтянина хоронят в их земле? Иосиф дождался еще внуков и умер, когда ему было сто десять лет. Перед смертью он выразнл горячее пожелание: если народ израильский когда-нибудь верится в Ханаан, то пусть заберет с собой его останки и похоронит рядом с Иаковом. Иосифа также набальзамировали и положили в гроб по старому египетскому обряду.

НАРОДНОЕ ПРЕДАНИЕ ИЛИ ПРАВДА?

Сказание о Иосифе с давних времен пользовалось широкой популярностью и вошло в фольклор тех народов, которые находили в Библии пищу для своего воображения. Удивляться тут нечему. Ведь это типично народное предание с острой фабулой, оно полно необычайных приключений и овеяно очарованием сказки, даже можно сказать — баллады. Его заключительная мораль отвечала духовной потребности простого, обездоленного человека, вечно жаждущего справедливости.

Помимо того, у сказания о Иосифе есть еще одна примечательная черта. Мы не встречаем в нем образов, целиком злых или целиком добрых, характеров, абсолютно черных или абсолютно светлых. В юности Иосиф был несносным задавакой, балованным папенькиным сынком, но в последующие годы, под влиянием страданий и непреходящей тоски по родному дому, он изменился и проявил величие души. Единокровные братья в приступе гнева подло обошлись с ним, но, как впоследствии выяснилось, они, по сути дела, вовсе не были негодяями. Всю жизнь их мучили укоры совести, они искренне любили старика отца, в денежных расчетах соблюдали честность, а когда Вениамину угрожало рабство, то решили разделить его горькую участь и, следовательно, проявили величайшую самоотверженность.

Такое проникновенное знание всей сложности человеческой натуры, такая снисходительность к человеку со всеми его пороками свидетельствуют о великой жизненной мудрости, необычной для эпох всеобщего варварства. Древнееврейские пастухи, авторы сказания о Иосифе, были людьми суровых нравов, грубыми, со множеством предрассудков. И все-таки, живя в степях, сре-

ди диких скал, они, к чести своей, сумели выработать в себе некую своеобразную зрелость чувств и знание человеческой психологии. Конечно, найдутся люди, которые скажут, что история Иосифа — это, по существу, дифирамб в честь родовой солидарности, столь характерной для народов Востока, и, стало быть, нечто понятное и естественное у семитов. Да, с таким мнением можно согласиться. Однако это не исключает того факта, что в манере ведения фабулы и в обрисовке характеров поражает зрелость взгляда на тогдашний мир. Именно благодаря этому его качеству сказание об удачах и невзгодах Иосифа всегда трогало людей и сохранило непреходящую свежесть.

Ученые предполагали, что обнаружат родословную этого библейского сказания в литературе народов, соседствующих с Палестиной, как это неоднократно случалось в связи с другими сказаниями Ветхого завета.

Одно время казалось, что корни происхождения сказания об Иосифе ведут к литературе Египта. В так называемом папирусе д'Орбиней прочитано сказание «О двух братьях», типичная для той далекой эпохи сказка с моралью. В ней речь идет о женатом Анубисе и его младшем брате, по имени Бата. Бата был холост и работал в хозяйстве старшего брата. Однажды жена Анубиса задумала его соблазнить. Но юноша возмущенно отверг ее заигрывания. Тогда двуличная женщина пожаловалась мужу, обвинила Бату, будто он взял ее силой и больно побил, когда она пыталась защищаться. Анубис пришел в бешенство и хотел убить ни в чем не повинного Бату.

Египетское сказание действительно напоминает эпизод с Иосифом и женой Потифара. Но сходство сводится исключительно к этому случаю, являющемуся в библейской фабуле лишь мелким фрагментом. Можно даже сомневаться в том, что он заимствован из египетской литературы. Тема вероломной жены, тема прелюбодеяния была в те времена очень модной; она повторяется в сказаниях многих народов Древнего Востока и, вероятно, была в ходу и в Ханаане. И в конечном счете приходится признать, что прославленное сказание о приключениях Иосифа в своей несравненной оригинальности является творением древнееврейской фантазии.

Однако является ли это только плодом фантазии? Не лежит ли в основе библейского сказания нечто действительно происходившее? Ведь известно, что в народной традиции памятные исторические факты обрастают чертами легенды, и часто до такой степени, что трудно отличить правду от

Торжественное вступление в должность египетского наместника. Барельеф на стеле из Тель-эль-Амарны.

вымысла. История Иосифа, быть может, и легендарна, однако это не исключает возможности того, что какая-то ветвь евреев в самом деле поселилась в Египте, где им жилось совсем не плохо. Возможно даже, что Иаков с сыновьями и были этими поселенцами и что один из сыновей, по имени Иосиф, сделал блестящую карьеру при дворе фараона.

Ученые размышляют над этими вопросами, но, не располагая никакими историческими документами, они вынуждены довольствоваться гипотезами, к которым приходят с помощью дедуктивного метода. Поэтому давайте проследим ход их рассуждений. Это необычайно увлекательная экскурсия. Она позволит нам проникнуть в тайны приемов, какими пользуются ученые при реконструкции истории. Кроме того, она даст нам то эстетическое удовольствие, какое испытывает разум, когда на основе распыленных данных приходит к логическому решению проблемы.

В результате очень кропотливых подсчетов, которые ввиду их сложности мы не станем пояснять, среди ученых утвердилось мнение, что Иаков жил на двести пятьдесят лет позднее Авраама. Если это верно, то история Иосифа относится примерно к XVII веку до н. э. Приводимые учеными даты колеблются между 1730 и 1630 годами до н. э. Незадолго до этого Египет пережил самый бурный период своей долгой истории. Около 1780 года до н. э. страну потрясли революционные события. Восстал угнетенный народ — крестьяне, ремесленники, солдаты и рабы — в больших феодальных владениях. Порабощенное население на некоторое время даже захватило в свои руки управление государством. Последствия этого взрыва еще долго давали о себе знать, и в XVII веке до н. э. политическая мощь Египта сильно пошатнулась.

В этот период политического упадка страну потрясло страшное несчастье. С востока надвинулась неисчислимая рать чужеземных воинов и, как горная лавина, низринулась на Египет. Захватчики, закован-

ные в железные латы, вооруженные длинными мечами, с быстротой молнии мчались на боевых колесницах, запряженных лошадьми. Египтяне впервые в жизни столкнулись с новым способом ведения боя: взмыленные кони и колесницы, ощетинившиеся пиками воинов, привели их в великое смятение. Египетские солдаты сражались в пешем строю и почти нагие; прежде чем они успевали воспользоваться своими копьями, пращами и луками, их топтали конские копыта и давили колеса боевых колесниц. Они попросту оказались беспомощными перед навязанным им темпом боя. Непобедимая на протяжении веков египетская держава была стерта в прах, и слава фараонов угасла почти на два столетия.

Захватчиками были гиксосы. Их вожди переняли все внешние атрибуты власти фараонов и продержались в покоренном Египте около ста пятидесяти лет, огнем и мечом подавляя малейшие проявления бунта. Гиксосы, правда, оккупировали только Нижний Египет с дельтой Нила, но провинциальные правители Верхнего Египта тоже стали их данниками.

Столицей новых господ Египта стал Аварис — город, лежавший в восточной части дельты.

Самое название — гиксосы — толковалось по-разному: когда-то считали, что оно означает «вожди пустыни» или «цари пастухов». Новейшие исследования показали, что слово это скорее следует переводить как «цари чужеземных стран». Гиксосы были семитами и говорили на языке, который, по всей вероятности, приближался к ранней форме развития древнееврейского языка. Из надписей на скарабеях мы знаем, что вожди гиксосов носили типично семитские имена, как, например, Анатер, Хиан, Якобер. Предполагается, однако, что гиксосы составляли только немногочисленную верхушку воинов, в то время как солдатскую массу образовал недисциплинированный сброд — разноплеменные и разноязычные обитатели пустынь и гор, грабители, авантюристы и бродяги. Это были хищники, алчущие крови и разбоя, свалившиеся на Египет, как туча саранчи.

Вторжение гиксосов, по-видимому, было следствием огромных этнических сдвигов, которые переживала Месопотамия, этот бурлящий котел народов. Во втором тысячелетии с севера туда вторглись азиатские племена гурритов. Они оттеснили семитские народы, в том числе и гиксосов, в Сирию и Палестину. Археологические раскопки в Иерихоне показали, что в течение определенного времени этот древний город занимали гиксосы. Таким образом, можно

предполагать, что покорители Египта держали в своих руках и Палестину.

Теперь возникает вопрос: какое касательство к этим событиям имеют Иосиф и его братья? Ученые в наши дни единодушно сходятся во мнении, что эмиграция семидесяти израильтян в Египет совпадает с периодом господства гиксосов. Род Иакова предположительно был подхвачен общей волной вторжения либо же прибыл в Египет уже после того, как страной завладели гиксосы. Иакова и его потомство там встретили гостеприимно, поскольку они состояли в близком родстве с оккупантами, а те, вероятно, были заинтересованы в том, чтобы привлечь в покоренную страну как можно больше азиатов. Еврейский историк Иосиф Флавий говорит о гиксосах как о своих предках, а в египетских текстах XVI века до н. э. упоминаются ханаанские кочевые племена, которые осели в Египте.

На этом политическом фоне многие сомнительные эпизоды библейского сказания находят свое логическое истолкование. И прежде всего разъясняется вопрос о возведении Иосифа на пост наместника фараона. Трудно себе представить, чтобы в обычных условиях родовитые египтяне согласились доверить высокую должность одному из презираемых ими азиатов. В книге Бытие (гл. 46, ст. 34) о евреях буквально сказано так: «...мерзость для египтян всякий пастух овец». Легко понять, что гиксосские фараоны, с подозрением относившиеся к местному населению, питали больше доверия к близким им по происхождению и языку азиатам, пришедшим из Ханаана. Даже фараоны-египтяне иногда проводили подобную политику в отношении отдельных лиц. Фараону Эхнатону, создателю монотеизма и почитателю бога солнца Атона (ок. середины XIV в. до н. э.), приходилось бороться с оппозицией жрецов, аристократии и даже широких кругов общества, сохранявших верность традиционному богу Амону. В такой ситуации он подбирал себе приближенных из угнетенных слоев, которым мог больше доверять. В гробнице одного из его высоких сановников найдена следующая надпись:

«Я был человеком низкого происхождения по отцу и матери, но царь поставил меня на ноги. Он позволил мне выдвинуться... Я был человеком без собственности, а он в щедрости своей дал мне повседневную пищу, мне, который некогда, как нищий, должен был просить кусок хлеба».

В Тель-эль-Амарне (руины столицы этого фараона) обнаружен саркофаг вельможи, состоявшего на службе у Эхнатона. Звали вельможу Нехем,

и он был азиатом. А визирь этого фараона Янхаму стал всесильным человеком при дворе, хотя и принадлежал к семитской расе.

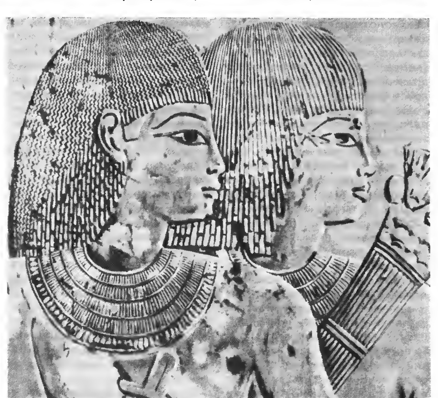
Как мы можем судить по приведенным фактам, в головокружительной карьере Иосифа не было ничего невероятного. Впрочем, он управлял Египтом в соответствии с типичной для оккупанта политикой угнетения. Воспользовавшись семью голодными годами, он раздавал хлеб не бесплатно, а заставлял платить за него — сперва золотом, серебром и драгоценностями, потом землей и, наконец, личной свободой. Своей политикой Иосиф разорил и вверг в рабство независимого землепашца и ослабил класс землевладельцев. Вся земля вместе с возделывающими ее людьми стала собственностью фараона. Вероятно, с этого момента датируется в Египте система неограниченной царской власти. Только жрецы избежали участи остального населения, ибо сами накапливали запасы продовольствия в своих больших имениях, а гиксосы, считаясь с их влиятельностью, не решались чинить им препятствия. Таким образом, при содействии Иосифа в Египте совершилась глубокая экономическая революция с далеко идущими последствиями.

Мы уже говорили, что Египет на протяжении своей истории видел несколько кровавых революций. Их традиции жили в сознании угнетенных масс. Непосредственной причиной восстаний являлись эпидемии голода, повторявшиеся периодически через более или менее равные промежутки времени. О том, как бурно протекали восстания, сообщает лейденский папирус в форме стихов, приписываемых египетскому богачу, по имени Ипувер. Мы находим у него, например, такую фразу: «Бедные люди стали обладателями богатства, и в то время, как еще недавно они не имели даже сандалий, теперь они владеют сокровищами». В другом месте мы читаем: «Детей вельмож разбивают о стены, все бегут из города... Тот, кто не спал даже рядом со стеной, стал собственником опахала. Тот, кто не имел даже лодки, стал владельцем кораблей. Тот, кто не имел даже куска хлеба, стал владеть закромами... Тот, кто спал прежде без жены из-за бедности, находит теперь знатных женщин». И еще последняя, очень красноречивая цитата: «Столица царя была захвачена в один час. Бедняки взяли в плен царя. Придворные выгнаны из дома царя. Чиновники убиты, и документы их взяты».

Гиксосский фараон, несомненно, отдавал себе отчет в революционной традиции Египта и поэтому боялся, как бы

новое восстание народных масс не расшатало его власть, в особенности потому, что был он чужим, ненавистным деспотом. Таким образом, когда Иосиф предложил свой план предотвращения грядущего голода, фараон приветствовал его как мужа, ниспосланного провидением. Этим объясняется и особо привилегированное положение Иосифа при дворе, и милости, какими его осыпал фараон.

Человек, настроенный скептически, мог бы нам возразить, что все это искусно построенное рассуждение опирается всего лишь на очень лаконичные упоминания в Библии и в первую очередь на догадки, так как твердо не установлено, что израильтяне поселились в Египте в период властвования

Египетский наместник и его жена. Барельеф из Фив.

гиксосов. Библейская хронология весьма проблематична, и поэтому нельзя с полной уверенностью сказать, когда именно Иаков и его род забрели в Египет. Это в равной мере могло случиться и до вторжения гиксосов, и после их изгнания.

Ответ на эти сомнения мы находим в замечательном анализе библейского текста, который дает французский египтолог Пьер Монте в книге «Египет и Библия». Монте делится с читателями следующими наблюдениями:

Иаков, как мы уже знаем, поселился в земле Гесем, лежавшей к востоку от дельты Нила. Иосиф, будучи наместником фараона, жил, разумеется, рядом со своим владыкой в столице. При известии о прибытии семьи Иосиф незамедлительно сел в колесницу и поспешил навстречу отцу. Потом он вернулся к фараону, чтобы рассказать ему о своей поездке. Из Библии совершенно неопровержимо следует, что события эти произошли на протяжении очень короткого времени, если даже не в один и тот же день.

В книге Бытие (гл. 45, ст. 10) Иосиф обещает отцу, что поселит его в земле Гесем и, стало быть, поблизости от себя. Отсюда сам собой напрашивается вывод, что столица, в которой жил Иосиф, должна была находиться на небольшом расстоянии от земли Гесем, то есть в самой дельте. Ею ни в коей мере не могли быть такие города, как Мемфис, Фивы или Фаюм. Они лежали слишком далеко от Гесема, и путешествие Иосифа в колеснице заняло бы несколько дней. К тому же, как утверждает французский египтолог Масперо, в Египте ввиду отсутствия подходящих дорог никогда не пользовались колесницами для дальних путешествий. Такие путешествия, как правило, совершались на барках по главной коммуникационной артерии, которой являлся Нил.

Все вышеприведенные обстоятельства служат нам как бы путевыми столбами, стрелки на которых дружно направлены в сторону Авариса, столицы гиксосов. Мы теперь уже знаем, что Аварис лежал в дельте Нила, так как руины этого города вместе со множеством гиксосских печатей раскопаны по соседству с современной деревней Сан-эль-Хагар. И если Иосиф осуществлял власть в Аварисе, то отпадают всякие сомнения: историю его жизни надо вместить в эпоху властвования гиксосов. Более поздняя дата полностью исключается, так как после изгнания завоевателей родовитые фараоны XVIII династии перенесли столицу в Фивы. Как видим, гиксосская теория опирается на вполне солидные

предпосылки, и поэтому ее признают теперь многие ученые.

В библейском сказании поражает историческая точность в воссоздании египетских обычаев. Это касается прежде всего погребальных обрядов, связанных со смертью Иакова и Иосифа. Их останки бальзамировали в течение сорока дней, а мумию положили в деревянный гроб. Уже Геродот сообщает, что процесс бальзамирования продолжался в Египте сорок дней,— это подтверждают и тексты папирусов, найденных в гробницах царей и вельмож.

Вспомним, что Иосифа подстригли, прежде чем он предстал перед фараоном. Эта, казалось бы, мелкая подробность весьма красноречива, так как лишний раз свидетельствует о знакомстве с египетскими обычаями. В Египте никому не разрешалось носить бороду; привилегия эта принадлежала исключительно одному фараону, который, впрочем, подвешивал искусствен-

Баржа на Ниле. Деревянная скульптура, найденная в гробнице египетского сановника.

ную бороду. Иосиф, будучи евреем, вероятно, отпустил бороду, и поэтому его остригли, как того требовал придворный этикет.

Так же обстоит дело с возведением Иосифа на должность наместника фараона. Торжественная церемония протекала в соответствии с тем ритуалом, с каким нас знакомят папирусы и картины в гробницах. Новый вельможа получал из рук фараона как почетные дары, отвечающие его высокому званию, драгоценную цепь на шею, дорогую одежду и, сверх того, жену знатного рода. Во время торжественных шествий наместник занимал одну из позолоченных дворцовых колесниц и ехал сразу же за колесницей фараона. Египтяне заимствовали у гиксосов обычай пользоваться лошадьми, и церемониал этот и после изгнания захватчиков сохранился в Египте.

В библейском сказании знаменательно еще и то, что имена, которые там приводятся, тоже типично египетские. Фараон назвал Иосифа Цафнафпанеах, что означает «Бог говорит: да здравствует». Жену Иосифа звали Асенефа или Асенет, то есть «принадлежащая (богине) Нет» (богине, почитаемой в дельте Нила), а Потифер или Поти-пера — это искаженное имя «Па-ди-па-ре», означающее («тот), которого дал (бог) Ра».

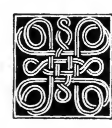
В заключение стоит еще добавить, что сказание об Иосифе дает четкое представление о египетской топографии. Сообщаемые подробности позволяют легко ориентироваться в расположении земли Гесем и по косвенным признакам установить, в какой именно столице жил Иосиф.

Короче говоря, материал, из которого построена египетская декорация, полностью выдержал экзамен современных научных исследований. Вряд ли сегодня стоит ломать копья по поводу того, был или не был Иосиф фигурой исторической, но не вызывает сомнений то, что сказание возникло в самом Египте. Его авторами были люди, которые так детально знали эту страну, что безусловно жили там в течение долгого периода времени. В данном обстоятельстве мы находим подтверждение того факта, что какая-то ветвь евреев — возможно, это был и род Иакова — действительно поселилась в дельте Нила, на плодородной земле Гесем.

Не исключено даже, что библейское сказание является отголоском исторического события, и один из евреев, по имени Иосиф, действительно достиг высокого положения при дворе фараона. Впоследствии вокруг его фигуры возникла легенда, которую сложили евреи, гордившиеся своим знаменитым предком *.

Но если так оно и было, то почему нет ни одного упоминания об Иосифе в египетских хрониках? Обычно они очень обстоятельны и полны подробностей, а семит на должности наместника — событие слишком серьезное, чтобы о нем можно было умолчать. Такого рода пробел в египетской историографии казался подозрительным и возбуждал сомнения в реальности фигуры Иосифа.

Нельзя, однако, забывать об очень важной вещи. Гиксосы вызывали к себе такую ненависть, что египтяне уничтожали все, что напоминало о периоде их власти. Даже летописцы обходят молчанием период гиксосской оккупации, период страданий и унижения египетской державы. Исторические хроники внезапно обрываются на 1730 годе до н. э. и возобновляются только после 1580 года до н. э. Одной из жертв этого вымарывания ста пятидесяти лет истории пал также Иосиф, слепой исполнитель гиксосской политики, ответственный за глубокие экономические перевороты, непопулярные у египтян. Его действия позднее тягостно отразились на израильтянах, которые после смерти Иосифа долго еще оставались на земле Гесем*.

МОИСЕЙ

ОДНЕВОЛЬНЫЙ ТРУД. Потомки Иакова жили в земле Гесем без малого четыре столетия. Жилось им там совсем не плохо, и они быстро размножались. Между тем на египетский трон вступил новый фараон, ничего не знавший о заслугах Иосифа, и плодовитость еврейских пастухов вызвала у него беспокойство. Он считал их азиатами, чужеземцами, опасными для государства, и сказал своим чиновникам: «Вот, народ сынов Израилевых многочислен и сильнее нас. Перехитрим же его, чтобы он не размножался; иначе, когда случится война, соединится и он с нашими неприятелями, и вооружится против нас, и выйдет из земли нашей». В те времена фараон возводил в дельте Нила свою столицу Раамсес, а помимо нее — город зернохранилищ и военных складов Пифом. Безоружные израильтяне представляли собой богатый источник дешевой рабочей силы: и вот по приказу свыше их согнали толпой на строительные площадки и заставили месить глину и обжигать кирпичи.

Так они трудились изо дня в день, от зари до зари, под убийственно палящими лучами солнца, и надсмотрщики подгоняли их палками. Фараон, однако, обманулся в своих ожиданиях. Израильтяне на протяжении веков привыкли к жестоким превратностям судьбы и, несмотря на преследования, продолжали размножаться и в этих условиях. Тогда разгневанный владыка призвал двух — больше их и не было — израильских повивальных бабок и строго им приказал умерщвлять при родах всех младенцев мужского пола. Женщины смиренно выслушали приказ, однако, вернувшись в Гесем, даже не подумали запятнать себя детоубийством. Фараон вскоре узнал о дерзком непослушании повивальных бабок и велел привести их к себе, чтобы призвать к ответу. Смелые израильтянки, как строго их ни допрашивали, весьма ловко оправдывались, утверждая, что роженицы просто-напросто перестали пользоваться их услугами. В доказательство своей невиновности они сказали фараону: «Еврейские женщины не так, как египетские; они здоровы, ибо прежде нежели прийдет к ним повивальная бабка, они уже рождают».

Волей-неволей фараону пришлось отпустить повивальных бабок с миром. Израильский народ приветствовал отважных женщин как героинь и в знак благодарности построил им прекрасные дома. Фараон, однако, не отказался от своих жестоких планов и приказал палачам, чтобы они отбирали у матерей новорожденных мальчиков и бросали в Нил. На земле Гесем стоял плач и стон, казалось, что для потомков Иакова настал судный день.

УДЕСНОЕ СПАСЕНИЕ*. У супружеской четы из племенн Левня было двое детей — Аарон и Марнам. В период жесточайших преследоваиий у ннх роднлся третий ребенок. К несчастью, это был мальчик, заранее обреченный на смерть в волнах Нила. Мать впала в великое отчаянне и, иевзнрая на угрозу сурового наказаиия, решила спрятать сына от египетских палачей. Трн месяца она кормнла его в самом темном уголке дома, и, вероятно, ей удалось бы осуществить свой замысел, если бы младенец не развивался слишком быстро. Ои энергнчно дрыгал ножками, плакал или лепетал так громко, что слышио было далеко за домом. В любой момент его могли обиаружить рыскающие по деревне чиновники фараона, н тогда беда грозила всей семье.

У матерн ребенка возннк хнтроумный план. Она знала, что в определениом месте рекн каждый день купается дочь фараона, известиая своим сочувственным отношением к преследуемым нзраильтянам. Недолго думая, мать положнла сына в корзннку, заделала щелн смолою и отнесла корзннку в тростник, где дочь фараона легко могла ее найтн. Одновремеино она поручила Марнам нздалн следнть за братом и быть начеку. Все произошло так, как и предполагала мать. После купания дочь фараона в сопровождении прнслужниц отправилась на прогулку вдоль берега. Она сразу услышала детскнй плач и велела рабыням обыскать тростник. Каково же было ее уднвление, когда у ее ног поставили корзинку с плачущим малышом! Оиа нежно склонилась над подкидышем и приласкала его, пытаясь успокоить. Дочь фараона сразу догадалась, что нашла израильского ребенка, и поскольку в глубнне души она осуждала бесчеловечный прнказ отца, то решила взять дитя под свое покровительство. Марнам, издали следившая за этой сценой, подошла к дочери фараона, предлагая подыскать кормнлицу для мнимого найденыша. Получнв согласие, она радостно кннулась домой за матерью. Вот такнм-то кружным путем ребенок благополучно вернулся в объятня своей родительннцы. Ему больше не угрожала смерть в пучнне Нила, поскольку ннкто нз египетских палачей не решался перечить желаниям дочерн фараона.

Спустя несколько лет, когда мальчнк уже подрос, мать отвела его во дворец, а дочь фараона усыновила маленького нзраильтянина и назвала его Моисеем. Отныне Моисей воспитывался во дворце так, словно от рождення принадлежал к царскому роду. Он щеголял в дорогих одеждах из тонкого льна и ходнл на уроки в храм, где жрецы посвящали его в тайны своей наукн. В его распоряжении были слуги, он разъезжал по городу в колесиице, запряженной огневыми конями, н жнл в покоях, обставленных с изысканиой роскошью. Казалось, он утратнт все черты своего на-

рода и станет египтянином. Но мать позаботилась о том, чтобы ее сын не отрекся от израильского происхождения. Тайком от дочери фараона она учила его родному языку и истории предков, а под конец открыла ему, каким образом он избежал смерти в водах Нила.

Нелегко было Моисею расстаться с комфортабельной жизнью египетского аристократа. Образование, друзья придворные, блеск египетской культуры — все это связывало его со средой, к которой он привык сызмальства. Что могло быть общего между этим просвещенным, изысканно воспитанным человеком и израильскими бедняками, которых египтяне попирали и угнетали? И хотя временами у Моисея сжималось сердце при виде его сородичей, обреченных на тяжелые работы, у него не хватало сил, чтобы распрощаться с привилегиями и великолепием придворной жизни.

Целых сорок лет он пользовался всеми удовольствиями, какие были доступны приемному сыну фараоновой дочери, и даже получил звание египетского жреца. Он плавал по Нилу в фараоновой ладье, и его развлекали музыканты и фокусники, а когда он возвращался в свой дворец, красивые танцовщицы ублажали его плясками под аккомпанемент арф и флейт. Новая столица Раамсес была необычайно хороша. Ее построили по образцу древних Фив: широкие улицы, великолепные дворцы, общественные здания и многочисленные храмы, посвященные египетским богам. На окраине города высились склады, заполненные ячменем и пшеницей, а в речной порт то и дело прибывали корабли с товаром. Лагуны изобиловали птицей и рыбой, а сразу за воротами города тянулись старательно возделанные грядки с луком и буйно разросшиеся сады, где деревья гнулись под тяжестью гранатов, яблок, фиг и олив.

Итак, Моисей вел беззаботную жизнь, наслаждаясь всеми ее благами. Однако он не был легкомысленным бездельником. Он внимательно вчитывался в папирусы, содержавшие всякие премудрости Египта. По вечерам, когда становилось прохладно и на небе всходила луна, он прохаживался по дворцовому саду в сопровождении жрецов и вел с ними долгие беседы о богах, фараонах и предназначении человека. А по ночам, если Моисею не спалось, в нем оживала затаенная тоска. Перед его глазами вставали картины жизни его братьев, он видел, как они страдают, как проклинают свою судьбу, слышал свист кнутов, подгонявших их на рабский труд, до него доносились их жалобы, рыдания и мольбы о спасении. Во сне ему являлась мать, и лицо ее, полное материнской нежности, почему-то было печальным и как бы слегка разочарованным. После таких ночей он не мог справиться с терзавшей его тревогой. Он чув-

ствовал себя в чем-то виноватым, и все, что он до сих пор делал в жизни, казалось ему пустым и лишенным смысла. Тогда он прокрадывался из дворца, как вор, и бежал за город, чтобы издали следить за тем, как его братья гнут над глиной и деревянными формами для кирпичей свои блестящие от пота полуобнаженные спины.

Таким образом, он вел поистине двойную жизнь: днем был холодным египетским аристократом, зато ночью становился блудным сыном, в муках, ощупью искавшим обратного пути к своему народу.

Однажды Моисей увидел, как египетский надсмотрщик безжалостно издевался над израильтянином, работавшим на обжиге кирпича. В приступе бешеной ярости Моисей проткнул мучителя мечом и, не видя поблизости других египтян, закопал труп в песок, чтобы скрыть убийство от фараона. Свидетелями были только его сородичи. К сожалению, они не умели держать язык за зубами. В тот же день по всей земле Гесем потихоньку передавались слухи об убийстве египтянина. Почти все израильтяне хвалили Моисея за смелый поступок. Но нашлись среди них и такие, которые, вероятно из зависти, язвительно отзывались о нем.

Моисею и в голову не приходило, что слух распространится с такой стремительной быстротой. На следующий день после убийства он оказался свидетелем драки двух израильтян. Моисей немедля развел разъяренных противников и спросил у более сильного: «Зачем ты бьешь ближнего твоего?» А тот вызывающе ответил: «Кто поставил тебя начальником и судьею над нами? не думаешь ли убить меня, как убил египтянина?» Моисей не на шутку испугался. Раз все уже знали про убийство, шпионы с легкостью могли о нем донести фараону. И действительно, добрые люди вскоре предупредили Моисея, что за ним послали дворцовую стражу. Чуть ли не в последнюю минуту он, в чем был, убежал из города, под покровом ночи перелез через пограничную стену и пустился пешком на восток, туда, где пустыня давала ему безопасное убежище от преследователей.

ОРОК ЛЕТ В ИЗГНАНИИ*. На восточной стороне залива Акаба простерлась земля Мадиамская, в которой жили потомки одного из шестерых сыновей Авраама и его второй жены, Хеттуры. Они были в родстве с Моисеем, и он решил просить у них гостеприимства. Ему пришлось пройти около четырехсот пятидесяти километров, причем дорога тянулась по преимуществу через пустыни и степи. Поэтому он добрел до земли Мадиамской безмерно утомленный дальним путеше-

ствием. Его придворное платье, грязное и пропотевшее, не сохранило даже следов былой роскоши и скорее напоминало лохмотья бродяг, которые скитались по странам Востока, выклянчивая подачки.

Моисей сел неподалеку от местного колодца и с любопытством смотрел, как семь девушек поят овец. Вдруг откуда ни возьмись к колодцу подошла ватага пастухов; они грубо оттолкнули девушек и стали поить свою скотину. Возмущенный поступком пастухов, Моисей вскочил и, невзирая на усталость, свирепо на них замахнулся. Наглецы испугались и ушли. Оказалось, что пастушки были дочерьми влиятельного священника мадиамского, по имени Иофор. Благодарный отец пригласил Моисея в свой дом, а когда узнал, что пришелец помимо всего состоит в отдаленном родстве с ним, то принял его в лоно своей семьи и выдал за него дочь свою Сепфору. У Моисея было с нею два сына: Гирсам и Елиезер.

Моисей помогал тестю по хозяйству, пас скот. Внезапная перемена условий жизни потрясла его до глубины души. Этот изысканный щеголь, привыкший к удобствам египетских городов, очутился теперь в пустынной, скалистой местности, над которой дымились вершины вулканов.

Вначале Моисей с трудом мирился с новыми условиями. Он проводил время в одиночестве на пастбищах, тосковал по своему дворцу, по папирусам и беседам со жрецами, сокрушался о своей горькой участи изгнанника. Со временем, однако, тяжелые переживания благотворно повлияли на его ум. Суровая природа, простая, честная жизнь пастуха, долгие часы, проведенные в одиночестве под открытым небом, способствовали тому, что он мало-помалу стал задумываться над смыслом своей жизни. Постепенно потускнели образы минувших счастливых лет, зато все чаще он отдавал себе отчет, что по рождению он израильтянин, что главой его рода был Левий, сын Иакова и правнук Авраама.

Мадианитяне гордились, что происходят по прямой линии от Авраама. Они рассказывали Моисею бесчисленные легенды и истории об этом великом патриархе, погребенном в Ханаане. Они говорили с Моисеем также о боге, которого чтили его предки. И тогда ему казалось, что после долгих скитаний он наконец вернулся в отчий дом. Он взбирался на холм и смотрел по сторонам. На западе Моисей видел пустыню, за нею лежал Египет, страна рабства. Зато на востоке, где-то за горами, прятался Ханаан — родина его предков, земля обетованная, земля мира и процветания. В такие моменты в его голове зрел великий план: он решил вызволить своих братьев из египетского рабства и отвести их в родной благодатный Ханаан.

Борьба с собственной совестью продолжалась почти сорок лет. Моисей никак не мог справиться со своей растерянностью, сомнениями и душевным надломом. Бывали долгие периоды, когда в нем брали верх соблазны пастушеской жизни и его полностью поглощали самые заурядные повседневные дела. Тогда он подавлял в себе все укоры совести. Ему шел ведь восьмидесятый год, и казалось, что уже слишком поздно брать на себя такую опасную миссию и лучше спокойно умереть на земле Мадиамской, которая стала его второй родиной. Но новая идея пустила ростки и продолжала зреть вопреки его воле, и ее голос стал таким мощным, что трудно было перед ним устоять.

В последний год пребывания в земле Мадиамской он иногда приходил в состояние религиозного экстаза, его навещали сны и пророческие видения. Однажды он пас овец у подножия горы Хорив, которая считалась священной, поскольку, по представлению мадианитян, на ее вершине в облаках жил бог их отцов, бог Авраама, Исаака и Иакова.

Оглядываясь по сторонам, Моисей увидел странное зрелище: какой-то куст вспыхнул огнем и не сгорел. Вдруг из этого пылающего куста раздался голос бога, который повелел ему немедленно отправиться в Египет и вывести израильтян из плена. В великом страхе Моисей заслонил руками лицо, чтобы не видеть бога, однако у него хватило смелости смиренно высказать свои сомнения: «Вот, я приду к сынам Израилевым и скажу им: «Бог отцов ваших послал меня к вам». А они скажут мне: «Как ему имя?» Что сказать мне им?». Отвечая Моисею, бог впервые открылся ему под именем Яхве. Это было знаменательное откровение, и все-таки оно не рассеяло тревог Моисея. «Как же мне добиться послушания израильтян,— жаловался он,— если я приду к ним, не имея никаких доказательств своей миссии, с одним лишь именем Яхве на устах?» Тогда бог вооружил его против маловеров чудотворной силой: начиная с этого момента Моисей мог по желанию превращать жезл в змея, вызывать и излечивать проказу и превращать воду в кровь.

Хоть Моисея и снабдили чудотворной силой, он всячески старался уклониться от навязанной ему миссии, ссылаясь на свое косноязычие и уверяя бога, что не сумеет убедительно поговорить с земляками. Яхве сперва было рассердился на этот новый маневр, но в конце концов смилостивился и сказал, что даст Моисею в помощь его старшего брата, Аарона, который весьма красноречив и будет говорить от его имени. Моисею не оставалось ничего другого, как готовиться к путешествию. Попрощавшись с тестем, он посадил на осла жену и детей и с тяжелым сердцем двинулся в Египет.

В дороге его ожидало страшное приключение. Когда Моисей остановился на ночлег в заезжем доме, Яхве внезапно решил убить его за то, что он необрезанный. Сепфоре едва удалось умилостивить рассвирепевшего бога, да и то лишь после того, как она подвергла обряду обрезания своих сыновей. В Египте Аарон вышел навстречу Моисею. Оба брата созвали всех израильтян и совместными усилиями убедили их, что по воле Яхве они должны покинуть землю Гесем. На их решение повлияли не столько чудеса, которые Моисей сотворил в доказательство своей миссии, и не столько красноречие Аарона, сколько со дня на день усиливавшиеся преследования, угрожавшие их существованию.

ИСХОД ИЗ ЕГИПТА. С памятного дня убийства, совершенного Моисеем в приступе гнева, прошло сорок лет. В Египте правил другой фараон, при его дворе служило новое поколение чиновников. Преступление Моисея стерлось в памяти людей, и бывшему изгнаннику ничего больше не угрожало. Впрочем, кто же узнал бы в бородатом азиате в грубом, длинном плаще и с пастушьим посохом в руке изысканного щеголя-египтянина, приемного сына царевны, о котором когда-то столько говорили! За сорок лет Моисей состарился до неузнаваемости, морщины избороздили его загорелое лицо. Ведь это был восьмидесятилетний старик, и его бороду сильно запорошила седина. Моисей и Аарон обратились к фараону с просьбой, чтобы он разрешил израильтянам удалиться на три дня в пустыню — молитвами и жертвоприношениями воздать честь Яхве. Это, разумеется, была хитрость, так как они больше не намеревались возвращаться под иго египтян. Однако фараон гневно отверг их просьбу и в виде наказания повелел израильтянам не только вырабатывать ранее установленную норму кирпичей, но сверх того самим доставать солому для их выделки. Это требовало дополнительного рабочего времени, так как соломы в Египте было не слишком много и приходилось ее искать по всей стране. А если кто-либо по этой причине не успевал изготовить установленное количество кирпичей, ему грозила тяжелая кара. Израильтяне, удрученные таким оборотом дела, сетовали на Моисея за то, что его обращение к фараону принесло больше вреда, чем пользы. Для Моисея это были чрезвычайно горестные минуты, минуты сомнения. Ему казалось, что Яхве не сдержал слова и обрек израильский народ на еще большие муки.

Моисей вновь отправился к фараону, твердо решив, что на этот раз одолеет его с помощью магии. Он встал перед троном и швырнул свой жезл, который немедленно превратился в ползаю-

щего змея. Но фараон с улыбкой сожаления посмотрел на бородатого волшебника, велел привести своих жрецов, и те проделали тот же самый фокус. На фараона не произвело особого впечатления даже то обстоятельство, что змей Моисея пожрал змеев египетских жрецов.

Начиная с этой минуты разгорелась отчаянная борьба с тупым упрямством владыки. Моисей наслал на Египет поочередно десять казней: сперва вода Нила превратилась в кровь, потом в устрашающих размерах размножились жабы, комары и мухи, пошел мор на скот, тела людей покрылись гноящимися нарывами, град уничтожил урожай, в стране осела гигантская туча саранчи, а под конец стало так темно, что люди ходили ощупью. Каждая новая казнь наводила ужас на фараона, и он соглашался освободить израильтян, но вскоре брал назад свое обещание, хотя египтяне громко вопили, требуя, чтобы он перестал навлекать на них беды своей несговорчивостью.

Доведенный до крайности, Моисей в конце концов решил сломить волю фараона десятой, самой гибельной казнью. Перед этим он предупредил израильтян, чтобы они держались наготове. Прежде всего он потребовал, чтобы каждая семья убила годовалого агнца и помазала его кровью дверь своего дома. Израильтяне должны были есть за ужином испеченное на огне мясо агнца с пресным хлебом и горькими травами; кроме того, Моисей посоветовал всем сесть за стол в дорожной одежде, чтобы в любой момент им можно было покинуть Египет.

Наступила полночь. Яхве стал ходить от дома к дому и там, где на дверях не было кровавого знака, убивал первенцев, не делая различия между сыном фараона и сыном рабыни. Даже первый приплод скота падал замертво. В стране стоял стон и плач, смерть не пощадила ни одной египетской семьи. Только теперь фараон осознал всю грозную силу Моисея и разрешил ему вывести израильский народ из рабства. Израильтяне воспользовались замешательством, которое воцарилось в стране в связи с бедой, постигшей египтян, и в отместку за преследования и принудительный труд разграбили египетские дома. Таким образом израильтяне завладели золотыми и серебряными сосудами, одеждами и прочими ценными вещами, в первую очередь оружием, которое могло им пригодиться в борьбе с племенами пустыни. Моисей увековечил это событие установлением праздника пасхи, что означает «праздник пропуска, обхода», ибо Яхве пропускал дома израильтян и только у египтян карал смертью первородных.

ЕРЕХОД ЧЕРЕЗ КРАСНОЕ МОРЕ. Заиграли серебряные трубы, и колонна израильтян покинула землю Гесем, направляясь на восток. Колонна состояла из шестисот тысяч вооруженных мужчин, не считая женщин, детей и слуг. Во главе колонны двигался катафалк с деревянным гробом, в котором покоилась набальзамированная мумия Иосифа, а шествие замыкали бесчисленные стада овец, коз и вьючных ослов.

В пустыне беглецы, к радости своей, убедились, что ими предводительствует Яхве; днем он шел впереди них в столпе облачном, а ночью — в столпе огненном, достигавшем самого неба. Моисей сперва повел израильтян по старой караванной дороге, вдоль берега Средиземного моря, потом свернул на юг, в пустынный район Ефам, так как опасался, что приморские крепости тамошних народов не пропустят их в Ханаан без борьбы. В Ефаме беглецы первый раз расположились станом на долгий отдых, а потом снова двинулись к северу и разбили палатки перед Пи-Гахирофом, в местности, лежавшей между Мигдолом и морем, неподалеку от города Ваал-Цефон, славившегося храмом ханаанского бога Ваала.

Тем временем взбешенный фараон во главе шестисот военных колесниц кинулся в погоню за беглецами. В какой ужас пришли израильтяне, когда из тучи пыли вынырнули грозные колесницы! Израильтяне в оцепенении смотрели на приближавшихся к ним египетских воинов и сетовали, что так легкомысленно позволили увести себя из земли Гесем, где лучше было жить в рабстве, чем погибнуть теперь от руки преследователей. Моисей успокаивал отчаявшихся, уверяя, что Яхве не покинет свой народ в беде. И в самом деле, с наступлением темноты египтянам загородила дорогу огромная, прямо-таки непреодолимая стена дыма и огня, продержавшаяся до самого рассвета. С наступлением утра Моисей вышел на берег моря, простер руку и приказал волнам расступиться. И тотчас между двумя валами вспененной воды образовалась суша, по которой израильтяне поспешили перейти на другой берег. Разъяренный фараон ринулся вслед за беглецами, и в тот момент, когда он находился среди моря, Моисей еще раз поднял правую руку, и по его знаку водяные стены обрушились на преследователей. Несколько часов спустя волны выбросили на берег трупы людей и лошадей и разбитые колесницы — жалкие остатки гордой египетской конницы*. Моисей и все сыны Израилевы воспели Яхве благодарственную песнь, а женщины во главе с пророчицей Мариам, ликуя, пустились в пляс, отбивая такт на звучных тимпанах.

ТРАНСТВИЕ ЧЕРЕЗ ПУСТЫНЮ. Затем израильтяне двинулись в пустыню Сур. Дорога их шла через безводные районы, и в течение трех дней у них не было питьевой воды, а когда они наконец добрались до Мерра, тамошняя вода оказалась горькой. Для измученных жаждой скитальцев это был непредвиденный удар, и в лагере снова вспыхнуло недовольство. Люди роптали. Но Моисей нашел выход. Он бросил в колодец веточки, которые подобрал поблизости, и вода стала сладкой, пригодной для питья. Подкрепив свои силы, странники двинулись в Елим, райский оазис, славившийся своими семьюдесятью финиковыми пальмами и двенадцатью источниками кристально чистой воды. Однако надо было идти дальше. Ровно через шесть недель после исхода из Египта колонна раскинула стан в пустыне Син, между Елимом и Синаем.

Солнце палило немилосердно, и в довершение всех бед кончились запасы продовольствия и воды. И люди возопили: «Дайте нам воды пить. И сказал им Моисей: что вы укоряете меня? Что искушаете господа?» Скитальцы, не освоившиеся еще с суровой жизнью пустыни, как всегда, считали Моисея и Аарона виновниками своих несчастий. Возбужденная толпа обступила шатры обоих вождей, люди горько жаловались на свою судьбу: «О, если бы мы умерли от руки господней в земле египетской, когда мы сидели у котлов с мясом, когда мы ели хлеб досыта! ибо вывели вы нас в эту пустыню, чтобы все собрание это уморить голодом».

Услышав эти слова, Моисей с горечью осознал, как укоренился в израильтянах рабский дух, если хлеб в достатке и котлы с мясом им дороже свободы. Однако он успокоил свою паству, сказав, что Яхве не покинет их и накормит досыта раньше, чем они того ожидают.

И вот к вечеру сбылось обещание. С востока прилетели бесчисленные стаи перепелов и в одно мгновение покрыли землю; ослабев от дальнего перелета, они беспомощно трепыхали крыльями, и их можно было взять голыми руками. В стане израильтян поднялась лихорадочная беготня, запылали костры, и вскоре потянуло запахом вкусной дичи, испеченной на вертелах. Наевшись, люди легли спать, прославляя до небес чудотворную силу Моисея.

На рассвете, едва только сигнал серебряных труб разбудил их, израильтяне с изумлением увидели, что все пространство степи, куда ни глянь, покрыто белыми как снег шариками, напоминающими град. Все, как один, выбежали из шатров, чтобы поближе разглядеть странное явление. Вышел из шатра и Моисей и с ликующей улыбкой сообщил, что это манна, ниспосланная Яхве израильтянам, и она заменит им хлеб. Отведав странные шарики, израиль-

тяие убедились, что оин по вкусу иапомииают хлеб с медом, и бросились их собирать. Оказалось, что за деиь можио собрать маины столько, сколько иеобходимо для утолеиия голода. Отныие в течение сорока лет скитаний в пустыне маина составляла их хлеб насущный.

На следующей стояике, в Рефидиме, опять ие оказалось ии одного колодца, и люди сиова страдали из-за отсутствия воды. В лагере начались беспорядки, со всех сторои раздавались протесты и угрозы. И тогда Моисей направился к высившейся иеподалеку горе Хорив, подошел к ее подиожию и иа глазах мучнмых жаждой людей ударил посохом по крутой скале. В то же мгиовеиие из расщелииы забил родник свежей гориой воды. Прн виде этого чуда израильтяие онемели, а затем их охватила безудержная радость, оии благословлялн Моисея и, отталкивая друг друга, иаполняли водой кувшииы и любые другие сосуды, попадавшиеся им под руку.

Едва оин успели утолить жажду и иапоить скотину, как с ужасом услышали грозиые боевые крики. Впервые израильтяиам предстояло померннться оружием с воинствеииыми племенами пустыни. Это были амаликитяие, решившие преградить дорогу иезваным гостям и поживиться добычей. Одиако если оии надеялись иа легкую победу, то жестоко просчитались. Моисей доверил командоваиие своими войсками Иисусу Навииу, который быстро н ловко повел свои отряды навстречу наседавшим иа них врагам. Моисей в сопровождеиии Аароиа и Ора следил с вершииы холма за ходом битвы, которая шла с утра до сумерек с переменным успехом. Когда Моисей подиимал руки, брали верх израильтяие, а когда опускал, победа переходила к амаликитяиам. Так продолжалось долгие часы, и под конец руки Моисея отяжелели и беспомощно повнслн. Чтобы предотвратить катастрофу, Аарон и Ор усадили Моисея на камне и с обеих сторои поддерживали его руки. К заходу солнца Иисус Навин разгромил амаликитян и выиудил нх отступить. На поле боя воздвигли благодарствеиный жертвеиинк, н Яхве посоветовал Моисею записать эту победу навечио в книгу: «Напиши сне для памяти в книгу, и виуши Иисусу, что я совершенио изглажу память амаликитян нз поднебесиой».

Вскоре весть о великой победе дошла до Иофора, свящеииика мадиамского и тестя Моисея. Не мешкая, ои прибыл в израильский стаи и доставил зятю жеиу и обоих сыиовей, Гнрсама и Елиезера. Ибо перед тем, как Моисей расправился с фараоиом н вывел израильтяи из Египта, он отослал своих близкнх назад в землю Маднамскую.

На следующнй деиь Моисей вершил перед своим шатром суд. Ои сидел с утра до вечера, допрашивал, виикая во все подробно-

сти, и выносил приговоры даже по самым малым делам. С удивлением приглядывался Иофор к тому, как тяжело трудится Моисей и как тратит время на разрешение мелочных споров. Человек искушенный в искусстве управления, Иофор откровенно высказал зятю свои соображения: «Для чего ты сидишь один, а весь народ стоит перед тобою с утра до вечера?.. Ты измучишь и себя и народ сей, который с тобою; ибо слишком тяжело для тебя это дело: ты один не можешь исправлять его». Моисей спросил его, как же следует поступить, и тесть посоветовал ему разделить израильтян на группы, числом в тысячу, сто, пятьдесят и десять человек, и над каждой из этих групп поставить начальников, которые одновременно были бы судьями, разрешали мелкие тяжбы и сообщали Моисею только о наиболее важных делах. Совет мудрого Иофора был проведен в жизнь,— так израильские массы обрели первые ростки своего будущего общественного строя.

ЛЯСКА ВОКРУГ ЗОЛОТОГО ТЕЛЬЦА. На третий месяц после исхода из Египта израильтяне расположились станом в пустыне напротив горы Синай. В мрачном скалистом массиве, вершины которого упирались прямо в небо, было что-то таинственное, вызывавшее суеверный страх у людей, привыкших к равнинному пейзажу дельты Нила. Зато близлежащая местность подходила для заселения на длительный срок. Там было вдоволь воды, росли финиковые пальмы и деревья, годные на топливо и строительный материал. Стан зажил шумной жизнью. Новая система управления обеспечила порядок. Мужчины занялись ремеслами, женщины стряпали, пряли и ткали, а дети весело играли между шатрами.

В ту счастливую пору Моисей однажды взобрался на вершину горы Синай и встретился там с Яхве, который заявил, что намерен заключить союз с израильским народом. Вернувшись с радостной вестью, Моисей приказал всем израильтянам выстирать одежды свои и соблюдать трехдневный пост, дабы достойно подготовиться к великой минуте. Едва миновал намеченный срок, народ собрался у подножия горы Синай. Моисей запретил кому бы то ни было взбираться на святую гору и пастушьим посохом провел черту, предупредив, что каждый, кто ее переступит, будет предан смерти.

Мужчины, женщины и дети в праздничных одеждах выстроились вдоль начертанной линии. Вдруг поднялась страшная буря. Загремел гром, засверкали молнии, и гора исчезла в густых клубах дыма. Когда же вдобавок громко заиграли таинственные трубы,

люди упали на землю и в испуге заслонили руками глаза. Они не видели, что Моисей в это самое время взобрался на склон горы и вскоре скрылся в дыму, клубящемся вокруг вершины. Здесь, на вершине Синая, Моисей получил от Яхве ряд законов и литургических предписаний, которые отныне должны были стать основой коллективной жизни израильтян. С этим ценным даром Моисей вернулся в долину и поручил двенадцати коленам Израилевым, каждому по отдельности, установить собственный жертвенник в честь великого события. Потом он поочередно переходил от жертвенника к жертвеннику, закалывал овец и кровью их кропил верующих в знак союза, заключенного с Яхве.

Вскоре Моисей еще раз отправился на свидание с Яхве и повел с собою Аарона, Надава, Авиуда и семьдесят старейшин Израилевых. Однако он оставил их на полпути, на склоне горы, а на вершину взобрался один. Там он пребывал сорок дней и сорок ночей. Яхве вручил ему две каменные скрижали, на которых были высечены десять заповедей. Кроме того, Яхве дал ему указания относительно того, как построить ковчег завета и скинию * — святилище, в котором должен храниться ковчег. Наконец, Яхве сообщил Моисею, что удостоил Аарона звания первосвященника и закрепил это звание за его родом.

Тем временем спутники Моисея, остановившиеся на полпути, заждались его и, утомленные, вернулись в стан. Аарон опасался, что с братом случилось несчастье, и в страшной растерянности не знал, что предпринять. В сердцах израильтян пошатнулась вера в покровительство Яхве; ведь это был бог, культ которого им привили лишь с недавних пор. Теперь, когда с ними не было Моисея с его религиозным рвением, израильтяне вернулись к своим прежним богам, которым поклонялись еще в Египте. Перед шатром Аарона собралась большая толпа. Встревоженные тем, что Моисей покинул их, люди громко требовали: «Встань и сделай нам бога, который бы шел перед нами; ибо с этим человеком, с Моисеем, который вывел нас из земли египетской, не знаем, что сделалось». Аарон, охваченный сомнениями, не нашел в себе сил, чтобы воспротивиться столь настойчивому требованию. По его призыву женщины самоотверженно отдавали свои украшения и собрали так много золота, что из него можно было отлить фигуру золотого тельца. На следующий день статую поставили посредине стана, и люди, обрадованные возвращением божества, которому они поклонялись с незапамятных времен, принесли тельцу жертвоприношения, зарезав в его честь скот, после чего все сели за праздничный пир. Весь день раздавались звуки труб и бубнов; мужчины, женщины и дети исступленно пели и плясали вокруг божка, впадая в религиозный экстаз. Только

левиты держались в стороне и с ужасом взирали на людей, которые отреклись от Яхве и веринулись к идолопоклонству.

Спускаясь с вершииы Синайской горы, Моисей еще издали услышал адский шум. Он прибавил шагу и, добравшись до стаиа, пришел в такой страшный гиев от вида разиузданиого пиршества, что разбил о скалу скрижали с заповедями Яхве. Золотого тельца ои стер в прах и рассыпал по воде, а воду эту приказал пить израильтянам. Строго осудив смущеииого Аароиа, Моисей подозвал к себе левитов и дал им приказ: «Так говорит господь, бог Израилев: возложите каждый свой меч на бедро свое, пройдите по стану от ворот до ворот и обратио, и убивайте каждый брата своего, каждый друга своего, каждый ближиего своего». И левиты вооружились мечами и убили много тысяч отступников.

ОЮЗ С ЯХВЕ. Когда порядок в стаие был восстановлен, Моисей сиова отправился иа вершииу Синая, чтобы вымолить у Яхве прощеиие за все случившееся. И тогда он еще раз услышал из уст Яхве обещаиие, что иарод израильский получит во владение Ханаан, «землю, где течет молоко и мед». Исполиеиный благодариости, он поспешил в стаи и приказал поставить особый шатер, который должен был служить скииией. Одиому Моисею разрешалось туда входить, и, когда ои встал у входа и вскинул кверху руки, все вышли из шатров и со страхом смотрели, как их вождь разговаривает с самим Яхве. Никто не знал, что происходило в душе Моисея. До сих пор ои только слышал голос бога, которому верио служил. Теперь, одиако, Моисею этого показалось слишком мало, ему захотелось взглянуть в лицо Яхве. Но тот твердо сказал, что иикогда не покажет смертиым свое лицо. Все-таки ои снизошел к просьбе Моисея, поставил его в расселине скалы и прошел рядом с ним, закрыв лицо рукою и иа одно короткое мгновеиие показав ему свою спину.

Недолгое время спустя Яхве приказал Моисею вытесать две камеииые скрижали, иа которых ои намеревался во второй раз иачертать десять заповедей. Захватив скрижали, пророк отправился на вершину горы и оставался там сорок дней и сорок ночей без хлеба и без воды. Яхве не только повторил тогда десять заповедей, ио дополнительио вручил Моисею свод закоиов и религиозиых правил, которыми должиы были руководствоваться израильтяне во всех случаях жизни.

Моисей направился назад в стан, но от лица его исходил такой блеск величия, что его ослеплеииые сородичи выиуждены были отвести глаза. Поэтому Моисей иакииул на лицо покрывало, и,

когда он вдохновенно беседовал с верующими от имени Яхве, им казалось, будто они видят на его голове рога, знак святости.

Моисей энергично взялся за дело, и прежде всего он решил построить ковчег завета и переносную скинию-святилище. Для строительства ему потребовалось много золота, серебра и меди, и он призвал верующих помочь ему. Сбор ценностей прошел весьма успешно, и Моисей сразу же приступил к осуществлению своих планов, доверив все связанные с ними работы двум прославленным мастерам — Веселиилу и Аголиаву. Оба они, равно искусные в плотничьем ремесле и в обработке металлов, построили ковчег из дерева ситтим * и обложили его чистым золотом внутри и снаружи. На крышке находилась золотая табличка с надписью, гласящей, что здесь поселился Яхве собственной персоной. А на обоих концах крышки были помещены два золотых херувима; широко распростертыми крыльями они покрывали табличку, словно желая защитить ее от чужих глаз.

Моисей положил в ковчег скрижали с десятью заповедями и тексты других синайских законов. Скиния стояла посреди четырехугольного двора, окруженного бронзовыми колоннами с серебряными, искусно вылепленными капителями. С поперечных брусьев свисали льняные покрывала, так что площадка со всех сторон была закрыта высокой ширмой. Внутрь входили через ворота, занавешенные узорчатой тканью из голубой, пурпуровой и червленой шерсти и крученого виссона. Мастера построили святилище из шестов и брусьев дерева ситтим, также обложенных золотом. Однако их не стали соединять для прочности гвоздями. К брусьям были прикреплены золотые кольца, в которые вкладывались шесты. Благодаря такому устройству, скинию можно было быстро установить или же разобрать на части, в том случае, если ее переносили на другое место. Наружные стены скинии, однако, не сверкали золотом. Их охранял от дождя и солнца покров из бараньих кож, красных и синих. Перед входом в святилище стоял жертвенник, отлитый из бронзы, и большой медный таз с водой. Только здесь, на дворике, народу разрешалось молиться в то время, как верховный жрец приносил жертвы Яхве. Для служения в святилище он надевал великолепные одежды, во всех подробностях утвержденные Моисеем. Поверх хитона из белого льна и фиолетовой туники он накидывал голубую шерстяную верхнюю ризу, подол которой был обшит золотыми колокольчиками и бахромой. Таким образом, каждое движение верховного жреца сопровождалось тихим металлическим звоном. На груди его переливался разными цветами наперсник, искусно сделанный из золота, голубой, пурпурной и червленой шерсти и крученого виссона. На нем сверкали двена-

дцать драгоцеиных камией, по числу колеи Израилевых, и иа каждом камие было вырезаио по одиому нмени. Ко всем этнм богатствам иадо добавнть еще иаплечинкн, обшнтые драгоцениостями, и две цепочкн из тяжелого золота. К белому киндару * спередн была пришнта полнрованная золотая дощечка с выгравнрованиой иадпнсью: «Святыия господня».

Совершнв по рнтуалу омовеине, верховный жрец одни входил в преддверне святнлища. Стены его былн украшеиы завесамн узорчатой работы, на которых нзраильскне женщины вышнли загадочные фигуры херувнмов. Посреднне святилища стоял отлитый из золота жертвеиннк с дымящимнся благовонными курениямн, стол с освященным хлебом н бронзовый светнльник с семью лампадамн. За богатой узорчатой завесой скрывалась святая святых святнлища, где иаходился Яхве. Там, в таниствеином полумраке, храиился золотой ковчег завета, содержавшнй ценнейшее сокровище нзраильского культа.

Высокая прнвилегня служнть прн святнлнще н нести ковчег во время похода была предоставлена исключнтельно левнтам. Из нх среды Монсей вербовал также судей, пнсцов, учнтелей, заклннателей болезней и податных сборщнков. Наряду с корпорацней жрецов, это была обособлеииая общественаая группа. Преданнейшне стороиннкн Монсея, левиты верио служилн ему в качестве телохраиителей во время скнтаний.

А ПУТИ В КАДЕШ. Целый год стоялн лагерем нзраильтяие у горы Сниай. Какне огромные перемены пронзошли за это время! Благодаря стараниям Монсея бесформениая масса скнтальцев превратнлась в общество, руководнмое нерархней чнновииков. Нормы совместной жизии определялнсь правовымн предпнсаннямн, а культ Яхве прнобрел конкретные формы в внде релнгиозных учрежденнй, духовных должностей н литургнческнх обрядов. Израильтяне теперь подвергалнсь меньшнм опасностям, так как онн создалн регулярную армню, в которой царнли днсцнплнна н порядок. Каждое племя выступало в определеином порядке, под своимн знаменамн н во главе со свонм военачальииком. Такнм образом, у подножия горы Синай обрнсовалнсь первооснов будущей израильской нацнн, общие интересы н общие цели взяли верх над племенным сепаратнзмом. Выполннв эту задачу, Монсей почувствовал себя достаточно снльным, чтобы попытаться захватнть Ханаан. Однако средн израильтян не нашлось ннкого, кто зиал бы дорогу в обетоваииую землю. А ведь в дикой горной глушн и на бескрайнем просторе пустыни легко было заблу-

диться или попасть в засаду разбойничавших бедуинов. Моисей отдавал себе отчет в грозивших им опасностях и поэтому искал проводника, хорошо знающего места, по которым проходил их маршрут. Больше всего годился для этой роли Ховав, родственник Моисея, сын священника мадиамского Иофора. Но он долго отказывался и только после настойчивых просьб, посулов и уговоров согласился взять на себя обязанности проводника.

На рассвете заиграли серебряные трубы, израильтяне свернули шатры и двинулись в путь. Длинная колонна странников шла в заранее установленном порядке. Открывали шествие левиты — они несли на шестах ковчег завета, разобранную на части скинию и священные сосуды. За ними шли племена, каждое под своим знаменем, а в конце гнали огромные стада овец и вьючных ослов. Колонну охраняли специальные вооруженные отряды и высланные вперед разведчики.

Три дня шли они по пустыне под палящими лучами солнца и снова возроптали. Поскольку запрещалось закалывать овец, люди питались одной манной, которая им изрядно опротивела. Вдобавок ко всему в стане однажды вспыхнул пожар и уничтожил много ценного имущества. Обескураженные трудностями, голодом и понесенными потерями, израильтяне горестно сидели перед своими шатрами и сетовали на Моисея за то, что он уговорил их покинуть Египет. С нежностью вспоминали они добрые старые времена и вздыхали, забыв о рабстве и преследованиях: «Мы помним рыбу, которую в Египте мы ели даром, огурцы и дыни, и лук, и репчатый лук и чеснок. А ныне душа наша изнывает: ничего нет, только манна в глазах наших».

Моисея глубоко задело малодушное поведение его народа, и он созвал совет старейшин, чтобы обсудить с ними, как быть дальше. Но произошло новое чудо: возле лагеря во второй раз появилась тьма перепелов. Израильтяне кинулись ловить птиц и стали жадно их поедать. Перепелов было такое множество, что можно было сушить мясо даже про запас. Однако нытиков и маловеров ожидала суровая кара, ибо оказалось, что птицы были ядовитые. В лагере распространились болезни, и люди мерли, как мухи. Вскоре вся земля вокруг покрылась могилами, и, покидая это место страданий и траура, израильтяне назвали его Гробы прихоти (поскольку там захоронили тех, кто пал жертвой жадности).

На следующей стоянке, в Асирофе, случилось нечто еще более ужасное: взбунтовались ближайшие родственники Моисея; Мариам и Аарон упрекали своего могущественного брата в том, что он женился на «ефиоплянке», то есть на женщине иного происхождения, и к тому же рабыне. Неизвестно, при каких обстоятельствах

это произошло: то ли первая жена Моисея, дочь священника Иофора, умерла, то ли «ефиоплянка» была наложницей. Но не это было важно,— родственники Моисея возмущались тем, что он пренебрег древней традицией евреев.

В основе семейных раздоров крылись, однако, более глубокие противоречия. Пророчицу Мариам и верховного жреца Аарона раздражало самомнение Моисея, утверждавшего, будто Яхве говорит только его устами и будто один только он имеет право управлять от имени господа. Между тем Мариам и Аарон считали, что и они к тому призваны. И вот они ходили по лагерю и жаловались: «Одному ли Моисею говорил господь? не говорил ли он и нам?». Это была явная борьба за власть, и Моисей решил подавить ее в зародыше. Он повел смутьянов в скинию, где Яхве говорил с ними из облака, сурово их осудил и призвал к послушанию. Яхве простил Аарону его вину, а Мариам, как главную зачинщицу, поразил проказой и выгнал из лагеря. Только спустя семь дней, уступая просьбам Моисея, бог вернул Мариам здоровье и разрешил ей возвратиться к своим.

В конце концов израильтяне добрались до южной границы Ханаана и остановились в пустыне Фаран, поблизости от города Кадеша. В радостном возбуждении взбежали они на высокую гору, откуда открывался вид на пограничный район будущей родины. Со времен Авраама там произошли большие перемены. Долины устлал ковер зеленой травы, в которой цвели пунцовые анемоны. На отлогих склонах гор раскинулись оливковые, гранатовые и финиковые сады, а кое-где даже старательно возделанные виноградники. Для израильтян, истомленных однообразием пустыни, пейзаж этот был полон невыразимого очарования. Скитальцы, упоенные счастьем, бросались друг другу в объятия и твердили, что необходимо двинуться дальше и завоевать эту прекрасную страну как можно скорее. Но Моисей, будучи человеком чрезвычайно осмотрительным, не одобрил поспешности своей паствы и решил послать вперед разведчиков. С этой целью он отобрал по одному человеку от каждого племени. «Пойдите в эту южную страну,— поучал их Моисей,— и взойдите на гору; и осмотрите землю, какова она, и народ живущий на ней, силен ли он или слаб, малочислен ли он или многочислен?».

Разведчики, не встречая никаких препятствий, выполнили доверенную им задачу. Спустя сорок дней они вернулись в лагерь и в доказательство плодородия Ханаана принесли на шестах тяжелые гроздья винограда, гранаты и сочные смоквы. Эти дары природы вызвали неописуемый восторг у израильтян, и они готовы были тут же пуститься в захватническую экспедицию. Однако их рвение

сразу остыло, едва разведчики поделились с ними своими наблюдениями. По их словам, Ханаан действительно изобиловал сказочными богатствами, но о его завоевании не могло быть и речи, так как границы страны защищали мощные крепости, гарнизоны которых состояли из исполинов. Израильтяне, так легко кидавшиеся из одной крайности в другую, снова впали в отчаяние. «О, если бы мы умерли в земле египетской, или умерли бы в пустыне сей! — плакались они на свою судьбу.— И для чего господь ведет нас в землю сию, чтобы мы пали от меча? Жены наши и дети наши достанутся в добычу врагам. Не лучше ли нам возвратиться в Египет?». Проклятия и жалобы становились все громче и в конце концов завершились бурными беспорядками. Подстрекатели и баламуты требовали смещения Моисея и выборов другого вождя. «Поставим себе начальника,— кричали они,— и возвратимся в Египет». Иисус Навин и Халев, участвовавшие в разведке, старались унять крикунов и, разорвав на себе одежды, твердили, что с божьей помощью можно овладеть Ханааном, горячо доказывали, что остальные участники разведки струсили и преувеличили военное могущество этой страны. Это окончательно разъярило людей. Они вопили, что им предлагают идти на самоубийство, на верную смерть, в страну исполинов, которые поджидают их за неприступными стенами крепостей. Ослепленные безумным страхом, они бешено накинулись на Иисуса и Халева и собирались побить их камнями. Смельчаков спасло только то, что они схоронились во дворе скинии.

Разгневанный Яхве решил истребить весь народ израильский, поразив его язвой. Однако он и на этот раз уступил мольбам Моисея и смягчил наказание. Приговор его гласил, что ни один израильтянин старше двадцати лет не удостоится милости видеть Ханаан. В течение сорока лет израильтянам предстоит скитаться в пустыне, и в пустыне они закончат свою бренную жизнь. Только тем, кому еще не исполнилось двадцать лет, то есть поколению, рожденному уже в суровых условиях кочевой жизни, суждено вступить во владение землей обетованной. Наказание не распространялось, однако, на Иисуса Навина и Халева. В награду за непоколебимую веру в покровительство Яхве их ожидала высокая честь — вести израильтян в Ханаан.

ОРОК ЛЕТ В ПУСТЫНЕ. Вновь обретя власть над своим народом, Моисей направился прямо на юг и в течение некоторого времени пребывал на берегу залива Акаба. Потом он все-таки пустился на поиски земель, пригодных для длительного заселения. Наиболее подходящими

оказались окрестности города Кадеша. Два колодца со свежей водой и обширные пастбища создавали благоприятные условия для разведения скота, а, кроме того, жившие поблизости мирные народы охотно завязывали с израильтянами торговые отношения.

Однако среди колен Израилевых не было согласия. Им отравляли жизнь беспрерывные споры из-за пастбищ, а кроме того, даже левиты, самые верные сторонники Моисея, не соблюдали дисциплины. Их возмущало поведение Аарона и всей касты священнослужителей, высокомерно отделявшей себя от остальных левитов и захватывавшей все больше привилегий и материальных выгод.

Так возник заговор обиженных и обойденных, в котором участвовало двести пятьдесят левитов под водительством Корея. Бунтовщики собрались перед шатрами Моисея и Аарона, громко вопрошая: «Почему же вы ставите себя выше народа господня?». Терпеливо выслушав их, Моисей пошел в святилище и пал ниц перед ковчегом завета, прося у бога совета. Потом он вышел к бунтовщикам и сказал, обращаясь к Корею: «Послушайте, сыны Левия: Неужели мало вам того, что бог Израилев отделил вас от общества израильского и приблизил вас к себе, чтобы вы исполняли службы при скинии господней и стояли пред обществом, служа для них? Он приблизил тебя и с тобою всех братьев твоих, сынов Левия, и вы домогаетесь еще и священства. Итак ты и все твое общество собрались против господа. Что́ Аарон, что вы ропщете на него?».

Моисей предал заговорщиков проклятию и запретил кому бы то ни было приближаться к их шатрам. Затем земля расступилась и поглотила Корея, а всех остальных заговорщиков сожрал огонь, ниспосланный богом. Это было предостережением, дабы в будущем никто больше не осмеливался восставать против священнослужителей.

Суровое наказание, однако, не запугало простых людей, а, напротив, вызвало небывалое возмущение. Вспыхнули серьезные беспорядки; Моисей и Аарон едва избежали смерти, укрывшись в скинии. Тогда Яхве поразил бунтовщиков огнем, в котором погибли четырнадцать тысяч семьсот человек. Восстание было подавлено, но Моисею важно было доказать, что Аарон получил звание первосвященника от самого Яхве. Поэтому он повелел начальникам колен Израилевых, в том числе и Аарону, принести в скинию по одному пастушьему посоху. И вот на следующий день на глазах у верующих свершилось чудо: из всех посохов один только посох Аарона покрылся почками, дал цвет и принес миндаль. Тогда народ смирился перед волей Яхве, больше не роптал и не осуждал род Аарона за привилегии, которыми он пользовался.

В Кадеше умерла пророчица Марнам, сестра Аарона и Моисея. Народ израильский еще раз испытал бедствия засухи, а когда, безмерио истомлеииый жаждой, иачал буитовать, Моисей вновь ударнл жезлом по скале и оттуда потекла вода.

Без малого тридцать восемь лет израильские племеиа вели в Кадеше мирную пастушью жизнь. Они рассеялись по окрестным пастбнщам и жили своей собствеииой, обособленной жизнью, ослабив узы иациоиального едиства. Предоставленные самим себе, онн проявляли такое равиодушие к религии, что прекратили жертвоприношеиия Яхве и ие соблюдали обряда обрезаиия мальчиков. Пассивность эта заразила даже Моисея н Аарона. В иаказание за то, что они не противодействовали упадку религиозного чувства, Яхве объявил, что они умрут в пустыне и нога их ие ступит по земле обетованиой. Одиако иепосредствеииой причииой столь сурового иаказаиия было их сомиеиие во всемогуществе Яхве, поскольку онн дважды ударяли жезлом по скале, чтобы вызвать воду.

ЗЕМЛЕ ОБЕТОВАННОЙ. Прошло сорок лет с того дия, как израильтяие покинули граиицы Египта. За это время подросло иовое поколение, воспитаииое в пустыне и не зиавшее удобств городской жизни. Оио закалилось в стычках с разбойникамн-бедуинами и приобрело сноровку в военном ремесле; таким образом, Моисей решил, что накоиец-то он может попытаться завоевать Ханаан. На восток от Кадеша находнлось царство Едом, и его землю пересекала удобная для караванов дорога, которую иазывали Царской. Моисей отправил к царю едомскому послов — просить, чтобы тот пропустил их через свою землю, причем Моисей клялся, что будет строго держаться Царской дороги и сполиа заплатит за воду и корм для скота. Но царь, уверенный в своем превосходстве, ответил послам отказом и немедля выставил у границы войска. Борьба с могучим царем не улыбалась Моисею, поэтому ои решил обойти Едом с юга, проследовать на север вдоль его восточиой граиицы и таким путем добраться до левого берега Иордаиа, за которым простирался Ханаан. Едва израильтяие собрались в поход, как заболел Аарон. Моисей приказал отнести своего умирающего брата иа вершину горы Ор. Там Моисей сиял с Аароиа одежды и облачил в ннх Елеазара, третьего сыиа Аароиа. Так впервые свершился обряд передачи высокого зваиия от отца к сыну. Аарон умер на горе Ор и был там оплакаи и погребен. После погребальиой церемоиии израильтяне двииулись иа юг, к заливу Акаба. Оии шли по длнниому каменистому ущелью, страдая от иедостатка воды н пнщи. Утомленные

дорогой скитальцы сиова стали роптать н грозили, что перестаиут слушаться Моисея. Их постигло за это очередиое иаказаиие: в лагере появилось огромиое количество ядовитых змей; от их укусов заболело столько народу, что пришлось отказаться от дальиейшего похода. Моисей, одиако, и в этом случае нашел выход: ои приказал отлить из меди подобие змеи и выставил его на столбе посреди лагеря. Достаточио было поглядеть иа это изображеиие, чтобы вернуть здоровье и силы для дальиейшего путешествия.

С берега залива Акаба израильтяне свериули на север, обогнули враждебиый Едом с юга и востока и под коиец остаиовились у потока Заред. На другой его стороне вдоль берега Мертвого моря тянулась территория Моава. Моисей зиал, что после войны с аморреянами моавитяие обессилели, поэтому он не опасался их сопротивления. И действительио, израильтяие беспрепятственно прошли через страиу Моав и дошли до реки Арнои. Она служила граиицей между Моавом и Аморреем, граиицей трудиопреодолимой, ибо протекала между отвесными камеиными скалами. Вдобавок Сигои, царь аморрейский, был храбрым воином и ие позволил израильтянам вступить иа территорию его страны. Однако Сигои ие устоял перед сокрушительиым иапором израильских захватчиков, истребивших все иаселеиие Аморрея. Затем израильтяиам предстояла трудиая вооруженная переправа через пограиичиую реку Иавок, ибо на противоположиом берегу иаходилось государство Васаи.

Васаиский царь Ог был великаиом и славился своей воииственностью и физической силой. Ложе его было сооружеио из железа и занимало девять локтей в длину и четыре в шириву. Израильтяне ие дали себя запугать такими вестями, они только что одержали большую победу, поверили в свои силы и с легкостью сломили его сопротивлеиие. Покорив Васан, оии завладели всем Заиорданьем, вплоть до озера Геииисарет; теперь у иих была удобная база для иападения иа Ханаан, и Моисей приказал сосредоточить войска в Моаве, на восточиом берегу Иордана. Там был мелкий брод, который с противоположиого берега охраняли башии и стены Иерихона.

РОРИЦАТЕЛЬ ВАЛААМ. Моавитский царь Валак с тревогой следил за успехами израильтян: после победы над аморреянами и царем Огом оин стали опасными соседями. Боясь выступить против них открыто с оружием в руках, Валак решил прибегиуть к помощи магии. В Пефоре на Евфрате жил зиамеиитый чернокнижник, по имени Валаам. Царь Валак послал к нему моавитских старейшин с щедрыми дарами,

прося, чтобы он проклял израильтян и заставил их отказаться от борьбы. Валаам выслушал старейшин и провел ночь в молитве, после чего заявил, что бог израильтян запретил ему брать на себя такую задачу. Валак, однако, не сдавался. Он послал вторую, еще более именитую делегацию и еще более ценные дары, но маг ничего и слушать не желал. «Хотя бы Валак давал мне полный свой дом серебра и золота, не могу преступить повеление господа, бога моего...» — сказал он. Позднее Яхве передумал и разрешил Валааму отправиться в Моав, при условии, что он будет вести себя согласно указаниям бога. Великий кудесник сел на свою верную ослицу и пустился в путь. Тем временем бог заподозрил Валаама в дурных намерениях по отношению к израильтянам и решил его задержать. По приказанию Яхве ангел с обнаженным мечом преградил дорогу Валааму.

Ангела видела только ослица. Она встала на дыбы, а затем своротила с дороги и пошла в поле. Валаам не понял, в чем дело, пришел в ярость и принялся бить палкой норовистую ослицу. Это ни к чему не привело. Как безумная, она неслась вперед и оказалась между двумя стенами, огораживающими виноградники. Ангел снова заступил ей дорогу, и ослица, быстро повернувшись, прижала ногу своего хозяина к стене. Валаам взвыл от боли и снова отдубасил ослицу. Обиженное животное спросило тогда плаксивым голосом: «Что я тебе сделала, что ты бьешь меня?..»

Валаам почему-то совсем не удивился тому, что ослица заговорила по-человечьи, и, все еще не остыв от гнева, стал корить ее: «За то, что ты поругалась надо мной; если бы у меня в руке был меч, то я теперь же убил бы тебя». Ослица продолжала жаловаться: «Не я ли твоя ослица, на которой ты ездил с начала до сего дня? Имела ли я привычку так поступать с тобою?». Валаам вынужден был признать, что она всегда верно ему служила. В то же мгновение он увидел светлую фигуру ангела, сразу же соскользнул со спины ослицы и поклонился ему до земли. Ангел, с укоризной посмотрев на Валаама, сказал: «За что ты бил ослицу твою?.. Я вышел, чтобы воспрепятствовать тебе, потому что путь твой не прав предо мною. И ослица, видев меня, своротила от меня... Если бы она не своротила от меня, то я убил бы тебя, а ее оставил бы живою». Смущенный Валаам оправдывался: «Согрешил я, ибо не знал, что ты стоишь против меня на дороге; итак, если это неприятно в очах твоих, то я возвращусь». «Пойди с людьми сими,— сказал ангел,— только говори то, что́ я буду говорить тебе».

В Моаве царь встретил знаменитого мага с распростертыми объятиями, поднес ему новые дары и повел на холм, откуда виден был лагерь израильтян. Здесь Валаам построил жертвенник и воз-

нес на него овна, потом он намеревался произнести проклятие, которое должно было погубить израильтян. Но — о чудо! — вместо проклятия с его уст сорвались слова благословения. Семь раз пытался прославленный чародей выполнить пожелание царя, построил семь жертвенников, возносил на них жертвы, и каждый раз бог принуждал его благословлять израильтян. Моавитский царь подозрительно поглядывал на то, что творит Валаам, и, когда в седьмой раз услышал те же самые слова, рассердился не на шутку и прогнал мага прочь.

Все это происшествие очень огорчило Валаама и, желая хоть как-нибудь сгладить обиду, нанесенную царю, он на прощание подал ему хитрую мысль: развратить израильтян и подорвать их силы с помощью моавитских женщин. Царь последовал его совету. Израильские мужчины, которым приелась монотонная лагерная жизнь и надоели строгие предписания Моисеевой религии, легко дали себя соблазнить. Моавитские женщины совершали обряд служения богу Ваал-Фегору самым разнузданным образом. В свое храмовое распутство они вовлекали израильтян и таким путем склоняли их к идолопоклонству. И вот один высокородный израильтянин привел к себе в шатер моавитянку, не считаясь с тем, что в это время верующие молились в скинии Яхве. Тогда Финеес, сын первосвященника Елеазара, возмущенный гнусным зрелищем, пронзил копьем преступную чету. Для верующих это послужило сигналом к решительной расправе с грешниками; во время резни, разбушевавшейся в стане, погибли двадцать четыре тысячи человек, виновных в том, что они изменили Яхве. Моавитян также постигла кара: двенадцать тысяч отборных израильских воинов огнем и мечом опустошили их страну. Во время этой резни погиб и Валаам — он поплатился жизнью за коварный совет, который дал моавитскому царю. В Моаве была взята огромная добыча. Кроме тридцати двух тысяч невольниц израильтяне захватили семьдесят две тысячи голов рогатого скота и шестьдесят одну тысячу вьючных ослов. Сыны Рувима и сыны Гада, а также половина колена Манассии облюбовали себе земли за Иорданом и выразили желание поселиться там. Моисей охотно согласился на это, однако потребовал, чтобы они сперва приняли участие в завоевании Ханаана.

ОСЛЕДНИЕ ДНИ МОИСЕЯ. Моисей знал, что в силу приговора Яхве он не удостоится счастья переступить границы Ханаана и не достигнет главной цели своей жизни. Ему уже было сто двадцать лет, и хотя он сохранился и телом и духом, однако чувствовал, что смерть близка. Перед кон-

чиной ему иужио было привестн в порядок еще миого дел. Прежде всего он провел всеобщую перепнсь и узиал, что народ израильский насчитывает шестьсот одну тысячу семьсот тридцать человек. Своим преемнником он назначил Инсуса Навина, верного соратннка и храброго военачальиика. Используя свой сорокалетний опыт, Моисей дополинл уже существовавший свод законов иовыми уставами и религиозиыми предписаниями, дав прочный фундамеит для будущего общественого строя израильтяи. Чтобы предотвратнть распри, Моисей разделил террнторию Ханаана между отдельиыми колеиами. Только левиты и священиикн не получили особых уделов, так как обязаиы были нести службу Яхве во всем Ханааие. Однако Моисей дал нм во владенне сорок восемь городов и местечек, которые должны были обеспечить им приличные условия существования. Он выделил шесть городов, в которых люди, виновные в неумышленном убийстве, могли иайти убежище и тем самым избежать родовой мести. Потом Моисей сложнл вдохновеииую песнь во славу своего бога и велел нзраильтяиам выучить ее наизусть, чтобы она воодушевляла нх и в злую и в добрую годину. Попрощавшись со своим народом, Монсей отправнлся один на вершину горы Нево. Грустным взглядом окннул он обширные пространства земли обетованиой, куда ему не суждеио было войти. Как на ладони видел он Иордан, несущий свон воды среди высоких берегов в сторону масляиистой глади Мертвого моря, видел обрамлявшие это море обрывистые скалы желтых, пурпурных, голубых и коричиевых оттенков. Сразу за Иордаиом над пальмовым оазисом высились крепостные стены Иерихона, первой мощной сторожевой линии у врат Ханаана, а на самом краю горизонта бежала узкая полоска Средиземиого моря. Вот земля обетованная, страна, чья почва источает молоко и мед, будущая родина Израиля! Моисей затем печальио отвернулся от раскинувшегося перед ним пейзажа и в одиночестве испустил дух. Кончина его окутана вечной тайной, и по сей день никто не знает, где искать место его погребения. Народ в течение тридцати дней оплакивал своего учителя, а потом свернул шатры, чтобы под водительством Иисуса Навина переправиться через Иордан.

МОИСЕЙ В ОРЕОЛЕ МИФОВ

Описанная в Библии история бегства из Египта и странствия в землю обетованную — это одновременно история еврейской религии. Израильтяне верили, что Яхве их особо полюбил, что он стал их освободителем, дал им законы, моральные нормы и общественный строй, создал религиозные учреждения, должности священников и литургический церемониал и под конец привел их в Ханаан как объединенный и организованный народ. Израильтяне ведь считали себя избранным народом, которому доверена важная историческая миссия, и поэтому не могли погибнуть, хотя по временам их постигали тяжелые наказания за нарушение синайского союза.

История этого драматического бегства израильтян постепенно утрачивала реальные черты. По мере того как сказание о Моисее передавалось из поколения в поколение, оно приобретало все более мистический характер, а исторические факты отступали на задний план. Последним придавали настолько малое значение, что не считали даже нужным назвать имя фараона-преследователя.

В туманных видениях пророков Осии, Михея и Иеремии исход израильтян из Египта приобрел мистическое значение — как проявление воли Яхве и событие чисто религиозное. Когда израильский крестьянин приносил на алтарь жертвы, состоящие из первых плодов его урожая, то он молился следующим образом: «Египтяне худо поступали с нами, и притесняли нас, и налагали на нас тяжкие работы; и возопили мы к господу, богу отцов наших, и услышал господь вопль наш, и увидел бедствие наше, труды наши и угнетение наше. И вывел нас

господь из Египта рукою сильною и мышцею простертою, великим ужасом, знамениями и чудесами. И привел нас на место сие, и дал нам землю сию, землю, в которой течет молоко и мед» (Второзаконие, гл. 26, ст. 6—9). Жрецы, которые записали эпопею бегства израильтян из Египта и включили ее в свои священные книги, были не историками в современном значении этого слова, а теологами, рассматривающими историю Израиля с угодной им, религиозной, точки зрения. Все, что легенды приписывали Моисею,— его разговоры с Яхве, его чудеса и заповеди — воспринималось ими как неопровержимые, подлинные факты. К тому же в тот период, когда они приступили к редактированию исторических легенд, прошло уже несколько веков со времен исхода из Египта, и реальный ход событий подвергся процессу, который мы называем мифологизацией прошлого.

Вот почему ученым в наши дни приходится преодолевать огромные трудности, чтобы отшелушить из легенды ядро истины, и, несмотря на все усилия, затраченные в этой области, до сих пор нет единого мнения относительно того, что произошло на самом деле и существовал ли в действительности Моисей. Обычно по мере отдаления от давно минувших эпох верх берет элемент исторической правды и уменьшается роль легенды. С Моисеем происходит скорее обратный процесс. Авраам, Лот, Исав, Исаак и Иаков — это образы относительно реалистические, близкие и понятные своими человеческими чертами. Зато Моисей, по мнению некоторых ученых, в библейской истории наиболее таинственная личность. Вокруг его образа сложилось множество мифов. Великий вождь, законодатель и пророк,— это фигура внушительная, поразительная в своей трагической борьбе с собственными слабостями и со слабостями своего народа. Но как же мало мы знаем о нем как о человеке! Пожалуй, только то, что он легко воспламенялся гневом, что у него бывали минуты сомнения, что он дважды женился и у него были неприятности в своем же семейном кругу. Мы всегда видим его как бы отлитым из бронзы; это помазанник божий, непримиримый исполнитель воли Яхве. Ежегодно в праздник пасхи израильтяне в гимнах и псалмах славили Яхве и его полномочного представителя — Моисея, а опыт скитаний по пустыне приобретал в их обрядах характер религиозной мистерии, драмы, относящейся к миру иного измерения.

Но разве из этого должно следовать, что Моисей не был реальной исторической фигурой? Отнюдь нет! Современ-

ная наука стала более осторожной в вынесении приговоров в таких вопросах с тех пор, как она обнаружила на дне многих легенд и мифов целые залежи истинных событий. Так, например, Солона, Ликурга или Нуму Помпилия больше не считают мифическими фигурами. Это были вожди, которые действовали в поворотные моменты истории, и по этой причине в сказаниях последующих поколений были возведены до ранга великих символов.

Вполне вероятно, что среди израильтян выдвинулся вождь, законодатель и религиозный реформатор крупного масштаба, который сумел вызволить свой народ и повести его в Ханаан. Благодаря его таланту недисциплинированные, раздираемые внутренними склоками израильские племена объединились и одержали победы в Египте, в пустыне и в Ханаане.

Таким образом, не удивительно, что Моисей в народных сказаниях стал любимым национальным героем и пророком, что его вознесли на пьедестал святости. Он ведь проповедовал слово Яхве, а посему все, что он сказал и совершил, считалось законом и непогрешимым догматом.

Библейская легенда о рождении и смерти Моисея полна поразительных совпадений с легендами других древних народов. В Азии, Греции и даже в Японии рождению национальных героев обычно сопутствуют драматические обстоятельства. В младенчестве их бросают в воду в корзинках или в ящиках. В народных сказаниях обычно ничего не говорится о годах молодости героев, известно только, что воспитывались они при дворах чужих царей. Из клинописных текстов мы, например, узнали, что у великого царя Саргона, основавшего в 2350 году до н. э. в Месопотамии аккадскую державу, была та же судьба, что и у Моисея. Мать Саргона, жрица, тайно родила его и, положив в осмоленную корзину, пустила плыть по реке. Младенца выловил из реки водонос и садовник Акка, занимавшийся поливкой возделанных полей. Сказание несет на себе явственные черты народной легенды, но Саргон, несмотря на это, действительно существовал. Неопровержимые тому доказательства содержатся в документах, найденных в руинах месопотамских городов.

Таким образом, легенды, чудеса и прочие сверхъестественные явления не исключают той возможности, что Моисей тоже был подлинной исторической личностью *. И следовательно, мы можем принять за исторический факт бегство израильтян из Египта и их скитания в пустыне, хотя безоговорочно доказать это и нельзя,

так как египетские хроники и другие источники обходят данное событие молчанием. Поэтому, если мы хотим докопаться хотя бы до частичной правды!, то должны прибегнуть к косвенным доказательствам, исследуя скупые, трудно поддающиеся прочтению следы в исторических документах.

Ученые проделали очень интересную реконструкцию. Постараемся восстановить главные ее элементы.

В Библии израильская история обрывается неожиданно на смерти Иосифа. Потом нам рассказывают о событиях, связанных с личностью Моисея. Этот разрыв охватывает приблизительно четыреста лет. Почему же редакторы библейского текста допустили такой скачок в изложении истории израильтян? Возможно, это сделано сознательно, чтобы не касаться бесславного для израильтян периода. После изгнания гиксосов фараоны XVIII династии перенесли столицу из Авариса в родные Фивы. Израильтяне остались в земле Гесем, где вели обособленную пастушескую жизнь. Никто не обращал внимания на простых скотоводов, живших вдали от главного политического центра, на далеких окраинах государства. Для египтян это было очень бурное время, и никому не приходило в голову угнетать израильтян, в особенности потому, что они все больше поддавались влиянию египетской культуры и, как указывают достоверные данные, даже признавали культ египетских богов. Ведь Иисус Навин в таких выражениях корит израильтян: «Отвергните богов, которым служили отцы ваши за рекою и в Египте...» (Иисус Навин, гл. 24, ст. 14). От окончательной ассимиляции их, видимо, уберегла привязанность к языку, обычаям и традиции отцов. Во всяком случае, можно считать установленным, что для израильтян длительное пребывание в Гесеме — это эпоха духовного вырождения и бессмысленного прозябания.

Из этой опасной пассивности вывели израильтян бурные перемены в политической жизни Египта. К власти пришли фараоны XIX династии. Третий фараон этой династии — Рамсес II, правивший в 1317—1251 годах до н. э., был великий воин, который стремился восстановить египетскую державу путем покорения Азии. В качестве военной базы для экспедиций на восток ему больше всего подходила дельта Нила вместе с землей Гесем. Вдобавок Рамсес считал дельту Нила своим непосредственным родовым владением, так как его семья была родом из окрестностей Авариса. Отца его звали Сети, и этимологически его имя связано с именем почитаемого в этой стране бога Сета.

Рамсес чувствовал себя неуверенно в чужих ему Фивах, в центре культа бога Амона, кроме того, ему хотелось быть подальше от тамошней могучей жреческой касты, которая держала в подчинении предыдущих фараонов и стремилась навязать свою волю и ему. И он решил перебраться в дельту Нила и построить там, на месте разоренного Авариса, новую столицу — город Раамсес (впоследствии известный как город Танис). Готовясь к захватническому походу, он построил, кроме того, еще один город — Пифом, состоявший, по сути дела, из складов провианта и военной амуниции. Благодаря археологическим изысканиям нам точно известно расположение обоих городов, так как удалось раскопать их развалины и установить их происхождение.

С появлением Рамсеса кончилась идиллическая обособленность земли Гесем. В один прекрасный день израильские пастухи протерли глаза от удивления: через их пастбища потянулись колонны воинов, в колесницах мчались вельможи, а за ними следом — тьма чиновников, сборщиков налогов, гонцов и надсмотрщиков, подгонявших палками рабов. Пастухи загляделись на это шумное шествие, не отдавая себе отчета в том, что их ждет. Вскоре, однако, они на собственной шкуре почувствовали близость фараона. В их дворы с криком врывались солдаты и сборщики налогов, забирали зерно и скот, а всех, кто выражал протест или оказывал сопротивление, жестоко избивали.

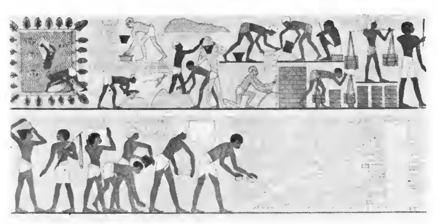
Однако это было всего лишь начало. Для осуществления строительных планов, задуманных с большим размахом, Рамсесу нужны были рабочие. И он принудил израильтян к рабски-крепостному труду. В его представлении израильтяне, бородатые, в широких одеждах, были людьми Востока, которые слишком быстро размножались и в случае войны с Азией могли стать опасными для него. Вдобавок египтяне с презрением относились ко всем примитивным пастушеским народам. В книге Бытие (гл. 46, ст. 34) мы читаем: что... «мерзость для египтян всякий пастух овец». Впрочем, не исключено, что египтяне вспомнили также, что во времена тяжкой для них гиксосской оккупации израильтяне были верноподданными и фаворитами гиксосов.

Рамсес II быстро подчинил себе Палестину и Сирию, однако вскоре он столкнулся лицом к лицу со значительно более сильным противником. Это были хетты, которые основали в Малой Азии мощную военную державу. До недавнего времени мы очень мало о них знали. Только в первые годы

нашего столетия немецкие археологи Винклер и Пухштейн открыли развалины хеттской столицы в Турции, на реке Галис (совр. Кызыл-Ирман), которая очерчивает там дугу и впадает в Черное море. Столица называлась Хаттушаш и занимала площадь сто семьдесят гектаров. Из-под песков откопаны царский дворец гигантских размеров, храмы, крепостные стены и статуи из черного базальта. Статуи изображают мужчин с длинными, спадающими на спину волосами, в высоких шапках, коротких юбочках и остроносых башмаках.

Найден также архив, состоящий из множества клинописных табличек на ранее неизвестном языке. Большие заслуги в его расшифровке принадлежат чешскому ученому Б. Грозному. Он показал, что хеттский язык входит в группу индоевропейских языков, а это говорит о индоевропейском происхождении хеттов или по крайней мере их правящей верхушки. Благодаря работам Б. Грозного и английского археолога Вулли удалось воссоздать довольно полную картину истории, культуры, религии и быта этого народа.

Рамсес II вел с хеттами войну, которая с перерывами продолжалась двадцать один год. На пятый год войны произошло крупное сражение в долине реки Оронт, в районе города Кадеша. Сражение было очень кровавым, но ничего не решило, хотя Рамсес II в мно-

Рабы, занятые при обжиге кирпичей. Фреска из гробницы египетского наместника (ок. 1460 г. до н. э.).

гочисленных записях изображал себя победителем. Длительная вооруженная борьба истощила обоих противников. К тому же в Месопотамии хеттам начали угрожать растущие силы ассирийцев. Поэтому в 1296 году до н. э. дело дошло до заключения «вечного мира», закрепленного браком дочери хеттского царя Хаттусиля с Рамсесом II.

Мир, однако, не принес израильтянам облегчения. Угнетение и крепостной труд продолжались. Рамсесом овладела прямо-таки мания строительства. Поэтому ему требовалось все больше рабочей силы. Он не только строил новые здания, дворцы и храмы, но приказывал со старых стирать имена фараонов, при которых они были возведены, и ставить на том же месте свое имя.

Приказ об убийстве новорожденных, о котором говорится в Библии, свидетельствует, что с течением времени преследования израильтян приобрели кровавые, жестокие формы. Казалось бы, мы сталкиваемся здесь с противоречием, ибо, с одной стороны, фараону требовалось все больше рабочих, а с другой стороны, он лишался их в силу своего драконовского приказа. Предполагается, что поводом к нему послужила плодовитость израильтян и перенаселение дельты Нила после того, как там разместилась центральная администрация с бесчисленным множеством чиновников, придворных и военных. Из Библии вытекает также, что многие израильтяне не могли в то время прокормиться разведением скота и вынуждены были переселиться в города, где они занялись мелкой торговлей и ремеслом. Это, несомненно, вызвало ненависть египтян, которые быстро ощутили эффект конкуренции израильтян.

Угнетение и преследования содействовали пробуждению у угнетаемых чувства расовой общности, вызвали сперва пассивное, а затем даже активное сопротивление. Процесс этот приобретает наглядность на примере Моисея. Согласно легенде, он носил типично египетское имя, получил образование при дворе фараона, где жил как большой вельможа, и все-таки, под впечатлением преследований, которым подвергались соплеменники, Моисей снова почувствовал себя израильтянином. Убийство жестокого надсмотрщика и бегство на восток — это не только проявление его личного бунта, это первый сигнал к бунту израильского народа.

В Библии мы находим два загадочных стиха, которые дают много материала для размышлений. В книге Исход (гл. 3, ст. 21) Яхве говорит: «И дам народу сему милость в

глазах египтян; и когда пойдете, то пойдете не с пустыми руками. Каждая женщина выпросит у соседки своей и у живущей в доме ее вещей серебряных и вещей золотых, и одежд; и вы нарядите ими и сыновей ваших и дочерей ваших, и оберете египтян». А далее (гл. 12, ст. 36) в той же книге мы читаем: «Господь же дал милость народу своему в глазах египтян; и они давали ему, и обобрал он египтян».

В обоих текстах поражает отсутствие последовательности, ибо одним духом говорится о займе и об ограблении египтян. Что, собственно говоря, за этим скрывается? Допустим, что израильтяне обманным путем взяли взаймы золотые и серебряные сосуды, под предлогом, что проведут в пустыне — как они заверяли фараона — только три дня и отдадут их, как только вернутся. Однако трудно поверить, будто египтяне были настолько наивны, что доверили свои сокровища людям, враждебным им и презираемым ими.

Некоторые ученые делают отсюда вывод, что израильтяне восстали, ограбили египетские дома и убежали за границу. В пользу такого предположения говорит тот факт, что во время скитаний по пустыне они вели победоносные бои.

Следовательно, они должны были выйти из Египта вооруженными до зубов. Где они взяли оружие? Они не могли раздобыть его в течение одного дня, значит, по всей вероятности, тайком копили его в последние годы рабства. Следовательно, не исключено, что они действительно добивались свободы с помощью оружия. Если это верно, то становится более понятным и то, почему фараон так яростно преследовал их вплоть до Красного моря. В свете этой гипотезы Моисей, по крайней мере в первый период своей деятельности, вероятно, мог быть вождем израильского восстания.

Историкам по сей день причиняет много хлопот установление даты исхода. По этому поводу в научных кругах долгое время велась горячая полемика. В настоящее время преобладающее большинство исследователей склоняется к тому мнению, что исход из Египта произошел во второй половине XIII века до н. э.

Рамсес был выдающимся фараоном, а Египет при его правлении достиг вершины своего великодержавного могущества. Поэтому сомнительно, чтобы израильтянам удалось освободиться при жизни Рамсеса. В словах: «Спустя долгое время, умер царь египетский» (Исход, гл. 2, ст. 23) — скрыт намек на то, что Моисей вернулся в Египет после вступления на трон фараона

Мернепта, преемника Рамсеса II. Египту в его царствование приходилось защищать западную границу от набегов ливийцев, а с востока на него напали индоевропейские народы, которые покинули насиженные места на Балканах, вторглись в Малую Азию, сокрушили государство хеттов и заняли побережье Средиземного моря. Правда, Мернепта победоносно вышел из схваток с агрессорами, но Египет был настолько обессилен, что в течение долгого периода ему не удавалось восстановить свою мощь. По всей вероятности, израильтяне воспользовались его временной слабостью, чтобы высвободиться из рабства.

Есть и другие основания, позволяющие датировать исход второй половиной XIII века до н. з. Археологам удалось откопать руины ханаанских городов, захваченных, согласно Библии, израильтянами под водительством Иисуса Навина, преемника Моисея. В тех слоях раскопок, которые несомненно относятся ко второй половине XIII века, найдены по преимуществу следы пожаров и умышленных опустошений — явное доказательство стремительного завоевания.

Моисей, как мы знаем из Библии, просил царя Едома разрешить израильтянам свободный переход через его территорию, в чем ему было отказано. Однако Моисей не отважился применить насилие, поскольку Едом был мощным военным государством, и решил обогнуть его границы. Благодаря археологическим открытиям мы знаем, что в XIV веке до н. з. Едома еще не существовало, и в качестве хорошо организованного и могучего государства он вступил на арену истории только в XIII веке до н. э. Значит, израильтяне могли появиться на его границе именно в этом столетии, не раньше.

Есть, однако, серьезный пробел в зтом исчислении. Сомнения возникли в связи с раскопкой Иерихона, крепости, якобы захваченной Иисусом Навином. Новейшие раскопки, проводимые начиная с 1952 года под руководством английского археолога доктора К. Кеньон, во многом разъяснили историю зтого древнего города. Его руины образуют гигантский холм, высящийся на западном берегу Иордана. Результаты проведенных розысков прямо-таки поразительны. Обнаружены толстые крепостные стены, дома, колодцы и могилы, наслоенные в несколько ярусов. Пока еще не удалось достичь самого дна, на котором стояло хронологически наиболее старое поселение, но уже сейчас неопровержимо доказано, что Иерихон существовал за семь тысяч лет до н. э. Пожалуй, это старейший город в истории человечества. Факт

этот вызвал переворот во взглядах на развитие материальной культуры, ибо сложилось представление, будто люди эпохи неолита не строили городов, а жили в маленьких разрозненных сельскохозяйственных поселках. Кроме того, предполагалось, что самые древние города возникли в Египте и Месопотамии, между тем как открытия в Иерихоне показали, что в этом отношении приоритет принадлежит Палестине.

В нашем случае самое важное, однако, не это. Британская экспедиция подтвердила, что Иерихон действительно был разрушен агрессорами, но пепелища и разбитые части строений находились в слое, который относится к XIV, а не к XIII веку до н. э. Дату установили на основе найденных скарабеев и характерных рисунков на керамических черепках.

Ученые пришли в немалое замешательство: с одной стороны, раскопки в древнем едомском государстве и исторические данные о Египте говорят за то, что исход произошел в XIII веке до н. э., а с другой стороны, новые данные о том, что Иерихон пал на целый век раньше. Может быть, израильтяне не завоевали эту могучую крепость? Значит, соответствующий эпизод библейского сказания надо считать легендой, вымыслом библейских компиляторов, придуманным ради раздувания военной славы Иисуса Навина?

Ученые разными путями пытались разрешить это противоречие. Некоторые исследователи считают, что существуют определенные доказательства того, что израильтяне вышли из Египта в XIV веке, но в этой гипотезе обнаруживается столько слабых сторон, что большинство их коллег отказывается ее принять.

Поэтому важнейшее значение имеет гипотеза, выдвинутая известным французским ориенталистом Пьером Монте. А он-то как раз высказывает сомнение в точности даты, указанной археологами. Ее установили главным образом на основе скарабеев, найденных в пожарищах, между тем, по мнению Монте, они не являются точным свидетельством. Скарабеи были ценными семейными драгоценностями; они переходили по наследству от отца к сыновьям. Кроме того, известно, что вырезанные на них имена царей отнюдь не доказывают, что они относятся именно к такому-то царствованию. Египетские ремесленники, например, и в эпоху Птолемеев вырезали скарабеи с именем фараона Тутмоса III. Как же легко впасть в ошибку при установлении даты культурных слоев на основе столь ненадежных свидетельств! В не меньшей степени

Мумия фараона Мернепта.

это касается керамических черепков, которых, впрочем, в Иерихоне выкопали мало. Одним словом, Пьер Монте считает, что культурный слой Иерихона, в котором найдены следы пожаров и бурных разрушений, может с равным успехом относиться и к XIII веку до н. э.

Археологи, открывшие Иерихон, однако, не соглашаются с тезисом Монте, и в научных кругах сейчас преобладает мнение, что Иерихон был разрушен в XIV веке до н. э.

Итак, исследователи Библии очутились перед дилеммой: либо израильтяне вышли из Египта в XIV веке до н. э. и действительно покорили Иерихон, либо же в XIII веке до н. э., и тогда Иисус Навин ни в коей мере не мог быть его покорителем. Позднее мы увидим, каким образом ученые пытаются разрубить этот гордиев узел.

Вместе с историками мы пришли к убеждению, что исход мог произойти в царствование фараона Мернепта, который якобы утонул в Красном море. Десятки поколений верили, что именно такова была участь египетского правителя, что бог таким способом наказал его за угнетение и преследования израильтян.

На примере этого драматического сказания можно показать, как в Библии исторические факты перемешались с легендами. Во второй половине прошлого века два араба открыли пробитые в скале катакомбы, где египетские жрецы сложили в деревянных гробах тридцать семь царских мумий, чтобы уберечь их от разграбления. Там почивали останки Сети I, Рамсеса II и многих других фараонов с супругами и дочерьми, но не хватало Мернепта, что как будто бы подтверждало библейское сказание.

Но в 1898 году, то есть три-

надцать лет спустя, достоверность библейского сказания вновь была поколеблена. В Долине царей обнаружили второй коллективный склеп с еще четырнадцатью царскими мумиями, и среди них — о чудо! — находился сам Мернепта. Так выяснилось, что он не утонул в море, а умер естественной смертью в своем дворце. Следовало еще считаться с возможностью, что море выкинуло его останки на берег и затем их набальзамировали, как того требовал погребальный обряд. Однако медицинские исследования, тщательно проведенные специалистами, не обнаружили на теле мертвого фараона ни малейших следов воздействия морской воды. Библейское сказание не устояло перед неумолимой логикой науки[1].

Если сообщение о том, что фараон утонул, носит в общем случайный характер, то этого нельзя сказать о другой легенде, более серьезной по своему значению. Согласно многовековой религиозной традиции, автором первых пяти книг Ветхого завета, то есть так называемого Пятикнижия, считался Моисей. Когда же Бенедикт Спиноза (1632—1677 годы), следуя, впрочем, за другими философами и мыслителями прошлого — Филоном, Иосифом Флавием, Ибн Эзрой и Уриелем да Костой,— осмелился подвергнуть сомнению авторство Моисея, амстердамская синагога отлучила его как еретика.

Между тем даже беглое чтение Пятикнижия показывает полную несостоятельность этой легенды. Как Моисей умудрился описать собственную смерть? Каким чудом он узнал, что могила его затеряется и никогда не будет отыскана?

В заключительной части книги Второзакония (гл. 34,

[1] Я получил несколько писем от читателей, обративших внимание на расхождение между вышеприведенным утверждением и отчетом, содержащимся в книге В. Боултона «Вечность пирамид и трагедия Помпеи». Автор приводит письмо, которое в 1929 году опубликовал в лондонской газете «Таймс» археолог Э. Смит. Там написано, что мумия фараона Мернепта (изрубленная, впрочем, могильными грабителями) носила «симптомы инкрустации кристаллами соли», что должно было служить доказательством, будто фараон действительно утонул в море.

Прежде всего следует обратить внимание на странный факт: такая важная подробность была опубликована только спустя тридцать лет после открытия мумии. Кроме того, новейшая наука отвергла это доказательство по следующим причинам. Останки фараона были набальзамированы, а длительный и сложный процесс бальзамирования наверное должен был устранить всякие, даже мельчайшие следы морской соли. Если на мумии действительно найдены кристаллы соли, то они могли происходить из других источников. Следует помнить, что Мернепта вместе с другими фараонами был перенесен из первоначальной гробницы в коллективный склеп.

ст. 10) мы читаем: «И не было более у Израиля пророка такого, как Моисей...» Теперь уже известно, что слово «пророк» вошло в древнееврейский язык лишь значительно позднее. Приведем из Пятикнижия еще один пример явного анахронизма: «...цари, царствовавшие в земле Едома, прежде царствования царей у сынов Израилевых» (Бытие, гл. 36, ст. 31). Откуда Моисей мог знать, что у израильтян будет царь? Первым еврейским царем был Саул, царствовавший в последней четверти XI века до н. э. и, значит, спустя долгое время после смерти Моисея.

Подобного рода анахронизмы можно приводить без конца, но и тех, о которых мы упомянули, достаточно для доказательства того, что основные части Пятикнижия не могли возникнуть ранее конца XI века до н. э.

Пятикнижие образует некое замкнутое повествовательное целое. Оно охватывает древнейшие сказания, относящиеся к жизни праотцев израильтян, бегству из египетского плена и скитаниям в пустыне, и включает свод законов и обрядовых правил.

Критический анализ Пятикнижия показал, что оно представляет собой конгломерат разнообразнейших текстов, ведущих свое происхождение с XI по IV век до н. э. Мы сознательно пользуемся определением «конгломерат», ибо эта компиляция шита такими грубыми нитками, что нетрудно различить ее составные части.

Пятикнижие так и кишит противоречивыми и непоследовательными положениями. Ввиду невозможности привести их полностью ограничимся некоторыми, наиболее яркими примерами.

Тот, кто внимательно прочтет первую и вторую главы книги Бытие, тот сразу заметит, что на третьем стихе второй главы заканчивается одно сказание о сотворении человека и начинается совершенно другое на ту же самую тему, отличающееся от первого в основных подробностях. В первом сказании бог создает на шестой день одновременно мужчину и женщину. Во втором сказании бог создал человека из праха земного, поселил его в саду эдемском, дал ему для компании животных и птиц, и только под конец создал из его ребра женщину. Бросается в глаза, что мы здесь имеем дело с двумя совершенно независимыми источниками, соединенными механически, даже без попытки скоординировать их фабулы.

Путем анализа текста установлено, что во всем Пятикнижии мы сталкиваемся с четырьмя обособленными источниками, ведущими свое происхождение из разных эпох.

Следовательно, нет оснований приписывать его авторство одному человеку, то есть Моисею.

Что касается мнимых чудес Моисея, то ученые установили, что во многих случаях это могли быть совершенно естественные явления. Как же тогда они смогли возвыситься до ранга чуда? Ответ прост. Моисей во время своего изгнания якобы провел сорок лет на Синайском полуострове и у местных жителей научился тому, как сохранить жизнь в суровых условиях пустыни, степи и горных районов. Свои познания, добытые путем опыта, он затем использовал во время исхода. Уже его товарищи по скитаниям, которые на протяжении нескольких поколений привыкли к оседлой жизни в Египте и были новичками на Синайском полуострове, должны были принять за сверхъестественные некоторые действия Моисея. Что же говорить об израильтянах, которые потом веками жили в Ханаане и вообще не соприкасались с природой Синайского полуострова? Последующие поколения в большинстве своем склонялись к тому, чтобы сделать из Моисея фигуру, одаренную от бога сверхъестественной силой. К моменту описания деятельности Моисея процесс мифологизации был уже полностью завершен, и, поскольку он отвечал интересам священников и компиляторов Пятикнижия, чудеса, будто бы совершенные Моисеем, стали догматом веры иудаизма.

Например, в Библии Моисей рассказывал израильтянам, как Яхве беседовал с ним через горящий, но не сгорающий куст. Теперь мы уже знаем, что такой куст существует, он и в наши дни встречается на Синайском полуострове и называется диптам или куст Моисея. Это своеобразное растение выделяет летучее эфирное масло, которое легко воспламеняется на солнце. Экземпляр этого куста привезли даже в Польшу и посадили в горно-степном заповеднике в Скоротицах. В 1960 году газеты сообщили, что, к удивлению местных жителей, куст Моисея в жаркий день загорелся голубовато-красным огнем.

Сенсационные результаты дали исследования, касающиеся пресловутой библейской манны. В 1927 году зоолог Еврейского университета в Иерусалиме Боденхаймер обнаружил на Синайском полуострове разновидность тамариска, который в весеннюю пору выделяет сладковатую жидкость, быстро застывающую на воздухе в виде белых шариков, похожих на град. Местные бедуины — большие любители этого лакомства — с наступлением весны толпами отправляются в степь собирать белые липкие шарики, как мы собираем ягоды. Один человек мо-

жет собрать за день полтора килограмма — количество, вполне достаточное для того, чтобы утолить голод. Любопытно, что мелкие уличные торговцы в Багдаде по сей день выставляют на продажу сладкую смолу тамариска под названием ман. В свете этих открытий библейская манна перестает быть чудом. Моисей, видимо, знал ее питательную ценность еще со времен изгнания и благодаря этому мог прокормить израильтян.

В том же свете представляется и эпизод с перепелами. Современные жители Синайского полуострова были бы весьма удивлены, если бы им сказали, что прилет этих птиц надо рассматривать как чудо. Весенней порой из глубин Африки в Европу тянутся огромные стаи перепелов. Измученные дальним путешествием, они, как правило, садятся на землю вдоль морского берега, ослабев до такой степени, что тамошние жители ловят их голыми руками. Израильтяне, по всей вероятности, могли столкнуться именно с таким налетом перепелов и, разумеется, воспользовались приятной возможностью, чтобы поохотиться на них.

Библия рассказывает, что у подножия горы Хорив Моисей ударил посохом по скале и оттуда брызнула родниковая вода. Этому чуду он безусловно научился у мадианитян. Бедуинам оно известно по сей день. Они знают, что, несмотря на длительную засуху, у подножия гор под хрупкой пленкой песка и извести обычно собирается дождевая вода. Достаточно разбить эту оболочку, чтобы добраться до воды и утолить жажду.

В Библии рассказывается, как израильтяне после трехдневного скитания по пустыне Син пришли в Мерру, где их ждало тяжелое разочарование: оказалось, что родниковая вода горька и непригодна для питья. Тогда Моисей бросил в воду какую-то веточку, и — о чудо! — вода сделалась сладкой. В связи с этим эпизодом отметим, что в окрестностях Мерры до сих пор существует горький источник. Англичане произвели химический анализ его воды и обнаружили, что в ней содержится некоторый процент сернокислого кальция. Когда к этой воде добавляется щавелевая кислота, сернокислый кальций оседает на дно и вода теряет свою горечь. Бедуины подслащают горький источник с помощью веток кустарника, именуемого эльвах, соки которого содержат изрядную примесь щавелевой кислоты.

А вот другой эпизод из Библии. На пути от горы Синай до Кадеша израильтянам снова не хватило продовольствия, и снова стали раздаваться жалобы. Тогда прилетели во вто-

рой раз перепела, и изголодавшиеся странники жадно кинулись их вылавливать. Но не в пример предыдущему случаю птичье мясо оказалось в высшей степени вредным для здоровья, почти все израильтяне тяжело заболели, а многие заплатили жизнью за свою жадность. В Пятикнижии этот драматический эпизод изложен как притча с моралью, которая учит, что бог не прощает тех, кто восстает против его воли. Все говорило за то, что именно так следует понимать этот фрагмент сказания. В нем проявились типичные черты дидактической народной притчи. Тем большее удивление вызвало то обстоятельство, что описанный случай отнюдь не является творением буйной фантазии.

Директор Пастеровского института в Алжире профессор Сержан обнаружил, что на Синайском полуострове действительно иногда появляются ядовитые перепела. Это птицы, которые перед отлетом в Европу останавливаются в Судане и кормятся там зернами с отравляющими свойствами. Мясо таких птиц вредно и даже опасно для человеческой жизни. Израильтянам, видимо, не повезло. Они охотились именно на таких перепелов, и их злосчастное приключение нашло отражение в библейском сказании.

К той же категории следует отнести бедствие от ядовитых змей, которое постигло странников на полпути между городом Кадешом и заливом Акаба. Швейцарский путешественник Буркхардт побывал в 1809—1816 годах на Синайском полуострове и на упомянутом в Библии отрезке маршрута израильтян набрел на долину, так и кишевшую ядовитыми змеями. Они ее заселяют с незапамятных времен, так что бедуины старательно объезжают эту местность. Следовательно, и этот фрагмент сказания также мог опереться на подлинные факты.

Уже давно известно, что так называемые казни египетские (за исключением десятой) были довольно обычным явлением в стране фараонов. В период половодья Нил часто окрашивается в коричнево-красный цвет, в результате наносов из эфиопских озер. Кроме того, каждые несколько лет во время разливов комары и другие вредные насекомые размножались до такой степени, что египетские крестьяне рассматривали их как истинное бедствие. Что касается града, то, по правде говоря, над Нилом он выпадал чрезвычайно редко, но тем не менее иногда выпадал, и тогда убытки, причиненные им, бывали весьма ощутимы. Зато гораздо чаще в Египте случалась другая беда — нашествие саранчи. А виновником «тьмы египетской»

был стремительный вихрь сирокко; он подхватывал из пустыни огромные тучи песка и нес их на Египет, заслоняя солнце такой плотной завесой, что наступал полный мрак.

Согласно Библии, все эти казни вызвал Моисей с целью оказать давление на упрямого фараона. Как могла возникнуть легенда такого рода? Если бы вышеназванные катастрофы произошли в Египте в царствование фараона Мернепта и, значит, в тот период, когда там действовал Моисей, ответить было бы легко. Израильтяне, люди простые и склонные к предрассудкам, могли набраться уверенности, будто Моисей, великий волшебник и представитель Яхве, наказывал таким путем преследователей. Более того, даже египтяне могли этому поверить, коль скоро они вообще верили в существование магов. Ведь, как мы знаем из документов и из Библии, некоторым их жрецам приписывались те самые сверхъестественные знания, какие демонстрировал Моисей перед троном фараона.

В данном случае мы имели бы дело с обычной временнóй последовательностью явлений (past hoc), которую люди склонны возводить в причинную связь (propter hoc) *. Моисей, по мнению израильтян, был могучим чудотворцем, который своими чудесами неоднократно вызывал у сородичей восхищение и страх; следовательно, он мог и на Египет наслать десять казней, одну за другой. Интересный пример именно такой иллюзии мы находим в знаменитой пьесе Э. Ростана «Шантеклер». Там фигурирует петух, который подметил, что всякий раз, как он запоет, восходит солнце, и пришел к глубокому убеждению, что именно он и вызывает солнце на небосклон.

Причинные связи, приписываемые независимым друг от друга явлениям или событиям, таким образом, легли в основу многих легенд и религиозных мифов. К сожалению, у нас нет ни одного доказательства того, что библейские казни действительно поразили Египет в царствование фараона Мернепта. Они могли иметь место с равным успехом за несколько лет или даже за десятки лет до возвращения Моисея в столицу Раамсес.

Неужели в связи с этим наша теория стала беспредметной? В принципе нет, потому что на подмогу ей приходит еще другое мифотворческое свойство. Оно основано на том, что в народной фантазии по мере уплыва лет временнóе расстояние между двумя памятными событиями постепенно сокращается, пока не наступает полная их синхронность. Израильтяне хранили в памяти народные предания о сти-

хийных бедствиях, которые одно за другим низвергались на Египет, и с течением времени, для того чтобы подчеркнуть могущество Моисея, создали легенду, будто он был виновником этих казней. Это дало им моральное удовлетворение, ибо таким путем был унижен высокомерный фараон, а его жестокости по отношению к израильскому народу вызвали божью кару.

В Библии мы встречаемся и с другими примерами пренебрежения временем при создании легенд. Мы знаем, например, что ханаанский город Гай, который, согласно Библии, якобы завоевал Иисус Навин, по мнению некоторых археологов, к тому времени уже пятьсот лет лежал в развалинах. Потомки израильских завоевателей Ханаана, возможно, не раз размышляли над его руинами и говорили друг другу: «Вот город, разрушенный Иисусом Навином». Популярная версия потом вошла в Библию, и только современные археологические исследования сумели ее опровергнуть. Аналогичный случай произошел, вероятно, и с Иерихоном, который, как показала английская археологическая экспедиция, пал за сто лет до появления в Ханаане египетских израильтян.

Уместно будет привести здесь другой, чрезвычайно интересный пример из этой области. Так вот, разведчики Моисея, посланные в Ханаан, вернулись с известием, что в Хевроне живут сыновья Енаковы из рода исполинов. Вспомним также, что васанский царь Ог был исполином, который спал на железном ложе, имевшем девять локтей в длину и четыре локтя в ширину. Оказывается, легенда об этих исполинах родилась под впечатлением древних мегалитовых могил, называемых дольменами *. Такие дольмены найдены также в европейских странах, и, поскольку размеры их необычайно велики, их назвали «одрами исполинов». В 1928 году немецкий археолог Густав Дальман открыл дольмены как раз в окрестностях Хеврона и на пространстве бывшего царства Васан. Это мегалитовые могилы, относящиеся к ранней каменной эпохе, построенные из твердого как железо базальта, и отсюда, вероятно, возникло библейское определение «железный одр». Народная фантазия, не разбирающаяся, сколь огромный промежуток времени отделяет эти могилы от Моисея, соединила их цепью событий исхода. В результате мы читаем в библейском сказании, что в Хевроне жило племя исполинов и что исполином был также царь Васана.

Несколько слов о десятой казни египетской. Мы, конечно, не собираемся принимать

за чистую монету утверждение Библии, будто смерть облюбовала себе именно первородных детей и первородных домашних животных. Однако можно предположить, что эта легенда явилась отголоском какой-то эпидемии, погубившей множество детей в районе Верхнего Нила, но не дошедшей до Гесема, так что израильские дети от нее не пострадали. Остальное довершила уже народная фантазия. Древнееврейские племена, как мы это знаем из истории Исава и Иакова, да и из других библейских сказаний, придавали большое значение первородным сыновьям, которые были главными наследниками и продолжателями семейных традиций. Смерть первородного сына считалась гораздо большим несчастьем, чем смерть его младших братьев. Таким образом, израильтяне создали легенду, будто Яхве очень сурово наказал преступных египтян, умертвив их первородных сыновей и первородных животных.

Предметом страстных научных споров давно уже является чудо перехода через Красное море. Вопрос это сложный, и его связывают с топографическим установлением маршрута Моисея. В некоторых популярных монографиях мы встречаемся с утверждением, будто дорога исхода уже вполне точно установлена на основе библейских текстов и археологических раскопок. В действительности же у современной науки отнюдь нет такой уверенности. Цель этого вздорного утверждения в том, чтобы доказать, будто Моисей, перейдя Красное море, отправился прямиком на гору Синай, отождествляемую в Библии с горой на южном мысе Синайского полуострова. Но тут прежде всего надо сказать, что в библейской легенде существуют в этом отношении серьезные пробелы, умолчания и даже противоречия, так что трудно разработать четкую картину маршрута. Археологи не отождествляют с полной уверенностью обнаруженные руины с пунктами, названными в Библии. Так, например, на пути израильтян важным этапом был город Мигдол. Но Мигдол на древнееврейском и египетском языках значит «укрепленная башня», а местности с такими названиями обнаружены в разных местах.

Итак, все попытки восстановить маршрут исхода носят характер гипотезы. В настоящее время называют три вероятные дороги: южную, центральную и северную. Вычислять их этапы — занятие весьма трудоемкое. Три тысячи лет тому назад западная оконечность Красного моря, ныне завершающаяся в Суэце, тянулась гораздо дальше на север, соединяясь с Горькими озерами. Геологические

исследования доказали это со всей убедительностью. Теперь на этом месте находится Суэцкий канал, но когда-то там были мелкие поймы, перерезанные трясинами и узкими полосками суши. Море, которое перешли, не замочив ног, израильтяне, по-древнееврейски называется Ям-Суф. В точном переводе Ям-Суф значит «море камыша». Только в Новом завете мы встречаем утверждение, будто речь идет о Красном море. Между тем на Красном море не было и нет камыша, зато в болотистых окрестностях лагун и пойм он рос действительно в изобилии.

Отсюда напрашивается вывод, что библейское Ям-Суф именно и есть Горькие озера, и тогда без труда можно объяснить чудо Моисея. Израильтяне с легкостью могли пробраться между болотами и поймами, пользуясь мелким бродом и узкими полосками материка. Зато египтяне на своих тяжелых колесницах, вероятно, попали в лабиринт трясин и увязли в болотах. Возможно даже, они, как утверждает Библия, утонули, ибо там дули стремительные северо-западные ветры, которые катили перед собой огромные валы воды и внезапно превращали отмели в предательские глубины.

Гипотеза, как мы видим, вполне убедительная. К сожалению, у нее есть одна слабая сторона. Египтяне, надо думать, хорошо знали окрестности Горьких озер с их опасными ловушками, почему же они действовали так неосмотрительно? Тем более, что египетскую армию вел сам фараон и его закаленные в боях военачальники, а их трудно заподозрить в дилетантизме и недостатке осторожности. Таким образом, нужно было искать другое объяснение этого чуда.

Наибольшее признание получила смелая гипотеза уже упомянутого нами французского ориенталиста Пьера Монте. Он исходит из предположения, что израильтяне, покинув столицу Раамсес, направились прямо на север, а потом шли вдоль берега Средиземного моря к границе Ханаана. Однако по пути они наткнулись на египетские укрепления и отпор приморских жителей, которых Библия называет филистимлянами ошибочно, ибо филистимляне вторглись в Палестину несколькими десятилетиями позднее. Все это вынудило израильтян внезапно свернуть на юг.

В Библии есть упоминания, подтверждающие этот, северный, вариант исхода. Например, Мигдол определяется там как самый северный город в Египте. Археологи нашли его руины в Абу-Хасане. В книге Исход (гл. 14, ст. 2) мы читаем: «Скажи сынам Израилевым,

чтобы они обратились и расположились станом пред Пи-Гахирофом, между Мигдолом и между морем, пред Ваал-Цефоном». А теперь известно, что Ваал-Цефон был важным центром поклонения ханаанскому богу Ваал-Цефону, имя которого в переводе означает «владыка Севера». Греки отождествляли его с Зевсом Касиосом. Его храм высился на холмике Монс-Касиус, лежавшем на узкой полосе материка между Средиземным морем и озером Сирбонис, которое впоследствии получило название озера Бардавил.

Израильтяне, по всей вероятности, выбрали старинную, часто используемую путешественниками трассу, которая шла по берегу Средиземного моря и узкому перешейку, отделявшему Средиземное море от озера Сирбонис. Дорогой этой неоднократно пользовались и римляне, а в 68 году до н. э. римский император Тит вел по ней свои легионы против взбунтовавшихся евреев Иерусалима.

Озеро Сирбонис лежит на несколько метров ниже уровня моря и часто высыхает до такой степени, что по его дну можно пройти и даже проехать, не подвергаясь никакой опасности. Когда в Египте властвовали греки, там произошло несколько катастроф. Внезапные бури на Средиземном море захлестывали узкий отрезок суши и топили путешественников, которые шли по дну озера, рассчитывая сократить себе дорогу.

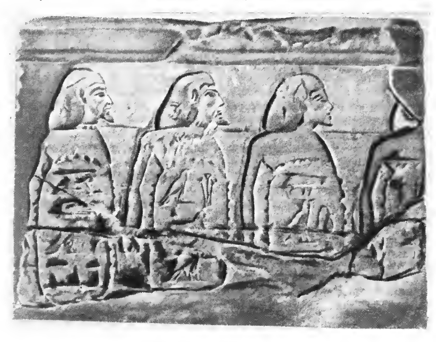
На основе этих фактов Пьер Монте восстановил ход событий, описанных в Библии. Израильтяне успели пройти через узкую полоску суши и приближались к восточному берегу высохшего озера. Египтяне, стремясь окружить беглецов и отрезать им дорогу, пустились галопом по сухому дну озера. Когда они находились в самом центре огромного чана, на Средиземном море неожиданно поднялась буря. Ураган, мчавшийся с севера, гнал перед собой гигантские волны, которые прорвали узкую дамбу и обрушились на египтян. Озеро имело семьдесят километров в длину и двадцать километров в ширину. Высокий берег, на котором египтяне могли бы укрыться, был слишком далеко, и, таким образом, они погибли в бушующей пучине половодья.

Перейдем теперь к другому темному месту в Пятикнижии. Там говорится, будто Моисей вывел из Египта шестьсот тысяч мужчин, не считая женщин и детей, то есть всего около двух миллионов человек. Уже на первый взгляд число это кажется сильно преувеличенным. Глубокий знаток жизни пустыни чешский путешественник Алоис Музиль вы-

числил, что бедуинское племя, насчитывающее пять тысяч семей, образует во время марша колонну шириной двадцать километров и длиной свыше трех километров. Чем шире фронт марша, тем больше возможностей найти пастбища и воду, но одновременно возрастает угроза нападения со стороны враждебных племен. По мнению Музиля, предположение, будто оазисы Синайского полуострова могли прокормить два миллиона израильтян, следует считать совершенно нереальным. А уж о том, чтобы все они поместились в одном лагере, как утверждает Библия, вообще не может быть речи.

Современный человек, знающий, сколь велики размеры двухмиллионного города, легко может себе представить, какую площадь должен был занять такой лагерь.

Впрочем, сама Библия в последующих книгах приводит гораздо более низкие цифры. Так, по библейской версии, Иерихон завоевало только со-

Евреи в Египте. Барельеф из гробницы.

рок тысяч израильских воинов, хотя, как мы знаем из текста, Моисей обязал все племена участвовать в покорении Ханаана. В период власти судей самое многолюдное племя выставило сорок тысяч вооруженных воинов, и, по всем данным, израильтян тогда было не свыше полумиллиона.

Откуда же взялась эта фантастическая цифра? Некоторые ученые считают, что редакторы Библии попросту допустили ошибку и речь тут идет о шести тысячах вооруженных мужей, а если к ним добавить женщин и детей, то в итоге это даст двадцать пять тысяч человек. Было обращено внимание и на древнееврейское существительное «элеф»; оно означает не только цифру «тысяча», но и понятие «отряд, семейная группа, поколение». При таком толковании слова «элеф» получается еще более низкая цифра, ибо имеется в виду не шестьсот тысяч воинов, а только шестьсот семейств. И кажется, эта последняя цифра ближе всего к истине. В ее пользу говорит еще и тот факт, что в Египте две акушерки были в состоянии обслужить всех израильских рожениц.

Разумеется, с такими малыми силами израильтяне не в состоянии были бы покорить Заиорданье и Ханаан. Поэтому предполагается, что во время сорокалетнего пребывания в пустыне они объединились с другими племенами.

Вопрос о названном в Библии числе израильтян, по сути дела, не имеет большого значения, чего нельзя сказать о своде законов Пятикнижия. Вплоть до XIX века существовало мнение, будто сам Моисей был автором древнейшего свода еврейских законов, так называемой Книги завета. Между тем современные анализы текста неопровержимо доказывают безосновательность этого взгляда. Сегодня уже трудно возражать против того, что законодательные и религиозные постановления (впрочем, довольно беспорядочно собранные в Пятикнижии) относятся к различным эпохам и являются результатом многовековой эволюции древней юридической мысли.

Суровость некоторых законов говорит об их большой древности. К ним относится и провозглашенный в Библии принцип «око за око, зуб за зуб». Во многих случаях предусматривается смертная казнь путем забрасывания камнями, кроме того, подчеркивается едва ли не рабское положение женщины.

Одним из примеров этой варварской строгости является правило, гласящее: в случае, если вол убьет человека, а хозяин вола знал, что это — опасное животное, и не предотвратил убийство, казни посредст-

вом побития камнями подлежат как животное, так и его хозяин.

С другой стороны, мы встречаемся в Пятикнижии с довольно гуманными законами. Это касается прежде всего рабов и рабынь: они немедленно получали свободу, если хозяин выбил им глаз или зуб. Законы вступались также за вдов, сирот и бедняков, предоставляя им защиту от обид и притеснений со стороны богачей и ростовщиков.

Вот некоторые примеры в дословном библейском звучании: «Возлюби ближнего (друга) своего, как самого себя»; «Не суди превратно пришельца, сироту; и у вдовы не бери одежды в залог» (Второзаконие, гл. 24, ст. 17); «Прощение же состоит в том, чтобы всякий заимодавец, который дал взаймы ближнему своему, простил долг и не взыскивал с ближнего своего или с брата своего...» (Второзаконие, гл. 15, ст. 2).

Законы Пятикнижия по преимуществу отражают общественные отношения того периода, когда израильтяне уже перешли в Ханаане на оседлый образ жизни и занимались земледелием и ремеслами. Следовательно, законы эти не могли возникнуть во время странствий в пустыне, иначе говоря, Моисей не мог быть их автором. Многие законы, касающиеся религиозных обрядов, ритуальных предписаний и обязанностей граждан по отношению к священникам еще более позднего происхождения, так как тесно связаны с теократическим строем, который был введен в Иерусалиме только после возвращения из вавилонского пленения. Одним словом, так называемая Книга завета дает нам картину эволюции израильского законодательства на протяжении нескольких веков.

Кроме того, доказано, что наиболее древние из израильских законов в Книге завета заимствованы из законодательств других древних народов и соответственно переработаны. Немецкий ученый А. Альт в работе «Die Ursprünge des israelitischen Rechts» («Истоки права израильтян») открыл их зависимость от вавилонского кодекса Хаммурапи, а также от хеттского, ассирийского, египетского и ханаанского законодательств. Даже Десять заповедей не являются оригинальным творением израильтян. Итальянский историк Джузеппе Риччиотти, автор «Истории Израиля», детально сопоставил несколько древних текстов и обнаружил в Десяти заповедях поразительную аналогию с египетской Книгой мертвых, а также с вавилонским литургическим текстом Шурпу. Таким образом, компиляторы Библии и здесь воспользовались нас-

ледием Месопотамии и Египта.

Теперь мы переходим к вопросу, кем же был Моисей как творец еврейской религии. Ученые, занимающиеся исследованием этого вопроса, пришли к весьма любопытным выводам.

По библейскому сказанию, говорят эти ученые, Моисей провел сорок лет своего изгнания среди мадианитян. Это было племя, состоявшее в близком родстве с израильтянами. Библия ведет их родословную от Мадиана, одного из сыновей Авраама, и его второй жены, Хеттуры. Оно заселяло местность к востоку от залива Акаба, в нынешней Аравии. Моисей чувствовал себя там как дома и даже взял в жены одну из дочек местного священника. В земле Мадиамской, у подножия вулканической горы Хорив, впервые явился ему бог под именем Яхве. В книге Исход (гл. 6, ст. 2—3) мы читаем в переводе с древнееврейского: «Я господь. Являлся я Аврааму, Исааку и Иакову с именем: «Бог всемогущий» (Эль Шаддаи); а с именем моим: «Господь»* не открылся им». В Пятикнижии мы, правда, встречались с именем Яхве в предыдущих главах, но теперь мы уже знаем, что его туда вписали значительно позднее компиляторы Библии.

Многие ученые предполагают, что Яхве был богом войны у мадианитян, а Моисей стал его последователем. С момента возвращения в Египет он взял на себя миссию внедрения культа Яхве среди израильтян, причем самых ревностных сторонников своего учения он нашел в колене Левиевом, к которому сам принадлежал. Этим объясняется, почему он отвел левитам такую исключительную роль в жизни израильского народа. Правда, он обошел их при разделе ханаанской земли, но зато освободил от материальных забот, предоставив им право собирать десятину на свое содержание. Они выполняли при храме божьем обязанности священнослужителей, стражников, казначеев и писарей, певчих и служек.

Эта господствующая, надплеменная роль левитов свидетельствует о том, что им надлежало быть миссионерами яхвизма среди народа, который с легкостью усваивал идолопоклонство, культ египетских и ханаанских богов. Ибо яхвизм, недавно перенятый у мадианитян, еще не пустил глубоких корней. У горы Синай народ добивался возвращения старых богов. Тогда Аарон установил культ золотого тельца. Телец — это презрительное определение быка Аписа, которому, согласно Библии, израильтяне поклонялись когда-то в Египте. Тут могли быть и ханаанские влияния.

Проблема левитов довольно сложна и полна неясностей. Некоторые ученые считают, что левиты составляли не особое племя, а жреческую касту в Кадеше. В надписях, найденных в арабской местности Эль-Оль, лежащей к востоку от бывшей земли Мадиамской, жрицы бога Вадд обозначались «лв», а жрецы — «лвт». От этих слов якобы происходит название «левит». Моисей женился на дочери мадиамского жреца и принял его религию, а потом сам стал жрецом, то есть левитом. Затем во главе группы священников-левитов он отправился в Египет, чтобы обратить своих земляков в яхвизм. Следовательно, он был как бы миссионером среди израильтян, поклонявшихся египетским богам.

Гипотеза интересная, но, к сожалению, она опирается на слишком хрупкий фундамент, чтобы принять ее без оговорок. Тем более что существует и другой взгляд на этот вопрос. Некоторые ученые обратили внимание на то, что название «леви» сродни древнееврейскому слову, означающему «змей». Частица «леви» входит, между прочим, в название мифического чудовища Левиафана. Кроме того, установлен поразительный факт: оказывается, левиты часто носили имена, содержащие в своем корне понятие «змей».

Какой же отсюда вывод? Согласно этой теории, левиты были в Египте почитателями бога змея и неохотно расставались со своим культом. Археологические раскопки показали, что культ змея продержался в Палестине еще несколько веков и у него было множество последователей среди израильтян. В свете этих открытий становится понятным загадочный эпизод, когда Моисей установил в лагере изображение змея, чтобы вернуть здоровье людям, которых укусили ядовитые змеи. Добивались этого, по всей вероятности, левиты, поскольку они были убеждены, что бедствие ниспослал бог змей в наказание за то, что люди отступились от него. Под их нажимом Моисей должен был пойти на компромисс и согласиться, чтобы наряду с культом Яхве израильтяне соблюдали старый египетский культ. Такие синкретические компромиссы часто встречались в других религиях, не были они редкостью и у израильтян. В качестве примера можно привести царя Соломона: он, правда, воздавал божеские почести Яхве, но одновременно приказал установить в Иерусалиме статуэтки ханаанских божков.

Несмотря на огромный моральный авторитет и нимб святости, Моисей не избежал тяжелого упрека со стороны обиженных яхвистов, обвинивших его в том, что он запятнал ев-

рейскую религию, разрешая культ змея. Это ясно вытекает из Четвертой книги царств (гл. 18, ст. 4). Там мы читаем, что царь иудейский Езекия (721—693 годы до н. э.) «истребил медного змея, которого сделал Моисей; потому что до самых тех дней сыны Израилевы кадили ему и называли его Нехуштан».

Из этих строк мы можем сделать два вывода: 1) гипотеза, согласно которой левиты были почитателями змей, весьма и весьма правдоподобна; 2) культ змея продержался в Ханаане свыше пятисот лет, опираясь на одобрение самого Моисея.

Моисей считал землю Мадиамскую второй родиной, ведь он там провел сорок лет своей жизни и был связан с нею благодаря женитьбе на девушке из семьи видного священника. Таким образом, было бы нелепо, если бы он не повел египетских израильтян прямой дорогой к своим испытанным друзьям и родным. Только здесь, и нигде больше, мог он надеяться на хороший прием и помощь в выполнении намеченных им планов.

И действительно, мы располагаем определенными доказательствами, говорящими в пользу того, что Моисей в самом деле направился туда, а не на мыс Синайского полуострова; что с горой Хорив, а не с горой Синай связан библейский миф о заключении союза Моисея с Яхве. Ведь согласно Библии, когда Моисей в годы изгнания очутился у подножия мадиамской горы, Яхве дал ему следующее указание: «Когда ты выведешь народ из Египта, вы совершите служение богу на этой горе» (Исход, гл. 3, ст. 12). Из этих безусловно апокрифических слов совершенно недвусмысленно вытекает, что еврейская традиция вплоть до эпохи компиляторов «священного писания» почитала Хорив как священную гору. Иначе никак нельзя истолковать этот стих.

Нельзя пройти мимо еще одного аргумента в этом вопросе. В Библии мы дословно читаем: «Гора же Синай вся дымилась оттого, что господь сошел на нее в огне; и восходил от нее дым, как дым из печи, и вся гора сильно колебалась. И звук трубный становился сильнее и сильнее. Моисей говорил, и бог отвечал ему голосом» (Исход, гл. 19, ст. 18—19).

Это, вне сомнения, и есть описание вулканической горы, с грохотом извергающей огонь, который израильтяне приняли за сверхъестественное явление Яхве. Так вот, известно, что на Синайском полуострове никогда не было вулканов. Зато с восточной стороны залива Акаба и, следовательно, на земле Мадиамской высится цепь вулканических гор, которые, правда, давно погасли, но

во времена Моисея были действующими вулканами.

Теперь зададим себе вопрос: был ли Моисей сторонником единобожия в точном значении этого слова. Ответить нелегко прежде всего потому, что мы не в состоянии установить, в какой степени позднейшие компиляторы Библии навели ретушь в библейском тексте, чтобы изобразить Моисея монотеистом. Однако вполне возможно, что у него были в зародыше монотеистические идеи. В этом отношении он, впрочем, не одинок.

Американский востоковед Олбрайт доказал на основе клинописных документов, что в период с 1500 по 1200 год до н. э. в странах Западной Азии широко проявились монотеистические тенденции. Общая духовная атмосфера могла передаться и Моисею, если допустить, что он был человеком образованным и живо интересовался новыми идеями в области религии и философии. И все-таки можно предполагать, что наибольшее влияние оказал на него египетский фараон Эхнатон, предвестник монотеизма и создатель религии бога Атона, почитаемого под символом солнца. Моисей обучался «премудростям Египта» в Гелиополисе, следовательно, не исключено, что его религиозная доктрина как-то связана с культом Атона.

Эхнатон царствовал в середине XIV в. до н. э., приблизительно за сто лет до того времени, когда будто бы жил Моисей. После смерти фараона жрецы Гелиополиса жестоко преследовали приверженцев нового культа и добились его исчезновения. Сегодня, однако, благодаря археологическим открытиям, мы знаем, что вплоть до XIII века до н. э. существовали законспирированные секты Атона. К ним принадлежали преимущественно люди образованные, поскольку только им подходила абстрактная концепция единого бога, творца мира и доброго покровителя человечества, так же как и простота культа.

Моисей, следовательно, мог каким-то образом соприкоснуться с сектантами и даже принимать участие в их таинственных обрядах в честь бога солнца Атона. Однако он, вероятно, знал, что бог Эхнатона был слишком умозрительной концепцией, непомерно трудной для простых людей, чтобы получить распространение в широких израильских массах. Поэтому он вынужден был идти на разного рода компромиссы, лишь бы привить им хотя бы первые ростки монотеизма. С этой целью он решил воззвать к их суеверной фантазии, выступая как чудотворец, а в своих магических приемах пользовался в равной мере как сведениями, почерп-

нутыми в египетском храме от жрецов, так и опытом, добытым в пустыне у мадианитян.

Культ змея Моисей стремился сочетать с яхвизмом. Его бог не есть невидимое существо, он приобретает все атрибуты мадиамского бога войны. Концепция этого бога так же примитивна, как примитивен был интеллект израильтян. Яхве из Пятикнижия живо напоминает бедуинского вождя, со всеми его достоинствами и недостатками. Он всегда шел во главе израильской колонны, жил в шатре, командовал войском во время сражения и так горячился в гневе, что способен был убить тысячи людей, если они противостояли его воле. Кроме того, он обладал добродетелями, типичными для кочевников пустыни. Он беспощадно боролся с безнравственностью и требовал, чтобы израильтяне гостеприимно встречали чужеземцев, сочувствовали беднякам и хорошо относились к захваченным в плен женщинам. Даже животных он взял под защиту от жестокости людей.

Если теория о влиянии Эхнатона на религиозные взгляды Моисея носит исключительно умозрительный характер, то зато другие египетские влияния можно доказать неопровержимо. Так, например, у древних евреев не существовало обособленной касты священников. Она попросту не умещалась в патриархальном строе древнееврейских кочевников, а израильтяне, осевшие в Гесеме, предположительно соблюдали культ египетских богов.

Только Моисей ввел обособленную касту жрецов во главе с верховным жрецом. В качестве приемного сына царской дочери, он очень близко соприкоснулся с институтом египетских жрецов и узнал, до какой степени он служит опорой власти и фактором, нивелирующим многочисленные провинциальные партикуляризмы на Ниле. Этими наблюдениями он воспользовался во время похода в Ханаан, чтобы преодолеть еще бытующий у израильтян племенной институт и превратить их в монолитную общественную организацию. Цементирующим веществом должна была стать каста жрецов во главе с Аароном, каста надплеменная, облеченная властью с помощью предоставления ей различных привилегий и ссылок на авторитет Яхве. Как свидетельствует, между прочим, бунт Корея, израильтяне не без сопротивления и протеста подчинились новой власти. Ибо вместе с введением теократического строя углублялись классовые различия, возникали особо привилегированные общественные слои.

Египетское влияние явственно сказывается в описанной в

Библии литургической одежде, которая является почти точной копией одежды жрецов в Гелиополисе. Различие заключалось лишь в том, что израильские жрецы носили бороду, в то время как египетские брили голову и лицо. В этом единственном случае Моисей не осмелился порвать со стародавним семитским обычаем.

Ковчег завета также заимствован у египтян. Священники в Гелиополисе и в Фивах несли во время процессии маленькие ларцы, содержавшие какой-нибудь предмет культа. И что любопытно, ларцы эти осеняли своими крыльями резные фигуры двух гениев или духов-покровителей. Таким образом, даже херувимы, украшавшие ковчег завета израильтян, египетского происхождения.

Здесь стоит отметить, как факт чрезвычайно любопытный, что ковчег завета и скинию собрания, в свою очередь, заимствовали у израильтян бедуинские племена. На барельефе, относящемся к римской эпохе, найденном в руинах Пальмиры, изображен верблюд, несущий на хребте маленький священный шатер. Следы этого египетско-израильского обычая сохранились вплоть до наших времен. А именно бедуины племени руалла, которые кочуют в сирийской пустыне, возят за собой на верблюде своеобразный ларец. Называется он маркаб или ковчег Измаила и в некотором роде составляет священную реликвию племени.

В библейском тексте можно встретить и другие примеры египетского влияния. Вспомним эпизод, когда Моисей закрывает лицо покрывалом, а в знак святости на его голове появляются рога. Египетские жрецы в торжественный момент религиозного обряда в храме или же во время оглашения прорицаний также закрывали лицо вуалью. А рога — это пережиток египетского культа быка Аписа, который, как свидетельствует эпизод с золотым тельцом, оставил в душе израильтян глубокие следы. Рога для них остались символом святости. Рогатый Моисей в библейском сказании — это помазанник божий, озаренный сиянием божественной тайны. Именно такого сумрачного и возвышенного Моисея с рогами на голове изобразил в своей гениальной скульптуре Микеланджело.

Надо ли удивляться, что Моисей испытывал сильное влияние Египта и был посвящен в разные египетские премудрости! Его имя (по-древнееврейски — Моше) не израильского происхождения и этимологически выводится из угаритского «м-в-ш», означавшего «новорожденное дитя», или из египетского глагола «мей» — «родить». По этой причине не-

которые ученые высказали предположение, что Моисей был египтянином; как преследуемый изгнанник, он пристал к древнееврейским племенам и со временем стал их вождем.

Мы уже говорили, что религия Моисея была своего рода синкретизмом, в котором сплавились воедино стародавние древнееврейские верования периода патриархов, культ мадиамского бога войны и обряды и религиозные представления египтян. Не следует также забывать о серьезных месопотамских и ханаанских влияниях. Таким образом, был создан синтез, который стал творческой основой для позднейшего этического монотеизма еврейских пророков.

В истории исхода мы то и дело встречаем вещи поразительные. Особенно интригующей является фигура Иисуса Навина, преемника Моисея и покорителя Ханаана, фигура во всех отношениях загадочная. Ученые, участвовавшие в раскопках Иерихона, как мы уже знаем, решительно утверждают, что эта крепость стала добычей каких-то агрессоров в XIV веке до н. э., примерно за сто лет до прибытия туда израильтян из Египта. Поэтому библейский Иисус Навин не мог быть завоевателем Иерихона.

Некоторые видные исследователи Библии пытаются разрешить эту дилемму следующим образом.

На протяжении всей своей истории еврейский народ делился на две резко отличающиеся друг от друга группы: на израильтян, занимавших северную часть Палестины, и на иудеев, осевших в южной части страны. Между обеими группами существовал глубокий антагонизм. Только на сравнительно короткое время они объединились в монолитное государство, да и то принудительно,— в период царствований Саула, Давида и Соломона. Сразу после смерти царя Соломона это государство распалось на две части, которые боролись друг с другом так яростно, что без зазрения совести заключали союз даже со своими общими наследственными врагами. Северные израильтяне построили себе новую столицу — Самарию, в то время как Иерусалим оставался столицей иудейского государства.

Предполагается, что антагонизм этот был результатом не только соперничества двух царских династий, правивших в обоих государствах; причина его, видимо, коренилась значительно глубже, в каких-то этнических различиях.

Как объяснить эти расхождения? Ответ, возможно, содержится в клинописных табличках, которые обнаружены в руинах столицы фараона Эх-

натона — теперешней арабской местности Тель-эль-Амарна. Это дипломатическая переписка, относящаяся к XIV веку до н. э.; в ней ханаанские вассалы Египта доносят фараону, что племена пустыни, именуемые хабиру, нападают на их маленькие государства и грабят их. Если под этим названием скрываются древнееврейские племена (хебраи), как полагают некоторые ученые, то эти письма дают нам доказательство, что древнееврейские племена вторглись в Ханаан уже за полтора века до израильтян, вышедших из Египта.

Примечателен и тот факт, что помощи в борьбе с захватчиками просят вассалы таких городов, как Мегиддо, Гезер, Аскалон, Лахим и Иерусалим. Зато в табличках нет упоминаний о городах Сихем, Силох, Гибеах, Миспах и Иерихон. Почему? Неужели ими в это время уже овладели древние евреи? Любопытно, что в одном из писем упомянут военачальник по имени Иисус. Здесь напрашивается вопрос: не наш ли это, случайно, знакомый из Пятикнижия? Американский востоковед Поуэлл Девис вместе с некоторыми другими учеными делает отсюда вывод, что какая-то ветвь древних евреев либо покинула Египет уже за полтора века до Моисея, либо вторглась в Ханаан с востока и под водительством некоего неизвестного нам Иисуса среди прочих городов разрушила в XIV веке Иерихон. Моисей же, по этой версии, вывел из Египта только племя левитов. В пользу гипотезы Поуэлла Девиса говорит и то обстоятельство, что только левиты, как, впрочем, и Моисей, носили типично египетские имена, например: Пинехас, Гур, Гофни, Пасур и т. п. В пустыне к левитам присоединились еще другие племена, что позволило им образовать мощную вооруженную силу. Однако ввиду того, что левиты вели свое происхождение из Египта и были связаны узами крови с Моисеем, они сохранили в этом племенном сборище положение правящей и привилегированной касты.

В свете этих фактов становится понятной ситуация в Ханаане. Северную часть страны заселяли потомки тех древних евреев, которые никогда не были в Египте или покинули его в незапамятные времена. Они усвоили культуру ханаанеян и стали поклоняться их богам. Зато южную часть страны, Иудею, заняли израильтяне — выходцы из Египта. Обе группы разделяли столь глубокие различия в традициях, обычаях и религиозных верованиях, что сотни лет соседства и политической общности не сумели их сгладить. Отсюда антагонизм и братоубийственная борьба, которая в конце концов довела израильтян до гибели.

У израильтян в северной части Ханаана был свой национальный герой, по имени Иисус. Он считался победоносным покорителем Иерихона, в то время как жители юга чтили Моисея — своего вождя, законодателя и пророка.

Позднее, в эпоху государственного объединения при правлении царей Саула, Давида и Соломона, жрецы Иерусалима, пользуясь гегемонией Иудеи, объявили войну ханаанским богам и пытались навязать северному населению культ Яхве в качестве единственной государственной религии. Борьба яхвизма с Ваалом и Астартой заполняет большую часть библейских сказаний.

Стремясь укрепить монархию и удержать иудейскую гегемонию над остальной страной, жрецы упразднили все храмы в Ханаане, а Иерусалимский храм превратили в единственный центр культа Яхве. Кроме того, они стремились к устранению различий в традиции и культуре обеих групп населения, чтобы привести их таким путем к духовному единству. С этой целью они объединили два обособленных цикла народных легенд: северный цикл об Иисусе Навине и южный цикл о Моисее. В препарированном на такой манер сказании Иисус Навин занял, разумеется, второе место после Моисея как его помощник и преемник. Потомки израильтян, выходцев из Египта, вместе с Иисусом Навином, естественно, приписали себе и заслугу покорения Иерихона. Новой версии удалось упрочиться благодаря тому, что северное израильское царство было покорено и опустошено ассирийцами. Иудейское государство стало тогда единственным наследником и продолжателем национальной традиции, в то время как северные племена, в значительной степени истребленные и частично уведенные в плен, фактически перестали существовать.

Если, согласно этой гипотезе, так обстоит дело с Иисусом Навином, то и с Аароном не все ясно. В древнейших частях Пятикнижия он вообще не упоминается, а в текстах позднейшего происхождения играет скорее второстепенную роль. Объяснить это можно либо тем, что Аарон — фигура исторически подлинная, и в таком случае он не мог быть братом Моисея, а Моисей не мог его назначить первосвященником, либо же тем, что он полностью вымышлен библейскими повествователями.

Поуэлл Девис находит остроумное решение этой дилеммы. Он утверждает, будто установленный Аароном культ тельца опирается на истинные события. Северные древнееврейские племена веками исповедовали культ быка, сперва как бога плодородия, а позд-

нее, в период распространения иудейских влияний, как символ Яхве. После разрыва с Иудеей царь Израиля Иеровоам поднял значение этого культа и воздвиг статуи быка в Бет-Эле и Дане. Девис допускает, что Аарон был некогда видным верховным жрецом этого культа и тамошняя каста жрецов чтила его как своего родоначальника.

Теперь возникает вопрос, почему авторы библейской компиляции ввели Аарона в свое сказание в качестве брата Моисея и верховного жреца Яхве. Ведь жрец северного культа быка должен был скорее всего вызвать у них осуждение. Действительно, в изображении Аарона как человека слабого, который под натиском черни во время отсутствия Моисея унизил себя до идолопоклонства, безусловно звучит нотка враждебности. Уже самый факт воспроизведения этого драматического инцидента в священных книгах весьма красноречив, ибо свидетельствует, что израильтяне не забыли о происхождении Аарона и его роли в северном культе быка. Описание пляски вокруг золотого тельца — последний пример памяти об этом факте.

Приведенные в Библии удивительные подробности дали Поуэллу Девису основание для сконструирования интересного вывода. Жрецами Яхве, говорит он, первоначально могли быть исключительно потомки Левия. Они действовали не только на территории Иудеи, но и в северной части Ханаана, где выступали среди тамошних древнееврейских племен в роли миссионеров Моисеевой религии. Но наряду с левитами там действовала другая каста жрецов, занимавшихся культом Яхве в образе быка и обосновывавших свои права тем, что они происходят от великого верховного жреца Аарона. Таким путем сформировались две обособленные, соперничавшие между собой жреческие корпорации, имевшие собственные традиции и собственную родословную.

С момента падения северного государства Израиль жрецы стремились к монополизации культа в Иерусалимском храме. В результате были уничтожены все культовые центры в Ханаане, а за отстраненными от храмов жрецами признавалось право выполнять свои обязанности в Иерусалиме. Разумеется, жрецов было слишком много. Поэтому только самые выдающиеся и богатые пользовались этой привилегией, а рядовых жрецов снизили до роли храмовых служек. Таким образом, большинство левитов потеряло жреческое звание и заняло низшую ступень в духовной иерархии.

Эта коренная перегруппировка сопровождалась борь-

бой. Отголоски конфликтов, происходивших на несколько веков раньше, явно чувствуются в сказании о бунте левитов, Мариам и Аарона. В Книге Чисел (гл. 12, ст. 2) мы читаем: «Одному ли Моисею говорил господь? не говорил ли он и нам?» Составители Пятикнижия, разумеется, старались показать, что новая жреческая корпорация была создана по велению самого Яхве. В доказательство они ссылались на чудеса, которые должны были подтвердить это веление. Палка Аарона зацвела и принесла плоды миндаля, левитов поглотила земля, а Мариам поразила тяжелая болезнь — проказа. Одного только Аарона не постигло наказание. Легко понять почему: не в интересах жрецов было подрывать в глазах народа авторитет их родоначальника и верховного жреца, которому они были обязаны своими правами и привилегиями. Яхве «простил» Аарону совершенную им ошибку, поскольку заранее отвел ему высокое место среди своих последователей.

Новая жреческая каста окончательно сформировалась в результате компромисса между избранной верхушкой южных левитов и северных ааронидов. Перед лицом недовольной серой массы низших жрецов надо было оправдать свою привилегированную позицию. На традиционные левитские правомочия ссылаться нельзя было, ведь большинство левитов лишилось этих правомочий. Вдобавок в новосозданную касту приняли жреческую аристократию северных районов Ханаана, которая никак не могла доказать своего, даже отдаленного, родства с левитами.

Составители Библии нашли очень изобретательный выход из этих трудностей. В Пятикнижии они выдвинули версию, будто Аарон был братом Моисея, который и назначил его первосвященником Яхве. Наделив Аарона столь высоким авторитетом, жрецы обосновывали свои привилегии тем, что они являются его наследниками по прямой линии. Таким путем они старались санкционировать в глазах обойденных левитов свое особое положение в религиозной жизни народа. В результате верховный жрец культа быка попал в историю исхода, хотя не имел ничего общего с Моисеем, жил в другой части Ханаана и в другую эпоху.

Как мы видим, Пятикнижие полно загадочных событий. Даже в смерти Моисея есть нечто толкающее нас на разного рода домыслы. Библия гласит, будто он умер на горе в моавитской равнине и неизвестно, где его похоронили. Таким образом, народный вождь, законодатель и пророк исчезает бесследно; не существовало и

не существует его гробницы, которую благодарный народ мог бы окружить культом!

В поисках разрешения этой загадки некоторые ученые обратили внимание на то, что в древних мифологиях национальные герои очень часто погибают при таинственных обстоятельствах. Достаточно назвать хотя бы Геракла, Тесея и сына Коринфа Беллерофонта. Илия и Ромул, например, исчезают на небе в огненных колесницах, а Эдип гибнет в священной роще эвменид, неумолимых богинь мести.

Не все, однако, исследователи видят в библейском варианте один из типичных примеров создания мифов вокруг образа героя. В обстоятельствах, при которых закончилась жизнь Моисея, они доискиваются следов подлинных трагических событий. Приведем вкратце некоторые из выдвинутых ими гипотез.

В Пятикнижии встречается невнятное упоминание о какой-то вине Моисея. И должно быть, вина была весьма серьезной, если Яхве в наказание лишил Моисея права вступить вместе с израильским народом в Ханаан. Некоторые намеки в библейском тексте указывают, что провинился Моисей в Кадеше. Быть может, вина Моисея состояла в том, что из-за его небрежности израильтяне пренебрегали своими обязанностями: не приносили жертв Яхве и даже отказались от обряда обрезания.

Разумеется, легко предположить, что версию о вине и наказании задним числом сочинили иудейские священники, желая на примере Моисея показать, на сколь тяжкие последствия обрекает себя тот, кто не считается с законами и предписаниями Яхве. Однако не исключено, что автором этой версии является сам израильский народ и она передавалась из поколения в поколение на протяжении столетий. Быть может, израильтяне таким путем выразили какую-то обиду на Моисея, какую-то застарелую претензию, а вместе с тем и попытку оправдать свое собственное поведение.

Какая же это могла быть обида? Судя по Библии, взаимоотношения израильтян с Моисеем не были идиллическими. Укажем хотя бы на описания конфликтов и кровавых побоищ, в которых гибли многие тысячи людей. Виновником их был сам Моисей, который с необычайной суровостью и фанатизмом карал каждый факт отступничества от Яхве. Это должно было оставить в душе поколений глубокий след.

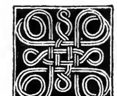
У некоторых исследователей Библии даже возникло предположение, что во время бунта израильских идолопоклонников на стоянке в Моаве Моисей был убит и похоронен в общей могиле.

Сторонники этой гипотезы ссылаются на обстоятельства, которые действительно дают много поводов для размышлений. Итак, прежде всего из библейского текста недвусмысленно вытекает, что в последний период своей жизни Моисей был в добром здравии. Правда, он был очень стар, но, как мы читаем в книге Второзаконие (гл. 34, ст. 7), «зрение его не притупилось, и крепость в нем не истощилась». Замечено также, что вокруг смерти Моисея возник как бы заговор молчания. Это, пожалуй, один из немногих случаев, когда смерть национального героя описывается так лаконично. Создается впечатление, будто первоначальное, подробное описание было попросту устранено из текста, будто редакторы Библии решили скрыть подробности, которые шли вразрез с созданным образом Моисея. По мнению некоторых специалистов по Библии, намеки относительно именно такой судьбы Моисея можно найти в книгах пророков Осии и Амоса, а также в псалме 106.

В глазах своих современников Моисей был деспотом, но следующие поколения все более ясно отдавали себе отчет о его заслугах перед еврейским народом. Постепенно, на протяжении многих лет складывался вокруг его образа ореол мифов и чудес. Трудно было согласовать с этим образом насильственную смерть Моисея: вина и неблагодарность его народа были бы тогда слишком вопиющи, слишком тягостны для потомства. Поэтому родилась версия, будто Моисей умер естественной смертью, будто таким путем Яхве наказал его за какие-то грехи, то есть, иначе говоря, израильский народ не несет ответственности за его кончину, если бог сделал так, что Моисей умер у самого порога обетованной земли.

Разумеется, эту хитроумную теорию можно с равным успехом принять или отвергнуть, ибо она выведена из чересчур шатких исходных положений. Ее пример показывает, как мало, по сути дела, мы знаем о Моисее. При всем при том, как нам кажется, можно все-таки считать фактом наиболее вероятным, что действительно существовал человек по имени Моисей, который вывел израильтян из египетского плена.

В легенде, передаваемой из поколения в поколение, вождь, живший в далекие времена, становился символом борьбы за национальную независимость. Постепенно стирались реальные черты исторической фигуры. И если можно было бы принять гипотезу, будто Моисей действительно существовал, то и тогда он лишь в немногих частностях был похож на того Моисея, каким показал его Ветхий завет.

ИИСУС НАВИН И СУДЬИ

ЕРИХОН — ТВЕРДЫНЯ ХАНААНА. Израильтяне посчитались с последней волей Моисея и после его смерти передали всю полноту власти Иисусу Навину, который в борьбе с племеиами пустыни и в длительных войиах за господство в Заиордаиье снискал славу умелого вождя. Впрочем, в силу необходимости избранником израильтяи должеи был стать человек, зиающий военное ремесло и способный осуществить их давнишиюю мечту о покорении Ханаана.

Иисус Навии поимал, что ему придется сокрушить камеиные бастиоиы ханааиских владык и встретиться с их вооружеиными отрядами, прекрасио обучениыми и обладающими боевыми колесницами. Поэтому ои решил устаиовить строгую дисциплиму в своих войсках. До сих пор израильтяне, как и другие кочевники пустыни, ие соблюдали боевого строя и представляли собой легко поддающуюся аиархистским настроеииям иеоргаиизоваииую массу. Между тем шаисы иа победу в этой войне могли быть только у регулярной армии, безоговорочио подчиняющейся приказам одного вождя; в иовых условиях народное ополчеиие, сражающееся под водительством двеиадцати шейхов племеи, уже не представляло никакой реальиой силы.

Большой авторитет, приобретеиный Иисусом Навиюм еще при жизни Моисея, позволил ему в короткий срок достичь намеченной цели. Вскоре ои создал сорокатысячиую армию, организоваииую по всем правилам воеииого искусства. Никто больше не смел высказывать иедовольство и не подчиняться его приказам, даже самое мелкое проявлеиие иепослушания каралось смертью. Управляя этой могучей воеииой силой, которой он мог легко маиеврировать, Иисус Навин привел свой иарод иа восточный берег Иордана и расположился лагерем в Абель-Ситтиме. На противоположиой стороне реки в обшириой пальмовой роще видиелись бойницы и башии Иерихоиа.

Крепость иадмеиио взирала иа лагерь израильтяи, которым грезились добыча и завоевания. Не впервые волны агрессоров, пришедших с востока, разбивались о стены Иерихоиа и потом откатывались назад в свои далекие страиы. На протяжении веков Иерихон иепреклонио стоял на страже у входа в Ханаан.

Иисус Навин был опытиым вождем и ие рискнул вслепую бросить свои отряды на штурм крепости. Прежде всего он хотел получить сведеиия о силе гарнизона и оборонительиых сооружеииях. С этой целью он послал в разведку двух воинов, перерядив их в ханаанские одежды. Под покровом иочи разведчики переплыли Иордаи и к утру, когда открылись ворота, проскользиули в город,

смешавшись с толпой торговцев, ремесленников и крестьян. В течение дня они беспрепятственно выполняли свои задания. Однако к вечеру, когда лазутчики решили уйти из города, оказалось, что уже поздно и ворота заперты. Застигнутые врасплох шпионы решили переждать ночь в доме, прилегавшем к городской стене. Хозяйка дома — распутница по имени Раав, женщина весьма сообразительная,— сразу распознала чужеземцев и даже догадалась, кто они такие. Несмотря на это, она оказала им гостеприимство — на всякий случай, чтобы обеспечить себе покровительство будущих завоевателей, чьи костры ярко светились ночью на том берегу Иордана.

Все же нашелся человек, которому пришельцы показались подозрительными. Этот бдительный гражданин Иерихона предупредил своего царя, и тот немедленно послал на заезжий двор стражей с приказом задержать подозрительных незнакомцев. Стражам велено было обратиться к Раав со следующими словами: «выдай людей, пришедших к тебе, которые вошли в твой дом; ибо они пришли высмотреть всю землю».

Раав через окно увидела приближавшихся царских стражей, живо повела разведчиков на крышу дома и спрятала их там в снопах льна, сохнувших на солнце. Стражи обыскали весь дом, однако им не пришло в голову заглянуть под кучу льна. Лен сох на крышах всех домов Иерихона, это была картина настолько обычная, что ни у кого не могла вызвать подозрений. Раав, допрошенная с пристрастием, оправдывалась так: «Точно, приходили ко мне люди, но я не знала откуда они. Когда же в сумерки надлежало затворять ворота, тогда они ушли; не знаю, куда они пошли. Гонитесь скорее за ними; вы догоните их». Стражи, видать люди не слишком сообразительные, дали себя провести хитрой женщине. Они во весь дух кинулись в погоню за беглецами и домчались до самого Иордана. Потом несолоно хлебавши вернулись в город с твердым убеждением, что соглядатаи успели переправиться через реку и добраться до своих.

Тем временем Раав не сидела сложа руки. Она поднялась на крышу своего дома и обещала помочь разведчикам, если они поклянутся, что, в случае захвата города израильтянами, сохранят жизнь ей, а также ее отцу, матери, братьям и сестрам. Разведчики охотно дали такую клятву — они были искренне благодарны Раав за спасение — и посоветовали ей вывесить в окошке со стороны улицы ярко-красную веревку: тогда ее дом пощадят во время боя. Потом они спустились по веревке с городской стены, ушли в горы, расположенные неподалеку, и затаились там, чтобы обмануть бдительность стражи.

Три дня спустя разведчики благополучно переплыли Иордан и сообщили Иисусу Навину все, что узнали. В лагере был дан приказ, чтобы люди заготовили себе еду на три дня, а ночью войско и весь израильский народ вышли на берег реки и приступили к переправе. Это было нелегкое дело. Настала весенняя пора, после обильных дождей в горах Гермона вода в реке угрожающе прибывала, и в том месте Иордан нельзя было перейти вброд. Израильтяне со страхом поглядывали на помутневшую, бушующую пучину, в которой так легко было утонуть. Не придавал им бодрости и вид жителей Иерихона, густо облепивших городские стены,— уверенные в том, что полые воды Иордана служат им надежной защитой, они осыпали непрошеных гостей градом оскорблений и угроз.

Иисус Навин, однако, не терял веры в успех переправы, ибо ночью он услышал голос Яхве, который вновь возвестил израильтянам победу над народами Ханаана. В назначенный час серебряные трубы заиграли зорю, и по приказу вождя первыми вошли в реку левиты с ковчегом завета на плечах. Они с трудом пробивались сквозь бушующие волны, вода доходила им до плеч, но они упорно шли вперед. Когда левиты оказались посредине реки, свершилось чудо, напоминающее чудо перехода через Красное море. В нескольких милях вверх по реке, возле города Адама, Иордан внезапно остановился между каменистыми берегами и вздыбился высокой стеной. Воды, находившиеся еще в русле, быстро стекли в Мертвое море, и народ израильский перешел реку, не замочив ног, и после сорока лет скитаний ступил на берег земли обетованной. Когда переправа закончилась, Иордан снова вошел в свое русло.

Первая стоянка была в Галгале. В лагере израильтян царила небывалая радость. Весь день они пели песни и гимны во славу Яхве, а женщины и дети выражали свою благодарность веселыми плясками под аккомпанемент тамбуринов и дудок. Иисус Навин отобрал двенадцать мужей, по одному от каждого племени, и велел им достать со дна реки двенадцать камней и уложить их в форме круга в знак памяти о великом чуде. В Галгале израильтяне в сороковой раз справляли праздник пасхи. Им не надо было больше питаться манной, так как возделанные поля Иерихона давали им зерно, из которого они выпекали опресноки. Жители Иерихона трусливо заперлись в крепостных стенах и больше не смели глумиться над грозными пришельцами.

В Галгале был восстановлен религиозный обряд обрезания, которым израильтяне давно уже пренебрегали. Старики, в свое время вышедшие из Египта, вымерли, а молодые поколения стали служить ханаанским богам и отступили от веры отцов. Теперь по приказу Иисуса Навина всем взрослым мужчинам и мальчикам

пришлось подвергнуться операции обрезания, которая означала возобновление синайского союза с Яхве.

Через несколько дней, когда раны после этой операции затянулись, Иисус Навин наконец предпринял осаду Иерихона. При этом он применил во всех отношениях оригинальную тактику. В течение шести дней подряд израильтяне выходили из лагеря и один раз в день торжественной процессией шествовали вокруг крепостных стен на расстоянии, безопасном от стрел и каменных снарядов. Осажденные взбирались на стены и с удивлением и страхом наблюдали за этими действиями, подозревая, что в них скрыт какой-то зловещий магический смысл. Ибо с тех пор, как стоит Иерихон, никогда еще не случалось, чтобы нападавшие вели себя так непонятно. Было в этом что-то тревожное, подвергавшее дух осажденных тяжкому испытанию.

Во главе шествия сплоченными колоннами маршировали вооруженные воины. Сразу за ними шли бородатые мужчины в длинных одеждах и отчаянно дули в серебряные трубы. Потом шла группа мужчин, несших на золотых жердях золотой ящик с золотыми фигурами крылатых херувимов. Замыкала процессию толпа женщин, детей и стариков в праздничных одеждах. Все молчали, как завороженные, и в воздухе разносилась только громкая, зловещая игра труб.

На седьмой день Иисус Навин приступил к решающему штурму крепости. На рассвете он снова вывел свой народ из лагеря, но уже не ограничился круговым шествием. Израильтяне шесть раз обошли вокруг стен, храня, как и в предыдущие дни, гробовое молчание. Однако, совершая седьмой круг, они по данному сигналу так громко и дружно закричали, что стены затряслись до основания и обрушились. Израильские воины с разных сторон ворвались в город и начали свое страшное дело. За исключением Раав и ее семьи, они истребили всех жителей, не пощадив ни женщин, ни детей, ни даже животных. Под конец захватчики подожгли дома и общественные здания, превратив крепость в пепелище. Они не предали пламени только золото, серебро, медь и железо, ибо ценные металлы заранее были предназначены для нужд дома господня и священнослужителей Яхве.

РАМАТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ ПОД СТЕНАМИ КРЕПОСТИ ГАЙ. В гористой местности к северу от Иерусалима, на небольшом расстоянии от городка Вефиля, высились стены укрепленного города Гая. Иисус Навин решил и на этот раз послать вперед шпионов. «Идите и вы-

смотрите землю»,— приказал он. Разведчики вернулись и сообщили, что Гай стоит на пути дальнейшего продвижения израильтян и что его следует взять штурмом. Укрепления здесь были не такие мощные, как в Иерихоне, и поэтому казалось, что для завоевания города достаточно будет трех тысяч воинов. Но защитники Гая вели себя более мужественно, чем жители Иерихона. В бою у ворот города израильтяне потерпели сокрушительное поражение, бросились бежать, и противник преследовал их вплоть до города Сабарима. В лагере израильтян воцарилось уныние. Иисус Навин предвидел грозные последствия неудачи. Защитники Гая доказали всем другим ханаанским городам, что можно одолеть агрессоров, даже если они слывут непобедимыми,— надо лишь оказывать им смелый отпор.

Осознав положение, Иисус Навин впал в такое отчаяние, что разодрал на себе одежды. Потом он целую ночь молился и каялся перед ковчегом завета, прося Яхве объяснить, почему тот отказал ему в своей поддержке. И тогда он узнал страшную вещь: кто-то из израильтян попрал священную воинскую присягу и присвоил часть добычи, предназначенной для храма. Это преступление взывало к небу об отмщении; только смерть виновного могла умилостивить разгневанного бога. На следующий день Иисус Навин созвал весь израильский народ, дабы обнаружить святотатца. Всем племенам, родам и семьям предстояло тянуть жребий. В конце концов меченый жребий вытащил Ахан из колена Иуды. Он сразу же сокрушенно признался в своей вине: «Точно, я согрешил пред господом, богом израилевым, и сделал то и то». Он закопал под своим шатром драгоценную одежду, двести сиклей серебра и слиток золота. Присвоенную Аханом добычу действительно нашли в указанном месте. Преступника побили камнями в долине Ахор, а все его имущество сожгли на костре. На месте казни израильтяне уложили груду камней, чтобы этот памятник на вечные времена служил предостережением для всех, кто когда-либо осмелится нарушить священную воинскую присягу, закон, установленный самим Яхве.

Наученный горьким опытом, Иисус Навин подготовил более осторожный план кампании против города Гая и решил взять его хитростью. Под покровом ночи он спрятал неподалеку, в гористой местности, тридцать тысяч воинов, а сам, едва только рассвело, двинулся с остальными отрядами к стенам города, будто бы готовясь к открытому штурму. Царь города Гая, воодушевленный недавней победой, приказал распахнуть ворота и повел все свои вооруженные силы на врага, чтобы вовлечь его в решающее сражение. После короткой схватки Иисус Навин дал сигнал к отступле-

нию. Преследуя якобы разбитого врага, защитники Гая ушли слишком далеко и когда оглянулись назад, то с ужасом увидели, что их город охвачен пожаром. Израильтяне, прятавшиеся в засаде, молниеносно овладели беззащитной крепостью, сея в ней смерть и опустошение. Царь приказал своим войскам немедленно отступить, чтобы поспеть на помощь городу. Тогда Иисус Навин нажал с тыла, а тридцатитысячная израильская армия, захватившая Гай, преградила царю дорогу спереди. Защитники города, попав в клещи, были разгромлены и поголовно убиты, а царя живьем взяли в плен. Согласно требованиям воинской присяги Иисус Навин приказал истребить всех жителей города, включая женщин и детей, всего двенадцать тысяч человек. Богатую добычу, в том числе скот и ценности, на этот раз поделили между воинами. Царя повесили у городских ворот. Его сняли с виселицы только на закате солнца и похоронили под кучей камней в поле. Могильный курган героического владыки Гая долгие годы считался одной из достопримечательностей у израильтян, поселившихся в той стороне Ханаана.

После победы Иисус Навин записал на камне все Моисеевы законы и на горе Гевал прочитал их израильскому народу, требуя, чтобы он сохранил верность Яхве и никогда от него не отступал.

ИТРОСТЬ ГАВАОНИТЯН. Примерно в пятнадцати милях к юго-западу от Иерихона находился город Гаваон. Жители его не отличались воинственностью. Прослышав о победах израильтян, они решили любой ценой избежать столкновения с ними. Однако они справедливо опасались, что грозные захватчики не захотят вести переговоры с городом, который стоит на пути их победоносного продвижения и представляет заманчивую военную добычу. Каким же образом склонить захватчиков к заключению союза? Жителей Гаваона нельзя было назвать храбрыми воинами, но зато природа, не скупясь, одарила их ловкостью в дипломатических маневрах. Правильно рассудив, что израильтяне не очень сильны в географии Ханаана, гаваонитяне пошли на такой трюк. Представители Гаваона пришли к Иисусу Навину, который после побед в Иерихоне и Гае вернулся в израильский стан в Галгале, и предложили заключить договор о дружбе. «Из весьма дальней земли пришли мы,— сказали они,— итак заключите с нами союз». При этом они уверяли, что город их лежит далеко, даже очень далеко от Галгала и потому договор будет выгоден для обеих сторон. Они грубо льстили Иисусу Навину, уверяя, что слава о нем дошла даже до их далекого города и что союз с таким великим вождем они почтут за честь для себя. Иисус На-

вин поглядел на послов и поверил, что они явились сюда издалека. Вид у них был утомленный, их обувь, одежда и кожаные бурдюки для вина были зашиты и заплатаны, а хлеб, который они принесли с собой в мешках, покрылся зеленой плесенью. И Навин склонился к тому, чтобы заключить союз с царем Гаваона; ему показалась особенно привлекательной мысль, что таким путем образуется брешь в рядах остальных ханаанских царей, которые, по слухам, объединились в наступательно-оборонительную коалицию. Союз был заключен, и Иисус Навин скрепил его торжественной клятвой.

Однако вскоре он с негодованием узнал, что послы оказались обманщиками, что он пал жертвой их коварства, ибо Гаваон расположен совсем неподалеку от Иерихона и Гая. Жаждавшие добычи израильские воины настойчиво требовали, чтобы им позволили примерно наказать хитрых жителей города. Но Иисус Навин не захотел нарушать клятву и отклонил их требования. Жители Гаваона избежали смерти, однако были обречены на вечное рабство. С тех пор на протяжении веков они выполняли самые низкие обязанности, рубили дрова и носили воду для своих израильских господ.

ОАЛИЦИЯ ПЯТИ ЦАРЕЙ. Иерусалимский царь Адониседек со страхом узнал о трусливом поведении жителей Гаваона и, опасаясь, что другие ханаанские города захотят им подражать, решил жестоко проучить их. С этой целью он заключил союз с царями Хеврона, Лахиса, Еглона и Иармуфа и во главе объединенных вооруженных сил подошел к стенам города, который предпочел жить в унижении, вместо того чтобы мужественно бороться с захватчиками. Но жители Гаваона успели своевременно предупредить Иисуса Навина об опасности. Израильское войско немедленно выступило из Галгала и после форсированного марша, занявшего всю ночь, неожиданно появилось возле Гаваона. Разгорелся страшный бой, в котором коалиция потерпела поражение. Наголову разбитые хананеяне в панике бежали, оставив на поле боя множество трупов. Вдобавок ко всем бедам на отступавших обрушился с неба страшный град. Хананеян могла спасти от полного разгрома только ночная тьма. Тогда Иисус Навин, повторяя слова из Книги праведного, торжественно вскричал:

> Стой, солнце, над Гаваоном,
> и луна над долиною Аиалонскою!

Солнце и луна действительно остановились на небе и светили до тех пор, пока израильтяне окончательно не расправились с врагами и не заняли их города, не встретив никакого сопротивления.

В суматохе бегства все пятеро царей спрятались в пещере близ города Македа. По приказу Иисуса вход в пещеру завалили камнями, а после боя пленных привели к вождю израильтян. И тогда Иисус повелел начальникам племен в знак торжества наступить ногами «на выи царей сих». По военному обычаю, царственных пленников потом повесили на пяти виселицах. Они висели там целый день. Только после захода солнца их сняли с веревок и бросили в ту пещеру, где они раньше прятались. Эта общая могила, заваленная большими камнями, долго еще напоминала потомкам о великой победе израильтян над коалицией пяти царей.

Завоевав города Макед, Ливну, Лахис, Еглон, Хеврон и Давир, Иисус продвинулся еще дальше на юг и путем молниеносных переходов овладел всей территорией от Кадеша до Газы. Потом он вернулся в лагерь в Галгале, решив дать своим усталым воинам заслуженный отдых и подготовить их к будущим сражениям.

ОЙНА С ЦАРЯМИ СЕВЕРНОГО ХАНААНА. Цари маленьких северных ханаанских государств беспечно следили за победоносным шествием израильтян, и лишь после того, как жертвой захватчиков пали некоторые укрепленные города центрального и южного Ханаана, поняли, какая опасность им угрожает. Под водительством Иавина, царя асорского, образовалась новая коалиция, и к ней присоединились почти все цари, владения которых простирались на морском побережье до горы Кармил, а также в горных районах и долинах, тянувшихся в северном направлении до горы Ермон. Союзническая армия собралась у вод Меромских (озеро Эль-Хулех). Ее силу составляли боевые колесницы. В прежние времена израильским воинам трудно было устоять перед этим грозным оружием, но теперь, опираясь на свой военный опыт, Иисус Навин разработал способ успешной борьбы с ним. По совету Яхве, он приказал своим отборным частям: «коням перережьте мечами жилы, а колесницы сожгите огнем». Потом ускоренным маршем войска Иисуса двинулись к водам Меромским и внезапной атакой захватили врасплох ханаанеян, раскинувших там лагерь. После яростного боя Иисус Навин одержал полную победу и, преследуя разбитого врага, перебил почти всех ханаанских воинов. Поле боя было усеяно трупами людей и лошадей и догорающими колесницами.

Иисус Навин штурмом брал город за городом, разрушая их дотла и убивая жителей. Неисчислимую добычу в виде ценных предметов и скота он справедливо делил между израильскими племенами.

АК ИИСУС УПРАВЛЯЛ ХАНААНОМ. Покорение Ханаана длилось семь лет. В кровавых войнах погиб тридцать один ханаанский царь и великое множество простого народа. За исключением Иерусалима и нескольких других укрепленных городов у моря и в горах, вся страна от южных окраин вплоть до Ваал-Гада в долине Ливанской попала под власть Израиля. Теперь Иисус Навин приступил к разделу Ханаана между израильскими племенами. Всего их было тринадцать, так как колено Иосифа раскололось на две племенные группы, которым положили начало его сыновья — Ефрем и Манассия. Поскольку потомкам Рувима и Гада, а также половине племени Манассии достались в удел земли за Иорданом, а левитам не полагалось своей особой территории, то раздел коснулся только девяти племен и второй половины племени Манассии.

Таким образом, Ханаан оказался разделенным на десять округов. На юге поселились потомки Симеона, Иуды и Вениамина. Остальную территорию покоренной страны заняли, двигаясь с юга на север, колена Ефрема, Манассии, Иссахара, Завулона, Неффалима и Асира. Немногочисленное племя Дана оказалось втиснутым между морем и горами, к западу от местожительства сынов Вениамина и Иуды, в опасном соседстве с филистимлянами, которым пока еще не пришлось встречаться в бою с израильтянами.

На территории, доставшейся Ефрему, находился город Силом и там разместили скинию собрания и ковчег завета. Таким образом, Силом стал первой столицей Израиля, которой надлежало спаять в одну нацию рассеявшиеся колена.

Левитам выделили во владение сорок восемь городов, где по завету Моисея они выполняли религиозные обязанности, получая доходы на свое содержание от разведения скота и десятин, взимаемых с местного населения.

Шести городам за Иорданом и в самом Ханаане было предоставлено право давать убежище от родовой мести людям, виновным в неумышленном убийстве.

Иисус избрал своей резиденцией городок Фамнаф-Сараи, лежавший на вершине горы Ефремовой.

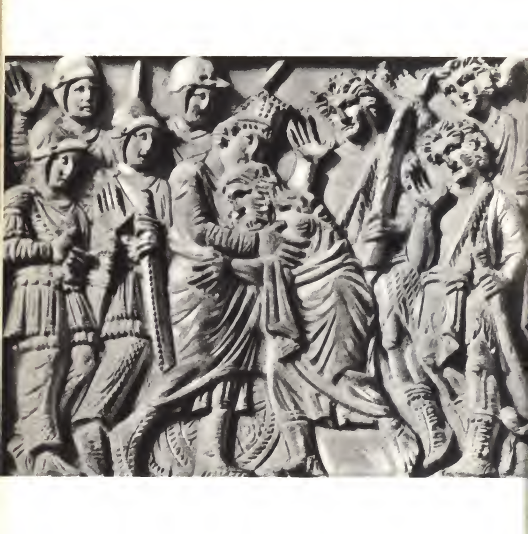
Племена Рувима, Гада и Манассии, выполнив обещание, данное Моисею, пожелали теперь вернуться на землю, полученную ими во владение за Иорданом. Иисус Навин благословил их и в напутственном слове просил сохранить верность общему храму в Силоме, где поселился Яхве, и сказал, отпуская их: «С великим богатством возвращаетесь вы в шатры ваши, с великим множеством скота, с серебром, с золотом, с медью и с железом; разделите же добычу, в з я т у ю у врагов ваших, с братьями своими».

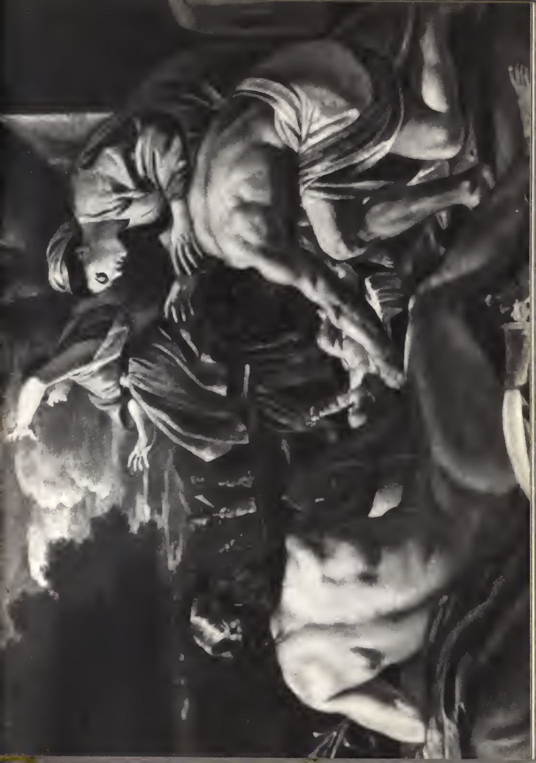
Вскоре, однако, до Силома дошла тревожная весть: воины Рувима, Гада и Манассии, возвращаясь в Заиордание, соорудили на холме алтарь, на котором приносили жертвы Яхве. Тем самым они присваивали права, принадлежавшие исключительно священникам в Силоме. И следовательно, религии Моисея с самого начала грозила ересь, а это могло в свою очередь повлечь за собой политический кризис в стране.

Иисус Навин решил подавить в зародыше эту попытку раскола и призвал в Силом войска остальных племен, чтобы с их помощью расправиться с провинившимися. Но братоубийственная война, развязанная в момент, когда Израиль еще не укрепился в недавно покоренной стране, могла иметь пагубные последствия. И было решено сперва послать в землю Галаадскую Финееса, сына священника Елеазара, а с ним десять начальников от всех колен. Прибыв в Галаад, Финеес обратился к сынам Рувимовым, Гадовым и Манассииным со следующими словами: «Что́ это за преступление сделали вы пред богом Израилевым, отступив ныне от господа, соорудив себе жертвенник и восстав ныне против господа?». Испугавшись войны с земляками, старейшины заиорданских израильтян горячо возражали против обвинения, будто они посягнули на права священников в Силоме, и оправдывались, уверяя, что вознесенный над Иорданом жертвенник был задуман только как памятник, как выражение благодарности Яхве за одержанные победы. Ответ был не слишком убедительным, но Финеес и его спутники, желавшие любой ценой избежать междоусобицы, признали его удовлетворительным. Впрочем, они были уверены, что перепуганные заиорданские племена никогда больше не попытаются нарушать религиозное содружество с Израилем.

Иисус Навин еще долгие годы возглавлял колена Израилевы. Его великий авторитет был источником сплоченности нации. Рассеянные по Ханаану племена безоговорочно признавали его власть, а храм в Силоме был единственной резиденцией Яхве. Но Иисуса беспокоила мысль: что будет после его смерти? У него не было достойного преемника, и он опасался, что племена, оставшись без сильного руководства, будут стремиться к независимости в ущерб общей религии и общему благу. Желая предотвратить распад государства, он собрал в Сихеме всех сынов Израилевых, прочитал им еще раз заветы Моисея и велел поклясться, что они не будут служить чужим богам. В знак памяти о возобновлением союзе с Яхве Иисус Навин поставил под дубом большой камень и сказал: «Вот, камень сей будет нам свидетелем: ибо он слышал все слова господа, которые он говорил с нами: он да будет свидетелем против вас, чтобы вы не солгали пред богом вашим».

Иисус умер, прожив сто десять лет. Его похоронили на горе Ефремовой в его уделе в Фамнаф-Сараи. И в его гробницу положили каменные ножи, которыми было совершено обрезание израильтян, когда они перешли границу Ханаана.

ЗРАИЛЬ ОБОСНОВЫВАЕТСЯ В ХАНААНЕ. После смерти Моисея и Иисуса Навина не нашлось среди израильтян фигуры, равной им по значению. Израильские племена рассеялись по Ханаану, мирным путем или с оружием в руках занимая предназначенные им уделы. Между племенами не было согласия. Мелочная зависть, раздоры из-за установления границ, местничество, игра честолюбий раскололи единство, подорвали национальную спаянность, столь необходимую для удержания захваченных земель. Поссорившиеся племена, действовавшие врозь и рассчитывавшие только на собственные силы, не сумели довести до конца покорение страны. Народы Ханаана, чье сопротивление было сломлено не до конца, ждали только случая, чтобы вернуть утраченные ими земли. А евеи, хананеи, аморреи и невусеи способны были в любой момент оказать отпор захватчикам. Постоянную угрозу для израильтян представляли не покоренные Иисусом Навином хорошо укрепленные города Иерусалим, Газа, Аскалон и Еглон и многие другие, рассеянные по горам и долинам.

Между тем израильские племена, утомленные многолетними скитаниями и борьбой, стремились как можно скорее насладиться плодами победы. Ведь они вступили во владение тучными пастбищами, пахотными полями, оливковыми садами и виноградниками. Сбылись наконец их мечты о мирной и зажиточной жизни скотоводов и земледельцев. Где уж тут думать о войне, коль скоро исполнилось обещание Яхве! С окружавшими их ханаанскими народами можно было кое-как договориться, жить с ними в мире и, таким образом, получить возможность вести хозяйство на покоренных землях. Так и получилось: израильтяне как бы образовали островки в море ханаанского населения. Результаты этой разобщенности не заставили себя слишком долго ждать. Израильтяне были люди простые и суровые, люди пустыни. Хананеяне превосходили их своей богатой цивилизацией и культурой, они строили большие города и к тому же говорили на языке, очень близком к древнееврейскому. Потомкам Иакова грозила извечная судьба варваров-захватчиков: быть поглощенными теми более развитыми народами, которые они себе подчинили. Распространенным явлением стали

смешанные браки: израильтяне больше не считали неприличным жениться на девушках другой национальности, а израильтянки охотно выходили замуж за хананеян

Были и другие, более грозные, последствия этого тесного сосуществования. Израильтяне действительно всегда почитали Яхве как своего бога. Однако он был богом суровым и неумолимым, богом великих событий, который оказывал помощь избранному народу только в минуты опасности К тому же он находился далеко, в храме Силома. Трижды в год верующие совершали туда паломничество, чтобы при посредничестве священников принести ему жертвы и почтить его молитвами, пением гимнов и обрядовыми танцами. Но в будни израильтяне на каждом шагу встречались с местными богами, более близкими им в силу своих человеческих слабостей и свойств. Ваал, Астарта и другие боги с незапамятных времен почитались в Ханаане. Об этом напоминали каменные столбы, вознесенные на холмах, рощи и священные деревья, статуэтки из бронзы и терракоты, алтари под открытым небом, на которых дымились жертвы и благовонные зелья, мифы, песни и сказания. Осенью, когда бог смерти Мот похищал бога урожая Ваала и уводил его в подземное царство, хананеяне с плачем и стенаниями участвовали в траурных процессиях, а с наступлением весны, едва только воскресал их любимый бог, они проходили танцевальным шагом по улицам городов и деревень. Таков уж был в Ханаане ритм жизни, жизни весьма колоритной, связанной с радостными, поднимающими дух обрядами.

Израильтяне научились у хананеян возделывать землю. От них же израильтяне узнали, что Ваал, Астарта и другие местные боги управляют природой и временами года, что надо их просить о дожде и богатом урожае, о том, чтобы они уберегли их от града, засухи, саранчи.

Бог племен Израиля, обитавший в Силоме, был слишком недоступен, слишком надменен и величествен, чтобы обременять его такими заурядными делами. Однако Яхве воспылал гневом и решил покарать отщепенцев. По его воле отдельные израильские племена поочередно попадали под иго хананеян. Тогда грешники, сгибаясь под гнетом врага, горестно каялись и молили о жалости. Яхве был строг, но милостив. В таких случаях он выдвигал из их среды выдающегося вождя, который занимал высокую должность судьи и освобождал своих земляков. Но сыны Израиля были неисправимы: едва только их положение улучшалось, они, как правило, опять начинали поклоняться своим лжебогам.

Израильские племена в Южном Ханаане были покорены ца-

рем арамским Хусарсафемом[1] и восемь лет томились в рабстве. После тяжелых битв их освободил Гофониил из племени Иуды, который потом на протяжении сорока лет мирно и успешно исполнял должность судьи Израиля.

Худшая участь досталась потомкам Вениамина. Царь моавитский Еглон в союзе с амонитянами и амаликитянами занял все их земли и в течение восемнадцати лет собирал с них тяжелую дань. Тогда Аод, отважный муж из племени Вениамина, решил положить конец игу. Аод был левшой. Повесив меч под плащом своим у правого бедра, он отправился к царю Еглону, будто бы для того, чтобы доставить ему дары от своих земляков. Дворцовые слуги обыскали его, ища скрытого оружия, однако не стали щупать правое бедро, где обычно никто не носил ни меча, ни кинжала. Тучный деспот развалился на троне в окружении придворных и одалисок. На израильского пришельца он посмотрел высокомерно, не предполагая, что тот вооружен. Аод пал перед ним ниц и, поднеся ему дары, попросил аудиенции с глазу на глаз, под предлогом, что хочет сообщить важные новости. «У меня есть тайное слово для тебя, царь»,— сказал Аод, а позже добавил: — «У меня есть до тебя слово божие». Царь подозрительно покосился на него своими слезящимися глазами и призадумался. Однако тут же решил, что перед ним стоит один из его многочисленных шпионов, которых было немало и среди потомков Вениамина. Поэтому он кивком головы приказал придворным покинуть его и с любопытством подставил ухо. Аод подошел ближе, делая вид, будто хочет сказать ему что-то по секрету. Затем он извлек меч и с быстротой молнии пронзил деспота насквозь. Тот даже крикнуть не успел. А когда жирное тело, истекая кровью, опустилось на каменный пол, Аод быстро запер дверь изнутри на засов и удрал черным ходом.

Слуги терпеливо ждали в соседней комнате, думая, что царь шепотом разговаривает с таинственным пришельцем. Однако предполагаемый разговор подозрительно затянулся, и наиболее смелые из слуг стали подслушивать у двери; обеспокоенные мертвой тишиной, они в конце концов подняли тревогу. Дверь взломали, за сбежавшим убийцей организовали погоню, но было уже слишком поздно. Аод успел вернуться к своим землякам и с Ефремовой горы дал сигнал к восстанию. Пользуясь замешательством, которое вызвала смерть царя, израильтяне вторглись в Моав и, как

[1] Хусарсафем был царем Арама, расположенного в Сирии, поэтому некоторые исследователи выражали сомнение, что он предпринял поход против столь отдаленного от него Южного Ханаана. Вероятно, редакторы Библии совершили ошибку, написав РМ (Арам) вместо ДМ (Эдом). Царство Эдом граничило с Южным Ханааном.

гром с ясного неба, обрушились на своих угнетателей. В кровавой бнтве они наиесли моавитяиам сокрушительное поражение, перебив десять тысяч моавитскнх воииов. В награду за его геройский подвиг народ избрал Аода судьей, и с того момеита он иа протяженин восьмидесяти лет мирио правил потомками Ефрема.

ЕБОРА — ИЗРАИЛЬСКАЯ ЖАННА Д'АРК. Тяжела была судьба тех сынов Израиля, которые поселились к югу от долины Иезреель. Царь Асора Иавнн и его воеиачальник Сисара занимали на горах цепь укреплений, господствовавших над долннами и дорогами. Они нспользовали свои ключевые позицни для того, чтобы отрезать израильских поселенцев от коммуннкацнй, обречь нх на голод и в конце коицов подчинить себе. Племена Ефрема, Вениамина, Завулона, Иссахара, Неффалима и половнна племени Манассии должны были отрабатывать унизительную барщнну и платить дань. Так они прожили двадцать лет в унижении н рабстве. Безоружные, потерявшие веру в свои снлы, онн уже не надеялнсь дожить до дня свободы.

В те времена засияла звезда Деборы — пророчицы, поэтессы и верной служнтельницы Яхве. Она жила на горе Ефремовой под пальмой, у дороги между Рамой и Вефилем. Там она принимала посланцев со всего Изранля, давала им мудрые советы, предсказывала будущее н разрешала споры между племенами, родами и частнымн лицами. Все вернлн, что устами Деборы глаголет сам Яхве, и ее советы н указания восприннмались как пророчества. Никто тогда в Ханаане не пользовался таким авторитетом, как она.

Воодушевленная патриотическим чувством, Дебора решнла поднять народ на борьбу за свободу. Она чувствовала себя к тому призванной, верила, что ее голос, вдохновленный духом божьим, вольет мужество в сердца ее надломленных братьев.

В Кадеше, на земле сынов Неффалима, жил человек, по имени Варак, славившнйся своей отвагой и военным опытом, приобретенным в боях с хананеянами. Дебора решила сделать его военачальнком н призвала к себе. Но Варак не вернл в победу, не верил, что нзраньский народ, снедаемый сомнениями и тревогой, одолеет врага. Разве что нзраньтян поведет за собой вождь, способный пробудить мужество народа н веру в покровительство Яхве. Разумеется, речь шла о Деборе, всемн почитаемой пророчнце; под ее началом борьба с угнетателем приобрела бы религиозный характер, превратнлась бы в священную войну. Обдумав и взвесив все этн обстоятельства, Варак сказал: «Еслн ты пойдешь со мною, пойду; а если не пойдешь со мною, не пойду». Дебору возмутило упрям-

ство Варака, но все же она приняла поставленное им условие. Однако столь явное отсутствие веры не могло сойти ему безнаказанно, и пророчица предсказала, что Сисара, хананейский военачальник, погибнет не от руки Варака, а от руки слабой женщины.

На призыв пророчицы откликнулись не все племена. Несмотря на это, собралось десять тысяч воинов, плохо вооруженных, но готовых на любой подвиг. Присутствие «матери во Израиле», как называли Дебору, вызвало неописуемый энтузиазм. Израильская армия расположилась на склоне горы Фавор. В долине тем временем появилась хананейская армия под командованием Сисары. Впереди нее мчались девятьсот боевых колесниц, окованных железом. Эти колесницы представляли тем большую опасность, что по бокам у них были прикреплены острые косы, которые в атаке косили неприятельскую пехоту, как пшеницу. Израильтянам, однако, повезло. Из-за обильных дождей река Киссон вышла из берегов и превратила поле боя в трясину. Варак вел свои отряды в наступление. Когда они оказались в долине, на него двинулись неприятельские боевые колесницы и сразу увязли в размокшей земле, а лошади скользили и падали, вызывая смятение в рядах хананеян. Используя это замешательство, израильтяне лихо кинулись на врага и вскоре разбили его наголову. На поле сражения, а потом во время бегства погибли почти все хананейские воины; грозная армия царя Иавина прекратила существование.

Сисара выпрыгнул из колесницы, и ему удалось удрать с поля боя в Кадеш, где он надеялся найти убежище у Хевера, начальника дружественного клана кенеян. Однако Сисара не застал Хевера дома. Жена Хевера, Иаиль, пригласила Сисару в шатер и прикрыла ковром, так как, утомленный битвой, он хотел сном подкрепить свои силы. Но едва он уснул, как Иаиль приложила к виску Сисары острый колышек и, ударив по нему молотком, пробила насквозь череп Сисары. Спустя некоторое время прибежал Варак и убедился, что опоздал. Сбылось предсказание Деборы: не он, а женщина Иаиль убила Сисару. От меча пал также главный угнетатель израильтян — царь Асора Иавин. После победы Дебора во вдохновенной песне воспела торжество Израиля над хананеянами. Не забыла она и о геройском подвиге Иаили. Дебора описала, как труп хананейского военачальника валялся в прахе у ног женщины, а мать Сисары тем временем с тревогой ожидала возвращения сына:

«В окно выглядывает и вопит мать Сисарина сквозь решетку: что́ долго не идет конница его, что́ медлят колеса колесниц его? Умные из ее женщин отвечают ей, и сама она отвечает на слова свои: верно, они нашли, делят добычу, по девице, по две девицы на

каждого воина; в добычу полученная разноцветная одежда Сисаре, полученная в добычу разноцветная одежда, вышитая с обеих сторон, снятая с плеч пленника».

После этих событий израильские племена жили в мире сорок лет. И судьей была в те годы пророчица Девора, окруженная любовью благодарного народа.

АК СКРОМНЫЙ ЗЕМЛЕПАШЕЦ СТАЛ ОСВОБОДИТЕЛЕМ ИЗРАИЛЯ. Обретя свободу, сыны Израиля быстро забыли о благодеяниях Яхве и снова стали поклоняться ханаанским богам. За это они понесли новое наказание. Мадианитяне, амалкитяне и другие кочевые племена с востока переходили Иордан и, как саранча, обрушивались на поля израильских земледельцев. Они появлялись аккуратно каждый год, как раз в то время, когда начиналась жатва. Их верблюды, странные творения, до того не виданные в Ханаане, паслись на лугах и полях, топча посевы пшеницы, овощи и виноградники. Разбойники пустыни забирали все, что им попадалось под руку: продовольствие, скот и вьючных ослов. Безоружные земледельцы убегали в горы, прятались в ущельях и пещерах. Земля, опустошаемая каждый год, в конце концов была заброшена, страну постигло страшное бедствие — голод и эпидемии. Только после семи лет непрерывных страданий Яхве смилостивился над своим народом.

В Офре, городке, лежавшем на территории, занятой той половиной племени Манассии, которая не перешла Иордан, жил земледелец, по имени Иоас. Он построил жертвенник, посвященный Ваалу, однако был не слишком горячим его последователем. Сын Иоаса, Гедеон, тоже не испытывал особого влечения к Ваалу, но, удрученный бедствиями Израиля, потерял доверие и к Яхве.

Однажды Гедеон в большой спешке молотил пшеницу, желая запастись продовольствием и как можно скорее убежать от мадианитян в горы. Вдруг перед Гедеоном предстал ангел и сообщил, что Яхве доверил ему освобождение израильского народа. «Господи! — возразил Гедеон.— Как спасу я Израиля? Вот, и племя мое в колене Манассиином самое бедное, и я в доме отца моего младший». Ангел заверил Гедеона, что он победит мадианитян, но Гедеон добивался от Яхве какого-либо знамения и положил под дубом жареного козленка и опресноки. Ангел посоветовал ему отнести эту жертву на скалу. Гедеон так и поступил, и тогда ангел, прикоснувшись к скале жезлом, высек огонь, поглотивший мясо и хлеб. Чудо убедило Гедеона, и он поверил в свою миссию.

Ночью, когда жители Офры крепко спали, Гедеон выбрал среди своих рабов десять верных человек и под покровом ночи отправился во владения отца. С помощью двух волов он развалил жертвенник Ваала и вырубил окружавшую его священную рощу. Потом он построил алтарь для Яхве и принес на нем в жертву быка.

Наутро жители Офры увидели разрушенный жертвенник Ваала и в страшном гневе потребовали, чтобы Иоас покарал смертью святотатца Гедеона. Но Иоас был человек находчивый и сам стал взывать к их рассудку: «Вам ли вступаться за Ваала, вам ли защищать его? кто вступится за него, тот будет предан смерти в это же утро; если он бог, то пусть сам вступится за себя...» Слова эти показались жителям Офры убедительными, и они разошлись по домам. С тех пор Гедеона стали шутливо называть Иероваал, что означает «пусть Ваал сам вступится за себя».

Со временем, когда стало ясно, что ханаанский бог и не думает мстить за надругательство над ним, Гедеон снискал в Израиле большой авторитет. По его призыву явились вооруженные мужи племени Авиезерова, а также племен Манассии, Асира, Завулона и Неффалима. У источника Харода собрались тридцать две тысячи израильских воинов. Гедеон знал, как надо бороться с ордами разбойников пустыни. Он решил напасть на них внезапно, захватить врасплох с помощью небольшого отряда отчаянных храбрецов, готовых на все. Многочисленная, малоподвижная армия, составленная из сборного народного ополчения, не годилась для его планов. Всем тем, у кого сердце не лежало к борьбе, Гедеон разрешил вернуться домой. Таким образом убыло целых двадцать две тысячи израильтян; теперь у Гедеона было только десять тысяч отважных воинов, но и эта армия казалась ему слишком многочисленной. Как отобрать из числа этих храбрецов самых что ни на есть храбрейших?

Сам Яхве подсказал Гедеону план действий. Под вечер, когда солдаты пошли на речку утолить жажду, Гедеон внимательно наблюдал за ними с близлежавшего холма. В большинстве своем солдаты клали оружие на землю и, опустившись на колени, черпали воду обеими руками. Только маленькая горстка солдат легла на живот и, не выпуская из рук оружия, по-собачьи хлебала воду языком прямо из речки. Это были закаленные в боях воины, всегда бдительные и готовые к неожиданному нападению врага. Таких Гедеон насчитал всего триста и именно с ними решил двинуться на врага; остальных же он отправил назад.

Кочевники-мадианитяне расположились лагерем в долине Иезреельской. Семь лет они безнаказанно опустошали страну и поэтому считали, что нет надобности соблюдать меры предосторожности.

Караульная служба у них была поставлена плохо, в лагере царил неописуемый беспорядок. Между шатрами толкались мужчины, женщины и дети, а верблюдам, ослам и награбленному скоту не было числа.

С наступлением ночи Гедеон отвел свой отборный отряд в горы, откуда как на ладони просматривалась вся долина. Каждому из своих молодцов он дал трубу и факел, спрятанный в глиняном горшке. Разделив воинов на три группы, Гедеон велел им с трех сторон подкрасться к лагерю мадианитян. В полночь, едва только мадианитяне легли спать, он дал сигнал к атаке. Израильтяне разбили горшки, открыли горящие факелы и одновременно изо всех сил трубили в трубы и выкрикивали боевые призывы. Нечеловеческий шум разбудил кочевников. Уверенные, что их окружила большая неприятельская армия, они в панике бросились бежать за Иордан. Гедеон со своими молодцами пустился за ними в погоню, по пути к ним присоединились воины других израильских племен, и они устроили бедуинам кровавую баню. Гедеон перешел Иордан, разбил захватчиков в пух и прах, опустошил их страну и убил четырех мадиамских царей.

Во время погони произошел очень неприятный случай, свидетельствующий о трусости и отсутствии племенной солидарности у израильтян. Заиорданские города Сокхоф и Пенуэл, опасаясь мести бедуинов, отказали в пище голодным израильским воинам. Гедеон решил примерно наказать трусов. Он приказал высечь городских старейшин и князей розгами из терновника, как последних бродяг, а потом велел палачу добить их мечом. Сурово он обошелся и с рядовыми жителями, истребив их начисто, а преступные города сровнял с землей, дабы их развалины навсегда служили предостережением для тех, кто вздумал бы совершить такой же изменнический акт.

Гедеон захватил у врага огромную добычу. Племена Востока, и в особенности мадианитяне, занимались не только грабежом. Они были также умелыми купцами и содействовали обмену товарами между странами Азии и Египтом. Они любили выставлять напоказ свое богатство, носили дорогие одежды и увешивали себя золотыми украшениями. Даже своим верблюдам они надевали золотые цепочки на шею, а упряжь украшали золотым набором.

Израильские племена поднесли своему освободителю царскую корону. Это произошло впервые в истории Израиля. Гедеон понимал, что среди его земляков найдется немало противников монархии, и отверг предложенную ему честь, попросив лишь, чтобы из военной добычи ему выделили все золотые сережки. Перед шатром Гедеона расстелили плащ, воины по очереди подходили и бросали

иа иего по серьге нз своей добычи. Таким путем набралось тысяча семьсот сиклей золота (около двадцати семи килограммов).

Несмотря иа формальиый отказ от короиы, Гедеон в действительностн стал иаследственным моиархом. Своей столнцей он нзбрал родной город Офру, откуда правил племенами, которые вызволил из рабства. Но едва в страие водворился мнр, а с иим благоденствие, Гедеои отступился от Яхве и приказал отлить нз доставшегося ему золота изображеиие Ваала. Храм в Офре стал религиозным центром государства. По обычаю восточных деспотов Гедеои содержал гарем с семьюдесятью жеиами и прижил с ннмн семьдесят сыновей. Царствовал он целых сорок лет.

После смерти Гедеона власть перешла к его сыновьям. Онн управляли страиой коллегиально, одиако не допустили в свою среду Авнмелеха, поскольку ои родился ие в гареме, а в доме наложннцы, жнвшей в Сихеме. Авнмелех бежал к матерн и уговорил своих родствеиников по жеиской лниии, чтобы оин помогли ему захватить власть и занять место отца. «Что́ лучше для вас,— убеждал он жителей Сихема,— чтобы владели вами все семьдесят сынов Иероваааловых, или чтобы владел один? н вспомиите, что я кость ваша и плоть ваша».

Родствеиники выдалн ему семьдесят снклей серебра нз сокровищиицы храма Ваалверифа на вербовку наемников. Во главе своего войска Авимелех отправился в Офру, одержал победу над еднiнокровиымн братьями и убил всех, за нсключеинем Иофама, который успел укрыться у друзей, а потом стал кружить по страие, подстрекая иарод к восстанню против узурпатора.

Авимелех проявнл себя как кровавый деспот, н со временем народу стало невмоготу терпеть его самовластие. Жители Сихема подняли вооруженное восстаиие протнв городскнх старейшин, которые помоглн Авимелеху прийтн к властн. Во главе бунтовщнков встал Гаал, сын Еведов. Буитовщикн захватили город н устраивалн оргин в храме Ваала. Оии опустошали также окрестные поля и вннограднnки, а в горах устраивалн засады на царя н его людей.

Зевул, главный иачальинк города Сихема, предаииый Авимелеху, тайком послал к иему гоица с просьбой о помощн. Царь разгромил восставших, вырезал все населеиие, а город обратнл в развалины. Узнав о том, что случнлось в Сихеме, тысяча повстанцев укрылась в высокой башне Ваалверифа. Поскольку узурпатор ие мог завладеть башней, ои приказал ее поджечь. Затем Авнмелех пошел с войскамн на город Тевец, который тоже взбунтовался. Жнтели Тевеца спрятались в крепостной башне и отчаянно защнщались. В ту мннуту, когда царь прнблнзнлся к воротам башни, чтобы

поджечь ее, одна из женщин бросила ему в голову обломок жернова. Тяжело раненый Авимелех подозвал своего оруженосца и, умирая, сказал: «Обнажи меч твой и умертви меня, чтобы не сказали обо мне: «женщина убила его»». Так после трех лет бурного правления закончил свою жизнь Авимелех, сын Гедеона. Кровь шестидесяти восьми сыновей Гедеона была отомщена.

ЕФФАЙ — НЕСЧАСТНЫЙ ГЕРОЙ ГАЛААДА.

В окрестностях гористого Заиорданья, между речками Арнон и Иавок, находится местность Галаад. Ее жители — израильтяне, захватившие Галаад еще во времена Иисуса Навина,— занимались главным образом скотоводством. Однажды в Галааде умер некий почтенный израильтянин, оставив осиротевших детей и жену. Когда сыновья подросли, они выгнали из дому своего сводного брата Иеффая, потому что он был сыном блудницы, а не их матери. Они даже покушались на его жизнь, дабы в будущем он не смог претендовать на долю в отцовском наследстве.

Иеффай предусмотрительно скрылся и нашел приют в земле Тов, неподалеку от истоков Иордана. Он присоединился там к шайке бедуинов, державших в страхе окрестное население и взимавших с него дань. Спустя некоторое время он стал атаманом этой шайки и всюду сеял страх своими дерзкими походами за добычей.

Между тем в Галааде настали черные дни для израильтян. Некогда изгнанные племена аммонитян подняли голову и не только грабили Галаад, но даже переправлялись через Иордан и опустошали земли Иуды, Вениамина и Ефрема. Восемнадцать лет Галаад терпел, а когда переполнилась мера его страданий, измученные люди вспомнили о Иеффае и решили, что один он, непобедимый атаман бесстрашных головорезов, может оказать сопротивление захватчикам и освободить земляков от тяжкого ига.

И пришли к Иеффаю галаадские старейшины звать его на помощь. Но он не забыл давних обид и с горечью возразил им: «Не вы ли возненавидели меня и выгнали из дома отца моего? зачем же пришли ко мне ныне, когда вы в беде?» Старейшины смиренно ответили, что примут все его условия, лишь бы он поспешил к ним на помощь. Тогда Иеффай потребовал, чтобы его пожизненно избрали вождем и судьей племени. Условие было принято, и он тотчас отправился в родной город Массиф создавать повстанческие отряды.

Иеффай призвал на борьбу и ефремлян, однако не получил от них никакого ответа. Поэтому он не отважился выступить против

аммоиитян с оружием в руках н решнл повестн с ннми переговоры и таким образом выиграть время. Он послал к аммоиитяиам послов с требованием, чтобы онн перестали мучнть нзраильтяи. Но царь аммонитский ответил на это: «Израиль, когда шел из Египта, взял землю мою от Арнона до Иавока н Иордана; итак возврати мне ее с миром».

Выхода ие было, н пришлось вступить в вооруженную борьбу. Иеффай молил Яхве о поддержке н торжественно поклялся, что принесет в жертву первого же нз своих домочадцев, которого встретнт, когда вернется нз похода.

Война закончилась полным разгромом аммоиитян, двадцать городов, пастбища н виноградники стали добычей галаадцев, и Иеффай торжественно вернулся в Массиф.

Когда Иеффай приближался к своему дому, первой выбежала ему навстречу горячо любимая единственная дочь. Оиа радостно приветствовала отца, приплясывая под аккомпаиемеит тимпана. Иеффай впал в безграничное отчаяние. Разрывая на себе одежды, ои стенал и плакал: «Ах, дочь моя! ты сразила меня; и ты в числе нарушителей покоя моего! Я отверз о тебе уста мои перед господом, и не могу отречься». Девушка знала, что клятву, даиную Яхве, нельзя отмеиить. Она попросила лишь, чтобы отец разрешил ей отправиться вместе с подругами на два месяца в горы — оплакать свою участь. Так н сделали. Когда же дочь вернулась, Иеффай выполиил клятву: под душераздирающие вопли всего народа девушка отдала свою жизнь Яхве. С той поры в Галааде повелся удивительный обычай: израильские девушки нз года в год совершали траурное шествие в горы н там в течеиие четырех дней оплакивали горестную судьбу дочери Иеффая.

Галаадитяне не простили ефремлянам их отступиичества. На каждом шагу они выражали им свое презрение н неуважение. Гордые потомки Ефрема оправдывались тем, что Иеффай будто бы не предупредил нх о готовящейся войне с аммонитяиами. Им никто не верил, и тогда в гневе онн решили объявить войну Иеффаю и жителям Галаада. В один прекрасный день оии перешли Иордан и вторглись в Галаад. Однако их поход ие удался, и оии бросились врассыпную. Хитрый Иеффай захватил переправы через Иордан н поджидал там беглецов, которые подходили к реке поодиночке и уверяли, будто оии вовсе не ефремляне и принадлежат к другим израильским племенам. Но галаадитяне зиали, что ефремляне не выговаривают согласный звук «ш». По их требованию каждый из беглецов должен был произнести слово «шибболет» (колос), и если у него выходило «сибболет», то его убивали мечом или копьем.

В братоубийственной войне полегли сорок две тысячи ефремлян. После победы Иеффай Галаадитянин жил еще шесть лет, исполняя обязанности судьи. Умершего героя похоронили с надлежащими почестями в одном из городов галаадских.

АМСОН. Филистимляне пришли в Ханаан со стороны моря и заняли прибрежную долину на юге. В пяти городах — Азоте, Екроне, Аскалоне, Газе и Гате — правили пять филистимских царей. Прошло немного времени — пришельцам стало тесно на побережье, и они продвинулись в глубь материка на земли племен Иуды и Дана. Филистимляне были суровые, закаленные в боях воины, вдобавок закованные в железо, мало еще распространенное в Ханаане. Не удивительно, что они взяли верх над соседними племенами; в течение сорока лет Израиль вынужден был терпеть их иго.

В городке Цоре жил тогда человек из племени Данова, по имени Маной, жена которого была бесплодна. Однажды перед супругами предстал ангел и сказал, что вскоре у них родится долгожданный сын. В награду за эту новость ангел потребовал, чтобы сын Маноя стал назореем и в силу данного обета не пил вина и не стриг волос.

Мальчик, которого назвали Самсон, рос прямо на глазах, пока не стал сильнейшим из сильных. Верный клятве родителей, он дал обет назорея и, хотя не отличался набожностью, не пил вина и не стриг волос. Природа одарила этого вихрастого мальчишку великолепной мускулатурой и не поскупилась, отпуская ему лукавство. Самсон, всегда жаждавший рукоплесканий толпы, любил похвастать своей силой. Кроме того, у него была страсть ко всяким дурацким проделкам, и в этом отношении его изобретательность была неисчерпаемой. К сожалению, ему нравились грубые шутки. В то время как он хохотал до упаду, жертвам его дерзких дурачеств было вовсе не до смеха. Однако связываться с ним мало кто рисковал. Когда задевали самолюбие Самсона, он приходил в бешенство и становился прямо-таки опасен для окружающих. Этот вспыльчивый, порывистый сумасброд, помимо того, отличался еще одной слабостью: был необычайно влюбчив. Когда он терял голову из-за какой-нибудь своенравной бабенки, то превращался в кроткого барашка.

АК САМСОН ВЗДУМАЛ ЖЕНИТЬСЯ. Самсон любил бродить по стране и однажды попал в город Фимнаф. Там он без памяти влюбился в статную филистимлянку и, конечно, пожелал на ней жениться. Он бегом примчался домой и попросил родителей посвататься к его любимой. Старики от ужаса за голову схватились: сын и так причинял им немало горя, а теперь вдобавок ко всему вздумал жениться на чужестранке, дочери необрезанного филистимлянина. Самсон, однако, стоял на своем и упрямо требовал от отца: «Ее возьми мне, потому что она мне понравилась». Родителям ничего не оставалось делать — тяжело вздохнув, они подчинились прихоти взбалмашного сыночка. Самсон стал женихом и с тех пор часто хаживал в гости к родным невесты.

Однажды, когда он бодро шагал по тропинке меж виноградников, ему загородил дорогу молодой рыкающий лев. Силач разорвал льва в клочки и как ни в чем не бывало пошел в Фимнаф, никому даже не рассказав о своем приключении. Возвращаясь домой, он с удивлением увидел, что в пасти убитого льва гнездится рой пчел и уже скопилось изрядное количество меду. Самсон принес соты меда родителям, не сказав, где их нашел.

Настал наконец долгожданный день свадьбы. По филистимскому обычаю, свадебные торжества продолжались семь дней. Во время одного из пиров Самсон в компании с тридцатью филистимлянами сочинял и разгадывал загадки. И поспорил с ними на тридцать рубашек из тонкого полотна и тридцать смен одежды, что они не разгадают его загадки. Заключив такое пари, он сказал им: «Из ядущего вышло ядомое, а из сильного вышло сладкое».

Филистимляне были огорошены. В течение трех дней они ломали голову над странной загадкой и никак не могли решить, что имел в виду Самсон. Отчаявшись, они пошли к его жене и сказали ей напрямик: «Уговори мужа твоего, чтоб он разгадал нам загадку; иначе сожжем огнем тебя и дом отца твоего; разве вы призвали нас, чтобы обобрать нас?» Что было делать несчастной женщине? Напуганная дерзкой угрозой, она вынуждена была разыграть комедию, чтобы спасти имущество родителей. Таким образом, она пошла к мужу и, заливаясь слезами, стала горько жаловаться: «Ты ненавидишь меня и не любишь; ты загадал загадку сынам народа моего, а мне не разгадаешь ее».

Самсон и так и сяк увиливал от ответа, пытался отделаться шуткой и перевести разговор на другие темы, но женщина плакала, ластилась к нему и кокетничала до тех пор, пока ее супруг не размяк и не выдал секрета.

На следующий день филистимляне, вновь встретившись с Самсоном за пиршественным столом, с торжествующей усмешкой сказали, что в загадке речь идет об убитом льве и медовых сотах в его пасти. Самсон сразу сообразил, что оказался в дураках. Сдерживая бешенство, он с притворным спокойствием ответил им: «Если бы вы не орали на моей телице, то не отгадали бы моей загадки». Хуже всего было то, что следовало найти способ и возместить проигранное пари. Тридцать рубашек и тридцать смен одежды — не шутка. Родители Самсона жили скромно, он не мог рассчитывать на их помощь. Раздумывая, как выйти из трудного положения, он в конце концов набрел на простую и весьма удачную мысль.

Ранним утром он пошел в Аскалон и убил тридцать филистимлян, забрав у каждого по рубашке и смене одежды. Так он возместил долг коварным собутыльникам, не взглянул даже на вероломную жену и вернулся к родителям.

Спустя некоторое время гнев Самсона остыл и он стал тосковать о своей супруге, убеждая себя, что она обманула его не по злой воле, а под нажимом, да еще из привязанности к родителям. Зачем же наказывать ее за беззащитность и неумышленное предательство?

Захватив с собой козленка для трапезы в знак примирения, Самсон, не мешкая, поспешил в Фимнаф. Там, однако, его ждало совершенно неожиданное оскорбление. Не владея собой от нетерпения, он направился прямо в спальню жены, и здесь — о ужас! — ему загородил дорогу тесть и сообщил, что он выдал дочку замуж за другого, полагая что Самсон бросил ее навсегда. Однако тесть проявил добрую волю, предложив Самсону руку младшей дочери, еще более красивой, чем старшая. Самсон пришел в страшный гнев. Он и слышать не хотел о младшей, более красивой сестре, ему было ясно одно: он стоит униженный у порога спальни любимой супруги, с ним обошлись как с первым попавшимся хлыщом. С ним, силачом из силачей, которым восхищались и земляки, и чужеземцы. Как ему после такого позора показаться на глаза людям? Надо оправдать себя любой ценой, отомстить насилием и хитростью за обиду и унижение. Обдумывая свой план, Самсон нахмурился и зловеще сказал: «Теперь я буду прав пред филистимлянами, если сделаю им зло».

Так началась война в одиночку Самсона с филистимлянами. Дома он не решался показываться и, как волк, кружил в окрестностях Фимнафа, готовясь отомстить ненавистному городу. Наконец ему пришла в голову идея, в такой же мере оригинальная, как и чудовищная. Он поймал в силки триста лисиц, связал их хвост с хвостом, прицепил к хвостам горящие факелы и погнал испуган-

ных зверей в сторону города. Лисицы неслись вперед как безумные, поджигая по пути нивы, виноградники и оливковые сады. Все достояние филистимских земледельцев обратилось в прах. Жители Фимнафа, обезумев от отчаяния, убили бывшую жену поджигателя и ее отца. Самсон немедленно об этом узнал, поклялся, что месть его будет ужасна, и сдержал свое слово. Словно из-под земли вырастал он на дорогах перед прохожими, убивал и сеял такой страх, что никто больше не осмеливался высунуть носа за стены Фимнафа. Вскоре наступил голод, городскую жизнь парализовал застой и страх. По милости одного молодца гордый город очутился в таком положении, словно его осадила целая армия. Филистимляне решили положить конец террору Самсона. Их войска вторглись в Иудею и, грозя опустошить страну, потребовали, чтобы им выдали Самсона.

Трусливые иудеи тотчас же послали три тысячи воинов к ущелью скалы Етам, где в одной из пещер скрывался Самсон. Иудейский военачальник вступил с ним в переговоры и сердито его пожурил: «Разве ты не знаешь, что филистимляне господствуют над нами? что ты это сделал нам?» «Как они со мной поступили, так и я поступил с ними»,— мрачно проворчал Самсон и тут же добавил: «Поклянитесь мне, что вы не убьете меня». Иудеи поклялись, что не убьют его, и Самсон добровольно сдался и позволил связать себя веревками. Филистимляне встретили пленника бранью и насмешками. Самсон равнодушно сносил все оскорбления, но, когда более смелые из врагов стали его щипать и бить кулаками, он рассвирепел, напряг мускулы, разорвал веревки, как нитки, схватил ослиную челюсть, валявшуюся неподалеку на земле, и в бешенстве накинулся на своих мучителей. В гневе своем он метался как одержимый, колотя наотмашь то вправо, то влево, и всякий, кто подвертывался ему под руку, падал как подкошенный с рассеченной головой.

Филистимлян охватил ужас, и с нечеловеческим воем, в панике они обратились в бегство. Самсон воспользовался замешательством и убил тысячу человек. Он непомерно был собой доволен и, возвращаясь в свое горное логовище, весело напевал под ритм своих шагов: «Челюстью ослиною толпу, две толпы, челюстью ослиною убил я тысячу человек».

Самсон не долго оставался в горах, так как благодарные земляки избрали его судьею. С тех пор в течение двадцати лет он управлял ими, и его имя приводило в трепет филистимлян, после горького урока уже не решавшихся его задевать.

РИКЛЮЧЕНИЯ САМСОНА В ГАЗЕ. Самсон так верил в свои силы, что в одиночку ходил в филистимские города. Он шагал по улицам, рассматривал выставленные для продажи товары и даже взглядом не удостаивал городскую толпу, в страхе расступавшуюся перед ним. Иногда он заходил и в Газу, людный город, разбогатевший на торговле. Однажды он встретил там красивую блудницу, и она так ему понравилась, что он отправился к ней в гости. Весть о том, что Самсон намерен ночевать в Газе, быстро распространилась среди филистимлян. Они потирали руки от радости, что наконец-то заманили его в ловушку. С наступлением вечера городские ворота закрыли и поставили возле них стражей, которым было приказано под утро внезапно напасть на Самсона и убить его. Но Самсон каким-то образом догадался, что против него готовят засаду, и еще в полночь тайком ушел из дома блудницы. Стражи, не ожидавшие, что он придет так рано, мирно спали. Самсон убил их, а тяжелые городские ворота высадил, взвалил на плечи и отнес на вершину горы, на пути к Хеврону. Этот подвиг, свидетельствовавший не только о необычайной силе Самсона, но и о его небывалом хитроумии, содействовал его славе, а филистимлян вновь выставил на посмешище в глазах соседних народов.

АМСОН И ДАЛИЛА. В следующий раз влюбчивый Самсон попал в сети другой филистимлянки, по имени Далила, жившей в долине Сорек. Коварная женщина не стоила его любви. К ней пришли филистимские начальники и сказали: «Уговори его, и выведай, в чем великая сила его, и как нам одолеть его, чтобы связать его и усмирить его; а мы дадим тебе за то каждый тысячу сто сиклей серебра». У корыстолюбивой женщины загорелись глаза при мысли о таком богатстве.

Она дождалась ближайшей нежной встречи и с самым невинным видом спросила у своего возлюбленного, в чем секрет его великой силы. Однако Самсон, наученный горьким опытом, стал держаться осторожнее со своими милыми и не так-то легко выбалтывал секреты. Он решил подшутить над любопытной женщиной и доверил ей, якобы в величайшей тайне, что сразу потеряет всю силу, если его свяжут семью сырыми тетивами.

Предательница напряженно ждала ночи, чтобы выполнить свой замысел. Когда Самсон заснул, она связала его семью тетивами, потихоньку выскользнула из дому и привела филистимлян. Вернувшись в спальню, она крикнула, будто бы в испуге: «Самсон! Филистимляне идут на тебя».

Богатырь вскочил, как ошпаренный, с постели, в клочья изорвал стеснявшие его тетивы и проводил издевательским смехом заговорщиков, удиравших со всех ног. Далила уверяла, будто она тоже спала и что лучшим доказательством ее невиновности служит то, что она его своевременно предупредила. Самсон притворялся, будто верит ей, но, когда пронырливая женщина снова стала приставать, чтобы он выдал тайну своей силы, он решил позабавиться и поиграть с ней, как кошка с мышкой. Притворяясь, будто он поддается ее мольбам и любовным заклинаниям, Самсон поверял Далиле какой-нибудь с ходу придуманный им секрет и преспокойно засыпал в ее объятиях.

Например, однажды он сказал, что потеряет свою силу, если его свяжут новыми веревками, которые никогда еще не были в употреблении; в другой раз он признался, что одолеть его очень просто: для этого надо только заплести его волосы в семь кос, воткать их в основу ткацкой рамы и приколотить эту раму гвоздями к полу.

После каждого такого испытания Далила терпела позорное поражение, а филистимлянам приходилось спасаться бегством под хохот насмешника. Однако забава эта недолго оставалась безопасной. Хитрая женщина дулась и отказывала своему сладострастному любовнику в благосклонности, отравляла ему жизнь капризами и жалобами и в конце концов довела его до того, что ради собственного спокойствия он выболтал ей правду: «Бритва не касалась головы моей; ибо я назорей божий от чрева матери моей. Если же остричь меня, то отступит от меня сила моя; я сделаюсь слаб, и буду, как прочие люди».

Далила тотчас уведомила своих земляков, чтобы пришли к ней с обещанной денежной наградой. А сама тем временем усыпила Самсона на коленях своих и приказала цирюльнику остричь семь кос с его головы. Затем, разбудив Самсона, она с презрением оттолкнула его от себя и выгнала из дому. В ту же минуту подбежали филистимляне. Самсон кинулся на них, не зная, что его остригли и что Яхве лишил его силы в наказание за нарушение назорейского обета. После короткой схватки филистимляне одолели Самсона, заковали в цепи, выкололи ему глаза и с триумфом привели в Газу. Бессильного, ослепленного пленника сперва выставили на посмешище, а потом втолкнули в темное подземелье, где, прикованный к конному приводу, он должен был вращать жернова.

ЕРОИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ САМСОНА. Победу над величайшим своим врагом филистимляне решили отметить жертвоприношениями и большим пиром в храме их бога Дагона. Это было высокое здание, подпираемое крепкими столбами. Просторный двор был окружен колоннами, портиками на первом этаже и лоджиями на втором. Собралось там много гостей, все шумно веселились. Филистимляне, отчаянные любители празднеств и пирушек, пили не только вино, они были также любителями пива.

Веселье шло вовсю, шум усиливался, и рабам пришлось не мало набегаться, чтобы успевать вовремя наполнять кубки. Захмелевшие гости потребовали, чтобы Самсон развлекал их музыкой; его привели из подземелья и втиснули ему в руки семиструнную арфу.

Слепой великан, униженный всем, что с ним стряслось, стоял в храме между двумя колоннами и покорно наигрывал на струнах мелодию, которую ему когда-то пела мать. Но пьяные гуляки не слушали. Они привели Самсона только для того, чтобы насладиться видом его падения и отомстить ему таким образом за все минуты страха, за все обиды, какие они от него претерпели.

Бледный как труп, с пустыми глазницами, Самсон терпеливо сносил издевательства и оскорбления. Казалось, он стал беспомощным и душевно сломленным. Никто и не догадывался о том, что переживает он в эту минуту. Никто не заметил также, что у него снова отросли волосы, источник его великой силы.

Тихо шевеля губами, он с мольбой шептал: «Господи боже! вспомни меня, и укрепи меня только теперь, о, боже! чтобы мне в один раз отомстить филистимлянам за два глаза мои». Потом он сказал отроку, который привел его из подземелья: «Подведи меня, чтобы ощупать мне столбы, на которых утвержден дом, и прислониться к ним». Отрок исполнил его просьбу. Тогда Самсон обхватил руками два столба и громко воскликнул: «Умри, душа моя, с филистимлянами!» В храме Дагона внезапно наступила тишина, люди повскакали с мест и со страхом смотрели на слепого. В то же самое мгновение Самсон напряг мускулы и изо всех сил рванул на себя столбы. Храм с чудовищным грохотом рухнул, погребя под своими развалинами богатыря и три тысячи филистимлян, которые там пировали.

Иудеи выкупили тело героя, который предпочел погибнуть, чем жить в рабстве и унижении. Самсона похоронили в могиле его отца Маноя и с той поры с гордостью вспоминали историю его жизни.

АК ЛЮДИ ИЗ ПЛЕМЕНИ ДАНОВА УКРАЛИ ИСТУКАНА ЯХВЕ. На горе Ефремовой жила вдова, скопившая тысячу сто сиклей серебра. Каково же было ее возмущение, когда она обнаружила, что ее шкатулка пуста. Неизвестный вор украл все сбережения вдовы. В приступе отчаяния она прокляла этого негодяя и умоляла Яхве, чтобы он покарал его смертью. Тогда сын вдовы, по имени Миха, в ужасе признался в краже и вернул серебро. Мать тут же взяла назад свое проклятие и простила сына. Она отсчитала двести сиклей из своих сбережений, отдала их плавильщику, и тот отлил из серебра истукана, которого мать вручила сыну в награду за раскаяние. Вопреки запрещению Иисуса Навина, Миха устроил у себя в доме храм Яхве и назначил священником своего сына. Но Миха не получал от него ожидаемого дохода. Местное население не принимало всерьез священника, который не принадлежал к племени левитов.

Однажды в дом Михи пришел бродячий левит и попросил приюта. Он был родом из Вифлеема Иудейского и скитался по свету в поисках работы. Миха сразу же предложил ему должность священника в своем храме и в виде вознаграждения обещал давать пропитание, десять сиклей серебра в год и необходимую одежду.

Меж тем люди племени Данова, жившие на юге Ханаана, терпели большие трудности. По соседству с ними обосновались филистимляне, которые все более нагло и открыто готовились к вторжению. В поисках безопасности сыны Дановы в конце концов решили перебраться в другую часть Ханаана. С этой целью они послали на север пять человек из своего племени и поручили им подыскать новые места для расселения. По дороге послы побывали у Михи, с удивлением оглядели «дом божий» и подробно поговорили со священником. То, что они узнали, пришлось им весьма по вкусу. Как удобно и вместе с тем выгодно иметь собственный религиозный центр и не зависеть от далекого Силома! Однако посланцы с юга не выдали своих мыслей и пустились в дальнейший путь. Остановились они только в Лансе, городе, расположенном у северной границы Ханаана. Земля там была весьма плодородная, а население не отличалось чрезмерной воинственностью.

Вскоре шестьсот воинов из племени Данова вместе с семьями и всем имуществом двинулись на завоевание Ланса. По дороге они остановились на горе Ефремовой и с наступлением ночи прокрались в святилище Михи, чтобы похитить серебряного истукана Яхве и прочие литургические принадлежности. Левит, который застиг их на месте преступления, мигом сообразил, что перед ним открываются перспективы лучшей жизни, упаковал свои пожитки и ушел вместе с данитами.

Утром Миха обнаружил кражу, созвал челядь и пустился в погоню за грабителями. Увидев их издалека, он крикнул, чтобы они немедленно остановились, однако вскоре понял, что эта шайка на все способна и лучше с нею не связываться. Поэтому он с достоинством повернул назад и поехал домой.

Сыны Дановы с легкостью завоевали и разрушили Лаис, истребили его жителей, а на развалинах возвели свою столицу Дан. Построенный там храм с серебряным истуканом Яхве приобрел известность во всем Ханаане, хотя и существовал он незаконно и священники в Силоме осуждали его. Но вождя, равного по своему влиянию Иисусу Навину, вождя, способного вернуть единство раздробленному Израилю, тогда не было.

РЕСТУПЛЕНИЕ СЫНОВ ВЕНИАМИНОВЫХ.

У подножия горы Ефремовой жил левит, женатый на женщине из Вифлеема Иудейского. Супруги плохо ладили, и в конце концов жене надоели вечные ссоры, она бросила дом мужа и вернулась к отцу в Вифлеем. Прошло четыре месяца, левиту стало скучно в одиночестве коротать дни, и он решил помириться с женой — навьючил на двух ослов корм, хлеб и вино и в сопровождении слуги двинулся в путь.

Тесть встретил левита с распростертыми объятиями и в течение нескольких дней принимал у себя с величайшей сердечностью. А жена левита поверила в его раскаяние. Примирившимся супругам не терпелось вернуться к своему домашнему очагу у подножия горы Ефремовой. Вечер застиг их у стен Иерусалима, и слуга посоветовал им переночевать в городе. Однако там жили иевусеи, и поэтому левит ответил: «Нет, не пойдем в город иноплеменников, которые не из сынов Израилевых, но дойдем до Гивы».

Гива, шумный город, находился на земле сынов Вениаминовых. Путникам негде было переночевать, и они присели на улице, но прохожие не замечали пришельцев с котомками и не считали себя обязанными оказать им гостеприимство. По той же улице шел старик, возвращавшийся домой с полевых работ. Усталый после целого дня труда, согбенный годами, он все-таки остановился и предложил путникам ночлег. Старик принадлежал к племени Ефрема, а не Вениамина, но жил в Гиве и приобрел там земельный участок.

Он привел гостей в свой дом, подкинул сена ослам и пригласил путников ужинать. В этот момент дом обступила компания самых темных городских подонков. Они колотили кулаками в двери и требовали, чтобы им выдали чужеземцев. «Выведи человека, вошед-

шего в дом твой, мы познаем его»,— грозно кричали они. Хозяин дома вышел на улицу и с мольбой обратился к распоясавшимся негодяям: «Нет, братья мои, не делайте зла, когда человек сей вошел в дом мой, не делайте этого безумия. Вот у меня дочь девица, и у него наложница, выведу я их, смирите их, и делайте с ними, что вам угодно; а с человеком сим не делайте этого безумия».

Хулиганы в конце концов похитили жену левита и не отпускали всю ночь. Под утро истерзанная женщина дотащилась до дома старика и умерла на пороге. Левит положил ее на осла и поспешно покинул город. Приехав домой, он рассек тело замученной жены на двенадцать частей и разослал всем племенам израильским как доказательство чудовищного преступления жителей Гивы.

Израильтяне собрались в Массифе, чтобы рассмотреть жалобу левита. Послы, отправленные в Гиву, добивались, чтобы им выдали преступников, но сыны Вениаминовы гордо отвергли их требование. Тогда была объявлена война — объединенная израильская армия подтянулась к стенам Гивы, где сосредоточились войска взбунтовавшегося племени.

Война была долгая и необычайно кровавая. Две карательные экспедиции Израиля потерпели тяжелое поражение, оставив на поле боя тысячи павших, и только третья экспедиция благодаря хитро задуманной засаде принесла победу. Воины Израиля, разъяренные упорным сопротивлением сынов Вениамина и тяжелыми потерями, устроили в Гиве кровавую резню. Они никого не щадили: ни мужчин, ни женщин, ни детей. Город был опустошен, дома сожжены, скот перебит. Последний отряд воинов Вениаминовых, насчитывавший шестьсот человек, укрылся на вершине каменной горы Риммоны, где они успешно защищались в течение четырех месяцев и в конце концов получили прощение.

Перед походом израильтяне поклялись, что никогда не отдадут своих дочерей в жены преступникам. Теперь, когда женщины и дети Вениаминова племени были полностью истреблены, клятва эта обрекала одно из двенадцати колен Израилевых на неминуемую гибель, ибо шестьсот уцелевших вениаминитов лишены были возможности вступить в брак и основать семью. Старейшины племен израильских собрались в Силоме в доме божием и громко стенали и плакали: «Господи, боже израилев! для чего случилось это в Израиле, что не стало теперь у Израиля одного колена».

В конце концов выход из трудного положения был найден. Оказалось, что город Иавис Галаадский не участвовал в войне и, следовательно, заслуживал примерного наказания за подлое отступничество. И тогда в Иавис отправились двенадцать тысяч воинов, истребили всех мужчин и всех женщин, «познавших ложе му-

жеское», и сохраннли жизнь девушкам, чтобы отдать их в жеиы сынам Веииамииовым. Одиако в добычу завоевателям досталось только четыреста девствеииц, у двухсот сынов Веииамина попрежнему не было жен. Старейшииы и в этом случае иашли выход: они посоветовали холостым сынам Веннамииа спрятаться в виноградниках блнз ворот города Снлома, где как раз в это время отмечали какой-то религиозиый праздннк. По стародавиему обычаю, снломские девушки выходили в поле и водили хороводы в честь Яхве. В тот момент, когда девушки увлеклнсь пеиием и плясками, сыиы Вениамина выскочили из укрытня и похитили самых красивых. Потом оии вернулнсь в свой родиой край и иачали иовую жизнь, поднимая из развалин разрушеииые города и села. Вот каким образом спаслось от гнбели колено, ведущее свой род от Веннамина.

ЕРНАЯ РУФЬ С ГОЛУБИНЫМ СЕРДЦЕМ. В эпоху правлеиия судей в Хаиааие одиажды разразился голод. В поисках пропитаиия житель Вифлеема, по имеии Елимелех, вместе со своей жеиой Ноемииью и двумя сыновьями — Махлоном и Хилеоиом и всем имуществом переправился иа ту сторону Иордана и поселился в Моаве. Сыновья взяли себе в жеиы моавитянок Орфу и Руфь. Судьба, однако, не благоприятствовала семье Елимелеха; мужчины вскоре умерли, оставив трех овдовевших женщнн без средств к существоваиию.

Ноемннь затосковала по Внфлеему, где оиа родилась и провела лучшие годы. От прнезжих она узиала, что жизнь там сиова изменнлась к лучшему. Тогда Ноемиинь решнла вериуться в родиые места. Обе сиохи сопутствовали ей. В дороге старая Ноемиинь стала корнть себя, зачем оиа уводит молодых вдов в чужую стороиу, где неизвестно, что их ждет; им следует вериуться в Моав, ведь там они смогут выйтн замуж во второй раз. Жеищины расплакались от волиения н расцеловали добрую свекровь. Но вериуться в Моав согласнлась только Орфа. А Руфь со слезами иа глазах сказала: «Не принуждай меия оставить тебя и возвратиться от тебя; ио куда ты пойдешь, туда и я пойду, и где ты жить будешь, там и я буду жить; народ твой будет моим иародом, н твой бог моим богом; и где ты умрешь, там и я умру и погребеиа буду. Пусть то н то сделает мие господь, и еще больше, сделает; смерть одиа разлучит меия с тобой».

Ноемиинь и Руфь пришли в Вифлеем во время жатвы, когда иа прнгородных полях убиралн ячмень. Они были бедиы, и им иечего было есть. Пользуясь стародавией привилегией путешествующих и

бедняков, Руфь стала собирать колосья, оставленные на поле жнецами. От рассвета до сумерек, шаг за шагом, шла она, нагнувшись, следом за жнецами, чтобы не пропустить ни одного колоса. А вечером возвращалась к свекрови и готовила скромный ужин из собранного ячменя.

Как-то утром, когда Руфь подбирала колосья, пришел из Вифлеема хозяин поля. Звали его Вооз, и был он родственником покойного мужа Ноемини. Увидев Руфь, он спросил у своих людей: «Чья это молодая женщина?» Жнецы ему ответили: «Это молодая женщина — моавитянка, пришедшая с Ноеминью с полей моавитских». Вооз оказался человеком милосердным. Тронутый трудолюбием чужестранки, он не только разрешил ей собирать колосья, но и предложил, чтобы она ежедневно делила обеды с его слугами. Потихоньку он даже распорядился, чтобы на стерне нарочно оставляли для нее больше колосьев. «Чем снискала я в глазах твоих милость, что ты принимаешь меня, хотя я и чужеземка?» — спросила Руфь. Вооз ответил ей: «Мне сказано все, что́ сделала ты для свекрови своей по смерти мужа твоего, что ты оставила твоего отца, и твою мать, и твою родину, и пришла к народу, которого ты не знала вчера и третьего дня». Обрадованная его словами, Руфь поспешила к свекрови, неся шесть мер ячменя, а также половину обеда, которую она для нее оставила. Тогда Ноеминь сообщила Руфи, что Вооз — близкий родственник Елимелеха.

Вскоре после того Ноеминь нежно сказала своей снохе: «Дочь моя, не поискать ли тебе пристанища, чтобы тебе хорошо было?» В Ханаане был обычай молотить пшеницу ночью, потому что тогда дули «ветры, помогающие отделить колос от зерна». Узнав, что Вооз будет молотить в ближайшую ночь, а после работы ляжет спать возле скирды, Ноеминь обдумала хитрый план действий. По ее совету Руфь умылась, намастила себя благовониями и надела нарядные одежды, а потом отправилась в поле, где на соломе, прикрывшись плащом, спал Вооз. Руфь тихонько подошла, отогнула полу плаща и легла у ног Вооза. В полночь Вооз проснулся и с удивлением увидел лежавшую у его ног женщину. Он даже немного испугался, потому что в темноте ее не узнал. «Кто ты?» — спросил Вооз. «Я Руфь, раба твоя,— с дрожью в голосе ответила молодая женщина,— простри крыло твое на рабу твою, ибо ты родственник».

Вооз сразу понял, о чем она говорит. Старый закон обязывал его взять в жены бездетную вдову ближайшего родственника. У него не было оснований уклониться от этой обязанности, ибо он знал Руфь как женщину добродетельную и трудолюбивую. Но в Вифлееме жил человек, состоявший с Руфью в более близком род-

стве и, таким образом, обладавший правом первенства. Следовало сперва узнать, не хочет ли он воспользоваться своим правом. Желая выяснить это, Вооз пригласил десять старейшин в свидетели и сел вместе с ними у городских ворот. Близкий родственник Руфи был земледельцем и ежедневно уходил из города, чтобы работать на своем поле. Вооз остановил его, усадил рядом с собой и в присутствии десяти свидетелей торжественно сообщил, что вернулась Ноеминь и что часть поля Елимелеха причитается ей по наследству. Надо его оплатить, и с этой целью поле должно быть продано, а он, как ближайший родственник, первым имеет право купить его. У родственника загорелись глаза. Как каждый земледелец, он был жаден на землю и поэтому, не задумываясь, сказал: «Я выкупáю». А Вооз ему ответил: «Когда ты купишь поле у Ноемини, то должен купить и у Руфи-моавитянки, жены умершего, и должен взять ее в замужество, чтобы восстановить имя умершего в уделе его». У родственника вытянулось лицо. Землю-то он охотно приобрел бы, но не такой ценой. У него и так уже была большая семья. Он сокрушенно развел руками и сказал, что отказывается от своего права первенства при купле земли в пользу Вооза.

В Израиле с давних времен существовал такой обычай: человек, отказывающийся от женитьбы на вдове родственника, а также от ее приданого, снимал сандалий и в присутствии свидетелей вручал его другому претенденту. Без этого символического жеста отказ от своих прав считался юридически недействительным. Вооз для того и вызвал родственника Елемелеха, чтобы тот дал ему свой башмак, и, показывая его старейшинам и всему народу, обратился к ним со следующими словами: «Вы теперь свидетели тому, что я покупаю у Ноемини все Елимелехово и все Хилеоново и Махлоново; также и Руфь-моавитянку, жену Махлонову, беру себе в жену, чтоб оставить имя умершего в уделе его...» Старейшины ответили хором: «Мы свидетели; да соделает господь жену, входящую в дом твой, как Рахиль и как Лию, которые обе устроили дом Израилев; приобретай богатство в Ефрафе, и да славится имя твое в Вифлееме». После того как эта обрядовая формула была провозглашена, Вооз стал мужем Руфи и законным владельцем наследства Елимелеха. Супруги приютили в своем доме старую Ноеминь и жили друг с другом очень счастливо. Вскоре у них родился мальчик, которого назвали Овидом. Его ждала вековечная слава как деда царя Давида, который стал величайшим героем израильского народа.

ЭПОХА БОРЬБЫ И ГЕРОИЗМА

Является ли шестая книга Ветхого завета, как думали на протяжении веков почитатели Библии, подлинными записями Иисуса Навина? Можно ли рассматривать ее как достоверный исторический источник? На оба эти вопроса наука отвечает отрицательно.

С помощью лингвистического анализа текста удалось абсолютно точно установить, что Книга Иисуса Навина — это конгломерат нескольких исторических документов, относящихся к разным эпохам и отражающих интересы разных общественных слоев. Вдобавок эти источники с ходом времени подвергались бесчисленным редакторским исправлениям. В целом можно сказать, что в Книге Иисуса Навина представлены два основных документа: отчет о покорении Ханаана, составленный в начале IX века до н. э., и описание раздела Ханаана после его покорения, совершившегося во времена царя Соломона. Короче говоря, Книга Иисуса Навина появилась через несколько сот лет после его смерти.

Мы сознательно употребили термин «конгломерат», ибо редакторы Библии использовали доставшиеся им документы некритически, не пытаясь связать их в логическое целое. В силу этого библейские сказания изобилуют повторениями, в их изложении масса непоследовательности.

Поскольку мы ограничены местом, то приведем лишь некоторые, наиболее яркие, примеры. Но внимательный читатель Библии, заинтересовавшись этим вопросом, сам без труда убедится, как много в ней путаницы и ошибок. Они бросаются в глаза при первом же чтении.

Например, мы узнаем, что после разгрома коалиции южного Ханаана израильтяне раз-

рушили Иерусалим и истребили его жителей. Между тем уже в следующей главе забывчивые компиляторы текста преспокойно рассказывают, что Иерусалим не был завоеван, а иевусеи жили в нем еще в их времена. Подтверждением этому служит случай из жизни того библейского левита, который то ссорился, то мирился с женой. Возвращаясь после очередного примирения домой, супруги в сумерки проходили под стенами Иерусалима. Тогда слуга их предложил там переночевать. Левит возразил ему следующим образом: «Нет, не пойдем в город иноплеменников, которые не из сынов Израилевых...» Следует помнить, что сказание это возникло через несколько лет, а может и через десяток-другой лет, после смерти Иисуса Навина, предполагаемого завоевателя Иерусалима.

Столько же путаницы в Библии и в отношении города Сихема. По ее тексту Иисус Навин в конце своей жизни собрал там израильтян и еще раз потребовал от них, чтобы они остались верны союзу с Яхве.

Теперь мы, однако, знаем, что город Сихем еще долгое время после смерти Иисуса Навина оставался в руках хананеян. Некоторые знатоки Библии пытались по-своему истолковать этот факт, высказав предположение, будто упоминаемое собрание состоялось не в самом городе, а в его окрестностях, где якобы уже обосновались израильтяне. Гипотеза неубедительная! Компиляторы библейских текстов попросту «опрокинули в прошлое» ту ситуацию, какая существовала при их жизни. Сихем тогда был израильским городом, поэтому легко могло сложиться мнение, будто он принадлежал израильтянам еще при Иисусе Навине.

Отсюда, разумеется, только один шаг до легенды о том, будто именно в Сихеме состоялось историческое собрание. Это ведь город Авраама, город, который древние евреи окружали культом. Связав с Сихемом последнее выступление Иисуса Навина — торжественный акт подтверждения синайского союза,— редакторы Библии тем самым придали ему огромное религиозное и символическое значение и в некотором роде установили связь с древнейшими сказаниями из эпохи патриархов.

С поразительно противоречивыми фактами мы особенно часто сталкиваемся в тех главах Библии, где перечислены израильские завоевания в Ханаане. Царь иерусалимский Адониседек сперва убит по приказу Иисуса Навина, а потом вторично гибнет, попав в руки племени Иуды. В первом случае он, правда, носит имя Адо-

ниседек (Иисус Навин, гл. 10, ст. 1), а во втором — Адони-Везек (Судей, гл. 1, ст. 7), но, судя по всему, речь идет об одном и том же лице.

В первой главе Книги судей племя Иуды захватывает также города Газу, Аскалон и Екрон. Хотя названные города лежали в прибрежной низменности, уже в следующем стихе редакторы Библии сообщают, что Иуда «овладел горою. Но жителей долины не мог прогнать; потому что у них были железные колесницы» (Судей, гл. 1, ст. 19). «Они» — это филистимляне, которые не только не были тогда покорены, но со временем сами покорили израильтян.

Запутавшись в этих противоречиях, мы в конце концов спрашиваем себя: какие же города завоевал Иисус Навин, а какие — его помощники и преемники и какими ханаанскими городами израильтяне действительно завладели?

Если же вдобавок ко всем нашим сомнениям мы вспомним, что Иерихон и Гай к моменту израильского вторжения давно уже лежали в развалинах и что подлинность личности Иисуса Навина весьма проблематична, то мы убедимся, что шестая книга Библии абсолютно недостоверна как исторический источник.

Компиляторов Библии не интересовала историческая правда в современном значении этого слова и ничуть не смущала хронология. Они преследовали только одну задачу: показать на избранных примерах, что покорение Ханаана означало исполнение обещания Яхве и, следовательно, было событием религиозного значения. Стремясь осуществить свою цель, они весьма вольно обращались с историческими документами: одни обходили молчанием, другие же перерабатывали в угодном им духе. В результате шестая книга Библии стала сборником сказаний, религиозно-моральных по своей тенденции. Сказания эти учат, что израильтяне всем обязаны Яхве, который следил за ходом захватнической кампании и по мере надобности вступался за израильтян с помощью чудес. Вождь интервенции Иисус Навин только потому одерживал победы, что был верным последователем яхвизма. В конце своей жизни он укрепил синайский союз и умер в ореоле святости, как мудрый учитель народа и несгибаемый борец за Моисеево наследие.

Принимая за основу такую интерпретацию истории, редакторы библейских текстов по логике вещей должны были изобразить захват Ханаана как свершившийся факт. В их версии ханаанеяне были либо истреблены, либо покорены. Это означало полную победу народа-избранника, не допу-

скающую никакого компромисса или сочувствия к побежденным. Яхве, наделенный чертами сурового, неумолимого бога войны, дает своим последователям наказ — не щадить даже женщин, детей и животных. Согласно воинской клятве, включенной в постановления и заповеди Второзакония, в захваченных городах не оставляли камня на камне. Даже ценную военную добычу предавали огню, а если кто-нибудь, как, например, Ахан, нарушал священный закон и присваивал часть добычи, то в наказание за это его сжигали на костре.

Тут надо оговориться, что описанные в Библии события никак нельзя расценивать в духе сегодняшней морали. Это была варварская эпоха. Распространенный военный обычай разрешал убивать пленных и население захваченных крепостей, жестоко калечить или убивать царей, пускать в ход коварство и предательство. Так в те отдаленные времена велись войны. В этом отношении израильтяне были верными сынами своей эпохи и не отличались от других народов древнего мира. Тотальные войны вели вавилоняне, египтяне, ассирийцы и, как мы знаем из Гомера, греки.

Впрочем, позднее мы убедимся, что библейские летописцы, обуреваемые религиозным фанатизмом, сильно преувеличивали израильские жестокости. Ведь, как следует из той же Библии, Иисус Навин заключал союз с жителями города Гаваона, а из Книги судей мы узнаем, что в стране попрежнему обитало многочисленное ханаанское население.

В связи с этим возникает вопрос: действительно ли некий Иисус Навин покорил Ханаан? Поскольку Книга судей, по сути дела, является историей освободительной борьбы израильтян с ханаанскими народами, которые всякий раз навязывали им свою власть, ответ должен быть отрицательный.

В таком случае что же, собственно, совершил Иисус Навин? Проблему эту разрешила археология только в начале нашего века. Первым сенсационным открытием были египетские вазы, на которых фараоны надписывали названия враждебных им или взбунтовавшихся палестинских городов. Сосуды эти в знак проклятия разбивали во время больших религиозных торжеств. В представлении древних египтян, это был не только символический акт: в Египте свято верили, что уничтожение названий народов, городов или имен отдельных людей влечет за собой их подлинную гибель.

Для исследователей Библии, однако, важно было то, что на осколках удалось прочитать названия ряда ханаанских городов, упомянутых в Библии; в

их глазах факт этот служил доказательством того, что Библия отразила достоверные события.

Вслед за тем различные археологические экспедиции приступили к поискам названных ханаанских городов. Американцы открыли руины города Вефиля, лежавшего на расстоянии полутора километров от Гая. Пройдя несколько культурных слоев, они добрались наконец до развалин, относящихся несомненно к XII веку до н. э. Там они обнаружили следы страшного пожара, в руинах домов пепел достигал метра высоты, а разбитые статуэтки богов свидетельствовали, что виновником разрушений был иноземный захватчик. Более глубокие раскопки показали, что Вефиль был основан в ранний бронзовый период, примерно в то время, когда был разрушен Гай. Исследователи Библии высказывают предположение, что летописцы попросту спутали город Гай с Вефилем. Уже за несколько веков до Иисуса Навина город Гай был обращен в развалины, и его никогда не восстанавливали. Между тем на руинах Вефиля израильтяне возвели свои собственные дома.

В этих условиях легко могло родиться предположение, будто руины Гая — это памятник похода Иисуса Навина.

Кроме того, раскопали руины городов Лахиса, Еглона, Давира, Хеврона и других. Всюду в слое XII века до н. э. обнаружены очевидные следы насилия и пожара. В 1956 году экспедиция иерусалимского университета наткнулась на развалины Асора, столицы несчастного царя Иавина. Крепость была расположена к северу от Галилейского озера и насчитывала около сорока тысяч жителей. На основе раскопок установлено, что в XVII веке до н. э. город занимали гиксосы, завоеватели Египта. Обширная платформа из утрамбованной земли и остатки конюшен свидетельствуют, что там был расположен сильный гарнизон с колесницами и лошадьми.

Для нас, однако, самое важное то, что Асор, также в XII веке до н. э., стал жертвой большого пожара.

Зато не обнаружено следов пожара и опустошений в городе Гаваоне, что как раз подтверждает библейское сказание. Гаваон ведь добровольно капитулировал и таким путем избежал уничтожения. Стоит привести любопытную подробность — раскопки подтвердили Библию еще в одном отношении. В Книге Иисуса Навина (гл. 10, ст. 2) мы читаем дословно: «...Гаваон (был) город большой, как один из царских городов...» Руины обнаружены в иорданской деревне Эль-Джиб, примерно в восьми километрах к северо-западу от

Иерусалима. Гаваон состоял из многочисленных улиц, площадей, храмов и общественных зданий. О его богатстве нам говорит множество предметов из бронзы, найденных в гробницах и развалинах домов. Установлено также, что его жители вели в больших размерах международную торговлю, так как среди кувшинов, кубков, блюд, статуэток, ножей, скарабеев и перстней найдено поразительное количество сосудов, происходящих с Кипра и из Сирии. Чем торговали жители Гаваона? Судя по цистернам для выжимания винограда и по пещерам для хранения виноградного сока, они производили и экспортировали вино. Найдены даже кувшины с выгравированным названием «Гаваон». В них посылали вино заграничным клиентам.

Благодаря этим археологическим открытиям стало ясно, почему жители Гаваона капитулировали на условиях, не приносящих им чести. Это были купцы, которым торговля была ближе, чем военное ремесло. И кажется, они достигли своей цели, хотя и ценой политической независимости. Хорошо сохранившиеся крепостные стены, как и другие архитектурные памятники, говорят нам, что Гаваон избежал судьбы многих ханаанских городов и продолжал процветать под гегемонией израильтян.

Египетская скульптура, изображающая ханаанеянина, с надписью, содержащей формулу проклятия, которому были преданы ханаанские города.

Поскольку мы заговорили об археологии, стоит привести еще одну деталь. Как мы знаем из Библии, Иисуса Навина похоронили в Фамнаф-Сараи на горе Ефремовой. Септуагин-

та (греческий перевод Ветхого завета) добавляет любопытную подробность: в гробницу его вложили каменные ножи, которыми в Галгале обрезали израильтян. Так вот, в 1870 году в одной из могильных пещер, обнаруженных в том же районе, найдено было изрядное количество каменных ножей. Разумеется, мы впали бы в ошибку, если бы захотели извлечь из этого факта поспешный вывод, будто пещера является гробницей Иисуса Навина. Зато нельзя исключить возможности, что библейская версия об обрезании имеет свой источник в древних религиозных обрядах, соблюдаемых осевшим в тех местах ханаанским племенем. Обычай обрезания усвоили независимо друг от друга различные древние народы. Таким образом, можно высказать предположение, что израильтяне за время сорокалетнего пребывания в пустыне так прочно забыли о завещанном им Моисеем обрезании, что вернулись к этому обряду только под влиянием ханаанского племени в Фамнаф-Сараи.

Как же происходил, однако, поход Иисуса Навина, если мы будем условно так называть некоего израильского завоевателя? Попробуем соединить на карте черточкой те города, о которых известно, что они были сожжены в XII веке до н. э., и мы как раз получим путь его завоеваний. Это прежде всего позволит нам установить, что, вопреки утверждению редакторов Библии, наш условный Иисус Навин отнюдь не завладел всем Ханааном. Он шел, как выражается Вернер Келлер, автор книги «И все-таки священное писание право», «по линии наименьшего сопротивления». Обходил сторонкой сильные крепости, занимал главным образом малозаселенные горные местности, как, например, оба скалистых берега Иордана. Он не рискнул, однако, завладеть урожайными долинами, которые на протяжении почти двух следующих столетий оставались в руках ханаанеян. Между Иудейскими горами и Ефремовыми горами продолжала стоять на страже иевусейская крепость Иерусалим, а приморские города стали добычей филистимлян. Дальше к северу сохранила свою независимость федерация гаваонских городов. Израильские племена, осевшие в северных районах страны, были отрезаны от своих соплеменников на юге цепью ханаанских крепостей в долине Изреель. Короче говоря, долины сохранили преимущество над возвышенностями. Такое положение сложилось в силу значительно лучшего вооружения ханаанеян. Они располагали многочисленными боевыми колесницами, запряженными огневыми аргамака-

ми, необычайно подвижными в тактическом действии и опасными для пеших израильских войск.

Поход Иисуса Навина, таким образом, скорее имел характер постепенного проникновения в менее заселенные и слабо защищенные части Ханаана. Несмотря на поддержку Яхве, легендарный вождь не довел до конца дело покорения страны. После его смерти отдельные израильские племена вынуждены были бороться за свое существование и неоднократно попадали под иго ханаанеян, а в периоды мирного существования поддавались влиянию их более высокой культуры и религии. Об этих длительных схватках с коренными жителями страны мы узнаем из Книги судей.

Удивительно, как вообще оказалось возможным вторжение первобытного, плохо вооруженного народа в страну, далеко продвинувшуюся в развитии цивилизации, страну, располагавшую многими укрепленными городами и великолепно вооруженными воинскими частями. Успех израильтян, однако, станет понятен, если мы соотнесем его с политической ситуацией тогдашнего мира. Ханаан, как мост между Африкой и Азией, постоянно служил объектом соперничества великих держав — Месопотамии и Египта. После изгнания гиксосов он в течение трех столетий оставался египетской провинцией. Фараоны не изменили строя, существовавшего в этой стране. В укрепленных городах управляли местные начальники, преимущественно иноземного происхождения, зато ханаанские народные массы, говорившие на языке, близком к древнееврейскому, занимались главным образом земледелием и были лишены политических прав.

Египет рассматривал ханаанских царьков как своих вассалов. Он предоставил им относительную свободу, разрешил содержать воинские части и вооружаться боевыми колесницами и даже благосклонно смотрел на то, что они ведут междоусобные войны. Интриги и склоки между ними лишь укрепляли гегемонию Египта и поднимали его авторитет как высшей третейской инстанции. Римский политический принцип «divide et impera» * применялся, как мы видим, еще египетскими фараонами.

В крупных ханаанских городах стояли египетские гарнизоны, и там была резиденция наместников, главная задача которых заключалась во взыскании дани. А дань эта была неслыханно тяжелой. Вдобавок ко всему сборщики дани были продажными взяточниками и сами обкрадывали страну, стремясь как можно скорее лично обогатиться. Египетские

войска состояли из наемных солдат разных рас и национальностей. Так как им часто не выплачивали жалованья и обманывали при выдаче продовольственного рациона, они бродили по деревням и грабили, где только удавалось.

Жителей Ханаана принуждали работать на стройках дворцов и оборонительных укреплений, их грабила солдатня, и они были низведены до положения рабов: материальный уровень их жизни падал все ниже и ниже, сокращалась их численность. Некогда цветущий Ханаан был доведен почти до разорения.

Этот процесс разорения и обнищания Ханаана в известной степени отразился в некоторых главах Книги Иисуса Навина и в Книге судей. Кроме того, сведения о нем мы находим в клинописных табличках, обнаруженных в Тель-эль-Амарне, да и в других данных археологических раскопок. Архитектура того периода, в том числе и дворцы аристократии, была в довольно жалком состоянии, оборонительные устройства городов пришли в полный упадок. Об общем обнищании свидетельствует также поразительно малое количество найденных предметов роскоши. Ханаан под властью царьков и их египетских сюзеренов в конце концов превратился в глухую, отсталую провинцию.

Мы уже писали в предыдущих главах о том, как Рамсес II после долголетней войны заключил мирный договор с хеттами. После его смерти на Египет напали индоевропейские народы, так называемые «народы моря». В своем шествии через Грецию и Малую Азию они раздавили государство хеттов, овладели побережьем Средиземного моря и вторглись в дельту Нила. Фараону Мернепта удалось отразить вторжение, но тяжелая борьба очень ослабила Египет. В царствование последних фараонов XIX династии страна пребывала в хаосе. Тогда-то вспыхнуло одно из многих восстаний угнетенных крестьян, ремесленников и рабов, Египет распался на несколько маленьких независимых государств, а за трон фараонов шла долгая, яростная борьба.

Наконец власть над всем государством захватила XX династия. Второй ее фараон — Рамсес III отбил новое наступление «народов моря», одержав над ними блестящую победу в морской битве близ Пелузиума. Но его преемники, так называемые рамсесиды, были правителями слабыми и немощными. В стране усилилось смятение, то и дело вспыхивали бунты и беспорядки. Главными виновниками этого хаоса были жрецы, захватившие огромную часть возделываемой земли и в ослеплении своего

эгоизма не желавшие поставлять продовольствие голодающему населению.

В результате этих событий авторитет Египта совершенно пал. О том, с каким презрением в те времена относились к Египту другие народы, мы узнаём из записанного на папирусе отчета египетского посла Унуамона, которого фиванские жрецы отправили в Ливан за кедровым деревом для строительства священной ладьи бога Амон-Ра. Унуамон поплыл морем в Библ. По дороге он остановился в порту города Дора, и там один из матросов украл все золото и серебро, которое Унуамон вез в уплату за дерево. Известно было, что вор прячется в городе, и египтяне потребовали его выдачи. Но местный правитель, видимо, предпочитал оставить добычу себе. Нагло издеваясь над послом некогда могучего государства, он под разными предлогами оттягивал решение, и после девяти дней напрасного ожидания Унуамон вынужден был несолоно хлебавши отправляться в дальнейший путь.

Еще худшие оскорбления ожидали его в Библе. Правитель этого финикийского порта, узнав, что посол явился без денег, не только не отпустил ему кедровое дерево в кредит, но даже конфисковал у него судно и приказал, чтобы он, как нежелательный иностранец, немедленно покинул город. Унуамон, лишившись судна, не мог, разумеется, выполнить этот приказ, а когда собрался уехать на другом судне, его арестовали.

После долгих издевательств и споров в конце концов Унуамон послал в Фивы за деньгами и меновыми товарами, чтобы получить назад судно и приобрести кедровое дерево. Правитель Библа, пользуясь слабостью Египта, заломил неслыханную цену. Помимо золота и серебра он получил десять царских одежд из льна высшего сорта, пятьсот свитков папируса, пятьсот воловьих шкур, пятьсот мотков каната, двадцать мешков чечевицы и тридцать корзин с рыбой.

Падение египетской мощи шло параллельно с усилением политического хаоса в Азии. Государство хеттов пало под ударами «народов моря». Вавилония, управляемая династией Касситов, была слаба, и растущее могущество Ассирии и Элама представляло для нее серьезную угрозу. Это был один из тех очень редких периодов в истории Древнего мира, когда в Ханаане не сталкивались экспансионистские устремления Азии и Египта.

Бывшие ханаанские вассалы Египта теперь почувствовали себя независимыми суверенами. Стремясь расширить границы своих крохотных государств, они вели между собой

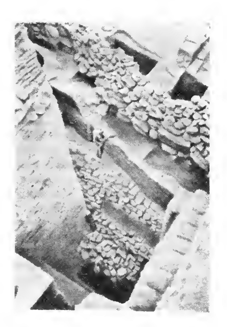
яростные бои за каждую пядь земли, за каждую пограничную межу. Страна политически была раздроблена и даже в минуты величайшей опасности не смогла создать общий фронт обороны. О степени этой раздробленности свидетельствует Книга Иисуса Навина, в которой говорится, что он убил тридцать одного царя.

На фоне этих политических отношений становится совершенно понятным успех, приписываемый библейскому Иисусу Навину. Он не сталкивался лицом к лицу с объединенными силами всего Ханаана, а имел дело с отдельными царьками или же с их коалициями, наскоро сколоченными для совместной обороны. Израильтяне брали над ними верх не только благодаря своему воинственному азарту, но и благодаря численному превосходству.

Слабость Ханаана вдобавок коренилась в политической раздробленности. Отношения, которые застал Иисус Навин, во многом напоминают период заката великой Римской империи. Угнетаемые поборами, обнищалые массы италийского народа приветствовали германских агрессоров как освободителей. Последние несли с собой социальную революцию и обещание лучших времен и, во всяком случае, ставили предел власти дорогостоящей и разъеденной коррупцией бюрократии, которая при последних цезарях разрослась до нелепых размеров и высасывала все жизненные соки общества.

Теперь представим себе ситуацию в момент нашествия израильтян. Крестьяне и ремесленники, уже достаточно пострадавшие во время междоусобных войн, не желали больше воевать. Насильно призванные в войска, они вяло сражались и охотно убегали с поля боя. Ведь это была не их война, а война господ, которым было что защищать. Израильские захватчики, можно полагать, даже пользовались тайной симпатией народных масс: израильтяне не только были такими же самыми простыми людьми, как они, но вдобавок говорили на семитском наречии, настолько близком к их языку, что они могли свободно договориться друг с другом.

Но как же ханаанский народ мог питать симпатию к захватчикам, которые, согласно библейской версии, вели жестокую, тотальную войну, убивая пленных и начисто истребляя гражданское население? Мы уже говорили, что редакторы Библии сильно преувеличили жестокости израильтян. Если мы прочитаем Книгу судей, то придем к выводу, что завоеватели быстро породнились с туземцами путем смешанных браков и стали ревностными почитателями их богов. Даже

Раскопки Иерихона, древнейшего города в мире.

редакторы Библии не сумели затушевать этот факт, объясняя лишь, что Яхве оставил в живых такое большое количество хананеян, чтобы наказать израильтян за отступничество и нарушение Моисеевых заповедей.

Таким образом, все говорит за то, что широкие массы ханаанского народа действительно благоволили к захватчикам, а затем без сопротивления примирились с их присутствием.

Настроения эти, по всей вероятности, послужили одной из основных причин сравнительно легкого покорения отдельных районов Ханаана.

Согласно Библии, к победе Иисуса Навина приложил руку сам Яхве, поддерживавший израильтян при помощи чудес. Редакторы текста, видимо, желали таким путем подчеркнуть сверхъестественный характер этой агрессии. Но и на этот раз, так же как и во многих предыдущих случаях, они не высосали из пальца описываемые события. Они только, в соответствии со своими намерениями, по-своему интерпретировали факты, которые действительно имели место во время захватнической кампании. В Книге Иисуса Навина мы встречаемся с тремя чудесами, и каждое из них можно объяснить самым естественным образом.

Первое чудо произошло, когда внезапно остановились воды Иордана. Мы читаем об этом в Книге Иисуса Навина (гл. 3, ст. 16) следующее: «Вода, текущая сверху, остановилась и стала стеною на весьма большое расстояние, до города Адама, который подле Цартана; а текущая в море равнины, в море Соленое, ушла и иссякла».

Упомянутый в тексте город Адам и помог исследователям Библии разъяснить это чудо. На расстоянии двадцати пяти километров к северу от Иерихона существует иорданский

брод, по сей день именуемый эль-Дамиех. Кроме того, на восточном берегу реки лежит небольшой холм Тель-эль-Дамиех.

Оба названия безусловно происходят от древнего Адома (Адама), руины которого действительно недавно открыты под вышеназванным холмом.

Иордан течет там по глубокому оврагу между стенами из извести и глины. Оба берега часто испытывают подземные толчки вулканического происхождения. Не раз случалось, что скалистые стены обрушивались в русло реки и создавали плотину, которая останавливала течение воды. В 1927 году Иордан был таким образом перекрыт почти на целые сутки. В то время как воды скопились к северу от эль-Дамиеха, южный отрезок реки от плотины до Мертвого моря стал таким мелким, что его можно было перейти, едва замочив ноги.

В свете приведенных фактов напрашивается вывод: если необычайное событие при переходе Иордана действительно произошло, то повинен в том был не Яхве, а широко распространенный в этих местах каприз природы.

Почему же составители Библии ни слова не говорят о землетрясении? Я думаю, что они сделали это преднамеренно. Израильтяне, которые жили в гористых окрестностях Иордана, хорошо знали, что обвал скалы может перегородить Иордан как раз у городка Адама. Следовательно, их трудно было бы убедить, что это случилось благодаря чуду. Составители Библии понимали, что теологическое толкование факта может пробудить сомнения, и поэтому опустили в своем описании все, что им не подходило.

Но вопреки их стараниям, народное предание о землетрясении полностью не исчезло и попадается в других фрагментах Библии. Так, например, пророчица Девора говорит в своей вдохновенной песне победы: «Когда выходил ты, господи, от Сеира, когда шел с поля Едомского, тогда земля тряслась...» А в псалме сто тринадцатом, который, кажется, восходит к преданиям эпохи Иисуса Навина, мы находим следующие поэтические слова: «Иордан обратился назад. Горы прыгали, как овцы, и холмы, как агнцы». Как видим, досадный пробел в описании, принадлежащем редакторам Библии, оказался восполненным: Иордан остановился в результате землетрясения, так как камни, отколовшиеся от стен ущелья, перегородили русло.

Другое чудо — обрушившиеся стены Иерихона. Исследователи Библии и в этой легенде доискались фактов, которые действительно происхо-

дили. Однако, прежде чем вкратце изложить их гипотезы, ам ы должны вернуться к тому, о чем мы уже говорили по другому поводу. Археологи, открывшие Иерихон, т. е. люди наиболее компетентные, решительно утверждают, что крепость пала жертвой нашествия еще за сто лет до вторжения израильтян, и поэтому библейский Иисус Навин не мог быть ее завоевателем.

В связи с этим высказывается предположение, что Иерихон разрушили какие-то другие древнееврейские племена под водительством человека, который жил намного раньше ветхозаветного Иисуса, но был его тезкой. Впоследствии обе эти личности были отождествлены в период гегемонии Иудеи, которая стремилась таким путем достичь политической и духовной унификации древнееврейских племен северного и южного Ханаана. Разумеется, вместе с героем северных племен в сокровищницу исторических преданий вошел целый комплекс сказаний о его подвигах, в том числе о захвате Иерихона. Так, согласно этой концепции, библейский Иисус Навин является творением двухслойным, составленным из элементов, относящихся к различным эпохам и обособленным древнееврейским центрам.

После этих необходимых оговорок мы можем теперь послушать, что говорят относительно чуда в Иерихоне археологи и историки.

Открыватели Иерихона придерживаются мнения, что эта крепость стала жертвой землетрясения и пожара, доказательством чего служат закопченные груды камней и кирпичей, обугленные куски дерева, а также толстый слой пепла, покрывающий руины самого верхнего культурного слоя. В сохранившихся частях крепостной стены, кроме того, видны глубокие трещины, а крыши домов, по всему судя, обвалились внезапно, похоронив под собой предметы повседневного обихода.

Такая версия, однако, идет вразрез с Книгой Иисуса Навина, где сказано, что крепостные стены рухнули, сотрясенные громом труб и криком нападавших. Исследователи Библии, желая согласовать выводы археологов с библейской версией, выдвинули другую, более убедительную гипотезу.

Благодаря клинописным документам нам известно, что минирование крепостных стен относится к одному из самых древних средств осадной техники в истории человечества. Под покровом ночи воины подкапывались под фундамент укреплений и закладывали туда толстые бревна. В определенный момент их поджигали, и стены сползали в выкопанные рвы, сея панику среди осаж-

денных и открывая атакующим путь в город.

Можно предполагать, что такая осадная тактика была применена и в отношении Иерихона. Пока шел подкоп под стены, атакующие, вероятно, хотели отвлечь внимание осажденных и заглушить шум подземных саперных работ. С этой целью они воспользовались хитроумным маневром, организуя вокруг стен шествие вооруженных отрядов, марширующих под рев труб и воинственные крики. Обнаруженные в раскопках следы пожаров отнюдь не противоречат этой гипотезе: ведь мы читаем в Книге Иисуса Навина, что израильтяне после захвата города «все, что в нем, сожгли огнем».

Наибольшую контроверсию вызвало третье чудо израильского похода. Во время преследования армии пяти царей южного Ханаана Иисусу Навину якобы пришлось остановить солнце и луну, чтобы помешать врагам скрыться под покровом ночи. Даже самые рьяные фидеисты не решались утверждать, будто Иисус обладал такой властью над солнцем и луной. Поэтому они искали разнообразные пути для разъяснения этого чуда, исходя из положения, что «Библия правдива» и в связи с этим описанное в ней явление природы должно было произойти на самом деле. Мы не имеем возможности перечислить здесь все гипотезы. Для примера приведем только одну из них, у которой в свое время было больше всего сторонников. Она сводится к тому, что плотная, несущая град туча якобы вызвала полную темноту. Солнце, которое уже скрылось за край горизонта, внезапно вырвалось из-за туч, и отблеск лучей на хмуром потолке неба создал картину внезапного прояснения. Неожиданно прорвавшимся светом воспользовались израильтяне, чтобы полностью разгромить ханаанеян. Впоследствии народная фантазия присочинила к этому эпизоду легенду о том, будто Иисус Навин совершил чудо, остановив солнце и луну, чтобы получить возможность вести бой до окончательной победы.

Позднее, однако, оказалось, что вся история, собственно говоря, основана на недоразумении. Иисус Навин в радостном возбуждении восклицает: «Стой, солнце, над Гаваоном, и луна, над долиною Аиалонскою! И остановилось солнце, и луна стояла, доколе народ мстил врагам своим» (Иисус Навин, гл. 10, ст. 12—13).

Мы сразу видим, что сообщение о чуде носит ярко выраженный характер поэтической апострофы. Автор этих строк стремился с помощью метафоры подчеркнуть, как важна была победа Иисуса, по-

казать, будто она была настолько молниеносной и полной, что даже солнце и луна остановились от удивления. С подобными гиперболами мы очень часто встречаемся в древних поэмах, между прочим и у Гомера. Поэтому описанное в Библии чудо не следует понимать буквально. Это попросту стилистическая фигура, возвышенно и экзальтированно воспевающая хвалу Иисусу Навину.

Позднейшие лингвистические розыски, впрочем, рассеяли все сомнения в этом отношении. Ибо обнаружилось, что приведенные выше строки — это дословная цитата из Книги праведного, значительно позже вставленная в сказание об Иисусе Навине библейскими летописцами. Книга праведного — это сборник гимнов и коротких эпических поэм, очень популярных среди евреев. Другая цитата, взятая из этой древней антологии, обнаружена во Второй книге Царств (гл. 1, ст. 18). Так окончательно была развеяна легенда о чуде с остановившимся солнцем.

Книга судей является продолжением Книги Иисуса Навина и охватывает примерно 1200—1050 годы до н. э.; согласно датам Библии, это период от смерти Иисуса Навина до начала монархического строя, введенного Самуилом.

Редакторы Библии, однако, не написали полной истории этого периода, не соединили факты и события в их хронологической последовательности. Как и в предыдущих книгах, они стремились показать на избранных примерах, какая судьба постигала израильские племена, если они отступали от Яхве и служили чужим богам. Таким образом, получалась как бы антология эпических сказаний, живо напоминающих скандинавские саги. Сказания эти полны жестокости, военной тревоги, жгучего дыхания пожаров, губительных катастроф, но одновременно и личного героизма, благородных порывов и острых конфликтов во имя истинной человечности. В библейских сказаниях мы встречаем мотивы, хорошо нам знакомые по другим источникам. Дебора — это ведь израильская Жанна д'Арк; дочка Иеффая гибнет так же, как Ифигения, принесенная в жертву Агамемноном. У Самсона много общих черт с Гераклом, а в гротескно-кошмарном приключении сынов Вениамина мы находим как бы прообраз римской легенды о похищении сабинянок.

Нагромоздив в одной книге столько жестокостей, бесчестных поступков и невероятных событий, редакторы библейского текста вдруг словно опомнились. Ведь не случайно собрание этих мрачных саг за-

канчивается оптимистическим аккордом — прелестным сказанием о верной Руфи, включенным в Библию значительно позднее и относящимся к эпохе судей. Идиллическая, насыщенная упоительной тишиной картина: косари во время жатвы, совместно вкушающие пищу, великодушные земледельцы, кроткие, любящие женщины — какой же это резкий контраст на фоне общей анархии, грубости и варварства! Авторы сказания о Руфи как бы хотели показать нам, что и в эпоху судей, вопреки всему, существовал обычный мир честных людей, которые среди общего хаоса сохранили чистоту нравов, простодушие и человеческое достоинство.

Несмотря на то что редакторы Библии приспосабливали историю к своим религиозным тенденциям, Книга судей позволяет нам составить довольно точную картину политических отношений, сложившихся после вторжения израильских племен в Ханаан. Прежде всего мы узнаем, что идея расового единства, по библейской версии навязанная израильтянам Моисеем и поддержанная Иисусом Навином, не выдержала испытания временем. Древнесемитская племенная организация, опирающаяся на узы крови, была еще слишком живучей, чтобы отступить даже в новых условиях оседлой жизни.

У каждого племени были свои особые бытовые традиции, даже говорили они на разных наречиях. После смерти Иисуса Навина, когда не стало общего вождя, снова всплыли на поверхность застарелые обиды, предубеждения и сепаратистские течения. Этому благоприятствовал тот факт, что в результате распада первобытного содружества и углубления классовых различий прежние выборные родовые старейшины превратились в наследственную аристократию. Глава племени или рода присваивал себе титул князя или начальника вместе с такими эпитетами, как могучий или благородный. Эти привилегированные слои стали соперничать между собой и содействовали не только расколу израильского единства, но даже братоубийственной войне.

Таким образом, для израильтян наступил период политического хаоса и произвола. В Книге судей мы читаем, что в те дни не было царя у Израиля, каждый делал то, что ему казалось справедливым. Даниель Ропс в книге «От Авраама до Христа» остроумно пишет, что «история Израиля в этот период распадается на ряд историй по числу племен».

Раскол израильского народа на двенадцать враждующих меж собой родов был тем более опасным, что Иисус Навин

только частично завоевал Ханаан. В самом сердце страны сохранили независимость могучие ханаанские племена, которые безраздельно владели укрепленными городами и самыми плодородными долинами. Израильтяне вначале селились на малолюдных гористых участках, где в качестве скотоводов вели полукочевую жизнь. Они не строили там каменных домов, а жили в шатрах и деревянных шалашах. Лишь в редких случаях они с помощью оружия захватывали территории; по преимуществу же это было постепенное, мирное проникновение кочевников-скотоводов в чужую страну.

Отдельные израильские племена, предоставленные самим себе, разумеется, не могли вступить в борьбу с властителями соседних маленьких ханаанских государств. Чтобы получить разрешение поселиться в расположенной поблизости местности, они сплошь и рядом должны были признать гегемонию ханаанских царьков и платить им дань. Экономическая и политическая зависимость часто перерождалась в полную угнетенность, барщину и рабство.

Книга судей и есть, по сути дела, сборник сказаний об угнетенных израильских племенах, которые на протяжении долгих лет терпели рабство и в конце концов поднимались на освободительную войну под водительством своих национальных героев, именуемых судьями. Библия подробно рассказывает о шести выдающихся вождях и упоминает еще шестерых, менее значительных, о которых, помимо их имен, мы ничего не узнаем.

Судьи назывались по-древнееврейски «шофетим», от глагола «шафат» — «судить». Но их обязанности не ограничивались только судейскими функциями. Это существовавшее еще издавна у семитов звание присваивалось высшим чиновникам администрации. В финикийских городах каждый год выбирали так называемых суффетесов—наместников для колоний. Когда Карфаген откололся от своей финикийской метрополии и стал суверенной торговой державой, во главе его по-прежнему стояли суффетесы, избираемые каждый год торговой плутократией. Иногда, в период междуцарствия, их выбирали также в городах-государствах Финикии. Так, в Тире им доверили бразды правления в 563—556 годах до н. э.

В Библии это выглядит несколько иначе. Израильские судьи выступают там главным образом как доблестные вожди восстаний или партизаны и лишь случайно в качестве гражданских администраторов. Если верить Библии, это были скорее военные диктаторы, кото-

рые благодаря своим личным достоинствам приобретали большой авторитет среди своих соплеменников и в соответственный момент вели их на борьбу за свободу. Власть их по преимуществу не переходила за границы одного племени, хотя некоторым судьям удалось сколотить временные коалиции нескольких племен для борьбы с ханаанскими угнетателями. После возвращения независимости судьи в качестве национальных героев осуществляли власть до конца своих дней, но после их смерти племена, которыми они управляли, в большинстве случаев снова попадали под иго ханаанеян.

Гораздо более опасным, чем политическое подчинение, был факт, что израильтяне с легкостью поддавались влиянию ханаанской культуры и религии, что грозило им полной утратой национального характера. В Книге судей недостаточно ясно говорится, почему так происходило. Редакторы Библии, охраняя позиции сурового иудаизма, изобразили ханаанеян как народ растленный и варварский, соблюдающий мерзкий и развратный религиозный культ. В связи с этим возникал вопрос: как же могло случиться, что израильские племена, воспитанные в духе моральных заповедей Моисея, позволили запросто увлечь себя на путь греха?

Ответить на такой вопрос было трудно, пока наши сведения о ханаанеянах ограничивались главным образом тем, что сообщает Библия. Сдвиг в этом отношении наступил только благодаря археологическим открытиям в Палестине. Теперь мы знаем, что ханаанеяне создали высокоразвитую материальную культуру, мало в чем уступавшую культуре Египта, Сирии и Месопотамии. Многочисленные ханаанские города славились своими общественными зданиями и дворцами, поддерживали торговые и культурные связи с другими государствами, их население успешно занималось торговлей и ремеслами. Наряду с земледелием и скотоводством процветало садоводство. Всюду в стране встречались старательно ухоженные сады с финиковыми пальмами, оливками, фигами и гранатами, на склонах гор раскинулись под лучами солнца виноградники, а в долинах произрастали всевозможные овощи. Известно, что ханаанеяне вывозили в Египет вино, оливки и овощи.

Археологические находки свидетельствуют также о высоком уровне искусства и кустарного промысла. В развалинах ханаанских городов найдены оригинально изваянные статуэтки божков и богинь, светские портреты, ювелирные изделия из золота и серебра, барельефы на слоновой

Ханаанеянин. Деревянная скульптура из гробницы фараона Тутанхамона.

кости, сосуды из фаянса с фигурным орнаментом, а также мастерски выгравированные предметы повседневного обихода (шкатулки, флаконы, стилеты, топорики, оружие и всякого рода керамика). Фараон Тутмос III сообщает в одной из сохранившихся записей, что в Палестине он захватил богатую добычу — сосуды из золота и серебра. В Бет Шане выкопана из руин великолепная каменная скульптура, изображающая двух борющихся между собой львов. Ханаан, кроме того, славился прекрасными ткацкими изделиями, окрашенными пурпуром, весьма ценным красителем, производимым в этой стране.

Как мы ранее отмечали, в XII веке до н. э. ханаанская культура переживала период упадка. Несмотря на это, она должна была произвести огромное впечатление на израильских кочевников, которые в течение сорока лет жили в первобытных условиях пустыни. Ханаанеяне со своими людными городами, полными внушительных зданий и лавок, безусловно импонировали простым скотоводам. Поэтому не удивительно, что израильтяне, как утверждает Библия, охотно брали в жены их дочерей, а своих дочерей отдавали за их сыновей, ибо такое родство, вероятно, считали для себя почетным.

Однако для маленьких государств Ханаана, которые не сумели постоять за себя, вторжение израильтян было катастрофой. Раскопки, относящиеся к тому периоду, говорят о поразительном снижении уровня ремесел, и прежде всего строительства. На развалинах ханаанских городов захватчики возводили жалкие дома без самых примитивных устройств для оттока дождевой воды. Израильские племена, разумеется, не могли приобрести в пустыне опыт строительства. Кроме того, этому мешал их патриархально-демократический строй: большие

постройки и оборонительные системы в ту эпоху можно было создавать только при использовании рабского скоординированного труда угнетенных народных масс. Израильтяне еще долгое время оставались свободными скотоводами; правда, звание старейшин в их племенах уже переходило по наследству, однако старейшины не обладали такой неограниченной властью, как правители ханаанских городов.

Надо иметь в виду также, что вторжение чужих племен на земли, заселенные ханаанеянами, должно было вызвать там глубокое экономическое потрясение. Ханаанские города процветали главным образом благодаря международной торговле. Поэтому едва захватчики отрезали караванные пути, как начался застой в торговле и неотступно за ним следующее общее снижение благосостояния.

Последствия краха экономики давали себя чувствовать еще несколько веков. Когда Соломон приступил к строительству Иерусалимского храма, он был вынужден пригласить ремесленников, художников и строителей из финикийского Тира. Только благодаря настойчивости и энергии этого царя оживилась торговля и наново расцвели города, а некоторые из них, например Иерусалим, смогли в конце концов соперничать даже с городами Сирии и Египта.

Статуэтка бога из Угарита.

Археологические раскопки разъяснили нам, какую роль сыграли израильские захватчики в Ханаане. Без ответа все же остался вопрос, почему их так легко увлекла ханаанская религия, о которой редакторы

Библии всегда говорили с омерзением и осуждением.

Только в 1928 году, когда в северной Сирии были открыты руины финикийского города Угарита, произошел решительный поворот и в этом отношении. Среди развалин найдено несколько сот клинописных табличек с документами, в том числе и на угаритском языке. Когда их прочитали, оказалось, что это по преимуществу религиозные тексты, содержащие гимны, молитвы и мифологические поэмы. С точки зрения науки это было важное открытие, ибо на основе найденных табличек можно было наконец опровергнуть одностороннюю библейскую версию и реконструировать ханаанскую религию в том виде, какой она была в действительности.

Что же общего между финикийской религией и ханаанеянами? Прежде всего, установлено, что Финикия и Ханаан составляли культурное, религиозное и этническое единство. Ханаанские народы говорили по преимуществу на финикийском языке или на очень близких к нему наречиях. Кроме того, они признавали тех же богов, что и жители Тира, Библа и Угарита. И стало быть, все, что было прочитано на клинописных табличках, по логике вещей должно касаться также религии, исповедуемой в Ханаане.

Финикийцы, семитский народ мореплавателей, торговцев и путешественников, уже в третьем тысячелетии до н. э. осели на побережье Сирии. Их портовые города Тир, Библ и Сидон вели оживленную морскую торговлю. Финикийские корабли доплывали до северозападных берегов Африки и до Англии и, возможно, даже обогнули африканский материк. Среди колоний, основанных финикийскими купцами вдоль побережья Средиземного моря, Карфаген прославился тем, что освободился из-под власти своей метрополии и в качестве суверенной морской державы вступил в борьбу не на жизнь, а на смерть с Римской империей.

За свою долгую историю финикийцы достигли очень высокого уровня культурного развития. Несмотря на месопотамские и египетские влияния, это была оригинальная культура. В финикийских городах процветало строительство, ремесло и искусство. Изделия художественного промысла путем меновой торговли попадали в отдаленные уголки тогдашнего мира. Но величайшим достижением финикийцев было изобретение письма, опирающегося на алфавитную систему.

Раскопки в Угарите показали, что религия древнего Ханаана вовсе не была столь безнравственной, как пытались

нам внушить редакторы Библии. Представленный в документах мир богов богат и живописен, полон поэзии и драматического напряжения. Выступающие в нем боги и богини одержимы всеми страстями, присущими обыкновенному смертному: они любят, ненавидят, борются между собой, страдают и умирают. Разумеется, религия эта не провозглашала высоких моральных принципов. Как все разновидности античного политеизма, она выражала наивные представления тогдашнего человека о таинственном смысле космоса, отражала драматичность человеческой жизни с ее личными и общественными конфликтами.

Финикийский религиозный эпос иногда живо напоминает Гомера.

Вот фрагмент, воспевающий Ваала:

Выпил он кубок напитка волшебного,
С ложа поднялся и радости крики издал,
Стал петь он под звуки кимвалов, и голос его был прекрасен.
Он вслед за тем на вершину взошел горы Запон,
Дочь увидел свою Надрию, света богиню,
И дочь свою Талию, что была богиней дождя...

Высшим финикийским божеством был Эль, кровожадный бог, как бы одержимый страстью разрушения и одновременно благодушный и милосердный. Величайшие почести, однако, как мы знаем, воздавались Ваалу, богу урожая, дождя и покровителю скота. Его супругой была Астарта, богиня любви и плодородия, одна из популярнейших богинь древнего мира, почитаемая в Ханаане также под именем Ашеры.

Ваал был богом шумеро-аккадского происхождения. У народов Востока он выступает под разными именами. Финикийцы называют его также Фаммуз (Таммуз) или Эшмун, в Египте мы его встречаем в образе Осириса, а греки чтили его под видом вечно юного Адониса.

Как мы знаем из пророчества Иезекииля, культ Фаммуза соблюдали еще в 590 году до н. э. во дворе Иерусалимского храма. Мы читаем дословно: «И привел меня ко входу во врата дома господня, которые к северу, и вот, там сидят женщины, плачущие по Фаммузе».

О популярности Ваала (Баллы) свидетельствует прежде всего то обстоятельство, что имя его очень часто входило в основной состав финикийских, израильских и карфагенских имен. Один из судей получил прозвище Иероваал, сына царя Саула звали Иешабаал, а величайшими героями Карфагена были Гасдрубал и Ганнибал.

В Тире символами Ваала были два столпа — один из золота, другой из серебра. На-

Статуэтка богини из Угарита.

родная фантазия впоследствии перенесла эти столпы далеко на запад, в Гибралтарский пролив, а греки ввели их в свои легенды в качестве Геракловых столпов.

С культом Ваала были связаны великолепные празднества и религиозные процессии, драматически иллюстрирующие мифическую судьбу этого бога. В начале осени бог смерти Мот похищал Ваала в подземное царство, что влекло за собой умирание природы и наступление зимней поры. Хананский народ оплакивал умершего бога, выражая свое отчаяние тем, что раздирал на себе одежды, увечил свое тело и пел погребальные песни. Но весной богиня плодородия Анат вступала в победоносную борьбу с Мотом и выводила своего супруга на поверхность земли. Тогда земледельцы устраивали в честь воскресшего бога урожая радостные процессии, пели гимны и плясали под аккомпанемент тамбуринов.

Миф о смерти и воскресении бога урожая играл большую роль не только у финикийцев и ханаанеян. Вспомним здесь хотя бы египетский культ Осириса и богини Исиды, греческие мистерии, связанные с богиней Деметрой и ее дочкой Персефоной, фригийскую богиню Кибелу и ее юного супруга Аттиса, а также мистические обряды в честь Афродиты и Адониса в эллинистическую эпоху.

Наряду с Ваалом величайшим почитанием окружали в Ханаане богиню плодородия Астарту. Это была типичная богиня-мать, выступавшая во многих других религиозных

культах. В Библии ее сурово осуждают, поскольку в культе Астарты подчеркивается сексуальность как главный аспект жизни, что нашло выражение в освященном религией распутстве. Храмы выполняли роль домов терпимости, в которых посвященные — мужчины и женщины—занимались проституцией. Дары за их службу поступали в кассу храма, в виде пожертвований божеству. По сути дела, в такой форме культа наивно проявились чувства простых людей, которые считали отношения между полами чем-то совершенно естественным и поэтому не видели в них ничего зазорного. Культ Астарты вовсе не свидетельствовал о моральной испорченности и разнузданности ханаанеян, как это изображают в Библии суровые последователи яхвизма.

Богиня плодородия и материнства Астарта. Из раскопок в Угарите.

В плеяде финикийско-ханаанских божеств все-таки был один бог, который справедливо мог вызвать возмущение. Мы его знаем под именем Молоха. Это искаженная форма семитского слова «мелех», что попросту означает царь. В Уре Шумерском его называли Малькум, у аммонитян — Мильком, а в Сирии и Вавилоне — Малик, в Тире же и Карфагене он выступал как Мелеккарт, что означает царь города.

Самая изуверская сторона этого культа состояла в том, что его последователи приносили в жертву своему божеству людей, и особенно младенцев. Этот омерзительный ритуал, в частности, был распространен в Карфагене. Археологические раскопки показали, что в Ханаане младенцев приносили в жертву спустя долгое время после израильского вторжения. В Гезере найдено целое кладбище новорожденных. На костях сохранились явные следы огня. Детей, принесенных в жертву, затем клали в кувшины, головой внутрь, и закапывали в землю.

Ханаанская религия была тесно связана с календарем сельскохозяйственных работ и пыталась разъяснить тайну рит-

мического рождения и умирания природы. Именно по этой причине израильтяне так легко поддались ее влиянию. Переходя от кочевой жизни к обработке земли, они должны были учиться земледелию у хананеян. У них они также узнали, что надо воздавать почести местным богам, чтобы обеспечить себе хороший урожай.

Израильский земледелец испытывал глубокую потребность в религии, которая поддержала бы его в повседневной жизни. Красочный, полный зрелищного великолепия обряд, связанный с культом Ваала и Астарты, живо воздействовал на его воображение и больше соответствовал его примитивной натуре, чем пуританская религия Моисея.

Экономические и психологические мотивы, лежавшие в основе этого религиозного отступничества, привели к тому, что яхвистам, по сути дела, так никогда и не удалось искоренить «идолопоклонство». В Книге судей мы читаем, что израильтяне «продолжали делать злое пред очами господа, и служили Ваалам и Астартам, и богам арамейским, и богам сидонским, и богам моавитским, и богам аммонитским, и богам филистимским; а господа оставили и не служили ему» (гл. 10, ст. 6).

Покуда израильский хлебопашец обрабатывал землю, он не хотел и не мог отступиться от культа ханаанских богов. По временам он воздавал Яхве то, что ему причиталось, но действительно близки ему были земледельческие боги, которые с незапамятных времен хозяйничали в стране Ханаанской. В пророчестве Осии (гл. 2, ст. 5—8), относящемся к VIII веку, есть отрывок, который отлично объясняет эти жизненные мотивы. Мы читаем там дословно: «...ибо говорила (мать сынов израилевых.— *З. К.*): «пойду за любовниками моими, которые дают мне хлеб и воду, шерсть и лен, елей и напитки»... А не знала она, что я (Яхве.— *З. К.*), я давал ей хлеб и вино и елей, и умножил у ней серебро и золото, из которого сделали истукана Ваала».

Отрывок этот показывает, как глубоко укоренился среди израильтян культ ханаанских богов. Из Библии вытекает, что он существовал на протяжении нескольких веков и продержался даже после падения Иерусалима в 571 году до н. э.

В Книге судей мы читаем, что у Иоаса, отца героя Гедеона, был жертвенник Ваалу. Когда Гедеон уничтожил его и на том же месте поставил жертвенник Яхве, израильтяне так возмутились, что потребовали его смерти. Но сам Гедеон, после одержанной над врагами победы, приказал отлить золотой ефод, то есть какой-то предмет ханаанского культа. Из

этой же книги мы узнаем, кроме того, что на финансирование государственного переворота Авимелеха жители Сихема выдали ему семьдесят сиклей серебра из кассы дома Ваалова.

В Миспа откопаны руины двух святилищ, Ваала и Яхве, которые стоят неподалеку друг от друга и оба относятся к IX веку до н. э. Интересная подробность: в развалинах обоих святилищ найдено множество статуэток богини Астарты. У археологов возникло подозрение: не сделали ли ее жители Сихема супругой Яхве? Гипотеза эта не столь фантастична, как может показаться на первый взгляд. Более поздняя эпоха приносит нам доказательства того, что синкретизм подобного рода был возможен у израильтян. После падения Иерусалима группа иудейских беженцев осела на египетском острове Элефантине, лежавшем возле первого порога Нила у Асуана. Они построили там общее святилище для Яхве и его супруги Астарты, выступающей под ханаанским именем Анат-Яху.

Возможно, что и в Силоме, тогдашней столице яхвизма, во время правления первосвященника Илии также соблюдали культ Астарты. Ибо мы читаем в Первой книге Царств (гл. 2, ст. 22): «Илий же был весьма стар, и слышал все, как поступают сыновья его со всеми израильтянами, и что они спят с женщинами, собиравшимися у входа в скинию собрания». Исаия, как можно судить по его пророчеству (гл. 8, ст. 3), отправился в Иерусалим в один из ханаанских храмов, чтобы иметь ребенка от жрицы богини Астарты.

При царе Соломоне в Иерусалимском храме наряду с Яхве чтили также Ваала и Астарту, которым поставили отдельные жертвенники. Даже при возрождении яхвизма, в царствование Иосии и после его смерти в 609 году до н. э., не удалось подавить культа ханаанских богов. Это подтвердил, к собственному удивлению, пророк Иеремия, когда он появился в Иерусалиме, разоренном египтянами и вавилонянами. Иеремия встречал на улицах детей, собиравших «топливо для костров», которые их отцы намеревались разжечь в честь «богини неба», в то время как женщины пекли священные лепешки с выдавленным на них изображением Астарты. В ответ на упреки Иеремии люди объясняли, что должны приносить жертвы богине, дабы она щедрее наделяла их пищей. Они жаловались, что с тех пор, как Иосия попытался подавить культ Астарты, их преследуют одни несчастья: Иерусалим опустошили халдеи, одну часть жителей увели в Месопотамию, а другая вынуждена искать приюта

Голова финикиянки. Из раскопок в Нимруде.

в Египте. Объяснение Иеремии, что эти катастрофы и несчастья являются наказанием за отступничество от религии Яхве, не нашло ни малейшего отклика у отчаявшихся иудеев.

Влияние ханаанской религии, естественно, оставило свою печать на библейской литературе. Так, например, в псалме двадцать восьмом отчетливо видны следы старого угаритского гимна. На это указывают поразительные совпадения в общих идеях, в названиях упомянутых там сирийских местностей, а также влияние угаритского языка. Стихи двенадцатый — пятнадцатый в пятнадцатой главе Книги пророка Исаии являются дословными цитатами из мифологической угаритской поэмы, найденной в Угарите. Известно также, что некоторые библейские изречения скопированы с ханаанских образцов. Часть исследователей пришла также к выводу, что Песнь песней — это собрание обрядовых песен в честь бога Фаммуза.

В связи с этим мы вправе спросить: каким чудом в таких условиях уцелела Моисеева религия? Прежде всего надо помнить, что израильтяне, воздавая почести ханаанским богам, никогда до конца не отступали от бога своего племени. Во многих местностях святилища Яхве и Ваала находились рядом. Некоторые цари, например Ахав и Соломон, построили святилища для ханаанских богов, что, однако, не мешало им по-прежнему оставаться последователями Яхве. Таким образом, это был совершенно явный политеизм, в котором Яхве, в зависимости от обстоятельств, занимал менее или более почетное место в плеяде других богов.

В тот период великого смятения, вероятно, существовали круги непримиримых последователей Яхве, которые не дали себя увлечь общей волне отступничества и даже не раз порывались активно защищать свою религию. Когда супруга царя Ахава, Иезавель, пресле-

довала пророков яхвизма, царский слуга Авдий «взял сто пророков, и скрывал их, по пятидесяти человек, в пещерах, и питал их хлебом и водою» (3 Царств, гл. 18, ст. 4).

Помимо жрецов и левитов старую Моисееву веру поддерживали в известной мере братства набожных людей, приносившие обеты Яхве. Мы уже знаем назореев, поскольку к ним принадлежал Самсон. Назореи не пили вина, не стригли волос, не ели блюд, считавшихся ритуально нечистыми, и не смели прикасаться к мертвым.

Значительно более интересным было братство рихавитов. Это — потомки Ионадава, сына Рихава, который в царствование Ахава истреблял служителей Ваала. Рихавиты не пили вина, не обрабатывали землю и не разводили виноград, жили в шатрах и вели первобытную жизнь пастухов, осуждая урбанизм хананеян и вытекающие из него дурные общественные и религиозные последствия. Разумеется, стремление сохранить пастушеский строй времен Моисея было всего только анахронизмом, и поэтому братство рихавитов не добилось особой популярности среди израильтян.

Позднее, в правление иудейского царя Иосии (640—609 годы до н. э.), иерусалимские священники перешли в мощную атаку на отступников. Они стремились ввести теократический строй и фактически осуществлять власть от имени Яхве. По сути дела, они преследовали политические цели, а в религиозных поучениях настаивали на внешних формах культа и соблюдении религиозных обрядов и ритуала.

Только под влиянием морального учения пророков израильтяне постепенно довели свою религию до степени чистого этического монотеизма. В их верованиях Яхве становится универсальным, единственным богом во вселенной. Таким образом, древнееврейский монотеизм является довольно поздним и конечным результатом трудного исторического пути через века скитаний, страданий и политических катастроф.

В эпоху судей Израиль пережил период гражданских войн и ослабления религиозного единства. Потрясающую картину этих внутренних отношений дают нам, в частности, три сказания: о резне потомков Ефрема у иорданского брода, об истреблении почти всего племени Вениаминова и о кровавом государственном перевороте Авимелеха.

Последнее сказание заслуживает особого внимания, так как здесь мы находим дополнительные сведения о классовой структуре израильского общества и политических течениях, которые являются про-

возвестниками последующего монархического строя.

В Книге судей (гл. 8, ст. 22) мы читаем: «И сказали израильтяне Гедеону: владей нами ты и сын твой и сын сына твоего; ибо ты спас нас из руки мадианитян».

Гедеон не принял предложенной ему царской короны, хотя фактически стал наследственным владыкой. В своей столице он управлял как самый типичный восточный деспот и содержал гарем наложниц, от которых прижил семьдесят сыновей.

Почему же в таком случае он не пожелал формально принять царский титул? Не подлежит сомнению, что среди израильтян тогда существовала определенная группа лиц, видевших в монархическом строе единственный выход из анархии и спасение от гибели. По их мнению, только центральная власть могла объединить израильские племена в общий фронт против растущей угрозы со стороны враждебных им ханаанских народов. Но монархисты, видимо, были в меньшинстве. Широкие народные массы боялись деспотизма и судорожно цеплялись за племенной сепаратизм. Гедеон, вероятно, считался с этими настроениями и поэтому отверг корону. Впрочем, он мог себе это позволить, поскольку благодаря своему личному авторитету он и так обладал неограниченной властью над подчиненными ему племенами.

История Авимелеха показывает нам, как сильна была оппозиция против монархической идеи и в каких общественных слоях она укоренилась глубже всего. Авимелех, собственно говоря, был не царем, а узурпатором, захватившим власть при помощи своих родных в Сихеме. На полученные от них средства он навербовал наемников, затем вырезал своих сводных братьев и установил небывало кровавый режим.

Однако он продержался на троне только три года. Сигнал к восстанию дал тот самый город Сихем, который так активно помогал ему совершить государственный переворот. Почему именно его родной город? Если мы внимательно прочитаем соответственные строки Библии, то получим исчерпывающий ответ на этот вопрос.

В Книге судей (гл. 9, ст. 6) сказано: «И собрались все жители сихемские и весь дом Милло, и пошли и поставили царем Авимелеха...»

На самом деле Милло был не домом, а аристократическим кварталом, в известной мере соответствующим греческому акрополю. Археологи открыли такие кварталы не только в Сихеме, но и в Иерусалиме, и в других палестинских городах. Это была земляная площадка, замощенная

камнем и окруженная оборонительной стеной, за которой стояли дворцы вельмож и аристократических семейств.

Итак, нашелся ключ к загадке. Прежде всего, мы узнаём, до какой степени уже в ту пору было расчленено в классовом отношении израильское общество. Из этого сообщения вдобавок неукоснительно вытекает, что монархистами были главным образом представители привилегированных слоев и что именно они возвели на трон Авимелеха. Все сомнения в этом отношении устраняют стихи двадцать третий и двадцать четвертый вышеназванной главы Книги судей. Там сказано, что «не стали покоряться жители сихемские Авимелеху, дабы таким образом совершилось мщение за семьдесят сынов Иероваaловых, и кровь их обратилась на Авимелеха, брата их, который убил их, и на жителей сихемских, которые подкрепили руки его...».

Словом, бунт города Сихема был народным восстанием не только против узурпатора, но и против режима олигархии. Следовательно, он носил отчетливый характер социальной революции. Как можно судить по его описанию, народ боролся с необычайным ожесточением и презрением к смерти. О всеобщем народном характере восстания нам говорит также тот факт, что в борьбе принимали участие не только мужчины. Авимелеха смертельно ранила женщина, бросившая в него обломок жернова с вышки осажденной башни.

После падения Авимелеха пройдет еще много времени, прежде чем израильские племена решатся выбрать царя. Они пойдут на это только перед лицом растущей опасности со стороны филистимлян. Но даже и тогда, как можно судить по истории Самуила, оппозиция монархии была попрежнему сильной и активной.

Хотя Книга судей в дошедшей до нас редакции является произведением относительно поздним, мы находим в тексте немало доказательств, что основой для него не раз служили древние исторические документы.

Для примера приведем сказание о Деборе, израильской пророчице и поэтессе. Источником этого сказания были два разных и даже противоречивых по содержанию документа: рассказ в прозе о царе Иавине, жестоко угнетавшем израильтян, и его военачальнике Сисаре и победный гимн пророчицы Деборы. В прозаическом изложении царь асорский Иавин является главным противником Израиля, а Сисара всего лишь его подчиненный. Зато в стихах Иавин вообще не назван, а Сисара выступает как суверенный вла-

дыка. Решительно не сходятся и версии о гибели Сисары: в прозаической части он гибнет страшной смертью, во сне, а в поэме его убивают, подкравшись сзади, в тот момент, когда он пьет молоко.

Лингвистический анализ текста установил, что приписанный Деборе мрачный гимн победы, насыщенный бряцанием оружия и все же заканчивающийся удивительно человеческой интонацией (рассказ о мучительном беспокойстве матери Сисары), является одним из самых старых памятников древнееврейской литературы. Предполагается даже, что он возник одновременно с описываемыми событиями и поэтому дает подлинную картину жизни израильтян в самый ранний период их колонизации Палестины.

Очень древние источники лежат и в основе сказания о трагедии Иеффая, в силу обета принесшего любимую дочь в жертву Яхве. Это ритуальное жертвоприношение безусловно относится к прадревней истории человечества.

Некоторые исследователи, смущенные тем обстоятельством, что библейский герой совершил столь варварский поступок, выдвинули гипотезу, будто дочку Иеффая вовсе не лишили жизни, а посвятили в весталки в одном из нелегальных храмов Яхве. По мнению этих исследователей, траурное шествие израильтянок, оплакивающих смерть девушки, на самом деле есть не более чем заимствованный у ханаанеян обряд в честь богини плодородия Астарты.

Однако ортодоксальные комментаторы Библии никогда не толковали жертву Иеффая в символическом смысле. Еврейский историк Иосиф Флавий (I век н. э.) и так называемый Вавилонский талмуд (VI век н. э.) понимали жертву Иеффая буквально, как подлинный исторический факт. Хотя Библия сурово осуждает человеческие жертвы, считая их чудовищным преступлением, поступок Иеффая не был единичным. Так, пророк Самуил разрубил на части царя Агага перед жертвенником Яхве, а Давид повесил семерых сыновей Саула, чтобы отвратить голод. Разумеется, было бы нелепо подходить к этим фактам с позиций наших сегодняшних моральных представлений или этических норм пророков периода сложившегося монотеизма. Не следует забывать, о какой древней эпохе идет здесь речь. Ведь это были XII, XI или X века до н. э., век Ифигении и Клитемнестры, Троянской войны и участника этой войны — критского царя Идомея, который принес Посейдону в жертву своего сына в знак благодарности за спасение от морской бури. Тогдашние древнееврейские племена

в духовном развитии стояли не выше и не ниже других народов своей эпохи, в том числе дорийцев или ахейцев.

Очень интересным примером объединения в одном сказании старых и более новых мотивов служит прелестная легенда о верной Руфи. Многочисленные арамейские обороты в тексте говорят о том, что легенда возникла очень поздно, предположительно уже после вавилонского пленения. Некоторые исследователи Библии пришли к выводу, что история Руфи является своего рода политическим памфлетом, в аллегорических образах выражающим протест против драконовских распоряжений Ездры и Неемии, не только не признававших смешанные браки, но даже изгонявших из Иерусалима женщин чужеземного происхождения, вышедших замуж за евреев. Автор легенды хотел напомнить иудейским фанатикам, что Руфь, прабабка величайшего израильского царя Давида, была моавитянкой и, следовательно, смешанные браки осуждались несправедливо.

Если так оно и было в действительности, то автору легенды все-таки пришлось воспользоваться гораздо более древней легендой на ту же самую или сходную тему, ибо в послевавилонскую эпоху описанные в сказании о Руфи обычаи уже вышли или выходили из обихода.

Еще один пример. Право на оставленные на стерне колосья было древней привилегией бедняков, вдов, сирот и путников, закрепленной еще в Моисеевых законах. Однако после того, как израильтяне стали селиться в городах и усилилась классовая рознь, этот старинный обычай редко соблюдался. Некоторые пророки, в особенности Амос, Исаия и Михей, осуждали богачей за угнетение бедняков. «Выслушайте это, алчущие поглотить бедных и погубить нищих»,— восклицает Амос. Изображенные в легенде идиллические общественные отношения, при которых земледельцы живут в патриархальной гармонии со своей челядью и полны сочувствия к бедным, уже тогда были анахронизмом.

Другой, узаконенный обычай, описанный в сказании о Руфи, был еще более старым. Мы имеем в виду так называемый левират, согласно которому брат умершего мужа должен был жениться на бездетной вдове. В случае его отказа вдова могла добиваться своих прав по суду. Руфь вышла замуж за Вооза в силу закона левирата, который продержался среди израильтян до I века до н. э.

Однако в послевавилонскую эпоху уже не существовало связанной с левиратом проце-

Гильгамеш — предполагаемый прообраз Самсона.
Вавилонский барельеф.

дуры, предписывающей человеку, который не пожелал жениться, снять свой башмак в знак того, что он уступает права на вдову в пользу ближайшего родственника. Этот давно уже забытый формальный жест имел бытовое обоснование в те времена, когда еще не было письменности и зафиксированных юридических актов. Кстати, в своей самой старой форме обычай этот был чреват весьма бурными последствиями. Если родственник отказывался выполнить свой долг, вдова силой снимала с него башмак, плевала ему в лицо и таким путем выставляла его на посмешище перед всем обществом.

Коснувшись наиболее любопытных аспектов Книги судей, мы намеренно отодвинули на самый конец обсуждение образа Самсона, поскольку его история служит как бы введением к истории Самуила, Саула и Давида.

Самсон, несомненно, фигура легендарная. Некоторыми чертами он напоминает шумерского Гильгамеша и греческого Геракла. Ученые даже подозревают, что первоначально Самсон был мифологическим божеством у племен, поклонявшихся солнцу; в Ханаане было много последователей этого культа. Имя Самсона этимологически выводится из древнееврейского слова «шемеш» и вавилонского «шамшу», что означает «солнце». Кроме того, известно, что в Бет-Шемеше, на небольшом

расстоянии от родной деревни Самсона, находился храм, посвященный богу солнца. Стало быть, не исключено, что прообразом Самсона был какой-нибудь божок, популярный у ханаанеян.

Все вышесказанное вовсе не означает, будто этот библейский герой не является творением древнееврейской фантазии. Отчаянный, задиристый забияка, неисчерпаемый в проделках хват-детина, детски наивный богатырь — какая же это великолепная, типическая народная фигура! В его фортелях и жизненных передрягах выявляется грубый юмор древнееврейских пастухов и характерное для Востока пристрастие к приключенческим легендарным сказаниям.

Народ дарил Самсона симпатией, с удовольствием рассуждал о его любовных приключениях и с чувством веселого удовлетворения следил за тем, как он расправлялся с ненавистными филистимлянами. В образе Самсона по-своему отражалось тогдашнее, еще слабое политическое самосознание израильтян. Ведь Самсон не является вождем, который, подобно другим судьям, организует сопротивление угнетателям. Его стычки с филистимлянами носят характер одиночной, партизанской борьбы фанатика, который хочет отомстить за испытанные или мнимые оскорбления. Его действия продиктованы не столько патриотизмом, сколько желанием свести личные счеты. И только в конце сказания образ Самсона отчетливо возвеличивается, становится героическим и подлинно трагическим. В этом глубоко волнующем финале как бы содержится предвестье наступающих новых времен, когда перессорившиеся израильские племена перед лицом растущей филистимской опасности поймут наконец, что им необходимо объединиться для общей борьбы за свободу.

По воле своих родителей Самсон был связан обетом назорея еще с младенчества. Однако он соблюдал только внешние требования назорейства: не стриг волос и не пил вина. Помимо этого, в своем поведении он никогда не руководствовался религиозными мотивами. Таким образом, о Самсоне не скажешь, что он был борцом за яхвизм. В любовных авантюрах с филистимлянками, в партизанских вылазках в одиночку, в кровавых приключениях, крайне сомнительных с моральной точки зрения, он ведет себя как дикарь, как язычник! Самсон не был ни мудрым судьей, ни вождем своего племени, ни религиозным человеком, отличающимся богобоязненностью.

Поэтому следует удивляться, что редакторы Библии включили его историю в канониче-

Самсон со львом. Барельеф в кафедральном соборе в Вене.

ские книги, выставляя его в известной мере как образец для подражания. И не только включили, но с грубым натурализмом изобразили вещи, которые, по совести говоря, не вполне пригодны для «писания», именуемого «священным». Мало того, в сказании о Самсоне они на редкость снисходительно трактуют любовные похождения израильтянина с женщинами иноземного происхождения и с нескрываемым удовлетворением одобряют его дикарские проделки.

Как же получилось, что такого неотесанного героя народных преданий ввели в «хорошее общество» вождей, царей и пророков? Я думаю, что ответ прост. Самсон стал символом героической для израильтян эпохи борьбы с филистимлянами и в этом качестве так неотделимо сросся с национальной традицией, что обойти его было невозможно.

Борьба с филистимлянами велась за национальное бытие, а тем самым за сохранение израильской религии. Вот почему все поступки Самсона приобретали в глазах яхвистов религиозный смысл и значение.

Мы уже говорили, что Самсон — фигура легендарная, но фабула сказания основана на материале исторических событий. Вооруженными столкновениями с филистимлянами отмечен путь израильтян на протяжении без малого двух столетий, и завершились они в конце концов победой царя Давида.

До недавнего времени у нас было мало данных о филистимлянах. Благодаря археологическим открытиям последних десятилетий и расшифровке египетской и месопотамской клинописи мы получили относительно полную информацию о том, кем были филистимляне и откуда они происходили.

Желая составить себе представление о них и понять, при каких обстоятельствах они появились в Ханаане, мы должны прежде всего познакомиться с эпохой, в которую они жили и

действовали. Археологические раскопки в пелопоннесских Микенах, на Крите, в Трое, в Анатолии, Сирии, Палестине и Египте дают нам обширный запас сведений об этих отдаленных и ранее совершенно не исследованных эпохах.

Во втором тысячелетии до н. э. на Крите жил народ, создавший утонченную культуру и основавший на Эгейском море могучую торговую державу. В тот же самый период Пелопоннес заселяли племена, происхождения и языка которых мы не знаем. Их покорили воинственные ахейцы, закованные в бронзовые панцири. Ахейцы возвели из каменных блоков крепости в Микенах, Тиринфе и других местностях Арголиды. Греческий историк Фукидид сообщает, что ахейцы занимались пиратством и построили мощный флот, который стал опасным соперником для критян.

Начиная с XV века до н. э. ахейцы под водительством атридов, к династии которых принадлежал и Агамемнон, постепенно вытесняют критян из их колониальных владений на Эгейских островах и побережье Малой Азии. В 1400 году до н. э. они завоевывают Крит и уничтожают цветущую миносскую культуру, названную так по имени мифического царя Миноса. Около 1180 года до н. э., после десятилетней осады, они превращают Трою в груду развалин.

Однако они недолго пользовались плодами своих успехов. Из глубины Европы пришли другие варварские греческие племена, известные под общим названием дорийцев. Они покорили Пелопоннес, Крит, Эгейские острова и побережье Малой Азии.

Под нажимом этих племен на просторах Эгейского моря произошла одна из тех этнических революций, которые вызывали великие передвижения народов. Жители Балкан, Иллирии и Эгейских островов, изгоняемые из своих владений, волна за волной устремлялись на юг в поисках новых мест расселения. Они прошли через Анатолию, Малую Азию, Сирию и Ханаан и добрались до дельты Нила, где фараон Мернепта разбил их наголову и принудил отступить.

Наиболее грозным было наступление греческих племен на Египет в 1191 году до н. э. Несметные орды воинов вместе с семьями и имуществом двигались вдоль побережья Сирии и Ханаана, заслоненные со стороны моря многочисленной флотилией парусных судов. Под их ударами рушится держава хеттов, ее столица — Хаттушаш на реке Галис превращается навсегда в кучу щебня и пепла. Добычей захватчиков затем становится Киликия с бесчисленными та-

бунами породистых коней, которыми она некогда славилась. Финикийские города Библ, Сидон и Тир добровольно сдаются и таким образом избегают уничтожения. Пройдя Ханаан вдоль моря, захватчики вторгаются в Египет и опустошают его северные районы. Фараону Рамсесу III пришлось напрячь все силы, чтобы сдержать этот напор. В конце концов он разгромил агрессоров на суше и на море, уничтожив их флот в морской битве под Пелузиумом. Величайшая из опасностей, какие нависали над Египтом за всю его историю, была отвращена, но у Рамсеса недостало сил, чтобы выгнать непрошеных гостей также из Ханаана и Сирии. Вот каким образом уцелевшая от разгрома часть пришельцев смогла беспрепятственно занять плодородную приморскую долину в южном Ханаане и обосноваться там на века.

По счастливой случайности сохранился египетский документ, содержащий безмерно ценные сведения об этих таинственных кочующих народах. В Мединет-Габу, на небольшом расстоянии от Фив, раскопаны руины храма бога Амона. Стены его сверху донизу покрыты надписями и картинами, очень внушительно изображающими ход борьбы фараона с агрессорами. В то время как на суше египетская пехота яростно сражается с иностранными воинами, на море корабли фараона одерживают решительную победу над неприятельским флотом. Видно, как с пылающих и тонущих парусников падают убитые и как бросаются в море перепуганные матросы.

На одной из фресок мы видим запряженные волами тяжелые подводы, на которые погружены женщины, дети и военная добыча. Следовательно, это было переселение народов в полном смысле слова. Мужчины — высокого роста, у них бритые лица, прямые, типично греческие носы и высокие лбы. Воины носят на голове своеобразные шлемы из птичьих перьев, напоминающие шлемы героев Гомера на древних барельефах. Широкие короткие мечи и небольшие круглые щиты, вероятно, тоже греческого происхождения.

Из настенных надписей мы узнаём, что египтяне называли захватчиков «народами моря». Особое место у них занимают воины племен «Доноя» и «Ахайва»; под этими названиями, возможно, скрываются известные нам из древнегреческой истории данайцы и ахейцы. Мы встречаемся также с египетскими названиями филистимлян — «Пелесет» или «Прст». Несмотря на эти данные, ученые не единодушны в определении этнического происхождения агрессоров. Но

даже если здесь смешались племена самого разнообразного происхождения, как считают некоторые исследователи, то во всяком случае бесспорно то, что они находились под влиянием греческой культуры и что среди них были также и ахейцы, вытесненные дорийцами с Балканского полуострова, из Малой Азии и с островов Эгейского моря.

После неудачного похода в Египет филистимляне обосновались в Ханаане почти одновременно с израильтянами. Из Библии мы знаем, что они заняли урожайную полосу побережья к югу от горы Кармил. Их города-государства — Газа, Аскалон, Азот, Гат и Экрон образовали федерацию, называвшуюся по-гречески «пентархия». Направляя свою экспансию в глубь материка, они быстро вступили в конфликт с соседствующими с ними израильскими племенами Иуды и Дана. Именно эти столкновения и образуют исторический фон сказания о Самсоне.

Среди «народов моря» филистимляне составляли особую, не слишком многочисленную этническую группу. Исследователи Библии и археологи всячески стараются узнать о них что-либо новое, и в этом отношении у них уже есть ряд достижений. Расскажем вкратце о результатах поисков, проводившихся до сих пор.

Если верить Библии, филистимляне были родом с Крита. Пророк Амос (гл. 9, ст. 7) вопрошает от имени Яхве: «Не я ли вывел Израиля из земли Египетской, и филистимлян — из Кафтора?..» Под названием Кафтор имеется в виду Крит (в вавилонских клинописных текстах — Кафтара). Сомнения относительно именно такого, а не иного толкования слова «Кафтор» рассеивает далее пророк Иезекииль, который прямо отождествляет филистимлян с критянами. Следовательно, если мы согласимся с библейским преданием, то придем к убеждению, что филистимляне были ахейцами, которые покорили Крит, а потом в свою очередь были вытеснены дорийцами.

К сожалению, такого рода предания часто обманчивы и не имеют ценности научного доказательства. Исследователи обратили внимание на примечательный факт: некоторые филистимские имена были иллирийского происхождения, и в Иллирии существовал город Палесте. Так как переселение дорийских народов началось именно там, не исключено, что филистимляне были догреческими жителями Иллирии, вытесненными оттуда очередными захватчиками.

Послушаем теперь, что по этому вопросу говорит археология на основе раскопок, проведенных в Сирии и Палести-

не. Так вот, в развалинах города Угарита найдены гробницы, по типу своему характерные для эгейской, кипрской и микенской культур. Зато керамика, выкопанная из руин пяти филистимских городов бывшего Ханаана, по преимуществу микенская. Кубки и кувшины украшены черным и красным фигурным орнаментом, нанесенным на фон светло-желтой глазури. Такую керамическую посуду употребляли именно в Микенах, городе Агамемнона.

Более знаменательны другие археологические находки. В сказании о Самсоне Библия изображает филистимлян любителями массовых пирушек. Мы читаем там дословно: «И когда развеселилось сердце их, сказали: позовите Самсона, пусть он позабавит нас. И призвали Самсона из дома узников, и он забавлял их, и поставили его между столбами... Дом же был полон мужчин и женщин; там были все владельцы филистимские, и на кровле было до трех тысяч мужчин и женщин, смотревших на забавляющего их Самсона».

Эту внушительную картину шумного пира археология дополнила несколько неожиданным образом. В руинах филистимских городов найдено большое количество пивных кувшинов, снабженных носиками с фильтром для задержания ячменной шелухи, плавающей в свежесваренном пиве. Итак, выяснилось, что в стране вина филистимляне оказывали предпочтение пиву, традиционному напитку греческих воинов.

Какие же выводы напрашиваются из этих фактов? Мы не можем со всей решительностью утверждать, будто филистимляне принадлежали к великой семье греческих племен. Верно, однако, то, что они долго пребывали под влиянием их культуры и усвоили их обычаи. Возможно даже, что среди них находились ахейские беженцы из Арголиды, Иллирии, Малой Азии, с Крита и Эгейских островов. По всей вероятности, это были кочующие племена греческого и негреческого происхождения, которые после поражения в Египте объединились для совместного захвата Ханаана.

По справедливости можно было бы спросить: каким образом такая маленькая горстка захватчиков не только удержала свои завоевания, но даже со временем подчинила себе почти весь Ханаан вместе с израильтянами? Оказывается, их превосходство основывалось на том, что они привезли с собой тайну обработки железа. Железное оружие и инструменты дали им решительное преимущество над страной, которая находилась еще в бронзовой эпохе.

Отступим на несколько веков назад, чтобы узнать, каки-

ми путями дошли филистимляне до овладения железом. Где-то в Армянских горах жило племя Кизвадан, которое в XIV веке до н. э. научилось выплавлять железо. Оно не сделало нового открытия, а попросту нашло способ дешевого изготовления железа, да еще в большом количестве. В Египте и Месопотамии железо знали уже в третьем тысячелетии до н. э., однако оно встречалось столь редко, что его ценили выше золота.

Кизваданов покорили хетты и, разумеется, вырвали у них тайну плавления железа, которую они берегли как зеницу ока. Когда один из фараонов попросил дружественного хеттского царя открыть ему тайну, то получил в ответ только железный стилет без всяких комментариев.

В XII веке до н. э. «народы моря» разгромили хеттов и овладели тщательно охраняемой тайной плавки железа.

Это ценнейшее сокровище досталось филистимлянам. В Первой книге царств (гл. 13, ст. 19—22) мы читаем: «Кузнецов не было во всей земле Израильской; ибо филистимляне опасались, чтобы евреи не сделали меча или копья. И должны были ходить все израильтяне к филистимлянам оттачивать свои сошники, и свои заступы, и свои топоры, и свои кирки, когда сделается щербина на острие у сошников, и у заступов, и у вил, и у топоров, или нужно рожон поправить. Поэтому во время войны не было ни меча, ни копья у всего народа, бывшего с Саулом и Ионафаном...»

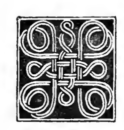
Как следует из этих слов, филистимляне держали израильтян в зависимости, самым жестоким образом защищая свою монополию на железо. Это была военная и экономическая монополия, ведь никто, кроме них, в Ханаане не умел вырабатывать ни железное оружие, ни инструменты, нужные для ремесел и сельского хозяйства. Правда, израильтяне могли приобрести орудия у филистимлян, но, чтобы исправить или наточить эти орудия, приходилось опять же обращаться к филистимлянам, которые вдобавок брали за свои услуги высокую плату.

Как это ни удивительно, археология подтвердила сведения, приведенные в Библии. На пространстве бывших маленьких филистимских государств добыто из земли огромное количество изделий из железа, в то время как в других районах Ханаана такие находки являются редкостью. Картина совершенно отчетливо изменяется, едва только раскапываются культурные слои, относящиеся к периоду, когда гегемонии филистимлян в Ханаане был положен конец. С этих пор железо обнаруживается в большом количестве,

и оно равномерно распределено на всем пространстве Ханаана.

Победа израильтян означала вместе с тем экономический переворот в результате уничтожения филистимской монополии и вступления семитских народов Ханаана в эпоху железа.

После двухвековой борьбы филистимляне были побеждены, и хотя с тех пор они играли лишь второстепенную политическую роль, но не исчезли со страниц истории. Ибо от них берет свое название Палестина, позднее так и фигурирующая в официальной римской номенклатуре. Таким путем филистимляне одержали неожиданную победу: оказались увековеченными в названии страны, которую, несмотря на длительные усилия, не сумели себе подчинить.

ЗОЛОТОЙ ВЕК ИЗРАИЛЯ

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ ИЛИЙ И РОЖДЕНИЕ САМУИЛА. У подножия гор Ефремовых раскинулся городок Рамафаим. Там жил человек по имени Елкана с двумя женами: Анной и Феннаной. У Феннаны были сыновья, и она постоянно издевалась над бездетной Анной. Раз в год, когда вся семья отправлялась в Силом для жертвоприношения у храма господня, несчастная женщина молила Яхве о сыне, обещая отдать сына, если он родится, на пожизненную службу в храм. Верховным жрецом был в то время Илий, человек очень благочестивый и всеми уважаемый, но уже старый и одряхлевший.

Однажды, сидя у входа в храм, Илий увидел молящуюся Анну.

Несчастная жена Елканы горячо молилась, беззвучно шевеля губами. Это чрезвычайно удивило старца, так как он привык к тому, что паломники в полный голос изливали свои заботы и нужды. Поэтому он подумал, что женщина пришла к храму пьяной, и стал выговаривать ей за это. Анна ответила ему с надлежащим смирением: «Нет, господин мой; я жена, скорбящая духом, вина и сикера я не пила, но изливаю душу мою пред господом». Илия тронула скорбь женщины, и он отослал ее домой со словами: «Иди с миром, и бог Израилев исполнит прошение твое».

Около года спустя Анна родила сына и дала ему имя Самуил. Как только Самуил подрос, мать, помня свой обет, привела его в Силом служить Яхве до конца дней. Она принесла жрецу трех телят, три мерки муки и мех вина, помолилась и радостная вернулась в Рамафаим. Самуил же стал работать в храме и готовиться к посвящению в сан жреца.

У верховного жреца Илия не было счастливой старости. Его сыновья, жрецы Офни и Финеес, вели себя нечестиво и доставляли ему много огорчений. Они требовали с паломников слишком больших приношений и развратничали с женщинами, охраняющими двери храма. Когда люди, приносящие жертву, варили мясо, они вылавливали для себя вилками из котлов лучшие куски. Их жадность, произвол и распутство вызвали в Израиле всеобщее возмущение. Илий делал им упреки и призывал вернуться на путь истинный, но сыновья не слушались его, а у него не хватало сил справиться с ними, и поэтому создавалось впечатление, что он потворствует им.

Несмотря на эту развращающую обстановку, Самуил вел себя безупречно и верно служил Яхве. Он стал уже жрецом, и паломники разносили славу о его добродетелях по всей стране. Даже Илий, хотя и продолжал любить своих распутных сыновей, все надежды

возлагал на Самунла и в глубине душн считал его своим преемииком.

Самунл так ревностно служил богу, что даже иочн проводил в храме. Однажды он услышал голос, зовущий его. Он побежал к Илию, думая, что это голос Илия. Но верховный жрец спал, не ведая ин о чем. В следующую иочь повторнлось то же самое. Только в третий раз Илий догадался, что это зовет Яхве. Ои рассказал Самуилу, как нужио себя вестн в такнх случаях. Самунл виял его советам и, сиова услышав голос, произносящий его имя, упал иа землю иичком и спросил у Яхве, что ои хочет сказать. Яхве сказал ему иечто, глубоко взволновавшее его. Наутро Илий спросил Самуила о содержаиии иочиой беседы. Самуил вначале уклоиялся от ответа, ио затем, волиуясь, рассказал, что Яхве, возмущеиный безнаказаииостью иечестивых сыиовей Илия, решил истребить весь его род. Илий был подавлен этим, но сказал смиренно: «Он господь: что ему угодио, то да сотворит».

Молва о том, что Самуил разговаривает с Яхве, быстро распространиилась по всему Ханааиу. Израильские племена видели в ием отиые помазаника божьего, пророка и мудреца. Его благочестие стало для иарода едииственной иравственной опорой в ту смутиую эпоху, когда верховный жрец и его сыновья потерялн общее доверие.

НИЧТОЖЕНИЕ ДИНАСТИИ ИЛИЯ. Фнлистимляие покорили племя Иуды н пошли войной против племени Ефремова. В битве прн Афеке оии одержали победу, убив четыре тысячи израильтяи. Тогда израильские военачальиики вспомнили, что Моисей и Инсус Навии никогда ие ходили в бой без ковчега завета господия, в котором пребывал Яхве. Поражение при Афеке оии объясияли отсутствием ковчега завета и иемедлеиио послали за иим в Силом левитов во главе со жрецами Офни и Фииеесом — сыновьями Илия.

Как только золотой ковчег с крылатыми херувимами прнбыл в стан израильтяи, воины возликовали н воодушевились. Снова разгорелся бой. Но израильтяне потерпели иовое, страшиое поражеиие. На поле браии осталось тридцать тысяч убитых, остальные обратились в бегство. Но самым страшиым ударом было то, что священиый ковчег завета попал в рукн иеиавистиых и нечестивых филистимляи.

Илию было тогда уже девяиосто восемь лет. Дряхлый, полуслепой, ои сидел иа седалище у дорогн, ожидая исхода сражения. Ои дрожал за судьбу ковчега и, хотя был уверен в его чудодейст-

военной силе, сокрушался, что, поддавшись уговорам сыновей, разрешил унести ковчег из храма.

И вот прибежал один из уцелевших воинов. Илий, узнав о поражении, гибели обоих сыновей и захвате священного ковчега, потерял сознание и, свалившись с седалища, убился.

УДИВИТЕЛЬНАЯ СУДЬБА КОВЧЕГА ЗАВЕТА. После победы при Афеке филистимляне захватили земли племени Ефремова и разрушили Силом — религиозную и светскую столицу всех израильских племен. Во время пожара погибла, в частности, величайшая святыня — священная скиния Моисея. Для израильтян наступил длительный период рабства и угнетения, беспомощности и уныния. Но спустя некоторое время мелькнул первый луч надежды. Из филистимских городов начали приходить странные, волнующие слухи. Рассказывали, что филистимляне привезли ковчег завета в Азот и поставили его в храме своего верховного бога Дагона. Назавтра, придя в храм, они с ужасом увидели, что статуя Дагона рухнула на пол у подножия ковчега. Они водворили статую на место, но на следующий день нашли ее снова лежащей на земле, к тому же с отсеченными руками и головой. Одновременно в район Азота нахлынули тучи мышей, которые пожирали плоды на полях и распространяли эпидемию. Азотяне обратились к филистимским владетелям и заявили, что хотят во что бы то ни стало избавиться от опасного трофея. Ковчег перевезли в город Геф. Но и там вскоре вспыхнула ужасная эпидемия, от которой погибло множество людей. Тогда ковчег перекинули в город Аскалон, но его жители бурно возражали, говоря: «Принесли к нам ковчег бога Израилева, чтоб умертвить нас и народ наш!» Филистимские владетели собрались на совещание. Ни один город не хотел принять к себе драгоценный ковчег. Люди смертельно боялись его магической силы. Наконец прорицатели посоветовали вернуть ковчег израильтянам. Ковчег погрузили на колесницу, запряженную коровами, которые недавно отелились. На колесницу поставили также шкатулку с жертвами повинности от пяти главных филистимских городов. Коров пустили одних, без возницы. И случилось удивительное: несмотря на то что в сарае были заперты их телята, коровы, вопреки материнскому инстинкту, направились не к ним, а к израильской границе.

После семи месяцев плена ковчег завета вернулся на родину. Израильтяне в Вефсамисе жали пшеницу, когда, к своей радости, увидели колесницу со священным ковчегом. Они тут же водрузили ковчег на большой камень в поле, колесницу раскололи на дрова,

а коров закололи и принесли в жертву Яхве. Однако при этом они совершили святотатство: не сдержав любопытства, заглянули в шкатулку, чтобы узнать ее содержимое. Яхве разгневался и лишил жизни более пятидесяти тысяч жителей Вефсамиса.

Ковчег завета повезли в Кариаф-Иарим. Там его охраняли Аминадав и его сын Елеазар до тех пор, пока царь Давид торжественно не перевел его в Иерусалим.

АМУИЛ — ПРАВИТЕЛЬ. Шли тяжелые годы рабства и унижений. Силом был разрушен, и Самуил вернулся в свой родной город Рамафаим. Слава его росла. У него бывали видения, он прорицал и объявил войну ханаанским богам. Он основал школу пророков, где вместе со своими учениками музыкой, барабанным боем и плясками приводил себя в состояние религиозного экстаза и предсказывал скорую победу Яхве над угнетателями Израиля. Постепенно всю страну охватила фанатическая ненависть к филистимлянам.

Самуил был не воином и не военачальником, а правителем и мудрым учителем народа. Он был не только верховным жрецом, но и судьей. Три раза в год он отправлялся в Вефиль, Галгал и Массифу и вершил там суд. Его решениям подчинялись беспрекословно все племена. У израильского народа снова появился вождь, направивший его на трудный путь внутреннего возрождения и политического единства.

Прошло двадцать лет. Самуил созвал в Массифе сбор всех израильтян, чтобы склонить их к единству в предстоящей освободительной борьбе. Обеспокоенные филистимляне двинули против них большую армию, чтобы в зародыше подавить первые искры восстания. Перед началом сражения внезапно поднялась страшная буря. Громы и молнии посеяли панику в рядах филистимлян. Воспользовавшись этим, израильтяне напали на них и нанесли им решительное поражение. Разбитые захватчики обратились в бегство и вернулись в свою страну.

Потрясение от неожиданного разгрома было столь сильным, что надолго отбило у филистимлян охоту к подобным экспедициям.

Самуил мог отныне спокойно заниматься укреплением своей власти. Рамафаим стал религиозной и светской столицей Израиля. Великий пророк и судья основал там новое святилище Яхве. Он мечтал об укреплении созданного им строя и о том, чтобы религиозная и светская власть стала в его роду наследственной. Он обучал своих сыновей искусству управления и назначил их судьями в Вирсавии. Сам он был уже стар и нуждался в их помощи. Но по

странной иронии судьбы Самуила постигла в этом смысле участь Илия. Его сыновья оказались нечестивцами. Жадные и продажные, они брали взятки и выносили несправедливые приговоры. В конце концов народ совершенно перестал уважать судей. Самуил был слишком стар и снисходителен, чтобы противостоять сыновьям и предотвратить зло.

Народ израильский стал выражать недовольство существующим порядком. К тому же филистимляне начали снова проявлять агрессивность, и возникла потребность в сильном вожде, который возглавил бы народ в его борьбе за свободу. У всех соседних народов были цари, и израильтяне пришли к выводу, что только монархический строй может их спасти. Но они так уважали Самуила, что предоставили ему право выбора царя. Представители племен пришли к нему в Рамафаим и сказали: «Вот ты состарился, а сыновья твои не ходят путями твоими. Итак, поставь над нами царя, чтобы он судил нас, как у прочих народов». Это требование глубоко задело и расстроило Самуила. Он обещал дать ответ на следующий день, а когда назавтра послы пришли к нему, заявил, что ночью ему явился Яхве и сказал с горечью: «Послушай го́лоса народа во всем, что они говорят тебе; ибо не тебя они отвергли, но отвергли меня, чтоб я не царствовал над ними. Как они поступали с того дня, в который я вывел их из Египта, и до сего дня, оставляли меня и служили иным богам, так поступают они и с тобою».

Увидев, что это не смутило послов, Самуил попытался напугать их, изображая опасности, которыми грозит власть царя: «Сыновей ваших он возьмет и приставит к колесницам своим и сделает всадниками своими, и будут они бегать пред колесницами его. И поставит их у себя тысяченачальниками и пятидесятниками, и чтобы они возделывали поля его, и жали хлеб его, и делали ему воинское оружие и колесничный прибор его. И дочерей ваших возьмет, чтоб они составляли масти, варили кушанье и пекли хлебы. И поля ваши, и виноградные и масличные сады ваши лучшие возьмет и отдаст слугам своим. И от посевов ваших, и из виноградных садов ваших возьмет десятую часть и отдаст евнухам своим и слугам своим. И рабов ваших, и рабынь ваших, и юношей ваших лучших, и ослов ваших возьмет и употребит на свои дела. От мелкого скота вашего возьмет десятую часть, и сами вы будете ему рабами».

Но и эти мрачные прорицания не убедили послов. Они настаивали на своем, и Самуил скрепя сердце обещал подыскать кандидата на царский престол.

АК САУЛ БЫЛ ПОМАЗАН НА ЦАРСТВО. На земле Вениаминовой жил человек по имени Кис, сыновья которого славились смелостью, красотой и огромным ростом. Среди них особенно выделялся Саул, юноша исключительной красоты, на голову выше всех израильтян.

Семья Киса занималась земледелием и скотоводством. Это были простые крестьяне, здоровые душой и телом, не испорченные городской жизнью. Кроме того, они были известны как хорошие израильтяне, не примирившиеся с чужеземным игом и сохранившие верность богу Яхве.

Однажды у Киса пропали ослицы. Он приказал Саулу взять слугу и отправиться на поиски. Саул со слугой прошли гору Ефремову, земли Шалишу, Шаалим, землю Вениаминову и Цуф, но ослиц не нашли. Дойдя до города Рамафаим, Саул решил вернуться домой, чтобы отец не беспокоился о нем, но слуга предложил обратиться за помощью к жрецу и прорицателю, проживающему в Рамафаиме. Саулу предложение понравилось, но он стеснялся идти без подарка. Тогда слуга сказал: «Вот в руке моей четверть сикля серебра. Я отдам человеку божию, и он укажет нам путь наш».

Они встретили Самуила у городских ворот. В ту ночь у Самуила было видение: Яхве обещал прислать к нему человека из земли Вениаминовой, который освободит израильский народ от филистимского ига. Увидев рослого и красивого Саула, Самуил понял, что перед ним человек, достойный царского престола. Он пригласил его к обеду и обещал, что пропавшие ослицы найдутся. Смущенный вниманием жреца, Саул отказывался от приглашения, говоря, что не заслуживает такой чести, что он происходит из самого маленького племени и из самой скромной семьи в этом племени. Но Самуил успокоил его и не только взял к себе в дом, но усадил на почетном месте среди тридцати других гостей и пододвигал ему лучшие кушанья. Потом он отправился с Саулом на крышу своего жилища, и там они беседовали допоздна.

А ранним утром Самуил разбудил Саула и повел за город. Там он велел ему отправить слугу, а оставшись с ним наедине, взял сосуд с елеем и вылил на голову Саулу, помазав его на царство. Молодой земледелец был потрясен и не мог поверить, что такова воля Яхве. Он поверил лишь тогда, когда на обратном пути домой с ним в точности произошло все, что предсказывал Самуил: близ гроба Рахили он встретил двух человек, рассказавших, что ослицы нашлись и отец с нетерпением ждет его возвращения. Затем у дубравы Фаворской ему повстречались три паломника, направлявшиеся в Рамафаим для жертвоприношения, и дали ему две буханки хлеба. Самой главной, однако, была третья встреча. Саул увидел

сонм пророков, спускавшихся с горы. Под звуки арф, свирелей и гуслей они плясали, пели и пророчествовали. Саул смотрел на них как завороженный и постепенно почувствовал, что на него нисходит дух господень. Поддаваясь общему религиозному экстазу, он и не заметил, как стал сам плясать, петь и пророчествовать. С полей прибежали люди, знавшие Саула как простого и трезвого крестьянского сына, и, пораженные, спрашивали друг у друга: «Что это сталось с сыном Кисовым? Неужели и Саул во пророках?» Эти вопросы не делали Саулу чести. Тогдашние пророки, среди которых было множество обманщиков и мошенников, толпами скитались по стране, нагло попрошайничали и предсказывали будущее за еду или милостыню. Они внушали суеверный страх, но, в сущности, народ презирал их. О них часто спрашивали с насмешкой: «А у тех кто отец?» Саул тоже не снискал себе уважения. Язвительный вопрос: «Неужели и Саул во пророках?» — вошел даже в поговорку.

Обряд помазания Саула был совершен в глубокой тайне. Даже своим близким Саул не рассказал о том, что с ним произошло в Рамафаиме. Однако нужно было, чтобы израильтяне одобрили избрание Саула царем. Для этой цели Самуил созвал народ на собрание в Массифе и представил для утверждения своего кандидата. По его рекомендации Саул был избран царем.

Несмотря на свою большую физическую силу и мужество, Саул был скромен и застенчив. Избрание царем так его смутило, что он скрылся в обозе, среди телег и вьючных животных. Пришлось вытащить его оттуда силой. Когда он встал перед народом, могучий, на голову выше остальных, израильтяне воскликнули с воодушевлением: «Да живет царь!»

Затем Самуил изложил и записал права царства и распустил всех по домам. Саул направился к себе домой, в Гиву, во главе многочисленного воинства.

Во время выборов многие израильтяне голосовали против Саула и после избрания продолжали относиться к нему с презрением и не пришли к нему на поклон. Но Саул, человек умный и сдержанный, делал вид, что не замечает этого, и не мстил непокорным.

ЕРВАЯ ПОБЕДА САУЛА. Шли годы. Саул не мог править открыто и пользоваться всей полнотой власти, ибо в Гиве, как и во многих других израильских городах, стояли филистимские охранные отряды. Саул по-прежнему занимался земледелием, обзавелся семьей. У него было уже два взрослых сына, один из которых, Ионафан, отличался большой силой и храбростью.

К востоку от реки Иордан, в горах Галаада, был расположен израильский город Иавис. Наас, царь аммонитян, осаждал его и готовился к решающему штурму. Жители Иависа вступили с Наасом в переговоры; тот сказал, что согласен принять капитуляцию горожан, но при этом выколет каждому из них правый глаз. При этом он грозился сделать то же самое со всеми израильтянами.

Старейшины Иависа попросили семь дней перемирия, чтобы обдумать эти условия. Воспользовавшись полученной передышкой, они направили послов к Саулу с просьбой о помощи. Саул, выслушав послов, пришел в ярость и снова впал в пророческий экстаз; он рассек на части двух волов, которыми пахал землю, и разослал их по всем племенам израильским, объявляя, что участь волов постигнет каждого, кто не примет участия в священной войне. Израильтяне испугались угрозы, и вскоре в местности Везек собралось громадное ополчение, во главе которого Саул двинулся против аммонитян. Он ворвался в аммонитский лагерь у Иависа и учинил там кровавую расправу.

Саул прослыл национальным героем, но его популярность чуть не привела к междоусобной войне, так как его поклонники жаждали расправиться с теми, кто в Массифе противился избранию Саула царем и продолжал подстрекать народ против него. Однако Саул не допустил нового кровопролития, говоря, что нельзя омрачать радостный день победы.

Самуил снова созвал собрание израильтян в Галгале. Там еще раз подтвердили избрание Саула царем, а в честь победы принесли жертвы богу и устроили пир.

Для Самуила наступил грустный момент отказа от светской власти судьи. Он с молодости правил своим народом, состарился и поседел на этом посту. Сыновья, на которых он возлагал все свои надежды, принесли ему жестокое разочарование. Теперь он встал перед собравшимися израильтянами и промолвил срывающимся голосом: «Вот я: свидетельствуйте на меня пред господом и пред помазанником его, у кого взял я вола, у кого взял осла, кого обидел и кого притеснил, у кого взял дар и закрыл в деле его глаза мои — и я возвращу вам». И люди, растроганные, отвечали: «Ты не обижал нас и не притеснял нас, и ничего ни у кого не взял».

Передавая власть Саулу, Самуил отнюдь не отказывался от главенствующей роли в стране. Как верховный жрец и представитель Яхве на земле, он считал, что по-прежнему имеет право вершить судьбы израильтян, был убежден, что он вознесен над народом и новым царем и тот обязан повиноваться ему. Чтобы доказать свою божественную мощь, он вызвал гром и дождь, хотя было время жатвы. При виде этого чуда израильтяне испугались не только

Яхве, но и Самуила, поняв, что обидели его, требуя себе царя. «Помолись о рабах твоих пред господом богом твоим, чтобы не умереть нам,— умоляли они Самуила,— ибо ко всем грехам нашим мы прибавили еще грех, когда просили себе царя».

Обеспечив себе, таким образом, решающее слово во всех религиозных и политических делах Израиля, Самуил вернулся в Рамафаим, тогдашнюю резиденцию верховного жреца.

АК САУЛ ПРОГНЕВИЛ САМУИЛА. Царь Саул распустил ополчение, оставив оружие только трем тысячам воинов *. Тысячу из них он передал под командование своего сына Ионафана, вспыльчивого и воинственного юноши. Однажды ночью Ионафан со своим отрядом напал на филистимский охранный отряд в Гиве, разгромил его и убил коменданта. Родной город Саула вернул себе свободу. Радостная весть с быстротой молнии распространилась по всему Израилю и стала стимулом ко всеобщему восстанию. Саул призвал израильских воинов в Галгал, где организовалась повстанческая армия. Филистимляне, понимая всю серьезность положения, сосредоточили свои войска в Михмасе, к востоку от Беф-Авена. Это была блестяще вооруженная армия, состоявшая не только из отрядов пехоты, но и из тысяч и тысяч боевых колесниц, особенно опасных для пеших войск израильтян. В армии Саула не хватало хорошего оружия, только у Саула и Ионафана были железные мечи и копья. Не удивительно, что появление филистимской армии вызвало панику. Люди покидали свои жилища, прячась в горных пещерах, цитаделях и крепостных башнях. Некоторые переправлялись через Иордан, ища убежища в стране Гадовой и Галаадской. Саул находился в то время в Галгале, ожидая Самуила, который должен был прибыть и принести Яхве жертвы всесожжения. Саул прождал Самуила семь дней; армия, заразившись общей паникой, таяла с каждым днем, и в конце концов с царем остались только шестьсот самых преданных воинов. Положение было отчаянным. Каждую минуту могло произойти первое столкновение с неприятелем, а борьба без поддержки Яхве неизбежно сулила поражение. И Саул решился на шаг, который мог показаться посягательством на привилегии верховного жреца. Он приказал воздвигнуть жертвенник для всесожжения и сам принес жертвы богу. Самуил, прибыв в лагерь и узнав об этом, был крайне возмущен. Он пригрозил даже, что Яхве лишит Саула престола и выберет себе другого, более послушного царя. Не помогли никакие извинения. Самуил, не простившись, покинул лагерь и вернулся к себе.

ОДВИГ ИОНАФАНА. Конфликт со жрецами, лишившими его поддержки, взволновал Саула, но не сломил его мужества. Он остался в Галгале во главе маленького отряда, покинутый почти всеми. В этих условиях не могло быть и речи об открытом сражении с филистимлянами. Саулу приходилось вести партизанскую войну, совершая неожиданные набеги на неприятельские отряды. В набегах особенно отличался сын Саула — храбрый до безрассудства Ионафан. Однажды Ионафан вдвоем со своим оруженосцем ворвался внезапно в филистимский лагерь, убил двадцать человек караульных и вызвал такой переполох, что остальное войско в панике бежало. Саул не знал об опасной вылазке сына. Услышав крики во вражеском стане, он велел проверить, кого не хватает в отряде, и убедился в отсутствии Ионафана. Саул немедленно двинулся ему на подмогу и стал громить убегающего неприятеля. На его сторону перешли израильские отряды, насильно включенные в филистимскую армию. Когда же вдобавок к нему примкнули израильтяне, прятавшиеся в близлежащих горах и ущельях, поражение филистимлян превратилось в страшнейший разгром. Их преследовали до самого Беф-Авена.

Израильтяне смертельно устали, но, поскольку до вечера было еще далеко, Саул решил продолжать бой. «Проклят, кто вкусит хлеба до вечера,— сказал он своим воинам,— доколе я не отомщу врагам моим».

Израильские воины, опасаясь своего царя, не притрагивались к пище. Ионафан, однако, не слышал слов отца и, найдя в лесу дупло с пчелиным гнездом, обмакнул конец палки в медовый сот и попробовал меду. Лишь потом ему сказали о запрете Саула. Ионафан не слишком огорчился этим и даже покритиковал отца, утверждая, что победа израильтян была бы еще более полной, если бы им не приходилось сражаться на голодный желудок.

К вечеру, усталые и голодные, победители накинулись на добычу. Они резали овец, волов и телят прямо на поле боя, жадно глотая сырое мясо вместе с кровью Узнав об этом, Саул строжайше приказал резать скот на камнях, чтобы кровь свободно стекала в землю.

Наступила ночь. Царь велел воздвигнуть жертвенник, принес жертвы богу и поручил жрецу спросить, должен ли он продолжать погоню за филистимлянами. Яхве, однако, ничего не ответил, и Саул догадался, что кто-то нарушил его запрет и навлек гнев божий на все войско. Когда выяснилось, что виновник — Ионафан, Саул приговорил его к смертной казни. Но израильские воины не допустили казни героя. «И волос не упадет с головы его на землю,— кричали они с возмущением,— ибо с богом он действовал

ныне!» Саулу пришлось отказаться от дальнейшей погони за врагом, и таким образом филистимляне избежали окончательного разгрома. Они, правда, вернулись в свои города, но продолжали угрожать Израилю.

КОНЧАТЕЛЬНЫЙ РАЗРЫВ С САМУИЛОМ. Вернувшись в свой родной город Гиву, Саул не почил на лаврах. Он понимал, что рано или поздно произойдет решающее столкновение с филистимлянами, и готовился к нему. Всю свою энергию Саул направил на формирование воинских отрядов, зачисляя в них каждого, кто казался ему мужественным и смелым. С целью обеспечить себе тыл, он вел успешные войны с царями моавитян, аммонитян и эдомитян, на севере завоевал арамейское царство Сову, а внутри страны укрепил свои позиции, покоряя ханаанские города, сумевшие сохранить независимость. Таким образом, Саул создал мощное израильское государство.

Кроме Ионафана у Саула было еще два сына и две дочери. Он продолжал вести простую жизнь царя-земледельца и довольствовался одной женой.

Командующим армией Саул назначил своего двоюродного брата и друга Авенира.

Перед Саулом стояла, однако, еще одна задача. Пустынные земли между горой Синай и южной границей Ханаана населяли амаликитяне. Это были разбойничьи племена, которые вели свое происхождение от Амалика, внука Исава. У израильтян были с ними постоянные столкновения. Ватаги амаликитян разоряли южные районы Ханаана, грабили, убивали и исчезали в пустыне, прежде чем поспевала помощь. И что хуже всего, они объединялись с филистимлянами для борьбы против израильтян. Саул, занятый другими войнами, медлил с расправой над ними. Это возмутило Самуила, и тот поспешил в Гиву напомнить Саулу, что сделал его царем для того, чтобы он защищал израильтян. Он приказал Саулу немедленно отправиться со всей армией против амаликитян. «Теперь иди,— сказал он,— и порази Амалика и истреби все, что у него, и не давай пощады ему, но предай смерти от мужа до жены, от отрока до грудного младенца, от вола до овцы, от верблюда до осла». Саул двинулся послушно во главе почти всей своей армии, разгромил в Негеве амаликитян, убил всех пленных, не пощадив даже женщин и детей, и захватил в плен их царя, Агага. Однако Саул совершил непростительный грех, не выполнив до конца приказ Самуила. Ему стало жаль уничтожать богатейшие военные трофеи — овец, баранов, волов и другое ценное имущество амаликитян.

К тому же, плененный мужеством царя Агага, он подарил ему жизнь. Самуил, узнав об этом, немедленно отправился на гору Кармил, где Саул в то время воздвигал памятник в честь своей победы. Их встреча была чрезвычайно бурной. Самуил гневно упрекал Саула в неповиновении, говоря: «За то, что ты отверг слово господа, и он отверг тебя, чтобы ты не был царем». Это означало фактически свержение с престола. Саул не мог не считаться с огромным моральным авторитетом пророка и покорно молил его о прощении. Боясь, что известие об их конфликте вызовет брожение в народе, Саул упрашивал Самуила остаться в лагере и идти с ним вместе в Галгал. Но Самуил ответил: «Не ворочусь я с тобою, ибо ты отверг слово господа, и господь отверг тебя, чтобы ты не был царем над Израилем». Затем он повернулся, чтобы уйти. Такая демонстрация не могла бы остаться незамеченной. Саул, стремясь во что бы то ни стало сохранить в тайне их конфликт, попробовал задержать Самуила силой и нечаянно оторвал ему край одежды. Тогда Самуил сказал: «Ныне отторг господь царство израильское от тебя и отдал его ближнему твоему, лучшему тебя».

Однако он внял просьбам Саула и пошел с ним вместе в Галгал. Народ не узнал о том, что произошло между ними.

Когда они прибыли на место, Самуил велел привести царя Агага к жертвеннику Яхве и собственноручно разрубил его на глазах у народа. Вскоре после этого он уехал в Рамафаим и не пожелал больше встречаться с Саулом. Более того, он вслух говорил о том, что ошибся, сделав Саула царем. Он утверждал, что и Яхве сожалеет об этом. Вскоре он начал подыскивать нового кандидата на престол. Опасаясь, что Саул обвинит его в заговоре и государственной измене, он держал это в строжайшей тайне.

Однажды Самуил прибыл в Вифлеем, будто бы для жертвоприношения. Старейшины города кое-что слышали о разрыве между Самуилом и Саулом и, опасаясь гнева Саула, встретили жреца не слишком радушно и прямо спросили о цели его прибытия. Но Самуил сумел их убедить, что прибыл исключительно для религиозных целей. Ночью же он тайком отправился к жителю Вифлеема Иессею, чей род принадлежал к племени Иуды и пользовался в городе большим уважением. У Иессея было семеро сыновей. Самуил пожелал познакомиться с ними. Осмотрев шестерых старших, он не остановил своего выбора ни на одном из них и велел привести самого младшего, Давида. Это был еще подросток, работающий в хозяйстве отца пастушком. Иессей удивился требованию Самуила, но послушно послал за Давидом на пастбище. Юноша явно понравился Самуилу. Он был белокур, с красивыми, умными глазами, небольшой, но хорошо сложенный и ловкий. После краткой беседы

с ним Самуил убедился, что он удивительно расторопен и обходителен. К тому же, проводя много времени на пастбище, Давид научился искусно играть на арфе. Он играл так умело и проникновенно, что пророк растрогался. Когда же он узнал, что Давид сам сочинил исполненные им богохвалебные песни, последние его сомнения рассеялись. Лучшего кандидата на престол ему не найти. Он взял рог с елеем и в присутствии братьев помазал Давида на царство. Обряд совершился в кругу семьи, и никто в Вифлееме не догадывался, что в городе находится будущий царь Израиля.

Саул между тем находился в Гиве, где он построил на скале неприступную крепость. Самуил фактически сверг его с престола и заявил без обиняков, что Яхве выберет другого царя. Саул остро ощущал свое падение. На каждом шагу ему мерещились заговоры и враждебные действия, зачинщиком которых был Самуил. Дни и ночи он проводил, вспоминая свои обиды, и так испортил себе нервы, что с ним все чаще случались приступы меланхолии. Видя его мрачные, красные от бессонницы и как бы безумные глаза, даже самые преданные Саулу люди из его окружения пришли к выводу, что дух господень покинул его и им овладела нечистая сила. Лучшим лекарством от такой болезни считалась тогда музыка. И вот кто-то, быть может по наущению Самуила, порекомендовал Саулу скромного пастушка из Вифлеема, прекрасно играющего на арфе. Давида немедленно привели в Гиву. Царь встретил его очень приветливо, на его лице появилась давно забытая улыбка. Услышав же игру юноши, он почувствовал, что к нему возвращается здоровье. С тех пор при каждом приступе меланхолии Саул посылал в Вифлеем за Давидом, чтобы тот врачевал его.

АК ДАВИД ПОБЕДИЛ ГОЛИАФА. Филистимляне снова пошли войной против Израиля. Готовясь к бою, они расположились лагерем у городка Сокхоф. Саул двинулся навстречу им, чтобы преградить им путь в свое государство. Обе армии стояли в боевой готовности на двух холмах друг против друга. В разделяющей их долине встречались в единоборстве воины из обоих лагерей. Однако никто из израильтян не отваживался принять вызов Голиафа, филистимского великана из города Геф. Закованный в тяжелый панцирь, вооруженный громадным мечом и длинным копьем, он ежедневно выходил и искал противника для единоборства, а убедившись, что никто не хочет сражаться с ним, бросал израильтянам всевозможные оскорбления. Царь Саул и все его полководцы во главе с Авениром от стыда и обиды спрятались в шатрах. Сорок дней подряд на них обрушива-

лись потоки издевательств, их постоянно преследовал презрительный смех великана. Саул задыхался в бессильной злобе. Смельчаку, который примет вызов Голиафа, он обещал несметные богатства, освобождение от налогов и руку своей старшей дочери. Но великан внушал всем такой ужас, что смельчаков не находилось.

Среди израильских воинов было три старших сына Иессея. Давид, как самый младший, оставался дома и носил братьям еду в лагерь. Однажды он пришел туда как раз в тот момент, когда Голиаф поносил и смешивал с грязью все святыни израильтян. Возмущенный его наглостью, Давид заявил братьям, что принимает вызов. Опытные воины высмеяли его, а когда он продолжал стоять на своем, разгневались не на шутку и велели ему немедленно возвращаться домой. Известие о дерзком пастушонке позабавило Саула. Он позвал Давида в свой шатер и по-отечески сказал ему: «Не можешь ты идти против этого филистимлянина, чтобы сразиться с ним; ибо ты еще юноша, а он воин от юности своей». Но Давид упорствовал. Он рассказывал, что убивал львов и медведей, нападавших на его стадо, хвастался своими мышцами и ловкостью. И наконец Саул согласился. Он надел на юношу свою броню и шлем, опоясал своим мечом и велел ходить по шатру, чтобы убедиться, сможет ли Давид двигаться в тяжелых доспехах. Действительно, Давид чувствовал себя в них неловко и заявил, что предпочтет сражаться в своей обычной пастушеской одежде. Саул рассмеялся и разрешил ему поступать так, как он захочет.

Давид, готовясь сразиться с грозным филистимлянином, взял только свой пастушеский посох и пращу. По пути он остановился у ручья и выбрал себе пять острых камней. Затем он направился в долину навстречу Голиафу, напевая религиозные песни. Когда Голиаф увидел Давида, он так захохотал, что содрогнулись горы. После чего он начал издеваться над рыжими волосами и хрупким сложением Давида. Больше всего его смешило то, что юноша вооружен одним лишь посохом. Прикидываясь возмущенным, он заорал: «Что ты идешь на меня с палкою? Разве я собака?» Но тут же он решил, что израильтяне делают из него посмешище, прислав к нему подростка. Ругаясь и проклиная, он грозился бросить тело наглого смельчака хищным птицам и зверям. Давид не стал с ним препираться, а только со всей серьезностью призвал его готовиться к смерти, так как по воле Яхве он сейчас погибнет.

На обоих холмах воцарилась напряженная тишина. Филистимляне с нетерпением ждали, когда их непобедимый великан нанесет противнику смертельный удар, а израильтяне с дрожью следили за храбрым юношей, который с такой наивной самоуверенностью шел навстречу собственной гибели. Голиаф, держа в руках огромный

меч, готовился к удару. Уверенный в своем превосходстве, он даже не следил за движениями Давида. Юноша между тем достал украдкой из сумки камень и изо всех сил бросил его из пращи. Камень просвистел в воздухе и вонзился в лоб Голиафа, который беспомощно рухнул на землю. Давид мгновенно бросился к оглушенному великану, вырвал у него из рук меч и одним ударом отрубил ему голову.

Неожиданное поражение вызвало в лагере филистимлян невообразимую панику. Израильтяне, воспользовавшись этим, накинулись на них с такой яростью, что все филистимское войско обратилось в бегство. Израильтяне преследовали неприятеля и остановились лишь у филистимских городов Геф и Аккарон. Весь филистимский лагерь с множеством скота и награбленным имуществом израильтян попал в руки Саула. Давид преподнес ему в качестве трофея голову Голиафа, а оружие великана повесил в своем шатре.

Но главным трофеем Давида в этом единоборстве была военная слава и популярность среди израильского народа.

АВИД, САУЛ И ИОНАФАН. В награду за одержанную победу Давиду доверили командование крупным отрядом воинов; он стал самым молодым военачальником в истории Израиля. Ионафан, сын Саула и наследник престола, очень полюбил его с первой же встречи. В знак привязанности он передал ему свой плащ, тунику, меч и пояс.

Давид, несмотря на юный возраст, прекрасно справлялся с обязанностями военачальника. Он предпринял ряд походов против филистимлян и каждый раз одерживал победу. В израильских городах его встречали восторженно. Женщины, старые и молодые, восхищались им. Они всегда встречали его плясками, пением и игрой на тамбуринах. В его честь сложили песенку, которую распевали на улицах городов и которая вскоре дошла и до Гивы:

Саул победил тысячи,
а Давид десятки тысяч!

Слова песни сильно задели Саула. Они оскорбляли его и ставили военные заслуги Давида выше всего того, что он сделал для израильского народа за многие годы борьбы. Это была жестокая и незаслуженная обида. Два дня и две ночи Саула терзало подозрение, что вдохновителем песни был Самуил и что, быть может, он действовал в сговоре с Давидом. Царь чувствовал, что народ все больше отворачивается от него. Тот самый народ, который еще недавно выражал ему свое восхищение. Чьи же это козни, если не вер-

хового жреца, который однажды открыто заявил ему, что лишит его престола? Расстройство, бессонница и горечь обиды довели Саула до того, что он моментами терял рассудок. Среди его близких воцарилось уныние. Никто не отваживался заговорить вслух, но все шептали по углам: «Напал злой дух от бога на Саула, и он бесновался в доме своем».

Снова послали за Давидом, чтобы он музыкой излечил царя. Юноша вошел к нему и стал играть на своей арфе. Саул смотрел на него невидящим взглядом. Потом он вдруг очнулся, в его глазах зажглась ненависть, он схватил копье и метнул в Давида. Юноша в последний миг уклонился, и копье вонзилось в стенку.

Саул понял, что еще немного — и он совершил бы непоправимое. Убийство популярного героя могло иметь роковые последствия. Желая задобрить Давида, он назначил его командовать отрядом в тысячу человек и послал на войну с филистимлянами. Юный военачальник и на этот раз шел от победы к победе, завоевывая все бо́льшую славу и любовь народа. Одновременно росла ревность Саула. Он не решался выступить против Давида в открытую, но втайне составил план действий. Он велел передать Давиду, что даст ему в жены свою старшую дочь, Мерову, если тот принесет краеобрезания ста убитых филистимлян. Царь надеялся, что его соперник погибнет, выполняя столь опасную задачу. Юноша сразу разгадал планы Саула. Под предлогом того, что он недостоин быть зятем царя, Давид пытался уклониться от этого похода. Но Саул настаивал. Давид отправился в путь с небольшим отрядом, состоявшим из самых преданных его соратников. Вскоре он убил не сто, а двести филистимлян и принес царю их краеобрезания. Саул был очень разочарован и решил по крайней мере унизить Давида. Вопреки обещанию, он дал ему в жены не старшую дочь, а младшую, Мелхолу. Девушка была очень рада этому, так как давно любила юного героя. Давид злился на Саула за обман: ведь брак со старшей дочерью сулил больше надежд на престол *. Саул же подозревал, что Давид состоит в сговоре с Самуилом, и грозился его убить.

ЕЛХОЛА И ИОНАФАН СПАСАЮТ ДАВИДА.

В это опасное время Ионафан проявил себя как истинный друг. Рискуя навлечь на себя гнев отца и прекрасно понимая, что Давид — опасный претендент на престол, он все же предупредил его об угрожающей опасности. Он уговорил Давида скрыться в горах, а сам отправился к отцу ходатайствовать за него. После долгих уговоров Саул смилостивился и разрешил Давиду вернуться. Однако примирение длилось недолго. Давид одержи-

вал все новые победы над филистимлянами, что вызывало у Саула страх и зависть. В минуту гнева он вторично метнул копье в своего соперника и снова промахнулся. На этот раз Давид понял, что нужно спасаться, пока не поздно, и, как только стемнело, он покинул царский дворец, убежав к себе домой. Тогда Саул послал к нему убийц. Мелхола в последний момент спасла мужа. Она велела ему выскочить в окно, а в его постель уложила статую, одев ее в одежды Давида и плотно закутав одеялом. Когда вошли солдаты царской стражи, она показала им кровать и сказала, что Давид тяжело заболел и не может подняться. Но Саул приказал с гневом: «Принесите его ко мне на постели, чтобы убить его!»

Обман раскрылся. Мелхолу привели к отцу. Она с трудом избежала наказания, сказав, что Давид грозился убить ее, если она не поможет ему бежать.

Давид между тем пришел к Самуилу и рассказал о своих злоключениях. Вдруг пришло известие, что в Рамафаим идут царские солдаты с приказом поймать беглеца. Навстречу им вышел Самуил с пророками, которые плясками, пением и восклицаниями привели себя в состояние высшего религиозного экстаза. Суеверные солдаты сначала смотрели на них с испугом, а потом сами включились в бешеную пляску пророков. Благодаря этому Давид успел спрятаться, и солдаты вернулись в Гиву с пустыми руками. Саул еще дважды посылал за Давидом солдат, но они каждый раз поддавались воздействию пророков и не выполняли приказа. Тогда царь решил лично отправиться в Рамафаим для поимки неуловимого соперника. Как только он вошел в город, Самуил с пророками выбежали ему навстречу с плясками, песнями и барабанным боем. Вначале Саул наблюдал за ними равнодушно, но постепенно в нем тоже стал просыпаться религиозный восторг юности. Увлеченный, он включился в хоровод. Кружась, бормоча что-то с пеной у рта, он срывал с себя одежды и наконец, совершенно нагой, без сознания рухнул наземь. Он пролежал в глубоком обмороке весь день, а когда очнулся, Давида уже не было в городе. Беглец вернулся в Гиву, чтобы пожаловаться на свою горькую участь своему единственному другу Ионафану. «Что сделал я,— вопрошал он,— в чем неправда моя, чем согрешил я пред отцом твоим, что он ищет души моей?» Ионафан утешал его, как мог, заверяя, что поможет ему и своевременно предупредит об опасности, поскольку отец делился с ним обычно своими планами. Но Давид отвечал: «Отец твой хорошо знает, что я нашел благоволение в очах твоих, и потому говорит сам в себе: «Пусть не знает о том Ионафан, чтобы не огорчился»».

Хуже всего было то, что на следующий день был назначен пир, который Саул устраивал обычно в начале нового месяца для своих

ближайших помощников. Это было одновременно высшее государственное совещание, на котором все приглашенные обязаны были присутствовать. Неявка без уважительной причины была непростительным проступком и повлекла бы за собой окончательный разрыв. Давид надеялся еще помириться с Саулом и не хотел сжигать за собой мосты. Одновременно, зная неуравновешенный характер царя, он боялся появиться на пиру. Он попросил Ионафана передать отцу, что ему пришлось отправиться в Вифлеем на семейное торжество *. Друзья условились, что в действительности Давид спрячется в горах близ Гивы и будет ждать известия о том, как Саул воспринял его отсутствие. Если он сохранит спокойствие, это будет хорошим признаком; если же при виде пустого места его охватит необузданная ярость, значит, нечего надеяться на примирение.

Ионафан выполнил просьбу друга, и Саул ответил ему гневно: «Сын негодный и непокорный! Разве я не знаю, что ты подружился с сыном Иессеевым на срам себе и на срам матери твоей? Ибо во все дни, доколе сын Иессеев будет жить на земле, не устоишь ни ты, ни царство твое; теперь же пошли и приведи его ко мне, ибо он обречен на смерть».

Предостережения отца, что он лишится престола, если будет помогать Давиду, не повлияли на бескорыстную, благородную дружбу Ионафана. Он с горечью спросил отца: за что нужно убить Давида, в чем его вина? Саул пришел в бешенство и метнул в сына копье. Он промахнулся, и острие вонзилось в деревянную стену. Ионафан, возмущенный, встал из-за стола и ушел к себе. От волнения он весь следующий день ничего не ел. В сумерки же он отправился тайком на свидание с Давидом и предупредил его, чтобы он никогда больше не попадался царю на глаза.

Пришла минута прощания. Давид трижды поклонился другу, а Ионафан крепко обнял его и расцеловал. Расставаясь, оба плакали и клялись друг другу в вечной дружбе. Ионафан сказал Давиду: «Иди с миром, а в чем клялись мы оба именем господа, говоря: «Господь да будет между мною и между тобою и между семенем моим и семенем твоим», то да будет навеки».

ЗБИЕНИЕ ЖРЕЦОВ И СКИТАНИЯ ДАВИДА. Давид отправился в Номву, к известному жрецу Ахимелеху. Зная, что Ахимелех не слишком храбр, Давид не признался ему, что попал в немилость, а сказал, что прибыл с секретным поручением от Саула. У Ахимелеха не было под рукой никакой еды, и он накормил Давида священным хлебом, предназначен-

ным для жертвоприношений, и даже подарил ему меч Голиафа, хранившийся в храме.

Давид узнал от случайно встреченных людей, что Саул сам отправился за ним в погоню. Тогда он поспешил в филистимский город Геф, где царем был Анхус. Но напрасно он надеялся, что его там не узнают. Прохожие сразу увидели, что перед ними победитель Голиафа. Чтобы избежать мести филистимлян, Давид прикинулся сумасшедшим: эта категория людей пользовалась привилегией неприкосновенности. Он бродил по улицам, невнятно бормоча, изо рта у него текла слюна, на воротах домов он рисовал какие-то магические знаки. Жители Гефа долго ходили за ним по пятам с суеверным страхом, но в конце концов решились: связали его и привели к своему царю. Анхус с отвращением посмотрел на умалишенного и, не зная, что с ним делать, велел его отпустить. Давид бежал из Гефа и нашел себе пристанище в недоступной горной пещере близ города Адоллама, в двадцати пяти километрах к юго-западу от Иерусалима. Беспокоясь за судьбу своих родных, он послал за ними и взял их к себе.

К Давиду тянулся народ со всех концов страны. Это были разные люди: искатели приключений, беглецы, находящиеся вне закона, бедняки, преследуемые за неуплату податей и долгов, молодежь, мечтающая о военной славе.

Из этого пестрого сброда Давид создал дисциплинированный отряд — шестьсот преданных ему душой и телом головорезов. Во главе отряда он совершал дерзкие вылазки за продовольствием, громил мелкие отряды царя и за щедрую дань защищал население от филистимлян. Словом, он стал главарем настоящей разбойничьей шайки.

Саул, доведенный до бешенства, преследовал Давида со все большим остервенением, подняв на ноги все свои вооруженые силы. Наступил момент, когда Давид почувствовал, что почва горит у него под ногами. Он пробрался к царю моавитскому и оставил ему на попечение свою семью. Затем он вернулся в землю Иудину и скрылся в лесу Херет.

Саул между тем узнал, что жрец Ахимелех помог в свое время Давиду бежать, снабдив его едой. Доносчиком был один из наемников, по имени Доик. Царь уже не сомневался, что жрецы находятся в сговоре с Давидом и прокладывают ему путь к престолу. Он немедленно двинул свои войска на город Номву, чтобы наказать Ахимелеха и других тамошних жрецов за государственную измену. Напрасно Ахимелех заверял Саула, что Давид получил от него помощь благодаря обману. Царь остался глух к его оправданиям и приказал воинам убить жреца. Но тут он впервые встретился с

неповииовением. Воииы его личной гвардии, все как один, от иачальиика до рядового, отказались выполиить приказ. Оии боялись согрешить, подняв руку иа жреца. Саул был в очеиь затруднительном положении. Его выручил доносчнк Доик, который, желая снискать расположенне царя, привел к нему своих головорезов-наемииков и выразил готовность выполнить приказ. По указанию Саула банда Доика накииулась на город, убила всех жрецов, в том числе и Ахимелеха, а потом вырезала все население, ие пощаднв даже женщин и детей. Избежать смерти удалось одному лишь сыну Ахнмелеха, жрецу Авиафару. Он под покровом иочн бежал из горящего города, пришел к Давиду и стал его ближайшнм помощником.

АК ДАВИД ПОЩАДИЛ САУЛА И ВЛЮБИЛСЯ В АВИГЕЮ. Давид услышал, что фнлистимляне осаждают город Кеиль. Не раздумывая, он поспешил туда на выручку н спас город, но жнтели Кеиля вместо благодариости предали его. Они сообщили Саулу, что Давид находится в городе и что онн выдадут его, если Саул немедленно прнбудет. К счастью, Давид своевременно узиал о заговоре н успел бежать вместе с Авиафаром. С тех пор он со своимн соратиикамн выбирал для местопребывания горные и пустынные районы, где легко было прятаться от погони.

Одиажды к Давнду в пустыню Зиф тайком прибыл Ионафаи, чтобы предупреднть его о замыслах царя и заверить в своей вечной дружбе. Но жители Зифа были сторонннками Саула и сообщнли ему, где находится Давид. Царь явился немедлеино и окружил гору, где Давид скрывался со своим отрядом в шестьсот человек. Судьба их казалась предрешенной. Но внезапно прнбыла грозная весть, что филистимляне вторглись на территорию Израиля. Саулу пришлось снять осаду и поспешить навстречу непрнятелю. Отразив нападение филнстимлян, он возобиовил погоню за Давидом. С ним был отряд в три тысячи человек, и он был нсполиеи решнмостн захватить иенавистиого соперника во что бы то ии стало.

Одиажды во время погони Саул вошел за нуждой в пещеру. По воле случая в темном уголке этой пещеры спрятался Давид с несколькими воинами. Он мог без труда убить Саула, но не хотел запятнать себя кровью помазанника божьего. Он лишь потнхоньку подкрался и отрезал у Саула край плаща. Потом, когда царь со своим отрядом двинулся в дальнейший путь, Давид взошел на вершину скалы и вопрошал с издевкой: «Против кого вышел царь израильский? За кем ты гоняешься? За мертвым псом, за одною блохою?»

В другой раз Давид решился на еще большую дерзость. Вместе со своим оруженосцем он пробрался ночью в царский лагерь и вошел в шатер, в котором спали Саул и его военачальник Авенир. Оруженосец хотел убить царя, но Давиду претило тайное убийство. Он лишь взял из шатра копье и кружку с водой и вернулся к своим, которые ждали его с беспокойством и нетерпением. На рассвете он снова взобрался на верхушку неприступной скалы и издевался над Авениром, плохо охранявшим своего господина. Вдоволь посмеявшись, он велел прислать кого-нибудь за царским копьем и кружкой. Саул, смущенный происшествием и тронутый великодушием Давида, прекратил погоню и вернулся в Гиву.

Давиду пришлось заботиться о пропитании своего отряда. Овец, волов и коз он грабил главным образом у филистимлян, никогда не трогая стада соплеменников. С израильтян он брал лишь постоянную плату натурой за защиту их стад и жилищ от нападений бедуинов и филистимлян.

В степи близ Маона пас свои стада богач по имени Навал. У него было три тысячи овец и тысяча коз. Давид никогда не брал с него мзду, хотя защищал и его стада, одним своим присутствием отпугивая мародеров. Однажды он узнал, что Навал пригнал своих овец на гору Кармил, чтобы остричь их. Давид послал к нему десять отроков просить о продовольствии и сказал им: «Взойдите на Кармил и пойдите к Навалу и приветствуйте его от моего имени. И скажите так: «Мир тебе, мир дому твоему, мир всему твоему»».

Но Навал был человеком скупым и неотесанным. Он отправил отроков ни с чем, говоря сердито: «Кто такой Давид и кто такой сын Иессеев? Ныне стало много рабов, бегающих от господ своих. Неужели мне взять хлебы мои, и воду мою, и мясо, приготовленное мною для стригущих овец у меня, и отдать людям, о которых не знаю, откуда они?»

Отказ этот крайне возмутил Давида. Во главе отряда в четыреста человек он немедленно двинулся в путь, чтобы проучить наглеца. Тогда умная и красивая жена Навала, по имени Авигея, обругав мужа, поспешила навстречу грозному военачальнику, навьючив на ослов двести хлебов, два меха с вином, пять жареных баранов, пять мер сушеных зерен, сто связок изюма и двести связок инжира. Встретив Давида, она спешилась и поклонилась ему до самой земли, говоря умоляющим тоном: «Пусть господин мой не обращает внимания на этого злого человека, на Навала; ибо каково имя его, таков и он. Навал — имя его, и безумие его с ним *. А я, раба твоя, не видела слуг господина моего, которых ты присылал».

Красота и обаяние Авигеи произвели на Давида огромное впечатление. Он ответил ей растроганно: «Благословен господь, бог

Израилев, который послал тебя ныне навстречу мне». Он обещал Авигее не причинять зла Навалу и распрощался со словами: «Иди с миром в дом твой; вот я послушался голоса твоего и почтил лице твое».

Между тем Навал в честь окончания стрижки овец устроил дома пир и напился до беспамятства. Когда он наконец отрезвел, Авигея рассказала ему, какая страшная опасность ему угрожала. Это известие настолько потрясло Навала, что с ним случился сердечный приступ и, проболев десять дней, он умер.

Давид, узнав об этом, попросил Авигею стать его женой. Вдова, не колеблясь, села на осла и вместе с пятью служанками поспешила в лагерь Давида. Там она поклонилась ему до земли и сказала: «Вот, раба твоя готова быть служанкою, чтобы омывать ноги слуг господина моего».

У Давида уже было две жены: Мелхола, которую Саул впоследствии отобрал у него и отдал в жены одному из своих приближенных — Фалтию, и израильская женщина по имени Ахиноама. Но по-настоящему он любил только Авигею.

АВИД НА СЛУЖБЕ У ФИЛИСТИМЛЯН И ТРАГИЧЕСКАЯ УЧАСТЬ САУЛА. Давид понимал, что царь не успокоится, пока не захватит его живым или мертвым. Ему не оставалось ничего другого, кроме как покинуть пределы Израиля и скрыться там, куда не простиралась власть Саула. Скитания и невзгоды привели Давида в глубокое уныние. Позднее талантливый поэт вложит в его уста следующие проникнутые искренней болью строки:

Помилуй меня, боже!
Ибо человек хочет поглотить меня;
нападая всякий день,
теснит меня.
Враги мои всякий день ищут поглотить меня;
ибо много восстающих на меня,
о всевышний!

Давиду пришлось решиться на обидный и унизительный шаг: он предложил свои услуги Анхусу, царю филистимского города Гефа. Бывший враг охотно принял его на службу. Он был рад получить в свое распоряжение шестьсот закаленных в боях головорезов. Кроме того, ему было выгодно, чтобы Израиль ослабевал от внутренних распрей. Теперь он мог способствовать этим распрям, поддерживая Давида против Саула.

Давид получил от Анхуса городок Секелаг, близ Газы, и поселился там со своим отрядом и с обеими женами — Авигеей и Ахиноамой. Анхус велел ему совершать набеги на израильские земли, но Давид и не думал обижать соплеменников. Вместо этого он опустошал земли амаликитян, извечных врагов Израиля. Он истреблял все население, чтобы не оставалось свидетелей его набегов, и потом передавал Анхусу волов, ослов, верблюдов и другую добычу, говоря, что это — имущество, захваченное у израильтян. Филистимский царь верил ему и, радостно потирая руки, повторял хвастливо: «Он опротивел народу своему, Израилю, и будет слугою моим вовек».

Филистимляне готовились к новой войне с Саулом. Анхус призвал в поход также Давида с его отрядом. Но филистимские князья не доверяли израильтянам и решительно потребовали их вывода из армии. Давид вернулся в Секелаг, радуясь, что ему не придется воевать против своих.

Однако, пока Давид отсутствовал, амаликитяне сровняли Секелаг с землей, а жителей, в том числе семейство Давида, угнали в плен. Те, кто сумел избежать плена, встретили Давида плачем и проклятиями и хотели побить его камнями. Давид отправился немедленно в погоню за неприятелем, разгромил его и освободил всех пленных. Захваченную добычу он роздал своим соплеменникам, жителям земли Иудейской, чтобы заручиться их поддержкой в будущей борьбе за престол.

В это время город Рамафаим погрузился в глубокий траур, так как умер пророк Самуил. Саул избавился, таким образом, еще от одного грозного противника. Желая держать в страхе все жреческое сословие, он приказал поймать и убить их подопечных: всякого рода прорицателей, гадателей, волшебников. В Израиле их было тогда великое множество, народ привык пользоваться их услугами, и после избиения в стране воцарилась атмосфера террора и ужаса.

В повседневной жизни Саул сохранил прежнюю простоту нравов. Никто не отрицал его боевых заслуг и самоотверженной деятельности на благо Израиля. Большинство израильтян все еще питали к нему уважение и даже любовь. Авторитет Саула был настолько велик, что даже Давид не решился убить его, хотя ему дважды представлялась возможность это сделать.

Но постоянные козни жрецов и слухи, что Самуил помазал Давида на царство, нарушали душевное равновесие Саула и толкали его на ужасные, деспотические поступки. В каменной крепости, построенной на неприступной скале в Гиве, царь проводил дни один на один со своими подозрениями и обидой. Между тем над молодым израильским государством сгущались тучи. В его пределы

вторглась мощная армия объединенных филистимских князей. Сотни боевых колесниц и тысячи закованных в железо воинов расположились лагерем в Сонаме в долине Езреель, то есть в самом сердце земли Израильской. Саул расставил свое войско на склонах гор Гелвуе, откуда была видна вся долина. Вид огромного филистимлянского лагеря вызвал в нем ужас и смирение перед неизбежностью рока. На его лице отразилось отчаяние. Он спросил у своих приближенных, нет ли поблизости какой-нибудь прорицательницы, предсказывающей будущее. Изумленные придворные ответили, что он ведь велел убить всех прорицателей. Но потом выяснилось, что близ Аэндора живет старуха волшебница, которая вызывает души умерших и узнает от них будущее. Саул решил переодеться и пойти к волшебнице. Ночью он закутался в дорожный плащ и в сопровождении двух оруженосцев покинул лагерь. Волшебница, опасаясь царя, не хотела пускать незнакомцев. Только когда Саул поклялся, что с ней не случится ничего худого, она спросила, кого ей вызвать. Саул попросил вызвать Самуила. И вот появился призрак пророка. Тогда волшебница догадалась, что перед нею Саул. «Зачем ты обманул меня? Ты Саул!» — воскликнула она в ужасе. Саул снова успокоил ее и, поскольку сам он не увидел призрака, спросил, кто же явился. По описанию он догадался, что это сам Самуил, его многолетний неумолимый враг. Теперь Саул покорно поклонился ему и умолял посоветовать, как он должен себя вести перед лицом филистимской опасности. Но Самуил и после смерти остался неумолим, Он еще раз упрекнул Саула в узурпировании привилегий жрецов и нарушении таким образом воли Яхве. За это, сказал пророк, его постигнет наказание: в борьбе с филистимлянами погибнут он сам и его сыновья, а позже будет истреблен весь его род. Ужасная весть так потрясла Саула, что он потерял сознание и рухнул на землю. Придя в себя, он, несмотря на слабость, отказывался от еды. Только после длительных уговоров старухи волшебницы он съел кусок пресного хлеба и вареной телятины.

Назавтра разгорелся бой. Израильтяне потерпели полное поражение; оставшиеся в живых воины обратились в бегство. Сыновья Саула, в том числе и Ионафан, погибли вместе с тысячами других. Саулу, раненому, удалось бежать с поля боя, но филистимляне следовали за ним по пятам. Увидев, что спастись бегством не удастся, Саул позвал своего оруженосца и попросил убить его. Юноша, однако, не решался убить царя, и тогда Саул покончил с собой, бросившись на свой меч. Верный слуга последовал его примеру.

Филистимляне отрубили Саулу голову и выставили ее напоказ вместе с оружием царя в храме Астарты и Дагона. А обезглавленное тело повесили на городской стене в Беф-Сане.

Весть об издевательстве филистимляи над телом царя дошла до жителей города Иависа, освобожденного некогда Саулом от ига аммонитян. Теперь в благодарность жители Иависа выкрали тело погибшего царя и с почестями похоронили его у себя на кладбище. Филистимляне захватили долину Езреель, заняв таким образом выгодную стратегическую позицию для покорения всего Ханаана. Государство, с таким трудом созданное Саулом, перестало существовать.

АВИД СКОРБИТ О СМЕРТИ САУЛА И ИОНАФАНА. О трагических событиях в долине Езреель Давид узнал, вернувшись в Секелаг после погони за амаликитянами. Какой-то человек в разодранной одежде и с головой, посыпанной пеплом, бросился ему в ноги и, рыдая, рассказал о смерти Саула, Ионафана и двух других царских сыновей. Это был юноша-амаликитянин, служивший наемником в израильской армии и участвовавший в злополучном сражении. Юноша сказал, что по просьбе раненого Саула он убил его, и в доказательство правдивости своих слов передал Давиду венец и запястья, снятые с покойного царя. Он выдумал всю эту историю, рассчитывая, что Давид щедро вознаградит его за убийство соперника. В действительности, убегая с поля боя, он наткнулся на тело царя, прежде чем его обнаружили филистимляне, и снял с него венец и запястья. Но он жестоко обманулся в своих ожиданиях: Давид вместо награды велел казнить его за убийство помазанника божьего.

Участь Саула глубоко опечалила Давида, так как его гибель означала одновременно упадок первого объединенного израильского государства. Смерть же Ионафана была для Давида большим личным горем. Он потерял единственного по-настоящему верного друга, преданного и бескорыстного. Никто уже не сумеет занять в его сердце место Ионафана. Давид рыдал, бился головой о стену, разодрал на себе одежду. Вместе с ним плакали и причитали его боевые соратники и вся семья. До вечера никто не притронулся к еде, всю ночь никто не спал. На следующий день Давид бродил по комнатам молчаливый, угрюмый, измученный страданиями. Потом он взял свою любимую арфу и, перебирая пальцами струны, излил свое горе в следующей элегии:

Краса твоя, о Израиль, поражена на высотах твоих!
Как пали сильные!
Не рассказывайте в Гефе,
Не возвещайте на улицах Аскалона,
Чтобы не радовались дочери филистимлян,
Чтобы не торжествовали дочери необрезанных.

Горы Гелвуйские!
Да не сойдет ин роса, нн дождь на вас,
И да ие будет на вас полей с плодами;
Ибо там повержен щнт сильных, щит Саула,
Как бы не был он помазан елеем
Без крови раненых, без тука сильных
Лук Ионафана не возвращался назад,
И меч Саула не возвращался даром.
Саул н Ионафан, любезные н согласные
в жнзни своей,
Не разлучнлнсь н в смертн своей.
Быстрее орлов, снльнее львов они былн.
Дочерн нзранльскне!
Плачьте о Сауле,
Который одевал вас в багряннцу с украшеннямн
И доставлял на одежды ваши золотые уборы.
Как палн сильные на браин!
Сражен Ионафан на высотах твоих.
Скорблю о тебе, брат мой Ионафан:
Ты был очень дорог для меня;
Любовь твоя была для меня превыше любви женской!
Как палн сильные, погибло оружне бранное!

АВИД ИЗБРАН ЦАРЕМ ИУДЕЙСКИМ И БОРЕТСЯ ЗА ИЗРАИЛЬСКИЙ ПРЕСТОЛ. Давид прииадлежал к племени Иуды. Будучи в нзгнаиии главарем разбойничьей шайки, ои не только защищал своих соплеменннков от вражеских нападеиий, ио даже делнлся с ними своей добычей, завоевав себе их нскреиию признательность н расположеиие. Не удивнтельно, что после смерти Саула они призвали его в Хевроi и избралн царем иудейскнм. В то же самое время в городе Махаиаиме, за Иордаиом, военачальиик Авеиир при поддержке десятн севериых племеи провозгласил царем четвертого сыиа Саула, Иевосфея. Это был человек слабый н безвольный, ставшнй послушным оруднем в руках Авеннра, который фактически правнл всем Израилем, кроме племеин Иуды. Давид ие прнзиал Иевосфея царем, что прнвело к расколу государства. Бунт против дниастии Саула, пользовавшейся поддержкой большннства иарода, не мог не привестн раио нли поздио к граждаиской войне. Давид плаиомерно готовнлся к ней. Будучи не только храбрым н опытиым военачальником, ио также ловким, дальновидиым полнтнком, он поиимал, что подлинной прнчнной раскола является извечный антагонизм между племенамн севера и юга. Поэтому ои с самого начала пытался снискать расположеине севериых племеи. Ои иаправнл к жнтелям Иависа послов с благодариостью за погребеиие Саула

и постарался распространить по всей стране слухи о своем трауре и о том, как был казнен амаликитянин, осмелившийся поднять руку на царя. В этой деятельности Давиду усердно помогали жрецы. Со времени конфликта Самуила с Саулом и резни в Номве они были непримиримыми врагами семьи Саула, а Давида считали послушным исполнителем своей воли.

Семь с половиной лет своего царствования в Хевроне Давид использовал для формирования сильной армии, во главе которой стоял доблестный военачальник Иоав. Филистимляне, чью бдительность Давид сумел усыпить, ни о чем не догадывались. Они считали Давида безопасным и полезным вассалом, поскольку он разбил единство Израиля.

Гражданская война в Израиле началась кровавой битвой у Гаваонского пруда. Согласно старинному обычаю, битве предшествовало единоборство, в котором встретились двенадцать вениамитян со стороны Иевосфея и двенадцать иудейских воинов. Единоборство было таким ожесточенным, что все участники его погибли. Затем разгорелось сражение, длившееся целый день. Иудейская армия под командованием Иоава одержала полную победу, и воины Иевосфея обратились в бегство. В погоню за ненавистным Авениром бросился Асаил, брат Иоава. Это был юноша очень храбрый, но неопытный в военном деле. Авенир трижды предлагал ему поискать другого противника. «Отстань от меня,— говорил он Асаилу,— чтоб я не поверг тебя на землю; тогда с каким лицем явлюсь я к Иоаву, брату твоему?» Но юноша оставался глух к предостережениям, и Авениру волей-неволей пришлось сразиться с ним. Он победил без труда, сразу же пронзив Асаила копьем. Когда Иоав нашел на поле боя тело своего брата, он в отчаянии разодрал на себе одежды и поклялся отомстить Авениру.

Война за израильский престол была длительной и ожесточенной. Израильтяне постепенно теряли почву под ногами, а Давид все больше укреплял свои позиции. Ряды его армии постоянно пополнялись, к нему примыкали также люди северных племен. Среди них были честные патриоты, убежденные, что только Давид может защитить Израиль от филистимлян. Но были и разного рода соглашатели, предпочитавшие заблаговременно перейти на сторону победителя.

Постоянные неудачи сильно пошатнули влияние Авенира в Маханаиме. Основой его власти было всеобщее убеждение, что он лучший военачальник во всем Израиле и даже Давид не в силах с ним справиться. Теперь слава Авенира померкла настолько, что он не был уверен даже в поддержке армии. Марионеточный король Иевосфей и его придворные начали обращаться с ним с пренебре-

жением. Это вскоре привело к открытому конфликту. Чувствуя, что власть ускользает у него из рук, Авенир стал искать способы упрочить свое положение и взял себе одну из наложниц Саула, по имени Рицпа. Это встревожило Иевосфея. По старинному обычаю, пользоваться гаремом умершего царя мог исключительно наследник престола. Поступок Авенира мог означать, что он готовит государственный переворот. Между царем и военачальником вспыхнула из-за этого бурная ссора. Авенир напомнил Иевосфею, что он ему обязан престолом, а затем, потеряв самообладание, прямо заявил, что, по его мнению, Давид одержит победу над потомками Саула. Слабый и трусливый король почувствовал в словах Авенира угрозу измены и, напуганный, ушел к себе. Авенир решил действовать без промедления и тут же тайком направил послов к Давиду, сообщая, что перейдет на его сторону вместе со всей армией, если Давид пообещает ему неприкосновенность и назначит военачальником. Давид согласился, но поставил условием, чтобы Авенир вернул ему его жену Мелхолу, которую Саул отнял у него и отдал другому. Авенир забрал Мелхолу у ее нового мужа — Фалтия — насильно. Муж был в отчаянии. Рыдая и ломая руки, он бежал за своей любимой, пока наконец Авенир не потерял терпение и под угрозой смерти не велел ему возвратиться домой. Фалтию пришлось повиноваться.

Поскольку жрецы уже давно объявили, что Яхве предназначил Давида в цари израильские, Авенир без труда склонил вождей племен к переговорам. Послов северных племен встретили в Хевроне очень хорошо. По заключении соглашения Давид устроил в их честь великолепный пир. Военачальник Иоав находился в то время в лагере с армией. Узнав о соглашении, он поспешил к Давиду и сказал с горечью: «Что ты сделал? Вот, приходил к тебе Авенир; зачем ты отпустил его и он ушел? Ты знаешь Авенира, сына Нирова; он приходил обмануть тебя, узнать выход твой и вход твой и разведать все, что ты делаешь».

Иоаву, разумеется, были не по душе переговоры Авенира с Давидом. Он видел в Авенире грозного соперника и, прежде всего, убийцу своего брата. После бурного разговора с царем Иоав решил действовать. Авенир отправился в обратный путь, в Маханаим. Под предлогом того, что Давид должен ему еще что-то сообщить, Иоав вернул Авенира в Хеврон и там его убил. Давид не наказал Иоава за это убийство. Прежде всего, он был, в сущности, рад, что избавился от столь опасного союзника. Кроме того, родовая месть считалась в Израиле священным долгом. И наконец, он вообще не хотел портить отношений с Иоавом, пользовавшимся большой популярностью в народе.

Известие о соглашеиии с Давидом вызвало в Махаиаиме небывалый переполох. Иевосфей упал в обморок от ужаса, а его стороиники и приближеииые тайком бежали из дворца, спасая свою шкуру. Однажды дием, когда всеми покинутый Иевосфей дремал после обеда, два вениамитяиина, переодетые хлеботорговцами, проникли во дворец, ворвались в спальию царя и закололи его мечами. Отрублеииую голову оии принесли Давиду в надежде получить иаграду. Но вместо награды Давид велел отрезать цареубийцам руки и ноги, а их тела повесить в Хевроне над прудом в назидание тем, кто вздумает покушаться иа жизнь помазанннка божьего. Голову Иевосфея он торжествеиио похоронил в гробнице Авенира.

Во дворце Маханаима жил сын Ионафана. Это был юноша хромой иа обе ноги. Когда Ионафан погиб в долине Езреель, мальчику было всего пять лет. Его нянька, узнав о поражении, бросилась бежать и уроиила ребенка на землю. Давид взял к себе сыиа погибшего друга и окружил отеческой заботой. Хромой потомок Саула имел всю жизнь право на место за столом, с ним обращались как с членом семьи.

После смерти Авенира и свержения династии Саула Давид остался едииственным серьезным претендентом на израильский престол. Не только потому, что он стоял во главе армии-победнтельницы, но и потому, что Самуил помазал его когда-то в цари. Представители северных племен, напуганные ростом могущества филистимлян, прибыли в Хеврон и официально предложилн Давиду престол. Таким образом, после семи с лишним лет царствоваиия в Хевроне Давид стал царем всего израильского государства. В течение следующих тридцати трех лет царствования он покоряет филистимлян и создает самое мощное государство во всей истории еврейского народа.

ОРОД ДАВИДОВ. Филистимляне, узнав, что их вассал стал царем всего Израиля, решили поймать его и наказать, как мятежника. Мощная филистнмская армия вошла в долину Рефаим к западу от Иерусалима, отрезав, таким образом, юг страны от ее севера. Давид очутился в очень тяжелом положении. Его войско, хотя и пополненное воинамн северных племеи, не могло тягаться с боевыми колесницами фнлистимлян. Поэтому ои решил не повторять ошибку Саула и, избегая открытых сражеиий, ограничиваться партизанской борьбой. Тут у иего был богатейший опыт, накопленный в период скитаний. Кроме того, у Давида было еще одио преимущество: в качестве вассала филистимлян ои хорошо изучил их воеииую тактику.

В филистимскнх отрядах, терзаемых изранльскими партизанамн, постепенио падал боевой дух. При малейшей тревоге оин обращались в бегство. В удобные моменты Давнд переходил в открытое нападеине и таким образом одержал две крупиые победы. Захватчнки, тесимые отовсюду, отошли иакоиец иа собствеиную террнторню. О размерах их пораженин свидетельствует факт, что израильтяие, преследуя их, дошли до филистимского города Гефа. С той поры фнлистнмлянам никогда больше ие удалось вернуть себе былое могущество, а со временем нм прншлось даже признать гегемоиию Израиля.

Объеднненное царство Давида не имело своей столнцы. Хеврои был расположеи слишком далеко к югу, к тому же севериые племеиа ие очеиь хотели сделать своей столнцей иудейскнй город. Считаясь с этимн настроеииями, Давид обратил свое внимаине на Иерусалнм. Город этот в течеине четырехсот лет принадлежал иевусеям, и ревиивым севериым племенам он казался нейтральиым. Но завоевать Иерусалнм было нелегко. Построеиный на трех холмах, защнщеиный крепостью на непрнступиой скале Сиои, ои успешно отражал все иападеиия. Жители Иерусалима, увереииые в своей иепобеднмости, шутя говорили, что город мог бы защитить даже отряд, состоящий исключнтельио из слепых н хромых. Не уднвнтельно, что оии встретилн иасмешкамн н нападеине изранльтяи. Давнд штурмовал город раз за разом, н все безуспешно. Расстроеииый неудачами, ои заявнл, что тот, кто победнт иевусеев, стаиет киязем и гетмаиом. Задачу эту взялся выполннть Иоав. Город можно было захватить только хитростью. Иоав броднл по окрестиостям, расспрашнвал людей н иакоиец открыл потайной ход в крепость. В долнне к востоку от Иерусалнма был расположеи источник, от которого вел в город вертикальный, выдолбленный в скале канал. Иевусен ие ожндали нападеиня с той стороны и, увндев нзраильтяи, кннулнсь нм навстречу, оголнв городскне стены. Давид тут же воспользовался этнм н одиим мощиым ударом захватнл город.

Холм с крепостью в южиой части города он сделал столнцей Израиля н назвал «городом Давндовым». Он тут же развериул большое строительство н решил воздвигнуть себе дворец, достойный велнкого моиарха. С этой целью он вступнл в торговые сиошеиия с царем тирскнм Хирамом, который прнслал ему кедровое дерево для строительства, а также зодчих и ремеслеиннков. С их помощью было построено зданне, ие уступавшее дворцам самых могущественных царей соседних государств. Давнд следовал примеру своих соседей еще в одиом отношеиии: он создал себе большой гарем, поскольку гаремы былн в то время мернлом царского вели-

чия. Со временем он стал отцом многочисленного семейства, наполнившего шумом, смехом и ссорами все уголки дворца.

Давид хотел, чтобы Иерусалим стал также религиозным центром Израиля. Для этого нужно было перевезти туда ковчег завета, находившийся со времен Саула в маленьком городке Карнаф-Иариме. Давид отправился за ковчегом вместе со своими придворными и с тридцатитысячной армией. Ковчег на колеснице, запряженной волами, сопровождали жрецы и толпы народа, выражавшего свою радость плясками, пением, игрой на арфах, свирелях, кимвалах, тамбуринах, барабанным боем. Во главе шествия шагал сам царь Давид в белой льняной одежде жреца. Но, прежде чем шествие достигло Иерусалима, Яхве дал знать о себе угрожающим знамением. По дороге волы, напуганные шумом, бросились в сторону, колесница наклонилась и ковчег чуть не упал. В последнее мгновение его поддержал человек по имени Оза. Но прикосновение к ковчегу было ужасным святотатством, и Яхве, несмотря на благие намерения виновника, немедленно покарал его смертью.

Это так потрясло Давида, что он велел немедленно остановить шествие и оставил ковчег на хранение одному израильтянину, по имени Аведдар. Только три месяца спустя он решился снова повезти ковчег в столицу. Народ снова веселился, плясал и играл, и снова во главе шествия выступал Давид в белоснежной одежде жреца. На голове у него сверкала царская диадема, в руке он держал свою арфу и играл на ней. Следом за ним высоко над головами жрецы несли ковчег завета, и распростертые крылья херувимов сверкали, как факелы.

За шествием наблюдала из окна жена Давида Мелхола. Видя, как царь общается с толпой, она прониклась к нему презрением и не скрывала этого.

Ковчег установили в специально приготовленном священном шатре. После жертвоприношения, раздачи продовольствия населению и пира Давид вернулся во дворец. Мелхола встретила его там насмешками, говоря: «Как отличился сегодня царь Израилев, обнажившись сегодня пред глазами рабынь рабов своих, как обнажается какой-нибудь пустой человек».

Давид, глубоко обиженный, разлюбил ее навсегда. Мелхола на всю жизнь осталась в немилости, и ей не пришлось родить Давиду сына. Над ней торжествовали Авигея, Ахиноама и многочисленные наложницы — матери царских сыновей и дочерей.

Однажды Давид призвал к себе пророка Нафана и сказал: «Вот я живу в доме кедровом, а ковчег божий находится под шатром». Он заявил, что хочет построить в Иерусалиме храм, который своим великолепием превзойдет его дворец. В первый момент

Нафан горячо одобрил эту идею. Но на следующий день он рассказал, что ночью с ним говорил Яхве и запретил строить храм; Яхве хотел оставаться по-прежнему богом пастухов и жить в шатре. Давиду пришлось покориться воле всевышнего и отказаться от намерения украсить свою столицу великолепным храмом. Такой храм построил впоследствии его наследник — Соломон.

АВИД — СОЗДАТЕЛЬ КРУПНОЙ ДЕРЖАВЫ. Объединив все израильские племена и покорив филистимлян, Давид принялся расширять границы своего государства, завоевывая новые земли. Прежде всего он подчинил себе моавитян и эдомитян. Потом против его воли вспыхнула война с аммонитянами. Умер аммонитский царь Наас, и на престол вступил его сын Анион. Давид направил к нему посольство с выражением соболезнования и пожеланием благополучного царствования. Но аммонитские князья смутили юного царя, говоря ему: «Неужели ты думаешь, что Давид из уважения к отцу твоему прислал к тебе утешителей? Не для того ли, чтобы осмотреть город и высмотреть в нем и после разрушить его прислал Давид слуг своих к тебе?» Анион, поддавшись их уговорам, велел сбрить каждому из послов половину бороды, обрезать одежду наполовину, до чресл, и в таком виде, обесчещенных, отправил обратно в Иерусалим. Давид не мог стерпеть обиды и послал против оскорбителя Иоава во главе своей испытанной армии. Война была тяжелой и опасной, ибо аммонитяне призвали на помощь пятерых арамейских царей. Тем не менее решающее сражение окончилось полной победой израильтян. Таким образом, под властью Давида оказалась также значительная часть Сирии. В Дамаске стоял отныне мощный израильский отряд, и там пребывал царский наместник.

Благодаря своим завоеваниям Давид создал крупную державу, границы которой простирались от залива Акаба до самого Евфрата, а за Иорданом от Арнона до Гермона. Филистимляне, разгромленные Давидом, теряли постепенно свою политическую независимость. Израиль окончательно восторжествовал над своими врагами и вступил в единственный в своей истории великодержавный период.

Давид занялся внутренним устройством своего государства. Основой его могущества была армия, и прежде всего ей посвятил царь свое внимание. Но в области вооружения он не ввел никаких новшеств. Армия по-прежнему состояла из пехоты, вооруженной копьями, пращами и мечами. Грозное оружие филистимлян — боевые колесницы — почему-то не пришлось Давиду по вкусу. У него

была прекрасная возможность взять колесницы на вооружение без особых затрат, так как в войне с арамейцами ему достались в качестве трофея тысяча семьсот боевых колесниц с лошадьми. Но вместо того, чтобы влить их в свою армию, Давид велел колесницы сжечь, а лошадей искалечить. Он оставил только сто упряжек для нужд дворца. На них катались по Иерусалиму его сыновья и придворные вельможи. Ядро армии составлял «отряд смелых» — шестьсот соратников Давида со времен его скитаний. Давид давал им разные привилегии, наделял завоеванными землями, назначал на высокие посты. Эту армейскую элиту пополняли два крупных отряда наемников. В случае войны призывались в ополчение все мужчины, способные носить оружие. Командование армией находилось в руках Иоава. Ему подчинялись непосредственно три главных военачальника и тридцать более мелких. Вместе они составляли главный военный совет, подчиненный самому царю. Давид перестроил также гражданскую администрацию, следуя египетским образцам. Во главе государства стояли совет старейшин и канцлер. Самыми крупными чиновниками были два царских казначея, окружные сборщики податей, писари и семь главных управляющих, в ведении которых находились поля, виноградники и сады царя, его овцы, крупный рогатый скот, ослы и верблюды. В стране царил порядок, росло благосостояние. Давид обогащал свою казну и казну храма Яхве огромной военной добычей в золоте, серебре и меди. Пленных он не убивал, а превращал в рабов, заставляя их работать в своих угодьях и во дворце.

Он упорядочил также религиозные дела, установив среди жрецов строгую иерархию. С должностью верховного жреца у него возникли некоторые осложнения. В главном религиозном центре Гавеоне верховным жрецом был Садок, потомок Елеазара. Его выдвинул Саул после избиения жрецов в Номве. Но в Иерусалиме пребывал Авиафар, единственный жрец, спасшийся в Номве, верный товарищ Давида в его скитаниях. Давид не мог устранить Садока, так как боялся гнева северных племен. И он решил, что в Израиле будут два верховных жреца: Садок и Авиафар.

АВИД УВОДИТ ЖЕНУ УРИИ. Пока Иоав громил аммонитян и осаждал их город Равву, Давид пребывал в своем дворце в Иерусалиме. Однажды он выглянул в окно и увидел в доме напротив очень красивую купающуюся женщину. Давид воспылал страстью к ней и послал узнать, кто она такая. Слуги доложили, что это Вирсавия, жена Урии-хеттея-

нина, одного из тридцати военачальников. Урия находился вместе с Иоавом в походе против аммонитян, и Давид, пользуясь отсутствием мужа, соблазнил его жену. Спустя некоторое время оказалось, что Вирсавия ждет ребенка. Тогда царь задумал гнусным образом избавиться от обиженного им супруга. Он потребовал от Иоава прислать к нему Урию с отчетом о ходе войны. Храбрый военачальник прибыл во дворец и подробно отчитался. Давид встретил его с деланным радушием, усадил к себе за стол, а вечером отправил домой, советуя отдохнуть с дороги. Но Урия лег спать на полу вместе с дворцовой стражей. Наутро на вопрос, почему он не пошел к жене, Урия с достоинством ответил: «Ковчег и Израиль и Иуда находятся в шатрах, и господин мой Иоав и рабы господина моего пребывают в поле, а я вошел бы в дом свой есть и пить и спать со своею женою?»

Давид послал Урию обратно к Иоаву и дал ему запечатанное письмо, в котором, между прочим, написал: «Поставьте Урию там, где будет самое сильное сражение, и отступите от него, чтоб он был поражен и умер».

Иоав послушно выполнил этот позорный приказ, и бедный Урия, покинутый всеми на поле боя, погиб одиноко у стен Раввы. Вирсавию, искренне горевавшую о гибели мужа, Давид взял в свой гарем. Вскоре она родила ему сына.

Поступок царя вызвал в Иерусалиме всеобщее негодование. К Давиду явился Нафан, пророк, пользовавшийся в народе большим авторитетом. Царь встретил его со всеми почестями, усадил рядом с собой, Нафан же печальным голосом рассказал ему следующий случай: «В одном городе были два человека — один богатый, а другой бедный. У богатого было очень много мелкого и крупного скота, а у бедного ничего — кроме одной овечки, которую он купил маленькую и выкормил, и она выросла у него вместе с детьми его; от хлеба его она ела и из его чаши пила, и на груди у него спала, и была для него как дочь. И пришел к богатому человеку странник, и тот пожалел взять из своих овец или волов, чтобы приготовить обед для странника, который пришел к нему, а взял овечку бедняка и приготовил ее для человека, который пришел к нему». Давид с возмущением воскликнул, что богач заслуживает смерти. Нафан посмотрел ему в глаза и сказал значительно: «Ты — тот человек». Затем он заявил, что Яхве разгневался на Давида и накажет его смертью сына, рожденного Вирсавией.

Давид понял всю гнусность своего проступка и искренне раскаивался. Но Яхве был неумолим, и ребенок вскоре тяжело заболел. Семь дней он боролся со смертью. Царь был в отчаянии. Он постился и, не поднимаясь с земли, молил бога о милосердии. Род-

ные и слуги напрасно уговаривали его встать и поесть, а когда ребенок умер, никто не решался сообщить ему об этом. Давид заметил, что все испуганно шепчутся по углам. Узнав о случившемся, он тут же поднялся с земли, умылся, натерся благовониями и пошел в храм помолиться. Вернувшись во дворец, он велел накрыть на стол и плотно поел. Домашние были поражены. Когда царя спросили о причинах столь внезапной перемены, он ответил: «Доколе дитя было живо, я постился и плакал, ибо думал: кто знает, не помилует ли меня господь и дитя останется живо? А теперь оно умерло, зачем же мне поститься? Разве я могу возвратить его? Я пойду к нему, а оно не возвратится ко мне».

Вирсавия стала самой любимой женой Давида, и год спустя она снова родила ему сына. Это был Соломон, будущий царь Израиля.

ОВЫЕ ПОЗОРНЫЕ СОБЫТИЯ В ЦАРСКОМ ДВОРЦЕ. У Давида было многочисленное и сварливое потомство. Сыновья и дочери жен и наложниц всячески старались снискать себе расположение отца, не пренебрегая при этом интригами и клеветой. Давид не умел навести порядок в семье и прекратить это. Его дворец стал гнездом нечестивости и разврата. Однажды во дворце произошла отвратительная история. Амнон, первородный сын Давида, воспылал страстью к красавице Фамари, родной сестре своего сводного брата Авессалома. Девушка упорно отвергала его ухаживания и берегла свою девственность. Амнон, снедаемый страстью, худел и бледнел. Это заметил его друг, Ионадав, и спросил: «Отчего ты так худеешь с каждым днем?» «Фамарь, сестру Авессалома, брата моего, люблю я»,— признался Амнон. Тогда друг посоветовал ему пойти на хитрость: прикинуться больным и попросить царя, чтобы он прислал Фамарь к нему в сиделки. Ничего не подозревая, Фамарь приготовила еду и подала Амнону в постель. Но тот внезапно обнял ее со словами: «Иди, ложись со мной, сестра моя». Девушка сопротивлялась, уговаривая: «Нет, брат мой, не бесчести меня, ибо не делается так в Израиле. Не делай этого безумия. И я, куда пойду я с моим бесчестием? И ты, ты будешь одним из безумных в Израиле. Ты поговори с царем: он не откажет отдать меня тебе». Но Амнон не стал слушать и изнасиловал ее. Овладев Фамарью, Амнон сразу же охладел к ней и велел ей уйти. Несчастная девушка плакала, говоря: «Нет, прогнать меня — это зло больше первого, которое ты сделал со мною». В ответ Амнон позвал своего слугу и приказал: «Прогони эту от меня вон и запри дверь за нею».

Обесчещенная Фамарь посыпала голову пеплом, разодрала свои одежды и так запричитала, что весь дворец узнал о ее позоре.

Давид очень любил Амнона и никак не мог решиться наказать его как следует, хотя и был огорчен его поступком. Но самым удивительным было поведение Авессалома. Он пассивно проглотил обиду, несмотря даже на то, что мать его и Фамари была дочерью Фалмая, царя гессурского, и вся семья гордилась своей царской родословной. Обычай требовал кровной родовой мести. Между тем прошло два года, а Авессалом не только ничего не предпринимал, но, напротив, был всегда с Амноном очень любезен. Некоторые презирали его за это, не зная, что за его улыбками кроется ненависть и жажда мести. Амнон тоже дал обмануть себя и перестал остерегаться Авессалома.

И вот однажды по случаю стрижки овец Авессалом пригласил всю царскую семью на пир в свое владение в Ваал-Гацор. Давид под каким-то предлогом отказался от приглашения, но разрешил поехать всем своим сыновьям, в том числе Амнону. Это была ловушка. Как только Амнон опьянел от вина, слуги Авессалома зарубили его мечами. За столом, заставленным яствами и вином, началась паника. Остальные сыновья Давида вскочили на своих мулов и убежали в Иерусалим. Но их опередил слух о том, что Авессалом умертвил всех царских сыновей без исключения. Давид и его близкие пришли в отчаяние. Разорвав на себе одежды, они упали на пол и громко оплакивали гибель всего мужского потомства царя. К счастью, вскоре оказалось, что слух был ложным. Сыновья прибыли во дворец, восторженно приветствуемые придворными. Давид от радости расплакался и обнял их всех с отеческой нежностью.

Авессалом между тем бежал к своему деду — Фалмаю, царю гессурскому. Он просидел там три года, ожидая прощения от отца. Иоав взялся ходатайствовать за него и в конце концов добился для Авессалома разрешения вернуться в Иерусалим. Отец, однако, не желал его видеть и не разрешал ему приходить во дворец. Прошло еще два года, и Авессалом потерял терпение. Он снова просил Иоава похлопотать за него, но на этот раз Иоав решительно отказался. Тогда Авессалом велел поджечь хлеб в закромах Иоава и пригрозил, что причинит ему еще больший вред, если он не согласится выполнить его просьбу. Иоаву пришлось уступить. А поскольку Давид очень считался с его мнением, то вскоре примирение между отцом и сыном состоялось. Давид был даже рад этому и нежно обнял Авессалома после долгой разлуки.

ЯТЕЖ АВЕССАЛОМА. Авессалом был, по общему мнению, самым красивым мужчиной в Израиле. Все в его облике было прекрасно: благородная осанка, выразительные глаза и мужественные, правильные черты лица. Особенно красили его пышные блестящие волосы.

Авессалом был любезен и обходителен со всеми, даже с простым людом, и вскоре стал всеобщим любимцем. Когда он, нарядный, сверкая драгоценностями, мчался по городу на колеснице в сопровождении пятидесяти воинов личной гвардии, толпа восторженно приветствовала его. Для женщин он был царевичем из сказки, для мужчин — гордостью и надеждой Израиля. Со временем он стал также любимцем и гордостью отца. Давид все разрешал ему, закрывая глаза на его легкомыслие, расточительность и тщеславие. Любовь к сыну так ослепила царя, что он не обращал никакого внимания на предостережения и намеки окружающих. Он не подозревал, что под блестящей внешностью Авессалома кроется сердце, способное на самую черную измену. Авессалому было уже тридцать лет, и ему не терпелось занять царский престол. Преследуя свои цели, он делал все, чтобы снискать себе расположение толпы. Гуляя по улицам, он обнимал каждого, кто его приветствовал. Люди говорили с восторгом: вот это наш человек. Он часто приходил к городским воротам, где Давид вершил суд, уводил в сторонку проигравших тяжбу и внушал им, что царь их обидел, он же, Авессалом, решил бы дело в их пользу. Таким образом, он сеял неприязнь к Давиду, а сам завоевывал популярность. Постепенно он оплел сетью своих интриг всю страну. Через тайных посланников он взбунтовал северные племена, обещавшие ему в случае восстания вооруженную поддержку. Эти племена не могли простить Давиду, что он сверг династию Саула, и всегда считали его узурпатором. Извечная неприязнь и презрение к южному племени Иуды не позволяли им примириться с фактом, что выходец из этого племени царствует над всем Израилем.

Авессалом попросил у отца разрешения поехать в Хеврон, якобы для того, чтобы принести жертву Яхве в благодарность за возвращение из изгнания в Иерусалим. Не догадываясь ни о чем, Давид дал согласие, и Авессалом отправился в Хеврон в сопровождении двухсот человек своих приверженцев. Прибыв в Хеврон, он бросил клич всем участникам заговора и вскоре собрал многочисленную армию, в состав которой входили воины почти всех северных племен. Мятежники провозгласили Авессалома царем и двинулись на Иерусалим.

Давид узнал о мятеже в самый последний момент и в панике пешком покинул Иерусалим. Его сопровождала гвардия старых со-

ратников в количестве шестисот человек и два отряда филистимских наемников, преданных ему душой и телом. Царь взял с собой все свое семейство, оставив лишь десять наложниц присматривать за дворцом.

Жрецы Садок и Авиафар тоже присоединились к беглецам и даже захватили с собой ковчег завета.

Вскоре, однако, к Давиду вернулось присутствие духа и он начал действовать. Прежде всего он приказал жрецам вернуться в Иерусалим и сообщать ему, что там происходит. Расставание было очень тяжелым. Царь и его близкие плакали, покрыли в знак траура головы плащами и босиком поднялись на гору Елеонскую, откуда был виден удаляющийся ковчег завета. Они потеряли все: столицу, родной дом и главную религиозную святыню. Впереди у них были неизвестность и скитания.

Несколько позже Давид узнал, что советником Авессалома является Ахитофел — человек выдающегося ума. Это известие сильно встревожило Давида: Авессалом, пользующийся советами Ахитофела, мог стать очень опасен. Этому необходимо было помешать, и царь решил прибегнуть к шпионажу. Он приказал своему самому преданному советнику Хусию вернуться в Иерусалим и войти в доверие к Авессалому. Став советником последнего, он должен был отвергать советы Ахитофела и сообщать Давиду планы мятежников.

Давид продолжал свой путь. Однажды, когда он проходил через город Бахурим, ему навстречу вышел человек по имени Семей из рода Саулова, забросал его камнями и закричал: «Уходи, уходи, убийца и беззаконник! Господь обратил на тебя всю кровь дома Саулова, вместо которого ты воцарился, и предал господь царство в руки Авессалома, сына твоего; и вот ты в беде, ибо ты кровопийца!»

Услышав это, Авесса, верный слуга царя, сказал: «Зачем злословит этот мертвый пес господина моего, царя? Пойду я и сниму с него голову». Но Давид остановил его, не желая еще более ухудшать отношения с северными племенами. Он продолжал свой путь, а обнаглевший Семей все выкрикивал ругательства и швырял камни, так что воинам пришлось заслонять царя щитами. Только когда беглецы переправились через Иордан, Семей отстал от них и вернулся восвояси.

Между тем в Иерусалиме Авессалом созвал военный совет, чтобы обсудить дальнейшие действия. Ахитофел уговаривал его взять себе царских наложниц, а сам хотел немедленно отправиться в погоню за Давидом. Хусий, однако, успевший уже войти в доверие к Авессалому, решительно возражал против этих предложе-

ний. Он подчеркнул, что Давид — опытный военачальник, особенно искушенный в партизанских боях. Несмотря на численное превосходство, армия Ахитофела может потерпеть поражение, и тогда испуганные северные племена покинут Авессалома. Он советовал собрать по всей стране народное ополчение и идти на решительный бой с сильной, хорошо организованной армией. Этот план пришелся по душе и Авессалому, и всему военному совету. Ахитофел разгадал тайные замыслы Хусия, но так как никто не внял его возражениям, то он оседлал своего мула, вернулся домой и там с отчаяния повесился. Проинформированный жрецами о решении военного совета, Давид воспользовался передышкой, чтобы собрать армию. В стране у него оставалось еще много приверженцев. Ряды его армии значительно пополнились молодежью, а богатые сторонники, как Сива, Махир и Верзеллий, снабжали его одеялами, глиняной утварью, пшеницей, ячменем, крупами, бобами, чечевицей, жареными зернами, медом, маслом, овцами и телятами.

Некоторое время спустя Авессалом переправился через Иордан, готовый к решительному сражению. Давид, все еще любя своего мятежного сына, строго приказал не убивать Авессалома, сберечь ему жизнь.

Бой окончился полным разгромом мятежников. Авессалом, ехавший на муле, запутался волосами в ветвях дуба. Мул побежал дальше, а Авессалом повис на дубе. Там его нашел Иоав и, вопреки приказанию Давида, убил. Тело Авессалома кинули в лесу в глубокую яму и забросали камнями.

Смерть сына очень опечалила Давида. Он покрыл голову и плакал, повторяя: «Сын мой Авессалом! Сын мой, сын мой Авессалом! О, кто дал бы мне умереть вместо тебя, Авессалом, сын мой, сын мой!» Так он причитал весь день, пока наконец Иоав потерял терпение и заявил, что царю, очевидно, враги ближе друзей, рисковавших жизнью ради него.

Давид решил вернуться в столицу. Со всех сторон сбежались теперь его приверженцы, чтобы сопровождать царя в триумфальном возвращении. Явились также недавние противники — молить о прощении. Среди них был и Сива из дома Саулова с двенадцатью сыновьями, и Семей, который так оскорбил царя во время бегства. Давид полностью простил их и обещал не покушаться на их жизнь. Он решил также вознаградить тех, кто оставался верен ему в тяжелые минуты. Особенную благодарность он питал к Верзеллию, так щедро снабжавшему его. «Иди со мной,— уговаривал он его теперь,— и я буду продовольствовать тебя в Иерусалиме». Верзеллий же отвечал: «Мне теперь восемьдесят лет; различу ли хорошее от худого? Узнает ли раб твой вкус в том, что буду есть,

н в том, что буду пить? И буду ли в состояннн слышать голос певцов и певнц? Зачем же рабу твоему быть в тягость господину моему царю? Еще немного пройдет раб твой с царем за Иордан; за что же царю награждать меня такой милостью? Позволь рабу твоему возвратиться, чтобы умереть в своем городе, около гроба отца моего и матери моей». Вместо этого он попросил, чтобы царь взял с собой его сына Кимгама.

Обняв старика иа прощание, Давид переправился через Иордан и пошел в столицу. По пути возник коифликт между племенами Изранля и Иуды из-за очередности мест в триумфальном шествин. Недавние противннки, ссылаясь на свое огромное численное превосходство, требовали себе первых мест. Иудеи же не уступали ни иа шаг. Вскоре израильтяне вторично подняли мятеж. Вождем мятежников был на этот раз вениамитянин по именн Савей. Их усмнрение Давид поручил военачальнику Амессаю, вызвав этим зависть Иоава. Иоав встретил как-то своего соперника, обнял его и, обнимая, пронзил мечом. Тело убитого он бросил прямо на дороге. Иоав пользовался уже в то время такнм влияннем, что Давид не осмелился наказать его, но в душе затаил гнев.

Савей с мятежииками скрылся в крепости Авела-Беф-Мааха. Жители крепости, опасаясь гибели, убили его, а отрубленную голову перекннули через стену в знак капнтуляции. Так окончился второй мятеж северных племен против гегемонии иудеев.

Прибыв в Иерусалим, Давид привел в порядок свои семейные дела. Десять наложниц, изнасилованных Авессаломом, он запер в отдельном доме, где они вдовствовали до конца своих дней.

ИЦПА — АНТИГОНА ИЗРАИЛЯ. В Израиле три года свирепствовал голод. Давид обратился к жрецам-прорицателям, спрашивая, как смягчить гнев Яхве. И тогда он узнал прнчину бедствия. Иисус Навин дал клятву гаваонитянам, что Израиль никогда не поднимет меча протнв них. Но Саул нарушил клятву, пытаясь истребить гаваонитян и завладеть их городом. Теперь кровь убитых тяготела на потомках Саула. Давнд призвал к себе уцелевших гаваонитян и спросил, как он может нскупить вину Саула. Гаваонитяне потребовали выдать им семерых мужских потомков Саула, чтобы повесить их у врат Гивы. Царь выполннл это требование, и семеро потомков Саула были повешены. Их тела бросили затем в поле на сожрание хищным зверям и птицам. Это было ужасное наказание, так как, по тогдашним верованиям, люди, не погребенные в земле, не могли обрести покой после смертн.

Среди казненных находились два сына Рицпы, наложницы Саула. Несчастная мать, облачившись в траурные одежды, легла рядом с телами своих сыновей, круглые сутки отгоняя от них зверей и птиц. Она пролежала так с апреля, когда началась пора жатвы, до октября — первого месяца дождей.

Палящее солнце сжигало поля, испепеляло цветы и травы, все люди прятались в тень от жары, одна лишь Рицпа не отходила от своих убитых сыновей. Слава о ней разнеслась по всему Израилю. Давид испугался растущего недовольства и велел похоронить казненных. В этой связи он вспомнил, что останки Саула и его сыновей до сих пор находятся в Иависе Галаадском. Чтобы задобрить северные племена, он устроил пышные похороны и торжественно перенес останки в семейную гробницу Саула.

ВОРЦОВЫЕ ИНТРИГИ. В последние годы жизни Давид сильно одряхлел. Кровь у него остывала настолько, что он не мог согреться даже в постели. Придворные решили найти молодую девушку, чтобы она спала с царем и согревала его. Искали по всему Израилю и наконец в городе Сунаме нашли девушку красавицу по имени Ависага. Прекрасная сунамитянка ночью согревала престарелого царя, а днем ухаживала за ним.

Никто не сомневался, что дни Давида сочтены, и началась борьба за престол. Претендентами были двое царских сыновей: Адония и Соломон. Адония, сын Аггифы, был красивым и надменным юношей. Пользуясь поддержкой северных племен, а также таких влиятельных лиц, как Иоав и верховный жрец Авиафар, он не сомневался в победе и разъезжал по городу в царской колеснице с дворцовой гвардией в пятьдесят человек.

Соломон был менее популярен, но и его поддерживали влиятельные лица во главе с верховным жрецом Садоком и пророком Нафаном. Кроме того, на его стороне были отборные части армии, а именно гвардия старых соратников Давида (шестьсот человек) и оба отряда филистимских наемников. Как сын самой любимой жены Давида — Вирсавии, Соломон был любимцем отца и имел большие шансы на успех.

Во дворце, у изголовья умирающего царя, бушевали страсти, плелись сети интриг. Адония решил заранее проложить себе путь к престолу. Он устроил для своих сторонников у источника Рогель большой пир, явившийся, по сути дела, военным советом. В нем приняли участие Иоав, Авиафар, все царские сыновья, кроме Соломона, и многие вожди северных племен. Весть об этом дошла до

дворца. Пророк Нафан поспешил к Вирсавии и приказал ей немедлеиио сообщить Давиду, что Адония самовольно провозгласил себя царем. Сам ои обещал прийти попозже, чтобы подтвердить правдивость ее слов. Обвииение было ложиым илн, во всяком случае, преждевремениым, но борьба за власть достигла такого иакала, что враждующие стороны не гнушались иикакими средствами. Вирсавия наклонилась к изголовью больиого царя и сказала: «Господин мой царь! Ты клялся рабе твоей господом богом твоим: «Сын твой Соломон будет царствовать после меия, н он сядет иа престоле моем». А теперь вот Адоиия воцарился, и ты, господин мой царь, ие знаешь о том. И заколол он множество волов, тельцов и овец, и прнгласил всех сыновей царских и священника Авиафара, и военачальиика Иоава. Соломоиа же, раба твоего, ие пригласил».

Тут вошел Нафаи и подтвердил слова Вирсавии. Тогда царь, собравшись с силами, сказал: «Возьмите с собой слуг господина вашего и посадите Соломоиа, сына моего, иа мула моего, и сведите его к Гиону. И да помажет его там Садок священник и Нафан пророк в царя иад Израилем, и затрубите трубою и возгласите: «Да живет царь Соломон!»»

Так и сделали, и Соломои, уже царем, торжествеино возвратился во дворец.

Узиав об этом, участиики пиршества у источника Рогель в паиике разбежались, а Адоиия искал убежища в храме, ухватившись за жертвеиник.

Соломон обещал, что ии одии волос не упадет с головы Адоиии, если ои ие будет сиова покушаться на престол. Тогда Адоиия поклоиился иовому царю и вериулся домой.

Давид чувствовал, что его конец близок. Ои позвал к себе Соломоиа н завещал ему верно служить Яхве и построить в Иерусалиме храм из приготовлеииого им золота, серебра и строительных материалов.

При жизни Давиду приходилось считаться с Иоавом, которому он был обязаи миожеством побед над врагами. Но теперь, иа смертиом одре, ои вспомиил все зло, причииенное ему Иоавом. Убийство Авессалома, подлое убийство Амессая, иедавний сговор с Адонией и Авиафаром — все это Иоаву сходило с рук, так как Давид ие решался привлечь его к ответствеииости. Но теперь он завещал Соломоиу свести с Иоавом старые счеты и покарать его смертью. Давид не мог также примириться с мыслью, что остался в живых Семей, так иагло оскорбивший его у города Бахурима во время мятежа Авессалома. Правда, Давид поклялся ие наказывать его, ибо ие хотел еще более обострять отиошения со взбуитовавши-

мися северными племенами. Но его преемник не был связан этой клятвой. И Давид приказал Соломону учинить кровавую расправу над обидчиком.

Не забыл Давид и своих друзей. Особенно благодарен он был Верзеллию, снабжавшему его продовольствием, когда, покинутый всеми, он скрывался в горах от Авессалома. И Давид взял с Соломона обещание заботиться о том, чтобы потомкам преданного старика была всегда обеспечена зажиточная жизнь в Иерусалиме и почетное место за царским столом.

Вскоре в столице состоялась торжественная коронация Соломона. На жертвенник возложили для всесожжения тысячу быков, тысячу баранов и тысячу ягнят. Обряд помазания совершил верховный жрец Садок, верный сторонник нового царя.

Давид скончался на семидесятом году жизни, после сорока лет царствования, оставив сыну в наследство крупное государство, границы которого простирались от Дамаска до Египта и от Средиземного моря до земель к востоку от Иордана.

ОЛОМОН — ЦАРЬ ИЗРАИЛЯ И ИУДЕИ. В момент вступления на престол Соломону было всего двадцать лет, но он оказался энергичным правителем и ловким дипломатом. Его противников, рассчитывавших на молодость и неопытность нового царя, постигло разочарование. Адония, Иоав и Авиафар, отстраненные от власти, пребывали в Иерусалиме, и, возможно, с ними не случилось бы ничего худого, если бы самонадеянный Адония не совершил ошибку, имевшую роковые последствия. Однажды, к большому изумлению Вирсавии, он явился к ней в комнату. Увидев своего заклятого врага, Вирсавия, встревоженная, спросила: «С миром ли приход твой?» Адония ответил: «С миром» — и с горечью добавил: «Ты знаешь, что царство принадлежало мне, и весь Израиль обращал на меня взоры свои, как на будущего царя... Теперь я прошу тебя об одном, не откажи мне». Хотя Адония не смог удержаться, чтобы не подчеркнуть еще раз свои права на престол, добрая женщина согласилась все же выслушать его просьбу. И тут он объяснил цель своего прихода: «Прошу тебя, поговори царю Соломону, ибо он не откажет тебе, чтоб он дал мне Ависагу Сунамитянку в жену». Вирсавия была немного удивлена этой просьбой, но обещала похлопотать за Адонию перед Соломоном.

Соломон почтительно выслушал мать, но, узнав, в чем дело, возмутился и решительно отказал. Он подозревал, что за просьбой Адонии кроется какая-то хитрость. Женитьба на одной из налож-

ниц Давида могла дать ему основания для возобновления борьбы за престол; ведь, согласно старинному обычаю, гаремом покойного царя мог пользоваться только его законный наследник.

Разгневанный этим инцидентом, Соломон вспомнил заветы отца и решил покончить с вожаком враждебной ему группировки.

Вновь назначенному главному военачальнику Ванее было приказано убить Адонию и Иоава. Претендента на престол Ванея захватил дома и убил. Иоав же успел спрятаться во дворе храма, где действовало право убежища. Но Ванея осквернил священное место и пронзил Иоава мечом у самого жертвенника Яхве.

Избавившись, таким образом, от двух самых опасных врагов, Соломон подарил жизнь верховному жрецу Авнафару. Он только лишил его сана и приговорил к пожизненному изгнанию в маленький городок Анафоф, к северо-западу от столицы.

С тех пор в Израиле был снова лишь один верховный жрец — Садок, преданный помощник Соломона.

Вопреки желанию Давида, уцелел также Семей. Соломон разрешил ему построить дом в Иерусалиме и оставил в живых при условии, что он никогда не покинет город без разрешения. Но Семей был дерзок и не слишком соблюдал запрет. Однажды несколько его рабов бежали в филистимский город Геф, чтобы просить убежища у царя Анхуса. Семей, не спросив разрешения, отправился за ними в погоню. Как только он вернулся в столицу, Соломон, не пожелав выслушивать никаких оправданий, приказал Ванее казнить его.

АССКАЗ О ДВУХ МАТЕРЯХ. В Гаваоне находился главный жертвенник Израиля. Царь Соломон отправился туда и торжественно пожертвовал тысячу штук скота для всесожжения. Когда он улегся спать, ему явился Яхве и спросил, какиѐ у него есть желания, обещая их исполнить. Царь попросил дать ему разумное сердце, чтобы он мог быть справедливым судьей для своих подданных. Яхве понравилась скромность царя, и он не только дал ему мудрое сердце, но обещал сделать его самым богатым и знаменитым из всех царей в мире.

Соломон радостный вернулся в Иерусалим, совершил щедрое жертвоприношение у ковчега завета и устроил пир для всех жителей города. Затем он расположился в судейском кресле у городских ворот и стал вершить суд.

К нему привели двух женщин. Их дело было очень сложным и необычным. Одна из женщин, плача и клянясь, что говорит

правду, рассказала следующее: «Я и эта женщина живем в одном доме, и я родила при ней в этом доме. На третий день после того, как я родила, родила и эта женщина... И умер сын этой женщины ночью, ибо она заспала его. И встала она ночью и взяла сына моего от меня, когда я, раба твоя, спала, и положила его к своей груди, а своего мертвого сына положила к моей груди. Утром я встала, чтобы покормить сына моего, и вот, он был мертвый; а когда я всмотрелась в него утром, то это был не мой сын, которого я родила».

Обвиняемая все отрицала, обе женщины громко кричали и ругались. Царь после минутного раздумья схватил меч и приказал: «Рассеките живое дитя надвое и отдайте половину одной и половину другой». Тогда обвиняющая женщина в ужасе воскликнула: «О, господин мой! Отдайте ей этого ребенка живого и не умерщвляйте его!» Вторая же сказала спокойно: «Пусть же не будет ни мне, ни тебе. Рубите».

Выслушав их, царь указал на женщину, которая умоляла сохранить жизнь ребенку, и сказал: «Отдайте этой живое дитя и не умерщвляйте его: она его мать».

С тех пор израильтяне боялись царя, ибо убедились, что перед его мудростью ничто не скроется.

ОЛОМОН — ТАЛАНТЛИВЫЙ ПРАВИТЕЛЬ. Соломон получил в наследство сильное и богатое государство, живущее в мире и благоденствии. Покоренные соседние народы не представляли больше угрозы для Израиля. С богатым царем тирским Хирамом Израиль был связан договором о дружбе, заключенным еще при Сауле. Юный царь Соломон одержал дипломатическую победу, женившись на дочери фараона и получив в приданое захваченный у филистимлян город Гезер. Родство с египетской династией обеспечивало безопасность южных границ Израиля и усиливало политическую мощь страны. Еврейские племена впервые с незапамятных времен могли жить в мире и беспрепятственно заниматься мирным трудом. Память об этом блаженном времени сохранится на долгие поколения, и один из более поздних летописцев запишет: «И жили Иуда и Израиль спокойно, каждый под виноградником своим и под смоковницею своею, от Дана до Вирсавии, во все дни Соломона».

Соломон оказался также прекрасным администратором. На все высшие должности в государстве он назначил своих сторонников и друзей. Таким образом, должности канцлера, главного военачальника, начальника личной гвардии царя, писарей, секретарей

и главного сборщика податей оказались в руках надежных, преданных царю людей.

Наученный горьким опытом, Соломон старался укрепить свою власть, ослабляя израильские племена. Для этого он разделил страну на двенадцать административных округов, границы которых лишь частично совпадали с территорией отдельных племен. Во главе каждого из них он поставил своего наместника и начальника гарнизона. Округа поочередно, каждый в течение одного месяца в году, снабжали продовольствием царский двор и армию.

Армия тоже подверглась глубокой реорганизации. Давид, как известно, верил только в пехоту, а сам ездил на осле. Таким образом, Соломон получил в наследство устаревшую, не соответствовавшую требованиям эпохи армию. Теперь, преодолевая глубоко укоренившееся предубеждение израильтян против конницы, он организовал мощный конный корпус, состоящий из четырнадцати тысяч боевых колесниц. Он модернизировал также армейские обозы, введя в них повозки и конные упряжки. Кроме того, он построил в ряде израильских городов конюшни. Самые большие конюшни находились в Мегиддо, где стоял крупнейший отряд новой конницы. Корм для лошадей тоже доставляли поочередно административные округа.

Благодаря этим нововведениям укрепилась мощь израильского государства, а Соломон прослыл великим мудрецом.

ОЛОМОН СТРОИТ ХРАМ. На четвертом году своего царствования Соломон решил выполнить последнюю волю отца и воздвигнуть в Иерусалиме храм, достойный великого монарха. У него не было ни хорошей древесины, ни искусных мастеров-строителей, и он обратился к Хираму, царю тирскому, с просьбой о помощи. Вскоре был заключен договор. Хирам снабдил Соломона кедровым и кипарисовым деревом. Дерево доставляли по морю в Яффу, а оттуда израильские носильщики перетаскивали его в Иерусалим. Для ускорения рубки леса в горах Ливана Соломон приказал Адонираму создать армию подневольных ханаанских рабочих. Армия насчитывала тридцать тысяч человек и подразделялась на десятитысячные группы, отправлявшиеся поочередно на несколько месяцев в Тир, чтобы помогать финикийцам рубить деревья и вязать плоты.

Царь Хирам прислал в Израиль лучших мастеров во главе с замечательным художником-умельцем Хирамом, мастером по литью и обработке золота, серебра и бронзы.

За доставку строительных материалов Соломон обязался пла-

тить ежегодно двадцать тысяч мер пшеницы, двадцать тысяч ведер вина и двадцать тысяч мер лучшего оливкового масла. Одновременно в Израиле была создана армия рабочих, в принудительном порядке работавших на стройке. Туда входили исключительно порабощенные израильтянами ханаанеяне. Армия рабочих насчитывала сто пятьдесят тысяч мужчин. Восемьдесят тысяч работали каменотесами в заиорданских горах, а семьдесят тысяч переносили обтесанные камни на строительную площадку в Иерусалиме. Их работой руководили три тысячи триста израильских надзирателей.

Храм воздвигли на холме Офел, вершину которого срезали и сровняли. Для расширения полученной площадки ее окружили вертикальной стеной из обтесанных каменных глыб, скрепленных оловом. Строительство храма продолжалось более семи лет. На вершину холма вела дорога, по которой входили во внешний двор. Там всегда толпились жители Иерусалима и паломники со всего Ханаана. Вторая стена окружала внутренний двор — основное место религиозных обрядов. Посредине двора стоял жертвенник всесожжения, на котором горел вечный огонь. Рядом находилось «медное море» — медная цистерна, наполненная водой для обмывания жертвенных животных. Эта огромная чаша, отлитая Хирамом в горах Заиорданья, покоилась на двенадцати медных волах; три из них глядели на север, три — на запад, три — на юг и три — на восток. Кроме того, во дворе стояли десять медных подстав на колесах для перевозки воды.

Храм был невелик: всего лишь тридцать один метр длиною и десять с половиной шириною. К его трем стенам — задней и двум боковым — примыкали три строения с комнатами для жрецов и службы. Внутри храм делился на три части: притвор, главный зал и святая святых. Святая святых представляла собой маленькое помещение без окон, где в таинственном мраке покоился ковчег завета. Входить туда имел право только верховный жрец, да и то лишь один раз в год.

По обе стороны входа в притвор высились двенадцатиметровые медные колонны с великолепными резными венцами — мистические символы силы и величия. Все три помещения потрясали своей роскошью и богатством. Стены и потолки были обшиты кедровым деревом; паркет был сделан из полированных кипарисовых досок; панели, украшенные барельефами херувимов, пальм и цветов, сверкали золотом. В центральном зале стоял позолоченный стол кедрового дерева для хлебных приношений, алтарь из литого золота для курения ладаном, десять золотых подсвечников и множество другой золотой утвари. Сквозь расположенные у самого свода зарешеченные окна в зал струился тусклый свет. Здесь жрецы ку-

рили ладаном, совершали хлебные приношения и следили, чтобы пламя в подсвечниках никогда не угасало.

Святая святых была отгорожена стеной из позолоченного кедрового дерева. Двери в святая святых, украшенные резными изображениями херувимов, были всегда открыты, но вход прикрывал полотняный занавес, богато расшитый херувимами, цветами и пальмами. За занавесом стоял во мраке ковчег завета с двумя каменными скрижалями Моисея. Его охраняли две огромные фигуры херувимов, вырезанные из оливкового дерева и покрытые толстым слоем золота. Их распростертые крылья соприкасались друг с другом, а снаружи доставали до двух противоположных стен храма.

По окончании строительства храма состоялось большое торжество по случаю установления в храме ковчега завета. Давид еще раньше создал жреческое сословие. Из тридцати шести тысяч левитов двадцать четыре тысячи получили жреческое звание, остальным же пришлось довольствоваться должностями хранителей, писарей, судей и певчих. Потомки Аарона, к коим принадлежал Садок, получили монополию на должность верховного жреца.

Во время торжества толпы народа заполнили внешний двор, а на внутреннем дворе в это время происходила церемония посвящения и установления ковчега. Вокруг жертвенника собрались старейшины племен израильских, жрецы в белых полотняных одеждах, придворные вельможи, певчие, арфисты, кимвалисты и сто двадцать жрецов-трубачей. Соломон, в пурпурном, богато расшитом плаще и золотом царском венце, сидел на престоле. Сзади выстроились пятьсот воинов личной гвардии царя со щитами из чистого золота. Торжество началось столь крупным жертвоприношением, что число жертв для всесожжения невозможно было сосчитать. Среди дыма и запаха горелого мяса загремели трубы, и левиты внесли на плечах ковчег завета. Потрясенные его золотым сиянием, певчие под аккомпанемент арф и кимвалов запели гимн, содержание которого совпадало с созданным позднее двадцать третьим псалмом:

Поднимите, врата, верхи ваши,
И поднимитесь, двери вечные,
И войдет царь славы!

Тут хор разделился на две группы и начал следующую строфу:

Кто сей царь славы?

А вторая группа громко и радостно отвечала:

Господь крепкий и сильный,
Господь сильный в брани.

Вопросы и ответы продолжались до тех пор, пока золотой ковчег не был поставлен на место. Расшитый занавес опустился, и с тех пор никому, кроме верховного жреца, не разрешалось видеть ковчег. Соломон встал с престола и, вознося руки к небу, воскликнул:

Господи, возлюбил я обитель дома твоего
И место жилища славы твоей!

Воцарилась глубокая тишина, все с благоговением прислушивались к голосу царя. Соломон помолчал, словно внемля эху собственных слов, а затем в покорной молитве просил Яхве не лишать Израиль своей милости.

Начались четырнадцатидневные празднества. Вся страна веселилась и пировала. На жертвеннике сожгли в эти дни двадцать две тысячи волов и сто двадцать тысяч овец. Не было в Израиле человека, который бы не участвовал в этом грандиозном жертвоприношении и не предоставил хотя бы одного вола или овцы.

ОГАТСТВА СОЛОМОНА. Соломон не ограничился постройкой храма и следующие тринадцать лет посвятил оживленной строительной деятельности. Он стремился усилить обороноспособность страны, а также создать себе достойную царскую резиденцию.

Дворцовый комплекс примыкал непосредственно к внутреннему двору храма и складывался из трех зданий. Собственно царская резиденция имела два крыла: в одном жили Соломон и его гарем, в другом же, построенном по требованию фараона, находились резиденция гордой египетской княжны и помещения для ее многочисленной свиты. Для собраний и больших государственных торжеств служил «дом леса ливанского». Это был огромный зал, кровля которого покоилась на сорока пяти колоннах из ливанского кедра. Во втором зале царь вершил суд и принимал иностранных послов. Там на возвышении стоял раззолоченный трон из слоновой кости.

Для охраны границ и главных торговых путей Соломон укреплял города и строил новые крепости. На севере, например, он окружил мощными стенами и башнями города Гацор и Мегиддо, а в центре страны — Гезер, Бефорон и Валааф. Во всех этих крепостях стояли в боевой готовности отряды конницы и пехоты.

Значительные расходы на вооружение, строительство и предметы роскоши Соломон покрывал из доходов, которые нескончаемым потоком плыли из самых разных источников. Не считая натуральных податей, собираемых с израильтян, налоги, торговые пошлины и дань вассалов приносили ему шестьсот шестьдесят шесть золотых талантов (или двадцать две тысячи восемьсот двадцать пять килограммов золота) ежегодно.

Соломон оказался также отличным торговцем и поддерживал оживленные торговые сношения с соседними государствами. В Киликии он скупал лошадей и продавал их в Месопотамию и Египет. Из Египта в свою очередь он привозил отличные боевые колесницы, продавая их в другие страны. Кроме того, Соломон занялся очень рентабельной морской торговлей. Израильтянам было совершенно незнакомо кораблестроение и мореплавание. Соломон и здесь обратился за помощью к Хираму и построил в заливе Акаба порт Ецион-Гавер, откуда каждые три года отправлялся его флот в таинственную страну Офир. Взамен медной руды, которую добывали в израильских рудниках и переплавляли в специальных печах, корабли Соломона привозили ценные товары: золото, серебро, слоновую кость, сандаловое дерево, а также обезьян и павлинов. Из сандалового дерева царь велел построить в своем дворце лестницы и перила.

Но всех этих богатств не хватало на покрытие расходов по строительству, вооружению и содержанию в роскоши царского дворца. Соломон взял взаймы у Хирама сто двадцать талантов золота и отдал ему в залог двадцать галилейских городов. Царь тирский поехал осмотреть эти города и пришел к выводу, что заключил невыгодную сделку, ибо города, разоренные высокими податями, бедствовали.

АРИЦА САВСКАЯ. Слухи о мудрости Соломона и великолепии его двора распространились по всему свету. Дошли они также до царицы савской, которая решила отправиться в Иерусалим и убедиться лично, насколько они правдивы.

Ее въезд в Иерусалим был поистине великолепен. Длинный караван верблюдов в богатых, ярких чепраках, украшенных золотом, вез грозных воинов пустыни, придворных вельмож, женщин и бесчисленные дары: золото, драгоценности, благовония. Царица ехала в паланкине, который качался на верблюде, как корабль на морских волнах. Соломон ждал царицу в тронном зале, одетый в пурпур и золото. При виде этой экзотической женщины он вскочил

с престола и побежал ей навстречу. Он не сводил пылающего взора с ее изящной фигуры, вырисовывающейся под тонким шелком расшитого золотом платья, восхищаясь ее смуглым, с тонкими чертами лицом и погружаясь взглядом в огромные, черные, горящие скрытым огнем глаза. Словно павлин хвост, развернул он перед царицей весь свой разум и богатства. Целыми часами он беседовал с ней, отвечая на вопросы и давая ценнейшие советы. Царица савская убедилась в мудрости и богатстве Соломона. Ее поразила невиданная роскошь дворца, залы со стенами, выложенными кедровым деревом, нарядные занавесы, золоченый трон из слоновой кости и несметное множество золотой посуды. Во время одной из бесед она сказала с восторгом: «Верно то, что я слышала в земле своей о делах твоих и о мудрости твоей. Но я не верила словам, доколе не пришла и не увидели глаза мои: и вот, мне и в половину не сказано. Мудрости и богатства у тебя больше, нежели как я слышала».

На прощание царица савская подарила Соломону бесценные сокровища, в частности сто двадцать талантов золота; он же ответил ей не менее богатыми дарами.

АРЕМ СОЛОМОНА И ЧУЖИЕ БОГИ. Соломон по примеру других царей постоянно расширял свой гарем. Там были женщины разных рас и религий: египтянки, моавитянки, аммонитянки, идумеянки, сидонянки, хеттеянки. Увы, стареющий царь слишком поддавался влиянию своих жен и наложниц. Они уговорили его ввести в Иерусалиме культ чужих богов. Соломон совершал жертвоприношения в их честь даже во дворе храма Яхве. Кроме того, он построил отдельные храмы Астарте, Ваалу, Молоху и божеству моавитян Хамису.

Яхве разгневался на Соломона и решил расколоть его страну на два независимых государства.

Первым сигналом беспорядков было восстание в Идумее, возглавленное Адером из царского идумейского рода. Адер потерпел поражение и бежал в Египет, где фараон не только предоставил ему убежище, но отдал ему в жены свою дочь. Фараон начал опасаться могущества Израиля и решил во что бы то ни стало ослабить его, поддерживая его врагов.

Второй удар нанес Соломону Разон, бывший военачальник царя сувского Адраазара. Разон бросил службу у царя и долгое время был главарем разбойничьей банды. Улучив удобный момент, он напал на Дамаск, разгромил находившийся там израильский гарнизон и объявил себя царем. Таким образом, Соломон потерял

Сирию — он был уже стар и не сумел с оружием в руках подавить мятеж. С тех пор правители Дамаска постоянно совершали набеги на северные границы Израиля.

Хуже всего, однако, было то, что среди десяти северных племен нарастало недовольство. Большие налоги, принудительный труд и вновь вспыхнувшая зависть к племенам Иуды привели наконец к восстанию. Его зачинщиком был Иеровоам, сборщик податей. Будучи родом с севера и видя тяжелое положение своих соплеменников, он поддался уговорам враждебного Соломону пророка Ахии и бросил клич к мятежу. Вскоре, однако, Иеровоам потерпел поражение и бежал в Египет, где был, как и Адер, тепло встречен фараоном.

Соломон умер после сорока лет правления и был похоронен в Иерусалиме. На престол вступил его сын Ровоам.

ПРАВДА И ЛЕГЕНДА О СОЗДАТЕЛЯХ ИЗРАИЛЬСКОГО ЦАРСТВА

Самый блестящий период в истории Израиля приходится на 1040—932 годы до н. э. и, следовательно, длится немногим более столетия. Если даже прибавить к этому правление Самуила, крупнейшего пророка после Моисея и фактического основоположника монархии, то все равно получится всего полтора века. Какой ничтожный отрезок времени по сравнению со всей историей Израиля!

Эпоха объединенного государства — это, в сущности, время правления трех израильских царей: Саула (1040—1012 годы до н. э.), Давида (1012—972 годы до н. э.) и Соломона (972—932 годы до н. э.). В 932 году до н. э. откалываются десять северных племен, в результате чего возникают два враждующих друг с другом царства: Иудея и Израиль.

Почти все наши сведения об этой эпохе почерпнуты из Библии, точнее, из четырех Книг царств и двух книг летописей, известных также как книги Паралипоменон («вещей, пропущенных, обойденных»), поскольку греческие переводчики Библии ошибочно полагали, что в книгах летописей содержатся сведения, пропущенные в предыдущих книгах.

Относительно времени создания этих книг среди библеистов существуют расхождения. Долгое время считали, что авторство Книг царств принадлежит царю Соломону и пророкам Гаду и Нафану. Согласно Талмуду, автором этих книг был пророк Иеремия. Эту точку зрения разделяют также некоторые библеисты.

Книги летописей были, по всей вероятности, созданы во второй половине IV века до н. э. Об этом свидетельствует,

в частности, обилие арамеизмов в их языке.

Одно не подлежит сомнению: авторами окончательного варианта текста были жрецы-переписчики, сторонники религиозных реформ, проведенных царем Иосией (640—609 годы до н. э.). Об этом свидетельствует ярко выраженное стремление оценивать все исторические события в теократическом духе. С точки зрения составителей Библии, первейшей обязанностью царей было служить богу Яхве и подчиняться верховным жрецам. Оценка всей их деятельности целиком зависит от того, в какой степени они выполняли эти требования.

Саул конфликтовал с верховным жрецом Самуилом и поэтому не пользуется расположением составителей. Зато к Давиду, верному другу жреческого сословия, они проявляют безграничное снисхождение. Некоторые его преступления они пытаются изобразить как результат рокового стечения обстоятельств, другие оправдывают религиозными соображениями. Например, семерых потомков Саула Давид уничтожил якобы по прямому указанию Яхве.

История этой эпохи была записана спустя очень долгое время, частично спустя несколько столетий. Это, разумеется, отрицательно сказалось на достоверности перечисленных выше книг Библии. Тем не менее в них содержится множество сведений, которые можно считать исторически правдивыми. Это касается прежде всего событий, изображенных с множеством удивительно реалистических, ярких и драматических деталей, характерных для изложения подлинных фактов.

Уже то, что составители Библии не замолчали ряда поступков и преступлений, не делающих чести таким национальным героям, как Давид или Соломон, убедительно доказывает, что в их распоряжении находились какие-то достоверные исторические источники. Причем, они, разумеется, отнюдь не руководствовались идеей беспристрастной исторической объективности; такие понятия были совершенно чужды людям той эпохи. По всей вероятности, составители не могли обойти молчанием неприглядные факты потому, что они были в народе слишком хорошо известны. Уничтожение потомков Саула или идолопоклонство Соломона в Иерусалиме — события, безусловно сохранившиеся в памяти многих поколений.

В результате из множества легенд, мифов и народных преданий удалось отобрать горсть основных фактов, позволяющих частично воссоздать подлинную картину жизни израильского народа в ту эпоху.

Первая книга Царств начинается краткой, но очень драматической биографией верховного жреца Илия и его сыновей. Сколько жизненности в этом трагическом образе! Думается, что не покажется слишком смелым предположение, будто в действительности существовал верховный жрец по имени Илий, завоевавший своим благочестием уважение всех израильских племен.

Внутриполитические отношения складывались для Илия очень благоприятно. Силом — религиозная столица Израиля — находился на территории очень многочисленного и влиятельного племени Ефремова. К тому же эта территория была расположена в центре страны и, следовательно, не страдала от вражеских набегов, в то время как племена, жившие на севере, востоке и юге, вынуждены были отчаянно сопротивляться натиску соседних народов. Племя Иуды, издавна боровшееся с племенем Ефремовым за влияние в Израиле, подпало под власть филистимлян и перестало на время играть какую-либо политическую роль. Отсюда гегемония племени Ефремова, которая привела к сосредоточению светской и религиозной власти в руках верховного жреца Илия.

Впервые после смерти Моисея осуществилась заветная мечта яхвистов: в Израиле был установлен теократический режим. Но режим, основанный на моральном авторитете отдельной личности, не мог быть прочным. Илий понимал это и поэтому пытался добиться, чтобы должность верховного жреца передавалась в его семье по наследству. Его планы разрушили сыновья, распутство и нечестивость которых оттолкнули народ. Сам же Илий был слишком стар, чтобы с этим бороться.

Упадок влияния его семьи и потеря ковчега завета привели бы, возможно, к окончательному разрушению теократии, если бы ее не укрепил снова пророк Самуил.

Книги царств обходят молчанием военные и политические последствия поражения израильтян при Афеке. Но по ряду замечаний, которые мы находим в других книгах Библии, можно заключить, что филистимляне полностью использовали свою победу. Вся центральная часть страны находилась под их контролем, филистимские отряды стояли во многих израильских городах. Это продолжалось лет двадцать, пока на исторической арене не появился царь Саул.

Знаменательно также, что составители Библии ни единым словом не упоминают в Книгах царств о судьбе Силома, тогдашней столицы Израиля. Внимательный читатель обращает внимание на странный факт: сменивший Илия пророк Са-

муил не остался в священном городе, где находился шатер Моисея и ковчег завета, а перебрался в Рамафаим.

А какая судьба постигла Силом? Косвенный ответ на этот вопрос мы находим в Книге пророка Иеремии, где сказано (гл. 7, ст. 12): «Пойдите же на место мое в Силом, где я прежде назначил пребывать имени моему, и посмотрите, что сделал я с ним за нечестие народа моего, Израиля». Дополнением к этой информации может служить другое место из той же книги (гл. 26, ст. 9): «Дом сей будет как Силом, и город сей опустеет, останется без жителей».

Из этих цитат ясно, что филистимляне разрушили Силом, который просто перестал существовать как столица Израиля. Это событие настолько врезалось в народную память, что даже спустя четыреста лет Иеремия приводит его как пример гнева божьего. Жрецы — составители Библии ловко обошли этот вопрос, сделав основное ударение на триумфальном шествии ковчега завета по филистимским городам.

Окончательно выяснила вопрос археология. В 1926—1929 годах датская экспедиция открыла развалины Силома примерно в двадцати двух километрах к югу от города Сихема. На одном из холмов обнаружили даже место, где, по всей вероятности, стоял священный шатер с жертвенником Яхве и ковчегом завета. И что самое главное — развалины, относящиеся к XI веку до н. э., носят явные следы пожара и насильственного разрушения. Таким образом, удалось точно установить, что Силом пал жертвой филистимских захватчиков.

Очевидно, в огне погиб шатер Моисея — ценнейший национальный памятник Израиля. Но что стало с ковчегом завета? Все, что рассказано в Библии, слишком фантастично, чтобы могло быть правдой.

Если филистимляне в самом деле захватили ковчег завета, то почему они отказались от него спустя семь месяцев? Конечно, можно принять гипотезу, что филистимлян постигло в ту пору какое-нибудь стихийное бедствие или эпидемия и народное суеверие истолковало это как месть израильского божества. Это вполне соответствует нашим сведениям о религиозных представлениях древних народов. Культ собственных богов отнюдь не исключал тогда веры в существование и могущество чужих, враждебных божеств. Поэтому в рассказе об удивительной судьбе ковчега завета, возможно, и есть какая-то крупица правды.

В этом рассказе особенно непонятен один эпизод. В Вефсамисе Яхве убил пятьдесят тысяч семьдесят израильтян за

то, что некоторые из них осмелились заглянуть внутрь ковчега завета. Это, разумеется, версия фанатических изуверов. Но, должно быть, в ее основе лежит какое-то подлинное событие, сохранившееся в памяти поколений.

Исследователи строили множество догадок, пытаясь объяснить этот загадочный инцидент. Некоторые полагают, что израильтяне выкрали ковчег завета из храма Дагона. Филистимляне бросились за ними в погоню, догнали у Вефсамиса, и там произошло сражение, в котором погибло названное в Библии число израильских воинов. Ковчег же удалось спасти и спрятать в Кириаф-Иариме. Но у этой теории есть слабая сторона; возникает вопрос: почему составители Библии изобразили погибших защитников ковчега завета преступниками, совершившими святотатство и наказанными Яхве?

Существует и другая гипотеза, согласно которой ковчег завета никогда не попадал в руки филистимлян и сразу после поражения при Афеке был вывезен в Кириаф-Иарим. Кровавая же резня жителей Вефсамиса была местью со стороны других израильских племен за отказ участвовать в войне против филистимлян. Оттуда и отрицательное отношение к ним авторов Библии.

Трудно, конечно, установить, насколько соответствует действительности эта гипотеза о гражданской войне, но в самом деле странным кажется поведение жителей Вефсамиса, которые в грозное время войны с филистимлянами спокойно убирали на полях пшеницу, словно защита независимости и ковчега завета их совсем не касалась.

После Илия бразды правления перешли к Самуилу. Однако это случилось не сразу после поражения при Афеке. Только спустя много лет влияние Самуила укрепилось настолько, что он стал фактическим правителем Израиля, восстановив, таким образом, пошатнувшийся было теократический режим.

Евреи причисляют Самуила к крупнейшим своим пророкам. Даже католическая церковь считает его святым и провозвестником Христа. Святой Иероним утверждает, что император Аркадий (378—408 годы н. э.) перевез прах Самуила из Рамафаима во Фракию, а его дочь Пульхерия (405—453 годы н. э.), в свою очередь, забрала его в Константинополь и торжественно похоронила в специально построенном мавзолее.

Со временем вокруг личности Самуила было создано столько легенд, что составители Библии уже не знали точно, кем он был и в чем заключалась его деятельность.

Конечно, весь цикл рассказов о его матери, рождении, разговоре с Яхве и пророчествах, касающихся Илия, является плодом народной фантазии.

Мы находим в библейском тексте ряд взаимоисключающих сведений, которые затемняют историческую картину. Вот один пример: в начале повествования Самуил изображен человеком знаменитым во всей стране. Но уже в девятой главе он всего лишь местный прорицатель, о котором Саул узнает от своего слуги. Итак, выдающийся жрец низводится ни с того ни с сего в ранг мелкого колдуна, который за небольшую мзду советует, как найти пропавших ослиц.

Сейчас, разумеется, уже невозможно восстановить истину. Противоречие, по всей вероятности, вызвано тем, что составители Библии объединили в один сюжет два разных народных предания, не заботясь об их логическом согласовании.

Итак, нам не остается ничего другого, кроме как принять за чистую монету то, что кажется в библейском рассказе наиболее вероятным. Почти не подлежит сомнению, что Самуил был верховным жрецом и судьей, что после смерти Илия и разрушения Силома он сделал своей резиденцией Рамафаим, что он помазал на царство Саула, а потом, вступив с ним в конфликт из-за жреческих привилегий, выдвинул Давида в качестве претендента на престол. Эти голые факты вполне соответствуют тому, что нам известно об общественно-политических отношениях в древнем мире. Из материалов, найденных археологами, мы знаем, что жрецы пытались установить теократический режим также в таких странах, как Шумер, Ассирия и Египет. Конфликты, возникавшие на этой почве между светскими властями и жреческой верхушкой, были явлением довольно распространенным и закономерным с точки зрения социальных процессов.

Самуил благодаря своему моральному авторитету сумел восстановить в Израиле теократический режим. Подобно Илию, он мечтал о том, чтобы должность верховного жреца и судьи стала в его семье наследственной.

Согласно Библии, осуществлению этих планов помешали подлые и продажные сыновья Самуила. Объяснение это, конечно, крайне примитивно и носит скорее характер назидательной притчи; подлинную же причину падения теократии и возникновения монархии следует искать значительно глубже — в тогдашней политической и социальной обстановке.

После поражения при Афеке и во время правления Самуила страна страдала от филистимского ига. И тогда-то укоренилось убеждение, что толь-

ко вождь, обладающий выдающимся военным талантом, может освободить народ от захватчиков, вождь, который, по примеру царей соседних государств, займет царский престол.

Словом, панацеей от всех несчастий казалось объединение племен в едином государстве под властью сильного монарха. Этот трезвый политический реализм приобретал все больше приверженцев по мере того, как люди убеждались, что верховный жрец со своими жертвоприношениями, молитвами и призывами к покаянию, в сущности, бессилен.

Росту этих настроений способствовали также тогдашние классовые отношения. После завоевания Ханаана многие израильтяне поселились в городах. В результате образовалась прослойка богатых купцов, землевладельцев, чиновников, военачальников и старейшин племен. Таким богачом, имеющим три тысячи овец и тысячу коз, был тот самый Навал, который отказался снабдить Давида продовольствием.

С другой стороны, росла нищета широких народных масс, разоряемых налогами и долгами.

Новая привилегированная прослойка нуждалась в защите своего имущества от натиска обездоленных соплеменников, а такую защиту мог обеспечить лишь монархический строй. Вспомним, что Авимелех захватил власть при поддержке верхушки города Сихема и был свергнут народным восстанием.

По мере обострения классовых противоречий росла власть царя, превратившегося в конце концов в деспота восточного типа. Саул был еще патриархальным царем, царем-крестьянином: он сохранил прежнюю простоту нравов и в свободное время сам лично занимался скотоводством. У Давида был уже большой двор и гарем, а по отношению к своим подданным он часто допускал произвол. И наконец, Соломон устанавливает порядки, напоминающие рабовладельческий Египет эпохи строительства великих пирамид. Он принуждает десятки тысяч подданных к рабскому труду на рубке ливанских лесов, в заиорданских каменоломнях и на строительных площадках Иерусалима.

Уже во времена Самуила имущественная верхушка приобрела такое политическое влияние, что, вопреки оппозиции, смогла добиться избрания царя. Выборные собрания в Массифе и Галгале протекали, должно быть, очень бурно. Ведь в Библии специально подчеркивается, что Саул не стал мстить людям, голосовавшим против него.

Самуил по вполне понятным причинам был тоже противником монархии. Требование из-

брать царя он воспринял как личную обиду и поражение, ибо надеялся, что как религиозная, так и светская власть будет переходить в его семье от отца к сыну. Он с горечью спрашивал у представителей племен, в чем его вина, почему его лишают власти, и изображал в самых мрачных красках опасности, грозящие им со стороны царя. Когда же это не возымело действия, заявил, что, отвергая теократическую власть верховного жреца, они тем самым отвергают Яхве.

В конце концов Самуилу пришлось уступить настойчивым требованиям, но тем не менее он отнюдь не намеревался отказаться от фактической власти и повел дело так, чтобы будущий царь оставался послушным орудием в его руках. Именно поэтому выбор Самуила пал на юношу из скромной семьи, принадлежащей к самому маленькому из израильских племен. Самуил основал школу пророков и в этой школе, если верить Библии, формировал своего кандидата, прививая ему повиновение по отношению к верховному жрецу, а также верность богу Яхве и законам Моисея.

Как известно, он жестоко обманулся в своих ожиданиях. Робкий юноша превратился в блестящего полководца и энергичного правителя, принимавшего самостоятельные решения. На этой почве возник острый конфликт между Саулом и Самуилом, и последний внешне отошел от политической деятельности. В действительности же он начал ожесточенную тайную борьбу со своим непокорным питомцем. Стремясь свергнуть его с престола, он помазал на царство Давида. Конфликт перерос в открытую войну, когда Саул велел убить всех жрецов храма в Номве за то, что они помогли Давиду. Итак, перед нами здесь распространенный в истории человечества типичный конфликт между светской и церковной властью.

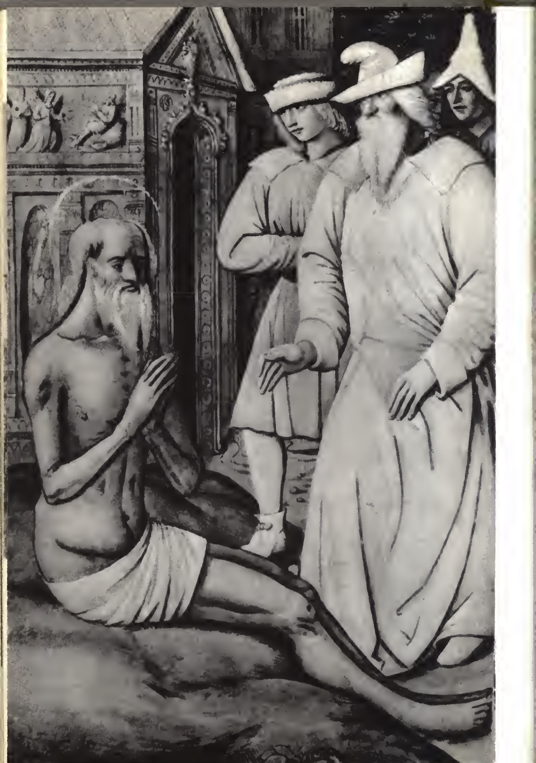
Для полноты картины стоит остановиться также на своеобразном институте, который мы называем школой пророков. Это были объединения неистовствующих религиозных фанатиков, впервые появившихся в Израиле около 1000 года до н. э. Они находились обычно вблизи таких крупных религиозных центров, так Гива, Вефиль, Рамафаим, а впоследствии также Самария.

Приступы религиозного экстаза не были чужды ни Самуилу, ни Саулу, ни Давиду. Саул, возвращаясь из Рамафаима домой, встретил группу пророков и дал вовлечь себя в их экстатические пляски и песнопения. Вторичный приступ безумия случился с ним после получения известия об осаде города Иависа. Он изрубил тогда двух волов, ко-

торыми пахал землю *. В третий раз это произошло с ним в Рамафаиме, куда он явился в погоне за Давидом. Навстречу ему вышел Самуил со своими пророками и, загипнотизировав его плясками, пением и восклицаниями, вовлек в свой хоровод.

В Первой книге царств (гл. 10, ст. 5) сказано: «...и когда войдешь там в город, встретишь сонм пророков, сходящих с высоты, и пред ними псалтирь и тимпан, и свирель и гусли, и они пророчествуют».

Это описание доказывает, что по стране шатались толпы фанатиков и религиозных мистиков, поразительно напоминающих дервишей ислама. Эти израильские пророки носили полотняные одежды и специальные пояса и, подобно дервишам, собирали милостыню. Их религиозные обряды включали в себя не только песнопения, пляски и прорицание, но и самобичевание, истязание тела различными орудиями пытки.

Знаменательно, что эти пророки появились на арене израильской религиозной жизни довольно поздно. Это доказывает, что коллективное экстатическое пророчествование не было местным, израильским явлением. Вопрос его происхождения все еще остается открытым. Однако преобладает мнение, что израильтяне заимствовали его у ханаанеян вместе с культом Ваала, Астарты и других финикийских божеств.

Предполагают, что родиной таких школ пророков была Фригия, в Малой Азии, и уже оттуда школы проникли в Финикию и Ханаан. В Третьей книге царств сказано (гл. 18, ст. 19), что на содержании царицы Иезавель находились четыреста финикийских пророков.

Нужно отметить, что это явление не было чуждо и другим народам. Достаточно вспомнить древнегреческие оргии в честь Аполлона и Дионисия. Геродот рассказывает о вдохновенных мужах, которые ходили по Греции и пророчествовали в стихах.

В Израиле движение пророков приняло изуверские формы. Пророк Осия (VII век до н. э.), желая доказать иудеям, что, поклоняясь чужим богам, они совершают тяжкий грех прелюбодеяния, жил три года с падшей женщиной и с чужой женой. Пророк Исаия (VIII век до н. э.) ходил нагой по городу, чтобы предупредить жителей Иерусалима, что Яхве так оголит их грешный город, лишая его всех богатств.

В течение нескольких столетий группы странствующих пророков были в Ханаане обычным явлением. Израильтяне относились к ним с суеверным страхом и уважением, прислушиваясь к их пророчествам, и не отказывали в подая-

нии. Со временем, однако, в ряды святых мужей стали проникать всякого рода шарлатаны, именуемые в Библии лжепророками. По их вине народ стал относиться к пророкам неприязненно и даже презирать их. Это явствует, в частности, из вопросов, которые задавали друг другу жители Гивы: «Неужели и Саул во пророках?» Когда Давид шел с плясками перед ковчегом завета, его жена Мелхола заявила с презрением, что его поведение недостойно царя. Мудрец и наставник народа Амос решительно возражал, когда его называли пророком.

Под влиянием учения пророков, а также политических бедствий и страданий евреи постепенно углубляли свою религию, пока она наконец, после вавилонского пленения, не вылилась в чистейший монотеизм.

Эта эволюция должна была, естественно, привести к ликвидации примитивных форм коллективного пророчествования. Пророки высшего разряда, чьи сочинения вошли в Библию, не имели ничего общего со странствующими по стране прорицателями. Но они не появились на исторической арене Израиля как «deus ex machina»*, а несомненно были плодом многовекового развития коллективного религиозного пророчествования.

Крепость царя Саула. Раскопки в Тель-эль-Фулле близ Иерусалима.

Трагическая история Саула известна нам исключительно из Библии, и мы, в сущности, не можем сказать, насколько она правдива. Поэтому обнаружение любого вещественного доказательства, в какой-то мере подтверждающего библейскую версию, является волнующим событием. Такое событие произошло в 1922 году, когда американский археолог и востоковед Олбрайт нашел в Тель-эль-Фулле, в пяти километрах от Иерусалима, развалины Гивы, столицы Саула. Раскопки показали, что это была мощная горная крепость, простая и строгая по конструкции, но совершенно неприступная. Ее защищали угловые башни и две линии стен из каменных блоков. Между стенами находились потайные переходы и склады продовольствия. Среди развалин нашли огромное количество бронзовых наконечников стрел и каменных снарядов для пращей. Ученые установили, что развалины относятся ко второй половине XI века до н. э., то есть ко времени правления первого израильского царя.

Были обнаружены также развалины Беф-Сана, где филистимляне глумились над телом Саула. Согласно Библии, они поместили голову несчастного царя в храме Дагона, его доспехи — в храме Астарты, а туловище повесили на городской стене. Высота развалин составляла более двадцати трех метров — они состояли из восемнадцати слоев, относящихся к различным эпохам. Самый нижний слой восходит к четвертому тысячелетию до н. э., и следовательно, Беф-Сан был одним из древнейших городов Ханаана.

Но для нас интереснее всего то, что в слое, относящемся к эпохе Саула, обнаружены развалины двух расположенных рядом друг с другом храмов — Дагона и Астарты,— о которых говорится в Библии.

Камни этих храмов были свидетелями последнего акта филистимско-израильского конфликта, окончившегося гибелью мужественного царя и трех его сыновей. Попутно археологи обнаружили историческую подробность, которую авторы Библии замолчали. Толстый слой пепла, закопченные камни и разбитые статуэтки богов доказывают неопровержимо, что город пал жертвой внезапного нападения и пожара. Это дает основания предполагать, что Давид разрушил Беф-Сан в отместку за глумление над телом его предшественника.

Рассказ о Давиде, как мы уже неоднократно отмечали, говоря о других разделах Библии, составлен из народных сказаний, которые столетиями передавались из поколения в

поколение. Составители включили их в Библию, не замечая или не придавая значения содержащимся в них противоречиям.

Некоторые примеры этих противоречий стоит привести, чтобы показать, с какими трудностями сталкиваются ученые-библеисты, пытаясь установить историческую правду.

Если мы попытаемся ответить на вопрос, каким образом Давид очутился при дворе царя Саула, мы окажемся в затруднительном положении. Библия дает две совершенно различные версии. Из шестнадцатой главы Первой книги царств мы узнаём, что Давида привели во дворец потому, что он искусно играл на арфе и своей игрой снискал расположение царя. Между тем глава семнадцатая сообщает, что Давид привлек внимание Саула своей победой над Голиафом. Победителем Голиафа был неизвестный пастушок, Саул велел привести его к себе и спросил: «Чей сын этот юноша?» — стало быть, он не знал его раньше.

Другой, еще более любопытный пример — это вопрос об убийстве Голиафа. Распространенная версия, по которой Голиафа убил в единоборстве Давид, основана на Первой книге царств. Когда же мы читаем Вторую книгу царств, нас охватывает изумление, так как мы узнаем, что Голиафа убил вовсе не Давид, а некто Эльханан из Вифлеема.

Библеисты неоднократно пытались объяснить или как-то сгладить эти расхождения. В случае с Голиафом было сделано открытие, которое неожиданно навело ученых на след. Оказалось, что мы, в сущности, не знаем, как звали преемника Саула на израильском престоле. «Давид», так же как в текстах мари «давидум», не имя собственное, а звание или прозвище, обозначающее вождя или опекуна. Выяснив это, многие библеисты сделали вывод, что Давид и Эльханан — одно и то же лицо.

Итак, если мы предположим, что Голиафа убил вифлеемский пастушок Эльханан, которого потом благодарный народ Израиля назвал Давидом, противоречие исчезнет, как по мановению волшебной палочки.

Но если мы даже полностью согласимся с этой гипотезой, остается еще много других противоречий, снижающих историческую ценность библейских сказаний. В Библии перемешаны факты с легендами, старинные народные предания с более поздними дополнениями, и, как бы ученые ни старались, им никогда уже не удастся установить истину полностью. Типичным примером такого несоответствия является утверждение, что Давид отнес голову Голиафа в Иерусалим. Это, конечно, значи-

тельно более поздняя вставка: ведь мы знаем, что Давид завоевал Иерусалим намного позже, уже будучи царем израильским.

Легендой является также традиция, приписывающая Давиду авторство большинства псалмов, собранных в Библии. Псалмы, несомненно, имели большее влияние на умы последующих поколений, чем другие книги Ветхого завета. Это религиозная лирика, отличающаяся красотой и богатством настроений, выражающая целую гамму чувств: от уныния, смирения и отчаяния до надежды, веры, радостного подъема, благодарности и жизнерадостности. Величественная простота этих поэм, их лаконизм, строгость стиля и покоряющий сердца религиозный пыл сделали их неиссякаемым источником вдохновения для многих поэтов, художников и композиторов.

Главная идея этих религиозных гимнов — монотеизм. Они являют собой апофеоз величия и могущества Яхве, который дарит людей любовью, умеет прощать им самые тяжкие грехи, но бывает также неумолим в гневе и беспощаден в наказаниях. Это уже концепция божества высшего разряда, божества, которое диктует человеку нравственные законы. Но космология этих поэм столь же примитивна, как во времена Авраама. Яхве сидит на престоле на небесах, его окружают ангелы, земля плоская и окружена праокеаном, ужасные чудовища хаоса и зла борются с силами порядка и созидания. Лишь позже Яхве восторжествует, а землей будут управлять цари из рода Давидова.

Название псалмов происходит от греческого слова «псаллейн» — «трогать пальцами струны». Слово «псалмос» обозначает струнный инструмент, вероятно финикийского происхождения, или же песню, исполняемую под аккомпанемент этого инструмента. Псалмы шестой и одиннадцатый начинаются с примечания: «На восьмиструнном». Это, несомненно, значит, что псалом должен сопровождаться аккомпанементом на восьми струнах. Многое говорит за то, что текст делился на сольные партии и партии хора. Каждая поэма была чем-то вроде литании или антифона, являющихся неотъемлемым компонентом различных обрядов и литургических церемоний.

Авторство Давида, как уже говорилось выше, является легендой. Анализ текста псалмов неопровержимо доказывает, что большинство из них не могло быть создано до вавилонского пленения и было включено в Библию лишь в III веке до н. э. Их содержание отражает религиозные представления и социально-политические отношения, характер-

ные для последнего, послевавилонского периода еврейской истории. Даже элегический плач, якобы сочиненный Давидом после смерти Саула и Ионафана, на самом деле заимствован из древнего сборника гимнов — Книги праведника.

Это отнюдь не значит, что Давид не был поэтом и музыкантом. Израильтяне, как мы уже отмечали, отличались исключительной музыкальностью. На фреске, обнаруженной в Бени-Хассане, изображены среди еврейских пастухов музыканты с лирами в руке. Из надписей в Египте и Месопотамии мы узнаём, что Израиль посылал в эти страны оркестры и ансамбли танцовщиц. Существовали также женские оркестры. Иудейский царь Езекия (721—693 годы до н. э.), стараясь снискать расположение ассирийского царя Синахериба, послал ему группу певцов и певиц.

При такой богатой музыкальной традиции не было бы ничего удивительного, если бы некоторые израильские цари оказались талантливыми поэтами и композиторами.

Египетский арфист. Барельеф из гробницы придворного вельможи Патенемхеба.

Прелесть археологии именно в том и состоит, что она иной раз внезапно превращает в неопровержимую научную истину какое-нибудь историческое предание, относительно которого мы сомневались, правда это или легенда. Так случилось с библейским рассказом о взятии Давидом Иерусалима. Благодаря одному сенсационному открытию мы теперь совершенно уверены, что Давид завоевал эту твердыню иевусеев, и знаем даже, каким чудом это ему удалось.

Мы сознательно говорим «чудом», ибо крепость была расположена на вершине неприступной скалы и на протяжении четырехсот лет успешно отражала все вражеские нападения. Библейский рассказ

о ее завоевании лаконичен и туманен. Из него следует, что Иоаву удалось взять крепость хитростью: он проник туда по какому-то потайному каналу и напал на иевусеев с тыла.

Как это часто случается с археологическими открытиями, загадка выяснилась совершенно случайно. В 1867 году английский офицер, капитан Уоррен, осматривал Иерусалим и его ближайшие окрестности. Он заинтересовался источником Аин Ситти Мариам в долине Кедрона, известным в Библии под названием Гихон. Среди развалин мусульманской мечети Уоррен обнаружил яму, ведущую в глубь земли. Спускаясь по выдолбленным в скале ступенькам, он дошел до подземного водоема с ключевой водой. Несмотря на темноту, Уоррен заметил прямо над головой круглое отверстие в скале. Раздобыв лестницу и веревку, он залез вглубь. Это был выдолбленный в стене канал, который шел сначала горизонтально, а затем по вертикали. Уоррен с огромным трудом поднялся по нему вверх и на высоте тринадцати метров увидел коридор с высеченными в камне ступеньками, ведущими в слабо освещенную пещеру. Оттуда по узкой расщелине он выбрался наружу и, к своему изумлению, убедился, что находится внутри древних стен города.

Тоннель, как установили ученые, был построен в конце второго тысячелетия до н. э., и конечно же это и есть тот самый канал, по которому Иоав проник в город. Нетрудно представить себе, как это происходило. Сначала Иоав сам пробрался по каналу с веревкой, потом протащил туда всех своих солдат и напал на защитников крепости изнутри, в то время как Давид атаковал снаружи.

Иерусалим был одной из самых сильных твердынь Ханаана, но у него была своя ахиллесова пята: в городе не было воды. В мирное время жители спускались к источнику Гихон, но в случае осады путь к источнику был отрезан. И вот они выдолбили в скале тоннель со ступеньками. По нему на веревке спускали сосуды, а кто-нибудь, скрытый в нижней пещере, наполнял их водой из водоема.

Существование прохода держали в строжайшей тайне. Как о нем проведал Иоав, мы не знаем. Должно быть, проговорился кто-нибудь из пленных или израильские воины услышали случайно, как ударяется о скалу сосуд с водой.

Рассказ о двух первых царях Израиля можно отнести к шедеврам мировой литературы. Борьба Саула со жрецами в защиту своего престола, мрачная, жуткая сцена у женщины-

волшебницы в Аэндоре, крушение дела всей его жизни и самоубийство, затем бурная жизнь Давида, его горькая старость, отравленная мятежами и дворцовыми интригами,— все это эпизоды подлинно шекспировской трагедии.

Оба царя изображены незаурядными личностями, глубоко человечными в своих достоинствах, недостатках и преступлениях; у обоих есть свои заслуги, оба потрясают нас силой и страстностью своих чувств. Из наивных порою библейских сказаний встают яркие, живые и многогранные человеческие характеры. Каким прекрасным психологическим этюдом является, например, описание постепенного душевного упадка Саула, отравленного ядом подозрений и зависти!

Поражает также реализм, с каким составители Библии обрисовали темные, неприглядные стороны характера Давида, несмотря на то что, как верный слуга жрецов, он был их излюбленным героем. Их личные симпатии оказались бессильными перед неопровержимыми историческими документами, с которыми они вынуждены были считаться.

В библейском тексте явственно проступает отношение составителей к обоим царям. Саул, враг жрецов, изображен черной личностью, несмотря на то что его образ жизни вряд ли заслуживает осуждения. Зато Давид, любимец жрецов, возносится до небес, а его преступления и неблаговидные поступки затушеваны или изображены с необыкновенной снисходительностью.

Несмотря на то что Давид был узурпатором, шагавшим к престолу по трупам, нельзя отрицать, что он принадлежит к числу самых выдающихся и заслуженных личностей в истории Израиля. Как полководец, завоеватель и основатель государства, он заслуженно стал гордостью своего народа. Поразительно быстро, однако, Давид превратился в восточного деспота и изнеженного сибарита. Его многочисленный гарем, продажные, погрязшие в интригах и склоках придворные круги, влияние различных фаворитов и фавориток — такова потрясающая картина постепенного нравственного падения этого крупнейшего государственного деятеля.

Сомнительным кажется также и утверждение, что Давид был верным яхвистом. Если он поклонялся одному лишь Яхве, то откуда взялась у него в доме статуя, которую Мелхола нарядила в одежду мужа и положила в постель? Это же наш хороший знакомый — домашний бог, предмет языческого культа, запрещенный и преследовавшийся яхвистами.

Что касается отношения Да-

вида к жрецам, то есть все основания предполагать, что он поддерживал их исключительно из политических соображений. Будучи родом из племени Иуды и к тому же узурпатором, лишившим власти законную династию Саула, он не пользовался популярностью у большинства северных израильских племен. О том, как неуверенно он чувствовал себя на престоле, свидетельствует хотя бы тот факт, что его личная гвардия состояла из чужеземных, главным образом филистимских, наемников.

Давид изо всех сил старался завоевать расположение северных племен. Этим объясняется объявленный им траур по Саулу, пышные похороны погибшего царя, а также распоряжение предать земле повешенных потомков Саула (когда народ заволновался, тронутый поведением Рицпы).

Но, как доказывают мятежи Авессалома и Сивы, все старания Давида ни к чему не привели. И именно поэтому он обратился к жрецам и опирался на них.

Союз со жрецами, разумеется, был основан на ряде компромиссов, иногда весьма странных, как, например, компромисс в вопросе о должности верховного жреца. Законным верховным жрецом с резиденцией в Гаваоне, в северном Ханаане, был Садок. Давид, будучи царем иудейским, назначил верховным жрецом своего друга и советника Авиафара. Когда он объединил под своей властью обе части Ханаана, возник щекотливый вопрос о том, за кем останется высокая должность. Давид ни за что не хотел отстранить Авиафара, который был ему преданным другом и помощником. Садока тоже нельзя было лишить должности, чтобы не вызвать гнева северных племен. Поэтому в первый и последний раз в истории Израиля было принято решение оставить на посту обоих верховных жрецов. Это ненормальное положение изменил только Соломон, изгнавший Авиафара за поддержку притязаний Адонии на престол. С тех пор должность верховного жреца переходила в роду Садока от отца к сыну. Оттуда произошла впоследствии партия саддукеев, монополизировавшая в течение многих столетий должность верховного жреца и все другие крупные должности в Иерусалимском храме.

В Библии мы встречаем иной раз лаконичные замечания, проливающие яркий свет на некоторые вопросы. Приведем в качестве примера случай, связанный с Давидом. Мы помним, что он намеревался построить в Иерусалиме храм. Пророк Нафан заявил ему тогда, что Яхве привык жить в шатре и не хочет каменного

дома. Согласно Библии, Давид послушно отказался от своих планов, хотя успел уже заготовить для строительства дерево и благородные металлы.

Но вот мы читаем пятую главу (ст. 3) Третьей книги царств и в изумлении протираем глаза. В письме к финикийскому царю Хираму Соломон объясняет, что построить храм помешали Давиду постоянные войны, которые ему пришлось вести.

Итак, все становится ясным. Здесь, как и во всем, Давид руководствовался прежде всего политическими соображениями, а не просто выполнял указания пророка. Следует добавить, что Нафан, защищающий храм-шатер, был выразителем влиятельной группировки религиозных пуристов, которые стремились сохранить старые патриархальные обычаи эпохи Моисея, были противниками роста городов и т. п.

Давид был суровым и беспощадным правителем, но вместе с тем он был выдающимся государственным деятелем и дальновидным дипломатом, умевшим использовать для своих политических целей даже религиозные учреждения и настроения. Его заслуги в деле строительства израильского государства не подлежат сомнению, и поэтому не удивительно, что последующие поколения идеализировали его. Считалось величайшей честью доказать свое родство с домом Давида. Поэтому понятно также, почему евангелисты, обосновывая историческую миссию скромного учителя из Назарета Иисуса Христа, подчеркивали, что он был потомком величайшего из царей израильских.

Соломон был первым израильским царем, получившим престол по наследству. Но и он вступил на этот престол в атмосфере борьбы и интриг. Если бы его мать Вирсавия, честолюбивая и энергичная женщина, не пользовалась поддержкой группы пророка Нафана и не оказала давление на царя, Соломон остался бы, по всей вероятности, одним из многочисленных анонимных царских сыновей, о которых нам почти ничего не известно.

Несомненно, больше прав на престол имел Адония, четвертый сын Давида, которого поддерживали верховный жрец Авиафар и главный военачальник Иоав. Соломон пощадил Авиафара, но велел убить Иоава и Адонию, хотя последнему обещал сохранить жизнь. Он был по-своему прав. Чтобы утвердиться на престоле, ему необходимо было избавиться от опасного соперника и запугать его сторонников.

Такое положение вещей было характерно не только для Израиля. Огромные гаремы восточных деспотов, много-

численное мужское потомство и отсутствие каких-либо правовых норм в вопросе о престолонаследии привели к тому, что насильственное устранение претендентов на престол становилось часто неизбежным. Этот мрачный обычай существовал, в частности, и при дворе византийских императоров, где он стал почти легальным государственным актом, сопутствующим коронации.

Соломон был мирным правителем. Унаследовав от отца большое и сильное государство, он царствовал сорок лет (972—932 годы до н. э.). За это время он не вел ни одной большой войны. Не расправился даже с арамейцем Разоном, который изгнал из Дамаска израильский гарнизон и объявил себя царем. Это казалось тогда инцидентом второстепенной важности, и ошибкой Соломона было то, что он не сумел предвидеть, какой серьезной угрозой для Израиля станет со временем новое арамейское царство.

Историческая заслуга Соломона состояла в том, что он превратил бедную земледельческую страну с патриархально-племенным строем в единое, сильное в экономическом и военном отношении государство, пользующееся большим авторитетом на международной арене. Он был хорошим администратором, дипломатом, строителем и торговцем. В его время Израиль славился великолепием своей столицы и небывалой роскошью царского двора.

Об авторитете Соломона свидетельствует хотя бы то, что гордый фараон отдал ему в жены свою дочь. Доказательством могущества и влияния Соломона был также его чудовищно большой гарем, чрезмерный блеск, каким он себя окружил, и необыкновенно властное обращение с подданными, к которым он относился как к рабам.

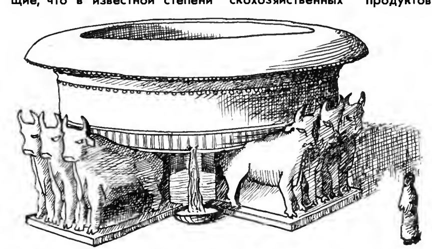
При всех этих недостатках нельзя отрицать, однако, положительных сторон царствования Соломона. Ведь именно он великолепно отстроил Иерусалим и сделал его настоящей столицей. Воздвигнутый им храм стал единственным центром и символом еврейской религии. Неоспоримы его заслуги в деле повышения обороноспособности страны — вспомним строительство системы укрепленных городов и реорганизацию армии введением боевых колесниц.

Соломон старался также развить в Израиле ремесла и морскую торговлю, привозя для этой цели специалистов из Финикии. Четкая деятельность государственной администрации обеспечивалась чиновничьей иерархией, построенной по финикийскому, сирийскому и египетскому образцам. Соломон был также непревзой-

денным дипломатом. Крупнейшими его достижениями на этом поприще были брак с дочерью фараона и сотрудничество с царем Хирамом, без помощи которого ему не удалось бы осуществить свои цели.

Благодаря деловой сметке Соломона Израиль был процветающей страной. В Третьей книге царств сказано по этому поводу (гл. 10, ст. 27): «И сделал царь серебро в Иерусалиме равноценным с простыми камнями, а кедры, по их множеству, сделал равноценными с сикоморами, растущими на низких местах». Это, конечно, гипербола, характерная для восточного стиля, но у нас имеются данные, доказывающие, что в известной степени она соответствует действительности. Известно, что годовой доход Соломона, состоявший из торговых прибылей, налогов и дани арабских вассалов, составлял шестьсот шестьдесят шесть талантов (около двадцати двух тысяч восьмисот двадцати пяти килограммов золота), не считая поставок натурой, взимаемых с израильского населения.

О расцвете земледелия в Израиле свидетельствует тот факт, что Соломон поставлял Хираму ежегодно двадцать тысяч мер пшеницы и двадцать тысяч мер растительного масла. Разумеется, земледельцы подвергались жестокой эксплуатации, но все равно такие колоссальные поставки сельскохозяйственных продуктов

Бассейн из меди в храме Соломона. Рисунок, выполненный на основе библейского описания.

возможны только в условиях процветания.

Археологические находки познакомили нас со многими сторонами тогдашнего быта. В частности, они свидетельствуют о довольно высоком жизненном уровне. Бесчисленные дорогие чаши для косметики, сделанные из алебастра и слоновой кости, разной формы пузырьки, пинцеты, зеркала и шпильки для волос доказывают, что израильские женщины той эпохи заботились о своей внешности. Они употребляли духи, румяна, кремы, мирру, хну, бальзамовое масло, порошок из кипарисовой коры, красную краску для ногтей и голубую для век. Большинство этих снадобий ввозилось из-за границы, а такой импорт характерен для богатой страны.

Кроме того, археологи подтвердили быстрый процесс роста городов, против которого еще во времена Давида так яростно боролись консерваторы-яхвисты. Земледелие было по-прежнему ведущей отраслью народного хозяйства, но землевладельцы жили преимущественно в городах. Поскольку все ханаанские города были окружены крепостными стенами, они становились все более перенаселенными. Дома, в основном двухэтажные, строили на каждом свободном клочке земли вдоль узких и тесных улочек.

Главной частью израильского жилища была большая комната на первом этаже. Женщины готовили там пищу и пекли хлеб, а вся семья собиралась там для совместных трапез. Мебели не было. Даже состоятельные люди ели и спали на циновках. В комнаты верхнего этажа поднимались по каменным ступеням или по деревянным приставным лестницам. Летом спали на крышах, где дул освежающий ветерок.

В пищу употребляли много луку и чесноку. Еда была простой и питательной. Основным продуктом питания была жареная и вареная пшеница, разные крупы, чечевица, огурцы, фасоль, фрукты и мед. Мясо ели только по праздникам. Пили в основном овечье и козье молоко, вино же употребляли очень умеренно.

Из каких источников черпал царь Соломон свои богатства? Долгое время ученые подвергали сомнению все сказанное об этом в Библии — уж очень это было фантастично и туманно.

В Третьей книге царств (гл. 10, ст. 28, 29) мы читаем: «Коней же царю Соломону приводили из Египта и из Кувы; царские купцы покупали их из Кувы за деньги. Колесница из Египта получаема и доставляема была за шестьсот сиклей серебра, а конь за сто пятьдесят. Таким же образом они руками своими доставляли все это ца-

рям хеттейским и царям арамейским».

Здесь говорится только, что царь Соломон покупал коней и колесницы, но ничего не сказано о том, что он их также и продавал. А между тем в результате археологических изысканий точно установлено, что он занимался посредничеством в торговле между Египтом и Азией, торговал лошадьми и колесницами.

В 1925 году американская археологическая экспедиция обнаружила в исторической долине Езреель развалины города Мегиддо. Город этот имел огромное стратегическое значение: он защищал северные рубежи долины, через него проходил торговый путь из Азии в Египет. Давид и Соломон превратили Мегиддо в сильную крепость, но город существовал уже в третьем тысячелетии до н. э.

Именно там удалось раскрыть тайну Соломона. Среди руин были обнаружены построенные им конюшни на четыреста пятьдесят лошадей. Они были расположены вокруг большой площадки, где, должно быть, объезжали и поили лошадей и где, быть может, происходили конские ярмарки. Размеры и расположение этих конюшен на главном торговом пути доказывают, что Мегиддо был основной базой торговли лошадьми между Азией и Египтом. Соломон покупал коней в Киликии и продавал их, по всей вероятности, в Египет, откуда он в свою очередь вывозил колесницы, продавая их на месопотамских рынках.

Как сообщает Библия, Соломон построил при помощи финикийских специалистов и мореходов торговый флот, который стоял в порту Еціон-Гавер в заливе Акаба и каждые три года ездил в страну Офир, привозя оттуда золото и экзотические товары. Исследователей Библии интересовали два вопроса: 1) где находилась загадочная страна Офир? 2) что могла вывозить в Офир такая сельскохозяйственная страна, как Ханаан?

О том, какая страна названа в Библии Офиром, спорят до сих пор. Называют Индию, Аравию, Мадагаскар. Известный американский востоковед Олбрайт пришел к выводу, что речь идет о Сомали. Другие ученые обращают внимание на фрески в одном из фиванских храмов. Там изображена темнокожая царица из некой страны Пунт. Подпись под фреской сообщает, что египетские корабли привозили из этой страны золото, серебро, черное и красное дерево, тигровые шкуры, живых обезьянок и рабов-негров. Родилось предположение, что Пунт и библейский Офир — одно и то же.

Ответ на второй вопрос дала археология. В 1937 году

археолог Нельсон Глюк натолкнулся в пустынной долине Вади-эль-Араба на выдолбленную в скале шахту медного рудника. Развалины каменных бараков, в которых жили шахтеры, и стена для защиты от нападений со стороны разбойничьих племен пустыни убедили Глюка, что это рудник Соломона.

Вблизи залива Акаба, где уже раньше были обнаружены под слоем песка развалины порта Ецион-Гавер, Глюк сделал еще более важное открытие. На обширной площадке, окруженной крепостной стеной, находилось большое количество медеплавильных печей. Печные трубы были обращены отверстиями к северу, откуда дуют постоянные морские ветры. Таким остроумным способом удавалось без труда поддерживать необходимую для плавки температуру.

Благодаря этим открытиям мы узнали, что Соломон был не только ловким торговцем лошадьми, но и промышленником. По всей вероятности, он держал монополию на производство меди, что позволило ему диктовать цены и получать те огромные прибыли, о которых говорится в Библии.

Слава о мудрости Соломона, его богатстве и роскоши его двора разошлась по всему свету. Послы из самых разных стран прибывали в Иерусалим для заключения договоров о дружбе и торговых соглашений. Жители столицы почти ежедневно встречали кортежи экзотических гостей, везущих царю щедрые дары. И несомненно гордились тем, что их родной город стал столь крупным торговым и дипломатическим центром.

Однажды разошелся слух о прибытии каравана царицы савской из далекой Аравии. Народ вышел на улицы и восторженно приветствовал царицу, едущую в сопровождении многочисленной толпы придворных и рабов. Замыкал шествие длинный ряд верблюдов, навьюченных роскошными подарками для Соломона.

Кем была эта легендарная царица, героиня одного из самых захватывающих библейских сказаний?

Теперь это уже известно, и история этого открытия настолько любопытна, что ее стоит рассказать.

Еще в XIX веке южная Аравия, родина пряностей и благовоний, которую древние римляне называли Счастливой Аравией (Arabia felix), была закрыта для европейцев. «Неверным псам», осмеливающимся ступить ногой в страну Мухаммеда, угрожала смерть. И все же нашлись смельчаки, в которых любознательность и жажда приключений были сильнее страха. Француз Ж. Галеви и австриец доктор Е. Глазер переоделись арабами и

отправились в запретную страну. После множества приключений и трудностей они натолкнулись в пустыне на развалины огромного города, который, как потом выяснилось, назывался Мериб. Там, в частности, они обнаружили и привезли в Европу ряд таинственных надписей. Сенсационное открытие вызвало в научных кругах громадный интерес. Арабские купцы, почувствовав конъюнктуру, начали бойкую торговлю мерибскими надписями. Таким образом, в руках ученых оказалось несколько тысяч каменных обломков, покрытых письменами, основанными на палестинской алфавитной системе. Среди отрывочных сведений о богах, племенах и городах были прочтены также названия четырех южноаравийских государств: Минеа, Гадрамаут, Катабан и Сава.

Упоминания о стране Сава имеются также в ассирийских документах VIII века до н. э. Там говорится, что Месопотамия вела с этой страной оживленную торговлю, покупая там главным образом пряности и благовония. Савские цари носили титул «мукарриб», что значит «жрец-князь». Их резиденцией был город Мериб, развалины которого найдены на юге Аравийского полуострова (в сегодняшнем Йемене). Город был расположен в горах, на высоте двух тысяч метров над уровнем Красного моря.

Среди бесчисленных колонн и стен выделялся своим великолепием старый легендарный храм Харам Билкис, вблизи Мериба. Это было овальное строение с прекрасным порталом, к которому вели каменные ступени, выложенные бронзой. Многочисленные колонны и пилястры, а также фонтаны на обширном дворе дают полное представление о былом великолепии храма. Из надписей мы узнаём, что он был воздвигнут в честь арабского бога Илумкуг.

В результате тщательных исследований удалось установить, каковы были источники процветания савского царства. Огромная, высотою в двадцать метров, плотина поднимала уровень реки Адганаф, откуда вела разветвленная сеть оросительных каналов. Благодаря орошению Сава была страной необыкновенного плодородия.

Жители занимались главным образом выращиванием разного рода пряностей, которые экспортировались в ряд стран. Так продолжалось до 542 года н. э., когда вследствие постоянных набегов и войн рухнула плотина. Цветущий сад поглотили пески пустыни.

Можно предположить, почему царица савская собралась в гости к Соломону. Торговый путь, именуемый Дорогой бла-

говоний, по которому жители савского царства вывозили свои товары в Египет, Сирию и Финикию, шел вдоль Красного моря и пересекал территории, подчиненные Израилю. Поэтому благополучное продвижение караванов зависело от доброй воли Соломона.

Царица савская приехала с чисто практической целью: щедрыми дарами и обещанием доли в прибылях склонить израильского царя к заключению договора о дружбе.

Но народная фантазия обошла молчанием характер визита и придала всему романтическую окраску. Соломон, якобы пораженный яркой красотой царицы, воспылал к ней страстью и имел от нее сына. Абиссинцы по сей день утверждают, что именно от него происходит династия негусов.

Стоит привести еще одну легенду, связанную с Соломоном. В сокровищнице храма в Аксуме, прежней столице Абиссинии, будто бы хранится ковчег завета. Как он туда попал? Предание гласит, что его выкрал из храма Соломона сын его и царицы савской, оставив в Иерусалиме подделку.

Таким образом, подлинный Моисеев ковчег завета находится якобы в Аксуме. Он является величайшей святыней абиссинцев, и никто из живущих не имеет права увидеть его. Во время праздника москал, в честь окончания поры дождей, выставляется для всенародного обозрения копия ковчега.

Соломон стал для поколений еврейского народа воплощением мудрости. И это не удивительно. Годы его царствования были периодом высшего экономического и политического расцвета Израиля, единственным в истории страны периодом могущества, мира и процветания.

Правда, в памяти поколений сохранились лишь светлые стороны правления Соломона, теневые же преданы забвению. А между тем этих теневых сторон было немало, и их необходимо вспомнить, чтобы воссоздать правдивую картину той эпохи.

Нам известно, какие колоссальные прибыли приносили Соломону торговля и производство меди. И все же его нельзя назвать рачительным и дальновидным хозяином. Его расточительность и тяга к восточной роскоши привели к тому, что он не смог вернуть Хираму сто двадцать талантов и вынужден был в счет уплаты долга передать тирскому царю двадцать галилейских городов. Это был шаг банкрота, попавшего в финансовый тупик.

Как следует из библейских сказаний, вся тяжесть расходов на строительство, вооружение и содержание царского двора ложилась прежде всего на

плечи ханаанского населения. Достаточно вспомнить, что более двухсот тысяч человек загоняли ежегодно на принудительные работы в ливанских лесах, в каменоломнях на берегу Иордана и на строительных площадках. Эта чудовищная система рабского труда ничем не отличалась от системы фараонов эпохи строительства великих пирамид. Если принять во внимание, что, по данным переписи населения, проведенной Давидом, в Израиле и Иудее насчитывалось в ту эпоху миллион двести тысяч человек мужчин, то нетрудно представить, какой огромный процент своих подданных эксплуатировал царь на принудительных работах.

Такое экономическое принуждение не могло не повлечь за собой глубоких социальных сдвигов. С каждым годом увеличивалась пропасть между богачами и бесправной беднотой, измученной налогами и трудовой повинностью. В низах росло недовольство, начиналось брожение.

Даже жрецы, которые во времена Давида были союзниками царя, имели основания роптать. Последующие поколения, помня о великих заслугах Соломона, простили ему идолопоклонство, которым он занимался в открытую даже во дворе Иерусалимского храма. Но конечно же это возмущало современных ему жрецов.

В огромном гареме царя находились женщины всевозможных рас и религий. Там были хеттеянки, моавитянки, идумеянки, аммонитянки, египтянки, филистимлянки, ханаанеянки и т. д. Вместе со своими обычаями они приносили во дворец и своих богов. Соломон, особенно в последние годы жизни, оставался под сильным влиянием своих фавориток и, поддаваясь их уговорам, устанавливал различные идолопоклоннические культы. Известно, например, что во дворе храма занимались культом Ваала, Астарты и Молоха. И поскольку народные массы, особенно на севере страны, относились к ханаанским богам весьма благожелательно, то пример царя отнюдь не способствовал укреплению яхвизма.

Давид и Соломоч объединили, правда, все племена в едином государстве, но духовного единства они так и не добились. Между племенами северного и южного Ханаана продолжал существовать политический и расовый антагонизм. Даже Давид вполне сознавал отчужденность между обеими группами населения и на смертном одре сказал о Соломоне: «Ему завещал я быть вождем Израиля и Иуды» (3 Царств, гл. 1, ст. 35).

В этой связи Соломон совершил роковую ошибку, непростительную для крупного

государственного деятеля. Он разделил свою страну на двенадцать налоговых округов, обязанных поставлять определенное количество сельскохозяйственных продуктов для нужд царского двора и армии. При этом бросается в глаза, что в списке округов отсутствует территория Иуды. Из этого можно заключить, что Иуда — племя Давида и Соломона было освобождено от подати. Такая привилегия должна была неизбежно озлобить другие племена, особенно гордое племя Ефремово, постоянно соперничавшее с Иудой из-за приоритета в Израиле.

Уже в царствование Давида на здании государственной власти появились грозные трещины. Бунт Авессалома и Сивы был, в сущности, восстанием северных племен против гегемонии Иуды. Эти племена поддерживали в качестве претендентов на престол Иевосфея и Адонию против Давида и Соломона, что доказывает силу внутренних конфликтов, приведших в конце концов к расколу государства.

Крупнейшей ошибкой Соломона было то, что он никогда не заботился об упрочении основ своего государства. Из-за своей близорукости и эготизма он бездумно обострял опасный антагонизм между племенами, что после его смерти привело к катастрофе. Первые опасные признаки обнаружились еще при жизни Соломона, когда вспыхнул мятеж племени Ефремова под руководством Иеровоама. Иеровоам потерпел поражение, но ему удалось убежать в Египет, где фараон Сусаким встретил его очень радушно. Это было вторым предостережением, так как доказывало, что Египет питает по отношению к израильскому царству какие-то враждебные намерения и поэтому поддерживает всех, кто способствует его ослаблению и расколу. И действительно, через пять лет после смерти Соломона Сусаким вторгся в Иудею и варварски ограбил Иерусалимский храм (около 926 года до н. э.).

Серьезные исторические последствия имело также бессилие Соломона по отношению к Разону, который еще в царствование Давида объявил себя царем Дамаска. Несмотря на то, что узурпатор постоянно разорял северные границы Израиля, Соломон так и не отважился дать ему решительный отпор. После раскола Израиля и Иудеи арамейское царство Дамаска обрело большое могущество и долгие годы воевало с Израилем. Это облегчило Ассирии завоевание Сирии в VIII веке до н. э., а в 722 году до н. э. покорить Израиль и угнать десять племен израильских в вавилонское рабство. После падения Ассирии между нововавилонским

царством и Египтом вспыхнула борьба за Сирию и Ханаан, окончившаяся в 586 году завоеванием Иудеи и разрушением Иерусалима халдеями.

Исходя из этих фактов нужно сказать, что царствование Соломона, при всем его блеске и кажущемся богатстве, не было благополучным. Вследствие пагубной политики и деспотизма царя Израиль, потрясаемый внутренними социальными конфликтами, неуклонно шел к гибели. Не удивительно, что сразу же после смерти царя держава, с таким трудом созданная Давидом, распалась на два отдельных слабых государства, занятых постоянными междоусобными войнами.

Необходимо остановиться на традиционном мнении, будто авторство Песни песней и Книги притчей принадлежит царю Соломону. В Библии сказано, что Соломон сочинил тысячу пять песней и три тысячи притчей, в которых отразилась его необыкновенная мудрость.

Песнь песней — одна из самых замечательных и своеобразных эротических поэм во всей мировой литературе. Ее прекрасные ритмические фразы, раскаленные добела жаром экзотических метафор и сравнений, ошеломляют своей подлинно восточной чувственностью. Не удивительно, что она была для многих поколений поэтов, художников и музыкантов неиссякаемым источником вдохновения, чашей, наполненной до краев волшебным напитком поэзии.

Вот как обращается юный герой поэмы к своей возлюбленной:

Как ты прекрасна, как привлекательна,
возлюбленная, твоею миловидностью!
Этот стаи твой похож иа пальму,
и груди твои — иа виноградиые кисти.
Подумал я: влез бы я иа пальму,
ухватился бы за ветви ее;
и груди твои были бы вместо кистей винограда,
а запах от ноздрей твоих, как от яблоков.

Девушка же изображает своего милого так:

Голова его — чистое золото;
кудри его волиистые,
чериые, как ворон.
Глаза его — как голуби
при потоках вод...
Щеки его — цветник ароматиый,
гряды благовониых растеиий;
губы его — лилии,
источают текучую мирру;
руки его — золотые кругляки,
усажеиные топазами;
живот его — как изваяиие из слоиовой кости, обложениое сапфирами;
голени его — мраморные столбы,
поставлеииые на золотых подножиях.

Поэма содержит также чудесные картины природы.

Приведем в качестве примера описание весеннего пейзажа на горе Кармил:

Вот зима уже прошла;
дождь миновал, перестал;
цветы показались иа земле,

время пения настало,
и голос горлицы слышен в стране нашей;
смоковницы распустили свои почки,
и виноградные лозы, расцветая,
издают благовоние.
Встань, возлюбленная моя,
прекрасная моя, выйди!

Пламенные любовные излияния нанизаны на сюжетную канву, напоминающую древние пасторали. Царь влюбился в простую деревенскую девушку по имени Суламита. Он взял Суламиту в свой гарем, но так и не сумел добиться ее расположения. Девушка оставалась верна своему возлюбленному, пастуху из ее родной деревни.

Среди дворцовой роскоши, окруженная заботой и лаской своего господина, Суламита постоянно тоскует по тем счастливым дням, когда она вместе со своим возлюбленным пасла в горах отару овец; по ночам же она мечтает о его крепких и сладостных объятиях.

В конце концов любовь побеждает и влюбленные соединяются вновь.

У этой поэмы, являющей собой шедевр любовной лирики, была удивительная судьба. Уже то, что она очутилась среди канонических книг Ветхого завета, вызывает недоумение. Каким образом могла быть причислена к религиозным сочинениям поэма, вся пропитанная столь недвусмысленной чувственностью? Исследователи так и не сумели окончательно ответить на этот вопрос. Очевидно, составители «священного писания» включили поэму в Библию в убеждении, что ее автором был царь Соломон.

Как строителя Иерусалимского храма, Соломона идеализировали до такой степени, что приписывать ему авторство эротической поэмы было бы просто кощунством. Следовательно, рассуждали составители Библии, в Песни песней выражены отнюдь не любовные, а религиозные чувства, и если автор придал им форму любовной аллегории, то лишь для того, чтобы сделать поэму более доходчивой для своих единоверцев.

Не все, однако, и не всегда были убеждены в правильности этого толкования. Не случайно то, что один из знаменитейших израильских раввинов, Акиба (50—135 годы н. э.), призывал народ не осквернять Песню песней и не распевать ее по трактирам. Не раз возникал вопрос о том, правильно ли поэма причислена к каноническим сочинениям. Со временем, однако, традиция победила. Песня песней вошла в еврейскую литургию и исполняется в первый день праздника пасхи. Ее читают как мистическую драму с делением на монологи, диалоги и партии хора. Содержание поэмы якобы выражает последователь-

ные перемены в отношении израильтян к богу Яхве с момента исхода из Египта до того времени, когда народ избавится от земных мук и соединится с богом.

В III веке н. э. поэма победоносно переступает порог католической церкви, разумеется в видоизмененном толковании. Возлюбленный — это сам Иисус Христос, возлюбленная — церковь или душа христианина, а в хоре под видом друзей влюбленной пары скрываются ангелы, пророки и патриархи.

Правда, в V веке снова начали зарождаться сомнения относительно религиозного характера поэмы. Некоторые, в частности, высказывали предположение, что Соломон написал поэму в защиту одной из своих жен, темнокожей египтянки, дочери фараона, которая из-за цвета кожи не пользовалась в Иерусалиме популярностью.

Однако благодаря бдительности церкви и инквизиции исследователи только в XVIII веке поистине критически подошли к Песне песней. Но и тогда никому в голову не приходило подвергать сомнению авторство Соломона. Напротив, все терялись в догадках, какая же из царских фавориток скрывается за образом Суламиты. Называли по очереди то дочь царя Хирама, которую Соломон будто бы встретил впервые на горе Кармил, то египетскую принцессу, то царицу савскую, то, наконец, сунамитянку Ависагу, которую привели в свое время к старому царю Давиду согревать его. Все догадки благодаря своей романтической окраске нашли множество приверженцев, в особенности среди художников и писателей.

Эти гипотезы были, однако, в 1873 году опровергнуты прусским консулом в Дамаске И. Г. Вецштейном. Наблюдая свадебные обряды сирийских крестьян, он обратил внимание на поразительное сходство между их обрядовыми песнями и библейской Песней песней. Вот что пишет Вецштейн в своих мемуарах:

«Лучшие дни в жизни сирийского крестьянина — это первая неделя после бракосочетания. Молодожены изображают тогда царя и царицу, им прислуживают все жители деревни.

Свадьбы празднуются сирийцами главным образом в марте — самом прекрасном месяце года. Пора дождей тогда уже прошла, а солнце не жжет еще так немилосердно, как в последующие месяцы. Праздник устраивается на вольном воздухе — на току, усеянном в то время полевыми цветами. Молодожены сидят на специально возведенном престоле, а гости пляшут вокруг них и поют — то поодиночке, то хором. В песнях воспевается

телесная красота молодой пары. Жених с невестой, одетые в пышные свадебные наряды, всю неделю ничего не делают, только сидят на престоле, обслуживаемые свадебными гостями, слушают песни и смотрят, как мужчины состязаются в ловкости. Невеста время от времени поднимается и танцует, чтобы обратить внимание жениха на свою красоту».

Путем сопоставлений ученые пришли к выводу, что Песнь песней представляет собой сборник израильских народных песен, связанных со свадебными обрядами. Такие песни можно найти в фольклоре любого народа. Обычно они связаны с определенными обрядовыми действиями и образуют, таким образом, целостную композицию. Песни эти были издавна распространены на Ближнем Востоке и, по свидетельству Вецштейна, сохранились до наших дней. Сирийские крестьяне и сегодня поют их на своих свадьбах.

О том, в какую глубокую древность уходят корни этих песен, мы узнали лишь тогда, когда удалось расшифровать клинопись Месопотамии. Исследователями прочтены две эротические поэмы, представляющие собой, вне всякого сомнения, антологии песен, которые невеста пела своему царственному жениху. По шумерскому обычаю, царь обязан был раз в год жениться на одной из жриц богини любви Инанны, чтобы обеспечить стране хороший урожай. Исполнявшаяся невестой любовная поэма поразительно напоминает некоторые отрывки из Песни песней. Приведем для примера следующее четверостишие:

Возлюбленный, дорогой моему сердцу!
Красота твоя сладка, как мед.
О лев, дорогой моему сердцу!
Красота твоя сладка, как мед.

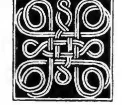
Фольклорное происхождение Песни песней исключает, разумеется, авторство Соломона и тем самым опровергает библейскую традицию.

Современная наука окончательно подтвердила правильность этого вывода. Филологический анализ Песни песней обнаружил, что язык поэмы по меньшей мере на несколько столетий моложе древнееврейского языка эпохи Соломона. Многочисленные арамеизмы и эллинизмы неопровержимо доказывают, что поэма была написана уже после вавилонского пленения, то есть после 532 года до н. э., когда в Палестине было очень сильно влияние греческой культуры.

Археологические открытия в Египте, Сирии и Месопотамии опровергли также другую традицию, приписывающую царю Соломону авторство Книги притчей. В Библии сказано, что Соломон превзошел всю мудрость Египта. Смысл

этой фразы стал понятен лишь после прочтения египетских иероглифов. Оказалось, что репутация египтян как людей очень мудрых имела свои основания. Уже в период царствования V династии фараонов (около 2450—2315 годов до н. э.) придворный вельможа Птаготеп составил для своего сына сборник житейских советов, изложенных в форме кратких пословиц. В них нашел выражение поистине богатый жизненный опыт, ибо автору к моменту составления сборника исполнилось уже сто десять лет. Еще интереснее сборник поучительных сентенций египетского мудреца Аменемопе, относящийся к XVI веку до н. э.

Из клинописных таблиц мы узнали, что подобные сборники имелись также у шумеров, ассирийцев, халдеев и финикийцев. При сравнении всего этого материала с библейской Книгой притчей обнаружилось, что последняя содержит множество заимствований из этих значительно более древних сборников. Там имеются даже совершенно тождественные мысли и выражения. Из этого отнюдь не следует, что в Книге притчей полностью отсутствуют оригинальные израильские пословицы. Но большинство из них несомненно иностранного происхождения. Должно быть, они были распространены на всем Ближнем Востоке и проникли также в Ханаан. Израильский народ воспринимал их как свои собственные и впоследствии приписал их мудрости Соломона.

ИЗРАИЛЬ И ИУДЕЯ

АК РАЗОШЛИСЬ ПУТИ ИЗРАИЛЯ И ИУДЕИ. Царский род Давида пользовался в Иудее огромным авторитетом, и сын Соломона, Ровоам, беспрепятственно занял иерусалимский престол. Новому правителю пришлось, однако, отправиться в Сихем, чтобы получить согласие северных племен на свое царствование. Казалось, что и там все обойдется без осложнений. Север готов был и в дальнейшем подчиняться иудейской династии, но требовал облегчения налогового гнета, введенного Соломоном. Своим уполномоченным северные племена назначили недавнего главаря мятежников Иеровоама, который вернулся из Египта, щедро снабженный фараоновым золотом. Заставляя юного царя вести переговоры с мятежником и изгнанником, северные племена как бы давали понять, что, если их требования не будут удовлетворены, они снова возьмутся за оружие. На совете старейшин Иеровоам обратился к царю со следующими словами: «Отец твой наложил на нас тяжкое иго, ты же облегчи нам жестокую работу отца твоего и тяжкое иго, которое он наложил на нас, и тогда мы будем служить тебе».

Ровоам попросил три дня для размышления. Старые, опытные советники Соломона уговаривали его пойти на уступки. Но Ровоам предпочел прислушиваться к советам своих друзей-сверстников, которые разжигали его самолюбие, предлагая решительно отклонить дерзкие требования. И вот, когда три дня спустя представители племен собрались вторично, царь грозно заявил: «Отец мой наложил на вас тяжкое иго, а я увеличу иго ваше; отец мой наказывал вас бичами, а я буду наказывать вас скорпионами».

В ответ на это израильтяне отказались признать царя и покинули Сихем. Ровоам и тогда не понял всей серьезности положения и решил силой принудить север к повиновению. В довершение всего во главе карательной экспедиции он поставил Адонирама, ненавистного сборщика податей, чье имя во времена Соломона внушало ужас. Северные племена разгромили царские отряды и убили Адонирама. Ровоам в ужасе вскочил на колесницу и умчался в Иерусалим, чтобы спрятаться в его стенах.

Результаты этой неразумной политики сказались немедленно. Десять северных племен откололись от Иудеи и провозгласили своим царем Иеровоама.

Итак, держава Давида и Соломона распалась на два слабых, враждующих друг с другом царства: Израиль и Иудею.

Упрямый Ровоам ни за что не хотел примириться с этим. Он собрал большую армию и намеревался двинуть ее на север, на расправу с мятежными племенами. Но тут в дело вмешался старый

пророк по имени Самей, пользующийся в Иерусалиме огромным авторитетом. Он от имени Яхве заклеймил братоубийственную войну и призвал царя отказаться от своей безумной затеи. Гражданская война была, таким образом, предотвращена, но это отнюдь не значит, что между обоими государствами воцарилось согласие. Десятилетиями продолжалась непримиримая вражда, находившая выражение в интригах, пограничных инцидентах и в конце концов перешедшая в войну.

С момента раскола прошло пять лет. Фараон Сусаким, убедившись, что оба царства ослаблены постоянными конфликтами, напал на Ханаан и опустошил Иудею и часть Израиля. Он ушел лишь тогда, когда Ровоам заплатил громадный выкуп, отдав ему величайшие сокровища Иерусалимского храма и царского дворца. Великолепие и блеск Соломоновых сооружений померкли уже спустя двадцать лет после их создания: там, где раньше сверкало золото, остались голые стены. В Египет ушли также золотые щиты, украшавшие «дом леса ливанского». На их место Ровоам велел отлить медные щиты, надеясь их ложным блеском замаскировать свой упадок.

ЗРАИЛЬ ПОКЛОНЯЕТСЯ ЗОЛОТОМУ ТЕЛЬЦУ.

Иеровоам сделал вначале своей столицей Сихем. Позднее, опасаясь фараона Сусакима, он перенес свою резиденцию в город Пенуил, за Иорданом, а в конце концов поселился в Фирце.

Израиль страдал от отсутствия религиозного центра. Жрецы Яхве ушли в Иерусалим, а верующие по-прежнему совершали паломничества в храм Соломона, где находился единственный и самый святой предмет культа — ковчег завета. Иеровоама очень беспокоили эти паломничества во вражескую столицу. Он опасался, что со временем его подданные могут захотеть снова объединиться с племенами Иудеи, как в славные времена Давида и Соломона. Чтобы предотвратить опасность, Иеровоам решил отделиться от Иерусалима также и в религиозном отношении. С этой целью он построил храмы в городах Вефиле и Дане и сделал для них двух золотых тельцов как подножия трона Яхве. Он создал даже отдельную жреческую корпорацию, установил свои религиозные праздники и ритуальные обряды. Итак, это была настоящая религиозная ересь, к тому же соединенная с идолопоклонством. Отступничество Иеровоама встретилось с резким осуждением со стороны яхвистов. Особенно возмущен был пророк Ахия, который своим авторитетом способствовал избранию Иеровоама на израильский престол. Од-

нажды, когда Иеровоам в Вефиле совершал курение золотому тельцу, появился Ахия и произнес такое заклинаиие, что жертвеиник распался. Разгневанный царь протянул руку, повелевая схватить дерзкого пророка, но рука, которую он поднял на святого мужа, одеревенела. Иеровоам сразу присмирел и стал молить Ахию вернуть ему здоровье. Ахия с помощью Яхве выполнил его просьбу, но Иеровоам не сделал из этого происшествия иужных выводов и продолжал насаждать идолопоклоиство среди своих подданных. Пророк Ахия призывал его вернуться на путь истинной веры, но царь не внял его словам, и Ахия удалился в Силом, где жил в полном уединении. Он был уже дряхлым, слепым стариком и болезиенно переживал свое разочароваиие в человеке, которого сделал царем в надежде, что тот будет верно служить вере Моисеевой.

Когда Иеровоам царствовал в Фирце, заболел его любимый сынишка Авия. Иеровоам сказал жене: «Встань и переоденься, чтобы не узнали, что ты жеиа Иеровоама, и пойди в Силом. Там есть пророк Ахия; он предсказал мне, что я буду царем сего народа. И возьми с собою десять хлебов и лепешек и кувшин меду, и пойди к нему: он скажет тебе, что будет с отроком».

Пророк, однако, хотя и слепой, сразу узнал супругу царя. Его устами заговорил Яхве, упрекая Иеровоама в том, что он установил изображения чужих богов, и заявил: «За это я наведу беды на дом Иеровоамов и истреблю у Иеровоама до мочащегося к стене, заключенного и оставшегося в Израиле, и вымету дом Иеровоамов, как выметают сор, дочиста. Кто умрет у Иеровоама в городе, того съедят псы, а кто умрет иа поле, того склюют птицы небесные; так господь сказал. Встань и иди в дом твой; и как скоро нога твоя ступит в город, умрет дитя».

Женщина в ужасе вернулась в Фирцу, и, когда оиа ступила на порог своего дома, ребенок скончался внезапно у нее на руках.

Иеровоам царствовал двадцать два года. После его смерти на престол вступил его сын Новат.

ТО ПРОИСХОДИЛО В ИУДЕЕ? Сын Соломона, Ровоам, царствовал в Иудее семнадцать лет. Его правление не было благоприятным для яхвистской религии. Мало того, что на пятом году его царствования фараон Сусаким ограбил Иерусалимский храм; вдобавок Ровоам под влиянием своей матери, аммонитянки Наамы, обратился к идолопоклонству. По всей стране на холмах и под священными деревьями его подданные поклонялись чужим богам. У Ровоама были бесконечные вооруженные столкновения с Израилем. Чтобы обезопасить себя от на-

падения войск Иеровоама, он укрепил пограничные города. Начальниками гарнизонов в этих крепостях он назначил двадцать восемь своих сыновей, а при себе, в Иерусалиме, оставил только Авию, которого сделал своим наследником. Авия царствовал всего три года. В религиозных делах он пошел по стопам отца и матери, Маахи, и не боролся с идолопоклонством.

Авия был, однако, энергичным политиком и полководцем. Чтобы обрести преимущество над Израилем, он заключил союз с царем Дамаска и с громадной армией двинулся против Иеровоама. В кровопролитном сражении, в котором погибло пятьсот тысяч израильтян, Авия одержал полную победу, ворвался в Вефиль и другие северные города, опустошил их и захватил множество пленных. После этого он вернулся в Иерусалим и взял себе четырнадцать жен, которые родили ему двадцать два сына и шестнадцать дочерей.

Авию сменил на иудейском престоле его сын Аса, который царствовал сорок один год. В отличие от своих предшественников, Аса был пламенным яхвистом и врагом идолопоклонства. Прежде всего он отстранил от власти свою бабку Мааху, насаждавшую культ Астарты и Приапа. Она поставила в Иерусалимском храме пень дерева, символизирующий Астарту. Аса велел сжечь его в долине Кедрона, убрал всех идолов с холмов и из рощ и изгнал из страны чужестранцев, которые поклонялись ложным богам. Он стремился сосредоточить культ Яхве в Иерусалимском храме, собирая там снова сокровища и возвращая храму, таким образом, былое великолепие. Но иудейских земледельцев и скотоводов не так-то легко было привлечь в столицу. Они сохранили священные места на холмах и в рощах и приносили там жертвы Яхве.

Аса победоносно отразил нашествие южных бедуинских племен и возобновил союз с царем Дамаска для того, чтобы Израиль очутился между двух огней. Когда же пророк Ананий смело упрекнул его за этот союз, угрожающий вере Моисеевой, Аса посадил его в темницу. На склоне лет он понял все же, каким опасным может оказаться для еврейских племен растущее могущество Сирии, и стремился улучшить отношения с Израилем.

Сын Асы, Иосафат, царствовал двадцать один год. Он был, подобно отцу, ревностным яхвистом и продолжал его политику. Ему удалось заключить, непродолжительный правда, мир с Израилем, скрепив его браком своего сына Иорама с Гофолией, дочерью могущественного израильского царя Ахава.

МВРИЙ — ВЕЛИЧАЙШИЙ ИЗ ЦАРЕЙ ИЗРАИЛЬСКИХ. Нават, сын Иеровоама, процарствовал всего два года. Во время осады филистимского города Гавафоиа его предательски убил Вааса из племени Иссахара. Цареубийца умертвил всех членов царской семьи, уничтожив, таким образом, династию Иеровоама, и завладел престолом. Вааса был умелым дипломатом и храбрым воином. Он заключил союз с царем Дамаска Венададом I и начал наступательную войну против Иудеи. Ему удалось захватить город Раму. Но иудейский царь Аса превзошел его хитростью. Богатыми дарами он привлек Венадада на свою сторону, тот расторг союз с Ваасой и напал на Израиль. Ваасе пришлось бежать на север.

Израильский цареубийца и узурпатор Вааса процарствовал двадцать четыре года и умер естественной смертью. Сын же его, Ила, продержался на престоле всего два года. Во время большого пира в Фирце, куда он перенес столицу, Ила напился до беспамятства. Тогда во дворец ворвался командир боевых колесниц Замврий и убил царя и все его семейство. Так погибла II израильская династия, основанная Ваасой. Власть захватил Замврий. Но оказалось, что армия не поддерживает его. Главный военачальник Амврий во главе своих отрядов поспешил в Фирцу и осадил город. Замврий сопротивлялся семь дней, затем, видя, что его положение безнадежно, поджег царский дворец и сам погиб в огне. Армия провозгласила царем Амврия, который стал основателем IV израильской династии, продержавшейся у власти пятьдесят лет.

Не все израильтяне согласились сразу с избранием Амврия. Часть племен выдвинула кандидатуру некоего Фамния, которого особенно поддерживало влиятельное племя Ефремово. Четыре года длилась гражданская война. В итоге Амврий победил, а Фамний совершенно исчез с политической арены.

Амврий решил построить себе новую столицу. Он стал искать подходящее место и остановил свой выбор на одном из холмов. С этого холма просматривались все важнейшие торговые пути Ханаана. В хорошую погоду можно было оттуда наблюдать за всеми караванами до самого Средиземного моря. Кроме того, холм легко было защищать во время осады, что имело огромное значение для будущей столицы государства. Амврий купил холм у его владельца Семира за два таланта серебра и по его имени назвал город Самарией.

Царствование Амврия было очень благополучным. Он пользовался уважением ассирийцев и египтян. Ему удалось подчинить себе моавитян, которые стали платить ему дань. Хуже сложились отношения Амврия с сирийским царем Венададом I. Венадад за-

хватил у него несколько городов и заставил согласиться на то, чтобы сирийские купцы имели в Самарии собственный квартал и пользовались свободой торговли. Несмотря на то, что Амврий был опытным полководцем, он избегал войн. У него были хорошие отношения с царем тирским Ефваалом, а заключенный с ним договор о дружбе он скрепил браком своего сына Ахава с тирской царевной Иезавелью. Амврий дружил также с царем иудейским. Эту дружбу еще больше укрепил его сын Ахав, выдав свою дочь Гофолию замуж за царя Иорама.

Амврий царствовал двенадцать лет. Он, правда, не боролся против идолопоклонства, но тем не менее его заслуги очень велики. Главной его заслугой является строительство великолепной столицы Самарии.

РОРОК ИЛИЯ И ИЕЗАВЕЛЬ. Ахав, сын Амврия, царствовал двадцать два года. Под влиянием своей супруги, Иезавели, царевны сидонской, он изменил Яхве и допустил, чтобы культ Ваала стал в Израиле государственной религией. Иезавель, ревностная почитательница финикийского бога Мелькарфа, построила ему храм в Самарии, пророков же яхвизма она жестоко преследовала и умерщвляла.

Дело дошло до того, что почитатели Яхве вынуждены были скрывать свою веру. Таким тайным яхвистом был главный управляющий царского дворца Авдий. Он помог ста яхвистским пророкам спрятаться от преследований в пещерах близ Самарии и приносил им туда хлеб и воду.

Однажды к Ахаву явился пророк Илия. Он был родом из Галаада. Там, в пустыне, с ним разговаривал Яхве и велел ему идти к Ахаву. Стоя перед царем в перепоясанной веревкой простой одежде отшельника, Илия гневно упрекал его в вероотступничестве и предсказал, что страну постигнет бедствие: будет засуха и голод. «Жив господь, бог Израилев, пред которым я стою! — воскликнул Илия грозным голосом.— В сии годы не будет ни росы, ни дождя, разве только по моему слову».

После этого пророчества Илия бежал из столицы, опасаясь мести царя, и скрылся в горах за Иорданом. Места там были пустынные, однако Илия не испытывал голода. Во́роны два раза в день приносили ему хлеб и мясо, а воду он брал из потока Хорафа. Но вот наступила предсказанная засуха. Дожди прекратились, и поток высох совершенно. Тогда Илия переселился в городок Сарепту, около Сидона. Одна бедная вдова приютила его там и делилась с ним своей скудной пищей. И свершилось чудо: во все время пребы-

вания пророка у вдовы не уменьшалось ни количество муки в кадке, ни масла в кувшине.

Но вот у вдовы случилось несчастье: ее сынишка тяжело заболел и умер. Тогда Илия взял мертвого мальчика к себе в комнату, положил на свою постель и умолял Яхве воскресить его. Яхве внял мольбе пророка, и ребенок ожил. Вдова, не помня себя от радости, воскликнула: «Теперь-то я узнала, что ты человек божий и что слово господне в устах твоих истинно!»

В Израиле три года свирепствовал голод. Ахав, удрученный этим, согласился встретиться с Илией и провести испытание: который из богов истинный — Яхве или Ваал. На горе Кармил собрались четыреста пятьдесят пророков Ваала, которых содержала царица Иезавель. Илия один выступил на борьбу с ними. Многочисленные толпы израильтян и ханаанеян с напряжением ждали исхода этого своеобразного поединка за обладание их душами. Илия предложил пророкам Ваала положить на жертвеннике разрезанного тельца и попросить своего бога ниспослать огонь с неба. Пророки плясали вокруг жертвенника, истязая себя ударами ножей и копий и исступленно крича: «Ваале, услышь нас!» Наступил полдень, а телец все не загорался; Илия советовал им с издевкой: «Кричите громким голосом, ибо он бог; может быть, он задумался, или занят чем-либо, или в дороге, а может быть, и спит, так он проснется».

Когда полдень миновал, Илия построил жертвенник, вокруг него вырыл канаву, сложил дрова, разрезал своего тельца и велел лить воду на жертвенник. Как только канава наполнилась водой, он воздел руки к небу и громко молил Яхве доказать, что он истинный бог. С неба немедленно спустился огонь, проглотивший не только тельца, но даже камни жертвенника и воду из канавы. Народ, увидев это чудо, пал ниц, восклицая: «Господь есть бог! Господь есть бог!» Но Илия на этом не остановился. Он велел поймать лжепророков и казнить всех до единого над потоком Киссон. Затем он вернулся на гору Кармил и уселся на камне ждать, пока не покажется над морем первая дождевая туча. Спустя несколько мгновений все небо затянулось тучами и хлынул долгожданный ливень.

Царица Иезавель, узнав о том, что произошло на горе Кармил, поклялась отомстить Илии. Пророк, испугавшись гнева закоренелой язычницы, бежал в Иудею, где прятался в горных пещерах. Там ему снова явился Яхве и велел идти в Дамаск помазать Азаила на царство над Сирией. Второе, еще более важное поручение состояло в том, чтобы помазать на царство над Израилем Ииуя, который был военачальником у Ахава.

По пути Илия повстречался израильтянин, по имени Елисей. Он как раз пахал свое поле упряжкой в двенадцать пар волов. Ели-

сей понравился пророку, и тот накинул ему на плечи свой плащ в знак того, что берет его к себе в ученики. Елисей, взволнованный этой неожиданной милостью, сказал: «Позволь мне поцеловать отца моего и мать мою, и я пойду за тобою!» Затем он убил двух волов, устроил своим землякам прощальный пир и, расставшись с родителями, ушел за своим новым учителем.

ИНОГРАДНИК НАВУФЕЯ. Царь Ахав вел постоянные войны с сирийцами. Царь Дамаска Венадад II вместе с тридцатью двумя царями — своими союзниками вторгся в Израиль и даже осаждал Самарию. Но он потерпел поражение и вынужден был вернуться в свою страну. Год спустя Венадад снова появился в Израиле и был разгромлен вторично, на этот раз у Афека. Он попал в плен, но Ахав выпустил его на свободу, заставив лишь вернуть израильские города, захваченные при Амврии, и предоставить израильским купцам право свободной торговли в Дамаске. Впрочем, один из пророков Яхве осудил Ахава за его великодушие.

Победоносные войны и хорошее экономическое положение страны позволили Ахаву заняться украшением своей второй, наряду с Самарией, столицы — города Изрееля. Он велел расширить и отделать слоновой костью дворец, построенный его отцом. И захотел расширить и украсить сад вокруг дворца. С этой целью Ахав обратился к Навуфею, владельцу виноградника, расположенного рядом с дворцом, с просьбой уступить ему участок за серебро или взамен за виноградник в другом месте. Навуфей отказал, говоря, что не может расстаться с наследием отцов. Ахав вернулся во дворец очень расстроенный. Он бросился на постель, повернулся лицом к стене и ничего не ел. Мечта о создании прекрасного, большого царского сада рушилась из-за упрямства его подданного. Как обычно в подобных случаях, дело взяла в свои руки энергичная и коварная Иезавель. Она поспешила к мужу и сказала: «Встань, ешь хлеб и будь спокоен: я доставлю тебе виноградник Навуфея-изреелитянина».

Она тут же написала письмо к своим доверенным лицам, поручив им найти двух лжесвидетелей, которые обвинили бы Навуфея в государственной измене. Так и сделали. На основании ложного обвинения Навуфей был казнен, а его виноградник перешел в собственность царя.

Подлый поступок царской четы вызвал молчаливое осуждение во всей стране, но никто не осмелился поднять голос протеста. Только пророк Илия, повинуясь голосу Яхве, смело пришел к

Ахаву и произнес следующее пророчество: «Так говорит господь: ты убил и еще вступаешь в наследство?.. На том месте, где псы лизали кровь Навуфея, псы будут лизать и твою кровь... Также и о Иезавели сказал господь: псы съедят Иезавель за стеною Изрееля».

Ахав в ужасе от такого предсказания разодрал свои одежды, надел на тело власяницу, постился. Видя его искреннее раскаяние, Яхве решил истребить царский род уже после его смерти.

МЕРТЬ ЦАРЯ АХАВА. Мир с сирийцами длился всего три года. Вопреки договору, царь Дамаска отказался вернуть захваченный израильский город Рамоф Галаадский... Тогда Ахав договорился с царем иудейским Иосафатом, и они вместе двинули свои боевые колесницы против сирийских войск. Ахав сражался переодетым, чтобы его не узнали, но тем не менее был тяжело ранен стрелой из лука. Его вынесли с поля боя и повезли в Самарию, но по дороге он скончался. Иосафату же удалось бежать, и он с остатками своих войск вернулся в Иерусалим.

Таким образом, сбылась первая часть предсказаний Илии. Окровавленную колесницу Ахава слуги обмыли в самарийском пруду, и псы лизали стекающую кровь царя, как некогда лизали кровь казненного Навуфея.

Сын Ахава, Охозия, царствовал всего два года. Однажды он свалился с балкона своего дворца и получил тяжелые увечья. Он послал своих людей за помощью к аккаронскому богу Веельзевулу, славившемуся тем, что он исцеляет больных. Но царских послов задержал в пути пророк Илия и, предсказав Охозии скорую смерть, ругал их за то, что они идут за советом к чужому богу. Послы вернулись в Самарию, а царь, возмущенный дерзостью Илии, велел схватить его. Но выполнить приказ было нелегко. Пророк уничтожил небесным огнем один за другим два отряда посланных за ним стражников. Затем он сам пришел к царю и предсказал ему скорую смерть за поклонение чужим богам. Вскоре Охозия действительно умер, и на престол вступил Иорам, последний царь из династии Ахава.

ОЗНЕСЕНИЕ ИЛИИ НА НЕБЕСА. Илия шел по Ханаану в сопровождении своего самого преданного ученика — Елисея. Когда они пришли в Иерихон, Илия на глазах у пятидесяти других пророков ударил плащом по водам Иордана. Река тут же расступилась, и они перешли посуху на

другую сторону. Едва они там очутились, поднялся сильнейший ветер и появилась огненная колесница, запряженная огненными конями. Илия взошел на колесницу и помчался в вихре на небо. Елисей разодрал свои одежды и воскликнул в отчаянии: «Отец мой, отец мой, колесница Израиля и конница его!» Не получив никакого ответа, он снова разделил воды Иордана плащом, оставшимся от Илии, и вернулся в Иерихон. Под впечатлением чуда иерихонские пророки провозгласили Елисея преемником Илии.

УДЕСА ЕЛИСЕЯ. Жители Иерихона сетовали на то, что вода у них нехорошая, а земля бесплодная. Елисей велел, чтобы ему принесли новую чашу, полную соли. Затем он пошел от источника к источнику и оздоравливал воду, насыпая в нее соль. С тех пор вода в Иерихоне стала хорошей, а земля плодородной.

Спустя некоторое время Елисей отправился в Вефиль. В отличие от своего учителя, предпочитавшего находиться в пустыне, он пребывал главным образом в городах и селениях. Однажды, когда Елисей шел дорогой, его обступила ватага озорных ребят, которые стали насмехаться над его лысиной и кричать: «Иди, плешивый! Иди, плешивый!» Пророк посмотрел на своих маленьких преследователей и проклял их именем Яхве. Тотчас же из леса выскочили две медведицы и растерзали сорок два ребенка.

Из Вефиля Елисей пошел на гору Кармил, а оттуда в столицу Израиля Самарию. Туда к нему пришла некая вдова пожаловаться, что кредитор забрал у нее двух сыновей в рабство за долги. Елисей пожалел женщину, которая была верной почитательницей Яхве. Он велел ей собрать как можно больше порожних сосудов, и все их наполнил маслом. Масла оказалось столько, что, продав его, вдова смогла выкупить сыновей.

В Сонаме жила женщина, которая вышла замуж за человека много старше ее и не имела детей. Она каждый раз очень гостеприимно встречала пророка и всегда держала для него наготове отдельную горницу с постелью, столом и светильником. Елисей, исполненный благодарности к ней, предсказал, что через год она родит желанного сына. Предсказание сбылось. Спустя несколько лет мальчик тяжело заболел и умер. Тогда пророк согрел его своим телом и вернул ему жизнь.

В Галгале был голод. Население питалось травой и сорняками. Один верующий из Ваалшалишп, узнав, что Елисей прибыл в Галгал, и не желая, чтобы он там голодал, поспешил туда и отвез пророку двадцать ячменных хлебов и мешок зерна. Пророк поблаго-

дарил за подарок и попросил его разделить хлебы на сто человек, находившихся в тот момент рядом. Пришелец из Ваалшалиши стал возражать, справедливо полагая, что для всех все равно не хватит. Но случилось чудо: хлебы размножились, и все не только сами утолили голод, но даже захватили хлеб с собой домой.

АК ЕЛИСЕЙ ИЗЛЕЧИЛ ПРОКАЖЕННОГО. Нееман, военачальник сирийского царя, был богатым и знатным человеком. Но с ним случилось несчастье: он заболел проказой. У супруги Неемана была рабыня-израильтянка, взятая в плен еще ребенком. Юная пленница, сочувствуя горю своего господина, рассказала ему, что в Самарии живет пророк, который может его исцелить. Нееман попросил своего царя отпустить его в Самарию и дать ему с собой рекомендательное письмо к израильскому царю. Тот выполнил просьбу своего военачальника и написал: «Вместе с письмом сим, вот, я посылаю к тебе Неемана, слугу моего, чтобы ты снял с него проказу его». Царь израильский, прочитав письмо, разодрал одежды и воскликнул: «Разве я бог, чтобы умерщвлять и оживлять, что он посылает ко мне, чтобы я снял с человека проказу его?» Он подозревал, что хитрый правитель Дамаска просто-напросто ищет предлог для объявления войны Израилю. Елисей, узнав о затруднительном положении царя, предложил направить больного к нему. Гордый сирийский сановник подъехал к дому пророка на роскошной колеснице в сопровождении многочисленной свиты. Елисей не вышел навстречу к нему и не поклонился, как ожидал Нееман, а лишь передал через слугу, чтобы больной семь раз окунулся в Иордане, и тогда недуг пройдет. Нееман был глубоко оскорблен. Он не привык к такому обращению. К тому же у него мелькнуло подозрение, что пророк просто насмехается над ним. Он воскликнул с возмущением: «Разве Авана и Фарфар, реки дамасские не лучше всех вод израильских? Разве я не мог бы омыться в них и очиститься?» После чего он в гневе покинул Самарию. Но по дороге слуги все-таки уговорили Неемана выполнить указание невежи-пророка. Он свернул к Иордану и семь раз окунулся в воду. Ко всеобщему изумлению, проказу как рукой сняло, и тело Неемана стало чистым, как у новорожденного младенца. Исполненный благодарности, Нееман помчался к Елисею, предлагая ему в награду золото, серебро и драгоценные наряды. Когда Елисей отказался принять дары, он воскликнул, что отныне будет поклоняться одному лишь Яхве, вернувшему ему здоровье. Услышав, что поклоняться Яхве можно только на израильской земле, Нееман велел слугам наполнить этой землей мешки и навью-

чить на двух мулов, чтобы у себя на родине рассыпать эту землю перед жертвенником Яхве и таким образом соблюсти букву закона.

Затем Неемана все-таки охватили сомнения. Как государственному сановнику, ему придется участвовать в религиозных обрядах в храме сирийского бога Риммона. Когда царь поклонится Риммону, то и ему придется сделать это. И он просил своего благодетеля заранее простить ему это отступничество. Елисей в ответ благословил его, отпуская ему, таким образом, будущие грехи.

Слуга Елисея подслушал весь разговор и решил заполучить для себя кое-что из сокровищ, от которых с такой легкостью отказался его господин. Он поспешил вслед за Нееманом, догнал его и сказал, что Елисей просит прислать ему талант серебра и две смены одежды для двух юношей, прибывших к нему в гости с гор Ефремовых. Сириец охотно выполнил эту просьбу и даже вместо одного таланта серебра дал два. Слуга спрятал эти обманным путем добытые дары у себя дома. Но от пророка ничего не укрылось. Он призвал к себе обманщика и сказал гневно: «Время ли брать серебро и брать одежды, или масличные деревья и виноградники, и мелкий или крупный скот, и рабов или рабынь? Пусть же проказа Нееманова пристанет к тебе и к потомству твоему навек». И так оно и случилось.

ГИБЕЛЬ ДИНАСТИИ АХАВА. Израильский царь Иорам правил двенадцать лет. Вскоре после вступления на престол он договорился с царем иудейским и пошел войной против Месы, царя моавитского, который был вассалом Израиля, а теперь отказался платить дань. Объединенные войска нанесли Месе поражение, но не смогли снова подчинить его Израилю.

Вскоре в Израиль вторгся царь Дамаска Венадад и осадил Самарию. Осада была длительной, и в городе свирепствовал такой голод, что матери съедали собственных детей. К счастью, в сирийском лагере распространился слух, что на выручку Израилю идут хетты и египтяне. Венадад, испугавшись, снял осаду, и Самария неожиданно избежала страшной гибели.

Некоторое время спустя царь Венадад тяжело заболел. Узнав, что в Дамаск пришел Елисей, царь послал к нему одного из своих придворных, Азаила, с богатыми дарами и с просьбой лечить его. Елисей, выслушав Азаила, заплакал. На вопрос Азаила, отчего он плачет, пророк ответил: «Оттого, что я знаю, какое наделаешь ты сынам израилевым зло; крепости их предашь огню, и юношей их мечом умертвишь, и грудных детей их побьешь, и беременных жен-

щин у них разрубишь». Азаил возражал: «Что такое раб твой, пес, чтоб мог сделать такое большое дело?» И тут Елисей торжественно заявил ему: «Указал мне господь в тебе царя Сирии».

Услышав такое пророчество, Азаил вернулся во дворец, задушил своего господина одеялом и объявил себя царем Дамаска.

Иорам хотел воспользоваться государственным переворотом и беспорядками в Дамаске, чтобы вернуть себе захваченный сирийцами город Рамоф Галаадский, но в одном из сражений был ранен и вернулся в Изреель лечиться, поручив командование своему военачальнику Ииую.

В Изрееле Иорама навестил Охозия, царь иудейский, с которым он был в дружеских отношениях.

Яхвисты ненавидели Иорама, как сына Ахава и почитателя золотого тельца. Пророк Елисей решил воспользоваться его болезнью, чтобы свергнуть его с престола. Он послал одного из своих доверенных учеников в Рамоф Галаадский помазать Ииуя на царство. Выполняя этот тайный обряд, посланец Елисея произнес следующие слова: «Так говорит господь, бог Израилев: «помазую тебя в царя над народом господним, над Израилем. И ты истребишь дом Ахава, господина твоего, чтобы мне отомстить за кровь рабов моих пророков и за кровь всех рабов господних, павших от руки Иезавели»».

Израильская армия, узнав о помазании Ииуя, единогласно провозгласила его царем. Новый правитель сел в колесницу и во главе взбунтовавшихся войск поспешил в Изреель. Иорам ничего не знал о заговоре и очень удивился, услышав, что Ииуй покинул Рамоф Галаадский и едет к нему. Он дважды направлял послов навстречу Ииую, но те не вернулись, насильно задержанные мятежником. Обеспокоенный их отсутствием, Иорам вместе с иудейским царем Охозией сам отправился навстречу своему военачальнику. Мятежники встретили его враждебными окриками и оскорблениями. Иорам, догадавшись, что происходит, хотел бежать, но свалился замертво с колесницы, произенный стрелой узурпатора. Охозия также спасался бегством, но Ииуй ранил и его. Охозии удалось добраться лишь до Мегиддо, где он скончался от ран. Слуги отвезли его тело в Иерусалим, чтобы похоронить в гробнице Давида.

Царица Иезавель поняла, что пробил ее последний час. Она решила встретить смерть с достоинством: нарумянила лицо, сделала прическу и гордо встала в окне дворца. Увидев на улице Ииуя, Иезавель разразилась оскорблениями и насмешками. Разъяренный цареубийца велел выбросить ее из окна, и кони растоптали ее уже мертвое тело. Иезавель всю ночь пролежала в луже

крови, в то время как во дворце пировали заговорщики. Наутро Ииуй приказал похоронить тело Иезавели, но оказалось, что его сожрали псы. Таким образом, сбылась вторая часть предсказания Илии.

В Самарии жили семьдесят сыновей Ахава. Ииуй написал письмо к старейшинам города, потребовав в знак повиновения выдать ему их головы. Испуганные жители Самарии выполнили требование царя и в корзинах послали головы в Изреель. Ииуй велел сложить их в две груды и оставить у городских ворот, чтобы население убедилось собственными глазами в гибели рода Ахава.

Прежде чем тело убитого царя Охозии привезли в Иерусалим, сорок два брата Охозии, не зная о государственном перевороте, отправились в гости к Иораму. Ииуй поймал их и велел казнить у своего колодца.

Прибыв в Самарию, жестокий узурпатор учинил кровавую расправу над сторонниками, друзьями и чиновниками Иорама. Затем он созвал в столицу жрецов Ваала со всего Ханаана, заявив, что хочет по случаю своей коронации принести жертву их богу. Но это была ловушка. Когда жрецы Ваала заполнили храм, на них накинулись солдаты и перебили всех до единого. Статуи Ваала разбили, а храм его осквернили, превратив его в отхожее место. Яхве восторжествовал над ханаанскими богами. Но это была неполная победа, ибо Ииуй не уничтожил культ золотого тельца, центрами которого были города Вефиль и Дан. Пророки, возведшие Ииуя на престол, возмущались, а Яхве разгневался и в наказание допустил, чтобы самозванный царь Дамаска, Азаил, разорял израильские земли к востоку от Иордана. Ииуй умер, процарствовав двадцать восемь лет. На израильский престол вступил его сын Иоахаз, который царствовал шестнадцать лет.

ОФОЛИЯ — ЦАРИЦА ИУДЕЙСКАЯ. Гофолия, мать убитого иудейского царя Охозии, была дочерью Иезавели и Ахава и, подобно матери, отличалась большой силой воли. Под ее влиянием культ Ваала постепенно брал верх над культом Яхве. В храме Соломона дымились жертвенники чужих богов, а их жрецы и почитатели чувствовали себя там как дома.

Узнав о гибели сына, Гофолия совершила кровавый государственный переворот и сама захватила власть. Она шла к престолу по трупам, убивая всех членов царского рода. Не посмела она убить лишь сестру Охозии, Иосавеф, потому что та была женой могущественного жреца Яхве Иодая. Иосавеф же спасла от гибели го-

довалого сынишку Охозии, Иоаса, и втайне от царицы воспитывала его у себя дома. Когда мальчику исполнилось семь лет, жрец Иодай организовал большой заговор яхвистов. Сначала он повел секретные переговоры со всеми военачальниками и склонил их на сторону Иоаса. Затем под предлогом празднования субботы в Иерусалиме он созвал левитов со всего царства иудейского и снабдил их оружием из арсенала Давида. В намеченный день, в субботу, заговорщики захватили территорию храма, разоружили царскую охрану и убивали каждого непосвященного, пытавшегося войти в храм. Затем Иодай вывел маленького Иоаса и помазал его на царство. Когда на мальчика надели царский венец и посадили на престол, все присутствующие в храме закричали: «Да живет царь!»

Гофолия лишь тогда заметила, что в храме происходит что-то необычное. Она выбежала из дворца и, увидев на престоле Иоаса в царском венце, крикнула в ужасе: «Заговор! Заговор!»

Иодай приказал увести ее и убить.

До тех пор пока Иоас не достиг совершеннолетия, от его имени правил верховный жрец Иодай. Благодаря ему снова восторжествовали почитатели Яхве. Они очистили Иерусалимский храм от всяких следов идолопоклонства, разрушили жертвенники Ваала и изгнали его жрецов. В результате всего этого оказалось сильно поврежденным и нуждалось в ремонте само здание храма. Вдобавок начали разрушаться стены. Восстановление храма в его прежнем блеске требовало громадных средств. Царь Иоас объявил сбор среди населения и установил для этой цели в воротах храма большой ящик с отверстием, куда верующие бросали свои пожертвования. Сбор средств продолжался двадцать три года, но начать работы по восстановлению храма никак не удавалось, так как жрецы систематически присваивали себе содержимое ящика. Наконец царь потерял терпение и поручил своему писцу контроль над сбором. С тех пор пожертвования вынимали и пересчитывали в присутствии царского чиновника и верховного жреца. Вскоре можно было уже приступить к восстановительным работам.

Верховный жрец Иодай умер, прожив сто тридцать лет. После его смерти царь Иоас под нажимом влиятельных иудейских вельмож отвернулся от Яхве и стал поклоняться Ваалу. Когда сын Иодая, жрец Захария, в резких выражениях упрекнул Иоаса в вероотступничестве, тот приказал его казнить. Яхве решил наказать Иоаса, и вскоре на Иудею напал царь Дамаска Азаил, разоряя страну и истребляя население. Военные неудачи вызвали недовольство в стране. Иоас потерял поддержку народа. К тому же он тяжело заболел. Этим воспользовались жрецы Яхве, не простившие

царю убийства Захарии. Под их руководством совершился дворцовый переворот. Больного Иоаса убили его собственные слуги.

ЗАКАТ И УПАДОК ИЗРАИЛЯ. У Ииуя были очень плохие отношения с царем Дамаска Азаилом. Когда ассирийский царь Салманасар III напал на Дамаск, Ииуй встал на его сторону. Вскоре, однако, Ассирия, ослабленная внутренними распрями, вынуждена была отказаться от политики экспансии, и Азаил воспользовался этим, чтобы отомстить Ииую. Он совершил несколько набегов и захватил израильские территории за Иорданом, уменьшив, таким образом, владения Израиля почти на одну треть. Царствование Ииуя закончилось поражениями и ослаблением государства. Его сын, Иоахаз, правивший семнадцать лет, вынужден был признать гегемонию Дамаска. Израильская армия перестала существовать. Дамаск разрешил Иоахазу держать лишь десять тысяч пехоты, десять боевых колесниц и пятьдесят всадников. Страна стала совершенно беззащитной, и царь Азаил исходил ее со своей армией вдоль и поперек, грабя города и селения. Слабость Израиля позволила Азаилу предпринять походы против филистимлян и Иудеи. Захватив филистимский город Геф, он пошел на Иерусалим и осадил его. Но осада была снята, когда иудейский царь Иоас уплатил Азаилу громадный выкуп золотом и серебром.

На израильский престол вступил Иоас, сын Иоахаза. Это был хороший полководец и энергичный правитель. При нем Ассирия снова напала на Дамаск и нанесла ему серьезное поражение. Иоас воспользовался временной слабостью своего основного врага и вернул себе все территории, потерянные отцом. Затем он вторгся в Иудею, одержал победу и ограбил Иерусалим. Разрушив стены Иерусалима, он оставил на иудейском престоле Амасию в качестве своего вассала и вернулся в Самарию.

Ослабление Дамаска и внутренние распри Ассирии позволили вздохнуть свободнее всему Ханаану. При царе Иеровоаме II Израиль поднялся из упадка и вступил в полосу бурного экономического расцвета. Страна процветала почти так же, как во времена Соломона. Снова оживилась международная торговля, образовалась большая прослойка состоятельных граждан. Самария отстроилась и стала большим городом. Но этот блестящий период имел и свои теневые стороны. Место мелких хозяйств заняли большие владения, на которых работали рабы и безземельные крестьяне. В то время как небольшая часть общества жила в сказочной роскоши, остальной народ терпел нищету и бесправие. Богатые не знали

жалости к беднякам, лишали их свободы за долги, продавали им продовольствие по завышеным ценам и бесчеловечно эксплуатировали. Бремя военных расходов тоже ложилось в основном на плечи народных масс, в то время как землевладельцы и государственные сановники накапливали все бо́льшие богатства.

В то время жил в Фекое, близ Вифлеема, пастух по имени Амос. Он проводил все свои дни на широких горных просторах, любил природу, был скромен и честен. Однажды у него было видение: ему явился Яхве и велел исправить мир. И вот Амос взял свой пастушеский посох и отправился в Самарию. Этот город разгула и разврата потряс его. Амос с ужасом смотрел на нарумяненных женщин, разодетых молодых щеголей, на безжалостных вельмож, на невероятную роскошь домов и дворцов и сочувствовал простому люду, живущему в крайней нищете. Он сразу же пошел в Вефиль — религиозный центр Израиля, встал перед храмом, в котором бог Моисея был изображен в виде золотого тельца, и начал пророчествовать. Жители города и паломники с изумлением прислушивались к страстным речам пастуха с далеких гор. Он говорил грубым, резким языком, изобилующим метафорами, в которых выступали птицы, медведи, львы и змеи. У него был чистый взгляд горца и глубокое убеждение, что он несет людям истинное слово божье. Рисуя картины того, как саранча и огонь с неба пожирают Израиль, Амос предупреждал людей, что Яхве покарает их за нечестивость. Он подчеркивал, что не принадлежит к пророкам, и действительно резко отличался от них. Амос не придавал значения внешним формам религиозного ритуала, но призывал людей не оскорблять бога развратом, роскошью и жестокостью к бедным и беззащитным. Это было учение, какого еще никогда не слышали из уст вдохновенных яхвистов. Амос предсказывал гибель Израиля и Самарии, потому что богачи, спавшие на ложах из слоновой кости, утопающие в роскоши и разврате, жестоко эксплуатировали и угнетали обездоленные народные массы. Он восклицал возмущенно: «Выслушайте это, алчущие поглотить бедных и погубить нищих! Вы, которые говорите: когда-то пройдет новолуние, чтобы нам продавать хлеб, и суббота — чтобы открыть житницы, уменьшить меру, увеличить цену сикля и обманывать неверными весами. Чтобы покупать неимущих за серебро и бедных за пару обуви, а высевки из хлеба продавать». Это были тяжкие обвинения. Амос упрекал богатых израильтян в том, что они обманывают бедняков в качестве, весе и цене хлеба, берут в рабство за долги и даже за пару обуви.

Пророк, бичующий моральное падение общества, восстановил против себя власть имущих, считавших его опасным подстрекате-

лем. Верховный жрец Амасия предостерегал царя Иеровоама: «Амос производит возмущение против тебя среди дома Израилева; земля не может терпеть всех слов его». По приказу царя Амоса изгнали из Израиля, чтобы он не подстрекал народ против угнетателей и эксплуататоров.

Между тем, как бы в подтверждение пророчеств Амоса, над Израилем и Иудеей нависла грозная опасность. Ассирия, покончив с внутренними беспорядками, снова обрела былое могущество. На престол вступил великий полководец Тиглатпаласар III, по имени Фул. Он начал политику военных захватов, но правители Израиля не поняли опасности. В стране продолжались дворцовые перевороты и междоусобицы. Две группировки, одна из которых тяготела к Египту, а другая — к Ассирии, вели ожесточенную борьбу, сея анархию в Самарии. Сын Иеровоама II, Захария, царствовал всего шесть месяцев и был убит неким Селлумом. Того в свою очередь убил Манаим и захватил престол. Этот узурпатор продержался у власти пять лет при поддержке Ассирии. Тиглатпаласар вторгся тогда впервые на территорию Израиля и утвердил на престоле своего вассала. Он вернулся в Ниневию, взыскав с Манаима тысячу талантов серебра. Для того чтобы собрать эту сумму, Манаим обложил всех богатых израильтян данью в размере пятидесяти сиклей. Это вызвало брожение во всей стране. Сын Манаима, Факия, процарствовал всего два года и пал жертвой заговора, во главе которого стоял один из его проегипетски настроенных военачальников, по имени Факей. Таким образом, победила проегипетская группировка. Факей начал свою антиассирийскую политику с заключения союза с царем Дамаска Рецином I. Но союзники чувствовали себя недостаточно сильными, чтобы начать военные действия против Ассирии, и предложили иудейскому царю Ахазу примкнуть к их союзу. Получив отказ, они решили силой заставить его согласиться. Царь Ахаз оказался в тяжелом положении. В то время как оба союзника ударили с севера, с юга напали на Иудею эдомитяне, а с запада — филистимляне. Проиграв большое сражение, Ахаз укрепился в Иерусалиме, который осадили сирийско-израильские войска. Он искал помощи у бога Молоха и даже принес ему в жертву своего маленького сына. Когда это не помогло, Ахаз обратился за помощью к царю ассирийскому. Он послал ему все золото и серебро, какое сумел собрать в храме и во дворце, и написал: «Раб твой и сын твой я; прийди и защити меня от руки царя сирийского и от руки царя израильского, восставших на меня».

Тиглатпаласар III в молниеносной кампании разрушил Дамаск и убил царя Рецина. Затем он вторгся в Израиль. Его воины в остроконечных шлемах и железных панцирях разоряли страну и

убивали население. В горящих городах и селениях раздавались стоны истязаемых жертв. Захватчики выкалывали пленным глаза, отрубали ноги и руки, сажали на кол и живьем сдирали с них кожу. Оставшихся в живых израильтян Тиглатпаласар выслал в глубь Месопотамии, а на их место прислал другие покоренные азиатские племена. Весь Израиль, за исключением холма, на котором была расположена Самария, стал ассирийской провинцией. Иудея с Иерусалимом уцелела, но стала вассалом Ассирии и за свою мнимую независимость платила ежегодно огромную дань.

Самария была мощной, неприступной крепостью, и ассирийцы даже не пытались завладеть ею. Царь Факей укрепился там с остатками своей армии, но продержался на престоле недолго. В результате интриг Тиглатпаласара проассирийская группировка совершила переворот и убила царя. Власть захватил глава заговорщиков Осия — послушное орудие в руках ассирийского царя. Несколько лет он покорно платил ему дань. Со временем, однако, при поддержке Египта антиассирийская группировка снова подняла голову и начала оказывать давление на Осию, уговаривая его восстать против ассирийского владычества. Осия решился на это в 727 году до н. э., когда умер Тиглатпаласар. В Сирии вспыхнуло тогда восстание, которое перекинулось в Самарию. Преемник Тиглатпаласара, Салманассар, немедленно двинул войска против восставших, разбил израильтян, а Осию взял в плен и закованного в железо отправил в Ниневию. В 724 году до н. э. Салманассар приступил к осаде Самарии. Два года спустя он умер, так и не взяв город. Только его преемник, царь Саргон II, завоевал и разрушил эту последнюю израильскую твердыню. По ассирийскому обычаю, он переселил местных жителей в Ассирию, а на опустевшую израильскую территорию прислал разные племена из Аравии и Вавилонии. Новые поселенцы тоже начали поклоняться Яхве. Тогда ассирийский царь направил к ним одного из израильских жрецов, чтобы тот познакомил их с основами веры Моисеевой.

Таким образом, бесследно пропали десять колен Иакова, а их место занял конгломерат народностей, обозначаемых впоследствии общим названием самаритян.

УДЬБА ИУДЕЙСКОГО ЦАРСТВА. После убийства Иоаса, сына Охозии и Цивьи, на иудейский престол вступил Амасия. Он разгромил идумеян к югу от Мертвого моря, отобрал у них статуи богов и установил их во дворе Иерусалимского храма. Яхвисты в столице подняли из-за этого бунт. Амасия бежал в Лахис, где был убит заговорщиками. Его

сын, Азарня, был храбрым полководцем н хорошнм правнтелем. Он восстановнл дружественные отношення с Изранлем, одержал победу над филнстимлянами, покорнл воинственные арабские племена и аммоннтян. Заботясь об уснлении обороноспособности страны, он увеличнл армню н укрепнл Иерусалим. Благодаря победе над ндумеянамн н укреплению порта Елаф ему удалось восстановить торговлю на Красном море и увеличить благосостоянне населення. Но к концу правления у Азарнн пронзошел крупный конфликт со жрецами, так как он присвонл себе право совершать жертвоприиошення. К тому же он заболел проказой и вынужден был покинуть Иерусалнм. Жрецы торжественно объявилн, что Яхве покарал его таким образом за нарушенне нх прнвнлегий. Сын Азарин, Иоафам, царствовал всего пять лет. Он был ревностным яхвистом, но тем не менее в Иудее процветал культ чужих богов, деревьев и камней. Во время правления Иоафама был заключен союз между Израилем н Дамаском, которые в скором времени напалн иа Иудею. На престол вступнл сын Иоафама, Ахаз. Осажденный нзраильскнмн и сирнйскими войсками, он, как иам уже известно, прннес в жертву своего маленького сына и призвал на помощь Ассирию.

В то время развернул свою деятельность знаменнтый пророк Исаия, человек очень образованный, блестящий оратор и писатель. Ои страстно бичевал процветающее в стране идолопоклонство, призывал нудеев верить в покровительство Яхве и предостерегал от заключення союза с Асснрней. Но Ахаз не послушался мудреца н прнзвал на помощь грозного азната. Последствня оказались роковыми не только для братского Израиля, но и для самой Иудеи. Страна, разореиная чужеземнымн войсками, обнищала. Казна опустела после уплаты даии мнимому нзбавителю. Иудея потеряла свою независимость. Ахаз отправнлся в Нниевию на поклон ассирийскому царю. Огромный город с его грандиозными постройками пронзвел иа него такое впечатление, что он стал ревностным почитателем его богов. Ои велел убрать из Иерусалимского храма жертвеннннк Яхве и на его месте воздвиг жертвенник чужнм богам. В городе Давида вошла в моду религия и культура Ассирии.

Во время правления царя Езекии, сына Ахаза, пала Самария. Это произвело в Иудее потрясающее впечатление. Пророк Исаия предупреждал народ об ассирийской опасностн, восклицая: «Стрелы его заострены, и все луки его иатянуты; копыта коней его подобиы кремию, и колеса его, как вихрь. Рев его, как рев львицы; ои рыкает подобио скимнам; и заревет, и схватит добычу, и унесет, и никто ие отимет». В словах, полиых апокалиптического ужаса, он прнзывал жителей Иудеи отказаться от чужих богов и

повернуться к Яхве. Он клеймнл ханжество богачей, которые постились и совершали жертвоприиошеиия в Иерусалимском храме и одиовремеино угиетали бедияков, обижали вдов, сирот и малеиьких детей. Впервые в истории Израиля и Иудеи ои проповедовал, что религиозиые обряды ие имеют иикакого зиачеиия, если их не совершать с чистой н справедливой совестью.

Под влияннем Исаии царь Езекня начал большую кампаиию по возрождеиню яхвизма. Он боролся со всеми проявлеииями идолопоклонства, разбивал камни и срезал деревья, которым иарод поклонялся на холмах, велел даже разломать медиого змея, отлнтого по приказанию Моисея. Возрождеиие яхвизма было одиовременно вызовом, брошеиным Ассирин. Езекия был мудрым правителем и поннмал, что рано или поздио неизбежио вооруженное столкновение с ассирийской державой. Поэтому ои собирал средства и оружне, обучал армию н укрепил Иерусалим, построив вторую линию крепостных стен и мощиые угловые башии. И прежде всего он решил обеспечнть столицу водой. Для этой цели он велел выдолбнть в скале подземиый канал, по которому вода из источника текла прямо в город. Иерусалим стал местом лихорадочиых политических переговоров. В результате был создан аитиассирийский союз; к нему примкнули вавилоиский царь Беродах Баладан, египетский фараон, правители филнстимских и финикийских государств. Союзникн возлагали главные надежды на Египет, но пророк Исаня, человек опытный н образоваиный, знал, что Египет ослаблен внутренними распрями, рассчитывать на иего не приходнтся, н предупреждал об этом Езекию. Но отступать уже было нельзя. Вскоре вспыхнуло пламя восстаиня среди государств — вассалов Ассирии. Ассирийский царь Синахернб мгновеино захватил Вавилон, подавил восстанне в Финикии, а затем выступил против египетской армнн, спешившей на помощь союзникам. И тут сбылись предсказаиия Исаии. Египтяие потерпели у Екрона жестокое поражение н бежали, бросив союзииков иа произвол судьбы. Синахерив захватнл крепость Лахис и разорил Иудею, угоняя в Ассирию жителей занятых городов и селений. Среди развалин н пожарищ защищался лишь Иерусалим. Ассирийский царь осадил его и дважды — раз через послов и раз письмом — прнзывал Езекию сдаться. Тогда сиова выступил Исаия и призывал своих земляков защищаться, пророча, что Яхве покарает врагов. И действительно, одиажды ночью во вражеском лагере появился аигел с мечом и поразил сто восемьдесят пять тысяч ассирийских воинов. Синахериб дал приказ отступить и вериулся в Ниневию. Иерусалим остался свободиым. Езекия царствовал еще иесколько лет и успел поднять Иудею из руии. Хозяйство страны быстро восстано-

вилось, вернулось благосостояние, и народ почитал одного лишь Яхве, избавившего его от ассирийского ига. Пророк Исаия, столь точно предсказавший будущее, пользовался колоссальным авторитетом как при царском дворе, так и среди широких слоев населения.

Когда Езекия умер, на престол вступил его сын, Манассия (687—642 годы до н. э.), которому было тогда двенадцать лет. От его имени правила дворцовая камарилья, состоявшая из заклятых врагов яхвизма. Под их влиянием царь возродил культ чужих богов. На холмах Иудеи снова поклонялись каменным столбам и деревьям, в Иерусалимском храме появились жертвенники и статуи ассирийских, ханаанских, моавитских и сидонских богов. Больше всех почитали богиню Астарту. На территории храма жили жрицы Астарты, занимавшиеся в честь богини ритуальным блудом. Кроме того, почитали солнце, луну и планеты. У ворот храма были построены конюшни, где содержались лошади, посвященные богу солнца. В Геинноме в жертву Молоху приносили младенцев, и даже сам царь отдал своего сына на всесожжение. Одновременно жестоко преследовались почитатели Яхве. Манассия в идолопоклонническом пылу запятнал себя невинной кровью многих мучеников, особенно пророков, которые осуждали его и предсказывали скорую гибель Иудеи. Мученической смертью погиб также старый пророк Исаия, перерезанный пополам деревянной пилой [1]. Манассия, борясь с оппозицией яхвистов, опирался на Ассирию и стал ее вассалом. Ассирия достигла в ту пору вершины своего могущества. На престол вступил крупнейший ассирийский царь Ашшурбанипал, просвещенный правитель, великолепно отстроивший Ниневию и собравший в своей библиотеке тысячи клинописных табличек, которые содержали величайшие сокровища письменности минувших веков. Около 652 года до н. э. поднял бунт брат Ашшурбанипала, губернатор Вавилона. Одновременно восстали ассирийские вассалы. На Манассию пало подозрение, что он был в сговоре с мятежниками. Ассирийские войска вторглись в Иудею и, захватив Манассию, увели его в Ниневию, закованного в цепи. Там он провел несколько лет в темнице и под влиянием этих ужасных переживаний вернулся к яхвизму. После своего освобождения и возвращения в Иерусалим Манассия боролся с идолопоклонством и поклонялся одному лишь Яхве.

---

[1] Библия обходит молчанием последние годы жизни Исаии. Известие о его мученической смерти содержится в Вавилонском талмуде и почерпнуто, по всей вероятности, из апокрифического «Вознесения Исаии на небо».

Его сын, Аммон, царствовал всего два года. Воспитанный на культе чужих богов, он пытался отменить последние мероприятия отца и был убит яхвистами.

На престол вступил его сын Иосия (640—609 годы до н. э.). На шестом году царствования Иосии Ассирию постигло ужасное бедствие. С Кавказских гор хлынула огромная волна диких скифских племен, захлестнула Мидию и Ассирию, прокатилась через Ханаан, минуя Иерусалим, и остановилась у берегов Нила. Ассирийский царь спрятался в Ниневии и спасся, но страна, разоренная нашествием, уже не смогла подняться, несмотря на то, что скифы через несколько лет вернулись к себе в горы. Иосия воспользовался слабостью Ассирии и развернул лихорадочную деятельность по проведению в стране коренных социальных и религиозных реформ. Стремясь к сплочению общества, он безжалостно подавлял всякие чужеземные культы и сделал яхвизм единственной государственной религией. В этой деятельности его поддерживали жрецы, а также пророки Наум и Софоний. На тринадцатом году его царствования появился в столице великий пророк Иеремия, потомок древнего жреческого рода, ведущего свою родословную от верховного жреца Авиафара. Иеремия одобрял реформы, проводимые царем, так как они вели к установлению в Иудее теократического режима. Понимая, однако, что острие этих реформ направлено, в сущности, против ассирийского влияния, он предостерегал народ от союза с Египтом, предсказывая, что он навлечет на Иудею несчастья и гибель. В своих проповедях Иеремия предсказывал нашествие северных племен и разрушение Иерусалима, что, конечно, не способствовало его популярности среди жителей столицы.

После пятидесяти лет идолопоклонства нужно было убрать из храма следы чужих культов и обновить помещение. И тогда произошел случай, глубоко взволновавший всех верных яхвистов. В одном из уголков храма нашли свиток с текстом забытой Книги закона. Верховный жрец Хелкия зачитал книгу царю. Там говорилось, в частности, о жестоких карах для тех, кто не соблюдает ритуальных правил, установленных Моисеем. Обратились за советом к пророчице Олдаме. Она подтвердила подлинность книги и успокоила Иосию, заверив его, что перечисленные там кары не коснутся его, поскольку он остался верен Яхве. Священную книгу торжественно зачитали перед народом во дворе храма, и верные поклялись соблюдать все, что там указано.

Прошло еще несколько лет, и в Ассирии поднялась новая политическая буря. После смерти царя Ашшурбанипала от ассирийского царства откалывались целые провинции, с севера ассирийцев теснили мидийцы, а с юга — семитские племена халдеев, захватив-

ших Вавилон. В 612 году до н. э. захватчики заняли и разрушили дотла Ниневию. Вождь ассирийской армии бежал с остатками войск в Харран и там яростно защищался. Халдейский царь Набопаласcap сделал Вавилон своей столицей и на развалинах Ассирии основал халдейское (или нововавилонское) царство. Так как он был уже стар, то вести военную кампанию поручил своему сыну, Навуходоносору. Египетский фараон Нехао II понял, какую угрозу для его страны представляют новые завоеватели. И несмотря на постоянную вражду с Ассирией, он решил отправиться на помощь ассирийским отрядам в Харране, которые готовились дать решительный отпор захватчикам. В этой обстановке Иосия оказался недальновидным политиком. Ослепленный ненавистью к Ассирии, он преградил путь египетской армии, спешившей в Харран через Ханаан. Но в сражении у Мегиддо Иосия потерпел поражение и погиб, пронзенный стрелой египетского воина. Тело Иосии повезли в Иерусалим и похоронили в царской гробнице. На престол вступил его сын, Иоахаз.

Нехао тем временем был разбит у Харрана и обратился в бегство. На обратном пути он, не встречая сопротивления, вторгся в Иерусалим, угнал Иоахаза в Египет, а на иудейском престоле оставил его брата, Иоакима. Иоаким, послушный воле фараона, почитал чужих богов и преследовал яхвистов. В его царствование верховодила проегипетская группировка, а Иерусалим стал центром заговоров против нововавилонского царства.

Пророк Иеремия фанатически любил свой народ и падение нравов в стране, социальное неравенство и политическую слепоту населения переживал как личную трагедию. Склонный к одиноким раздумьям, Иеремия часто приходил в отчаяние. Но тем не менее он продолжал выступать перед народом, призывая не дразнить вавилонского колосса во избежание пагубных последствий. Этим он вызвал гнев одураченной толпы, которая однажды набросилась на него и чуть не растерзала. В последний момент его спасло вмешательство царских войск. Иоаким был тоже настроен враждебно по отношению к Иеремии. Когда пророк записал свои выступления, царь приказал немедленно их сжечь, оскорбленный пророчествами о гибели Иерусалима. Два года спустя Иеремия снова продиктовал их своему секретарю Варуху.

После первого поражения фараон Нехао снова собрал войска и в 605 году до н. э. предпринял новый поход против вавилонян. В сражении под Кархемишем он был разбит наголову. От гибели его спасло лишь то, что Навуходоносор, бросившийся было за ним в погоню, получил известие о смерти отца и срочно вернулся в Вавилон. Навуходоносор правил с 605 по 562 год до н. э. Первые годы

он был занят устройством внутренних дел своего государства и поэтому не трогал Иудею. Поражение фараона под Кархемишем сильно пошатнуло влияние проегипетской группировки в Иудее, и Иоаким платил дань вавилонскому царю. Но спустя три года, подстрекаемый Египтом и возрождающейся проегипетской группировкой, он взбунтовался и отказался платить дань. Тогда Навуходоносор молниеносным маршем прибыл в Иудею, захватил Иерусалим и угнал в плен Иоакима, который впоследствии пропал бесследно на территории Месопотамии. На престол вступил сын Иоакима, Иехония. Так как он продолжал антивавилонскую политику отца, то в страну снова прибыл Навуходоносор с огромной армией и начал осаду Иерусалима. Иехония, то ли струсив, то ли желая спасти Иерусалим, покинул город и добровольно сдался неприятелю вместе с матерью, женами, сыновьями и придворными. Чтобы умилостивить победителя, он преподнес ему все драгоценности и сосуды из благородных металлов, какие были во дворце и храме. На сей раз, однако, Навуходоносор был неумолим. Вместе с царской семьей он угнал в Вавилон семь тысяч выдающихся мужей израильских и тысячу ремесленников. Среди них был и пророк Иезекииль. Иехония провел в тюрьме тридцать семь лет, и лишь потом нововавилонский царь Евилмеродах выпустил его на свободу. Но несчастный царь иудейский предпочел доживать свой век в изгнании и не вернулся на родину. В вавилонском дворце он получил для себя и для своих пяти сыновей соответствующее помещение, слуг и довольствие.

На место Иехонии Навуходоносор назначил царем иудейским его дядю Матфанию, переименовав его в Седекию. Седекия был человеком уже немолодым, слабым и ограниченным. Очень скоро он подпал под влияние фанатиков из проегипетской группировки, и страна снова вступила на опасный путь козней против Вавилона. На египетский престол взошел Псамметих II, на которого порабощенные народы возлагали большие надежды. В Иерусалиме происходили тайные совещания их послов, на улицах города агитаторы и фанатики-яхвисты произносили подстрекательские речи. Иеремия был в ужасе и отчаянии. Он часто обращался к толпе и в пламенных речах призывал не дразнить вавилонского колосса. Он предупреждал также, что не нужно особенно рассчитывать на помощь Египта. Иерусалимская чернь ненавидела его за то, что он говорил правду. Дворцовая камарилья обвинила его в измене и пораженческих настроениях. Иеремию посадили в тюрьму и жестоко избивали. Но пророк был непоколебим. Едва выйдя на свободу, он продолжал свою деятельность во имя спасения родины. Когда на египетский престол вступил фараон Хофра, антивавилонская груп-

пировка перестала скрывать свои намерения. Навуходоносор решил, что пора действовать. Он вторгся в Иудею, захватил Лахис и другие крепости, а затем приступил к осаде столицы. Иерусалим героически защищался. За оружие взялись даже старики, женщины, дети и рабы, которым была в награду обещана свобода. Иеремия, стремясь спасти город и храм от полного разрушения, продолжал призывать к благоразумию и добровольной капитуляции. Его из-за этого обвиняли в измене, и бесхарактерный царь Седекия то заключал его в тюрьму, то выпускал, чтобы, по секрету от своих приближенных, спрашивать его совета. Халдейские войска целый год стояли у стен Иерусалима. Но вот пришло известие, что на выручку осажденным идет фараон с огромной армией. Навуходоносору пришлось снять осаду и двинуться навстречу египетским войскам. Иерусалим был свободен. Весь город ликовал. Люди бросались друг другу в объятия, благословляя египетского избавителя. Только Иеремия не разделял общей радости. Зная силы Навуходоносора, он не верил в победу египтян, и будущее рисовалось ему в мрачных красках. К тому же богачи и знать не сдержали своих обещаний: не простили долги беднякам и не освободили рабов. В Иерусалиме из-за этого вспыхнули волнения. Обманутые защитники города взбунтовались. Иеремия потерял надежду на спасение столицы. Он решил отправиться в свой родной город Анафот, чтобы привести в порядок свои имущественные дела. Но у городских ворот его поймали как дезертира, избили и бросили в темницу. Царь Седекия, однако, велел привести Иеремию к себе, так как в минуты сомнений нуждался в его советах.

Вскоре стало известно, что египтяне потерпели поражение, и спустя некоторое время халдейские войска снова появились у стен столицы. Еще восемь месяцев длилась осада. В городе свирепствовали голод, эпидемии. На улицах валялись трупы людей, которых не успевали хоронить. Дело дошло до того, что матери съедали тела своих детей, умерших от истощения или болезни. В 586 году до н. э. халдеи начали штурм, пробили брешь в стене и ворвались в город. Разъяренные нововавилонские солдаты убивали, грабили, поджигали дома. Вскоре Иерусалим превратился в груду развалин. От храма и царского дворца остались лишь обгорелые обломки стен и разбитые колонны. Город перестал существовать. Царь Седекия с семьей и группой придворных выскользнул из Иерусалима и бежал в сторону Иордана. Посланный в погоню отряд поймал его близ Иерихона. Навуходоносор велел убить царских сыновей, а самому Седекии выколол глаза и закованного в цепи отправил в Вавилон. Последний царь иудейский вскоре умер в тюрьме.

Иеремии же Навуходоносор разрешил остаться на родине.

Пророк воспользовался этим, чтобы вынести из Иерусалима и спрятать ковчег завета и жертвеиник Яхве *. Но впоследствии их уже иикогда не удалось найти.

Победнтели начали, согласно месопотамскому обычаю, изгонять жителей из иудейских городов и селений. Десятки тысяч пленных построили в колонны, связали длиниыми веревками и погиали в далекую чужую страну. Колонны изгиаиииков многие месяцы брели через пустыню, оставляя на своем пути десятки и сотни трупов. Тех, кто не погиб в пути, поместили в лагерях близ Вавилона. В разорениой Иудее оставили только сельских бедияков и передали под их надзор и опеку брошенные владельцами поля, сады и виноградиики. Их губериатором Навуходоиосор назначил иудея Годолию, сделавшего своей резиденцией город Массифу. Во дворце Годолии поселился Иеремия, который стал духовиым пастырем остатков иудейского иаселения. В стране царила иищета и разруха. Сборщики податей выжимали у земледельцев и скотоводов последиие крохи, партизаны и разбойничьи банды грабили города и поселки. Фанатическне враги Ассирии занимались террором, убивая тех соотечествеиииков, которых считали ренегатами и соглашателями. В коице концов нм удалось убить самого Годолию. После этого убийства они бежалн в Египет, захватнв с собой насильио пророка Иеремию. Пророк поселился в Тафиисе и там клеймил соотечественников за идолопоклоиство и измеиу яхвизму [1].

Вавилонское пленение.

Иудейские изгиаиники содержались первоначальио в лагерях и работали в самом городе Вавилоне, на строительстве в царских имениях, при сооружении оросительных каиалов. Со временем, особеиио после смерти Навуходоносора, им стали возвращать лнчиую свободу. Они селились на окраинах столицы, заннмаясь садоводством н овощеводством. Многие заиялись торговлей и нажнвали большие состояния, ибо Вавилон был в ту пору важнейшим центром международиой торговлн. Некоторые иудеи стали финансовыми магиатами, крупнейшими рабовладельцами. Иные занимали крупиые посты в государствеином аппарате и при царском дворе.

Вавилон был миллиоииым городом, окруженным двойиой линией крепостных стен такой толщины, что по ним мог свободио

[1] Согласио Талмуду, Иеремия умер в Вавилоне, куда его привез Навуходоиосор после покорения Египта. Согласио же христианской традиции, Иеремию убили в Египте его соотечествеиники.

ехать четырехконный экипаж. Более шестисот башен охраняло покой жителей столицы. От великолепных резных Ворот Иштар вела широкая улица со стенами, украшенными барельефами львов. В центре города находилось одно из семи чудес древнего мира — висячие сады Семирамиды, расположенные на террасах, поддерживаемых арками из жженого кирпича. Величайшей святыней был храм главного вавилонского бога Мардука. Вблизи его поднималась высоко к небу Зиккурат — семиярусная башня, построенная в третьем тысячелетии до н. э. На ее верхушке сверкали в лучах солнца голубые плитки маленького святилища, в котором «жил» Мардук. В лабиринте узеньких улочек кишела шумная толпа. Сквозь нее медленно пробирались караваны верблюдов, телеги, груженные товаром, и группы паломников. Торговцы надрывными голосами расхваливали свой товар, в улочках стоял оглушительный грохот ремесленных мастерских, в толпе можно было услышать множество языков, так как в столицу прибывали путники из всех стран мира *.

На иудейских изгнанников, переброшенных из маленького, захолустного Иерусалима в самую гущу большого мира, Вавилон произвел ошеломляющее и ужасающее впечатление. Многие быстро ассимилировались, другие, не веря в возможность возвращения, старались приспособиться к новой жизни и устроиться как можно лучше. Большинство, однако, страдало обычной болезнью изгнанников — тоской по родине. Эти оптимисты продолжали как бы сидеть на чемоданах, закрывали глаза на все блага новой жизни и ждали с нетерпением, когда Яхве покарает Вавилон и позволит иудеям вернуться на родину. Иеремия, который постоянно переписывался с вавилонскими изгнанниками, предостерегал их от иллюзий и советовал строить дома и сажать сады. Однако трезвый голос пророка только бередил их раны. Они часто садились вместе на берегу Евфрата и, исполненные тоски, заводили печальные песни. Живший позднее поэт, автор псалма сто тридцать шестого, следующим образом выразил их чувства:

При реках Вавилона
там сидели мы и плакали,
когда вспоминали о Сионе...
Если я забуду тебя, Иерусалим,
забудь меня, десница моя.
Прилипни, язык мой, к гортани моей,
если не буду помнить тебя,
если не поставлю Иерусалима
во главе веселия моего.

В то время как жители Израиля, выселенные ассирийцами в 722 году, рассеялись и в конце концов бесследно исчезли в море

народов Азии, иудеи селились вместе в городах и поселках, соблюдали свои древние обычаи, праздновали субботу и все другие религиозные праздники, а поскольку у них не было храма. собирались в домах своих вожаков для совместных молений. Эти частные молельни являлись зародышами будущих синагог. У иудейских общин по-прежнему были свои жрецы, пророки и вожаки. Наряду с ними появились ученые, которые собирали и систематизировали духовное наследие народа. Изгнанникам удалось вынести из горящего Иерусалимского храма некоторые свитки, но много исторического и юридического материала пришлось записывать заново, используя устную традицию. Это и был очередной этап создания текста «священного писания», обработанного окончательно после возвращения на родину. Изгнанники стали задумываться над причинами постигшего их несчастья, анализировать свою историю. Страдания углубили и облагородили их отношение к Яхве. В книгах Исход и Второзаконие Яхве изображен как бог мстительный, наказывающий детей за вины отцов до четвертого поколения. Но может ли бог быть столь несправедливым, чтобы наказывать невиновных наравне с виновными? Коллективная ответственность противоречила нравственным принципам иудеев, нужно было искать другое объяснение несчастий, выпавших на долю народа. Так родилась идея мессианства. Иудейский народ избран богом Яхве, чтобы страданиями очиститься от грехов и нести миру веру в единого, могущественного и всепрощающего бога. Главным выразителем этих мессианских идей был пророк Иезекииль, выселенный в Вавилон еще в 597 году до н. э. Он провозгласил принцип личной ответственности каждого за свои поступки, выразив его следующими словами: «Душа согрешающая, она умрет; сын не понесет вины отца, и отец не понесет вины сына; правда праведного при нем и остается, и беззаконие беззаконного при нем и остается». Это был огромный шаг вперед в этическом углублении монотеизма, отказ от представления о мелком мстительном божестве. Поскольку иудейскому народу предстояло выполнить важнейшую историческую миссию, пророк предсказывал гибель всех его угнетателей и близкое торжество. Однажды он рассказал верующим, что Яхве перенес его в будущий, восстановленный Иерусалим. Какой-то таинственный муж водил его по городу и по двору заново отстроенного храма, и Яхве велел ему внимательно смотреть и запоминать, чтобы потом рассказать все подробно своим землякам в Вавилоне. Таким образом, Иезекииль поддерживал дух изгнанников, обещая, что они вернутся на землю отцов и их царем станет потомок Давида, который будет править от имени Яхве мирно и справедливо.

ОЗВРАЩЕНИЕ. После смерти Навуходоносора начался упадок нововавилонского царства. Новый царь, Набонид, не был ни смелым полководцем, ни хорошим администратором. Его интересовали лишь религиозные дела и памятники старины, которые он с большим увлечением коллекционировал в своем дворце. Стремясь укрепить свое государство, он забирал у всех порабощенных народов статуи их богов и привозил в Вавилон. Это вызвало глубокое недовольство среди населения. Со временем Набонид совершенно перестал заниматься государственными делами, поселился в далеком дворце в северной Аравии, рядом с Сирийской пустыней. В столице правил сын Набонида, Валтасар. Между тем над Месопотамией снова сгущались грозные политические тучи. В 558 году на политическом горизонте появился малоизвестный вначале вождь племени, а затем царь Ассана Кир, который оказался гениальным и грозным полководцем, завоевал Мидию и объявил себя царем персов. Для борьбы с новым завоевателем Набонид организовал союз, в который кроме нововавилонского царства вступили Лидия, Спарта и Египет. Кир принял вызов, победил лидийского царя Креза и захватил Малую Азию. Затем он двинулся против своего главного противника — халдеев. В 540 году он разгромил их, а год спустя без боя занял Вавилон. Ворота этой мощной крепости открыли перед ним настежь жрецы бога Мардука, встревоженные религиозной политикой Набонида. В неполных двадцать лет Кир создал огромное государство, границы которого простирались от Индии до Средиземного моря. Покоренные халдеями народы встречали его как избавителя. Кир оказался завоевателем и государственным деятелем совсем иного склада, чем ассирийские и халдейские цари. В отличие от них, он не истреблял завоеванные народы, не разрушал их города, не позволял своим солдатам грабить и бесчинствовать. Жизнь покоренной страны текла нормально, купцы и ремесленники продолжали спокойно заниматься своим делом. Персидский царь оказался деятелем нового типа еще в одном отношении: он дал покоренным народам большую автономию, вернул им статуи богов, увезенные в Вавилон. Его религиозная и политическая терпимость выразилась также и в том, что он разрешил выселенным племенам вернуться в родные места и вернул им захваченные в свое время халдеями статуи богов и разную утварь из их храмов.

Иудейские изгнанники встречали Кира с неописуемым энтузиазмом. Они видели в нем не только освободителя, но посланца Яхве, его карающую десницу. Жрецы и пророки объявили народу, что их спаситель — помазанник божий, мессия, избранник Яхве. Вскоре их надежды оправдались. Год спустя после покорения Ва-

вилона Кир особым декретом разрешил иудеям возвратиться в Иерусалим. Он даже приказал вернуть им всю литургическую утварь, увезенную Навуходоносором из Иерусалимского храма. Им вернули тридцать золотых блюд, тысячу серебряных блюд, тридцать золотых чаш, четыреста десять серебряных чаш и тысячу штук разной другой утвари.

Подготовка к возвращению длилась очень долго. Тех, кто изъявил желание вернуться, собирали в лагерях, составляли списки. Не все, однако, решались покинуть Вавилон. Состоятельные люди, владеющие земельными угодьями и торговыми предприятиями или занимающие крупные государственные посты, не очень стремились переселяться в разоренную, захолустную страну. Но зато все, и бедные и богатые, щедрой рукой давали средства на восстановление Иерусалимского храма, так что репатрианты везли с собой несметные сокровища. Желание вернуться изъявило около пятидесяти тысяч человек, включая женщин, детей и слуг. Большинство из них составляли люди, которые не очень преуспели на чужбине; кроме того, там были патриоты, ревностные почитатели Яхве, жрецы, пророки и левиты. Караван, отправившийся в дальний путь, растянулся на несколько километров: кроме людей там было семьсот тридцать шесть лошадей, двести сорок пять мулов, шесть тысяч семьсот двадцать вьючных ослов и пятьсот тридцать пять верблюдов. Во главе репатриантов стояли верховный жрец Иисус, Зоровавель и двенадцать человек старейшин. Путники выбрали старый, проторенный путь торговых караванов. Сначала они двинулись вверх по Евфрату, мимо развалин Ниневии, дошли до Харрана, а оттуда, повторяя путь Авраама, пошли через Дамаск и горы Хермон к Геннисаретскому озеру и вышли в пределы прежнего иудейского царства. И вот наконец после многих недель пути вдали замелькали развалины Иерусалима. Усталые путники плакали, смеялись и благодарили Яхве.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ. Повседневная жизнь в разрушенном Иерусалиме была чрезвычайно тяжелой. Репатриантам пришлось прежде всего позаботиться о кровле над головой и очистить улицы города от развалин. Вот почему жертвенник Яхве воздвигли лишь на седьмой месяц после возвращения, а к восстановлению храма приступили на второй год. Об этом узнали самаритяне и попросили через послов разрешения принять участие в строительстве. Но Зоровавель и Иисус решительно отказались от их помощи. К самаритянам, поселенным в северном Ханаане после изгнания израильтян, относились с презрением, не-

смотря на то что они тоже почитали Яхве. Результаты этого отказа оказались плачевными. Самаритяне и другие племена, завладевшие опустевшей иудейской территорией, всячески мешали строительству, устраивая вооруженные набеги, разрушая отстроенные стены и сея беспорядок в Иерусалиме. Иудеи, измученные трудностями и постоянно ухудшающимися условиями жизни, прервали работы по восстановлению храма и занялись налаживанием своего быта. В погоне за хлебом насущным они забыли религиозные дела и не заботились о храме. Так прошло пятнадцать лет. В мире произошли большие перемены. В 529 году до н. э. Кир погиб в бою с племенами, напавшими на восточные границы его государства, и на престол вступил его сын, Камбиз. Он царствовал всего семь лет, но за это время успел завоевать Египет, создав, таким образом, крупнейшую империю древности. В царствование следующего персидского царя, Дария I (522—485 годы до н. э.), пророки Аггей и Захария заклеймили инертность жителей Иерусалима и именем Яхве склонили их к новой попытке восстановления храма. Не обошлось без трудностей и на этот раз. Персидский сатрап Фафнай, которому был подчинен Ханаан, направил в Иерусалим комиссию для проверки, по какому праву восстанавливается Иерусалимский храм. Поскольку иудеи сослались на декрет Кира, то Фафнай обратился к своему властелину, спрашивая, как быть дальше. Дарий был человеком терпимым. По его приказанию подняли царские архивы и нашли декрет. Тогда Дарий распорядился не только не мешать строительству, но снабдить репатриантов строительными материалами и животными для жертвоприношений. Строительство длилось четыре с половиной года. Новый дом Яхве был совершенно непохож на великолепный храм Соломона. Это бедное, маленькое, лишенное украшений строение было печальным символом нищеты и упадка всей страны. Святая святых, где раньше в блеске и великолепии хранился золотой ковчег завета, теперь зияла пустотой. Иерусалим все еще являл собой огромную груду развалин, лишь кое-где виднелись наспех сколоченные домики, в которых нашли приют немногочисленные жители столицы.

ИССИЯ ЕЗДРЫ. С момента восстановления храма прошло сорок три года. Персидский престол занимал царь Артаксеркс I (465—424 годы до н. э.). В Вавилоне жил тогда крупный иудейский ученый по имени Ездра. Люди, приезжавшие из Иерусалима, привозили ему тревожные вести о том, что иудеи пренебрегают своими религиозными обязанностями и что им грозит смешение с окрестными арабскими племенами, с

которыми они постоянно заключают браки. Ездра был уже очень стар, но тем не меиее он решил вернуться на роднну, чтобы направить свой иарод иа путь истиниый. Артаксеркс, к которому он обратился за разрешеннем на выезд, отнесся к его просьбе очень благосклонно н не только разрешил ему уехать, но подарил много золота и серебра для украшення Иерусалимского храма. Кроме того, царь поручил наместнику Ханаана выдать пожилому репатрианту сто талантов серебра и снабдить продовольствием на дорогу. Ездра объявнл также сбор среди своих соотечественников в Вавилонии и, собрав такнм образом много средств, в 458 году до н. э. двинулся в путь. Вместе с ним отправилось тысяча пятьсот семьдесят шесть человек мужчнн с женами и детьми. После четырех месяцев пути новые репатрианты прнбыли в Иерусалим. Ездра взялся энергично за проведенне реформ, которые должны были возроднть Иудею. То, что он увидел иа родине, привело его в ужас. Многие иудеи из-за того, что иудейских женщин было мало, женились иа дочерях ханаанеян, хеттов, филистимлян, иевусеев, аммонитян, моавитяи, египтян и амореян. Даже у жрецов и вождей народа были жены-чужестранки. На улнцах Иерусалнма звучал многоязычный говор, избранный народ стоял перед угрозой нсчезновення. Ездра был потрясен. Он разорвал на мелкие куски свой плащ и весь день просндел, оцепенев от ужаса. У него собралнсь все, кто боялся слова божьего, и молились вместе с ним. Во время вечернего жертвоприношення Ездра пал ниц перед храмом и так громко разрыдался, что все присутствующие заплакали вместе с иим. В конце концов Ездра добнлся нздання декрета, на основанин которого все иудеи, женатые на чужестранках, должны были под угрозой лишения нмущества и гражданства отослать их в трехдневный срок обратно на роднну. Этот безжалостный декрет, отрывавший любимых жен от мужей н заботлнвых матерей от ребят, принес горе в многие семьн. Кроме того, он ухудшнл взаимоотношения иудеев с соседними народами, оскорбленными презреннем к их дочерям. Иудейский народ сохраннл свои расовые и религиозные отличня, но отныне жнл в полиой обособлениости, окруженный врагами.

ИССИЯ НЕЕМИИ. При дворе Артаксеркса I в Сузах занимал высокий пост иудей Неемия. Однажды к нему явился пришелец из Иерусалима Ханаин н рассказал о трагическом положении Иудеи. Столица так н не поднялась из развалин. Богачи угнетали бедняков, отнимали у них за долги поля, виноградникн и сады и даже принуждали к рабскому труду нх сыновей и дочерей. Налоги, ростовщичество н доро-

говнзиа довели большинство населения до крайней нищеты, в то время как жрецы и власть имущие жили в роскоши.

Печальные вести потрясли Неемию. Много дней он плакал, грустил, постился и молил Яхве о милости для своих соплеменников на родине. Наконец царь Артаксеркс заметил его состояние и спросил: «Отчего лице у тебя печально? Ты не болен, этого нет, а верно печаль на сердце?» Неемия повторил царю, что ему рассказал Ханани: «Да живет царь во веки! Как не быть печальным лицу моему, когда город, дом гробов отцов моих, в запустении, и ворота его сожжены огнем?» Царь спросил: «Чего же ты желаешь?» Тогда Неемия поведал ему свое желание: «Если царю благоугодно, и если в благоволении раб твой пред лицем твоим, то пошли меня в Иудею, в город, где гробы отцов моих, чтоб я обстроил его». Артаксеркс любил Неемию и полностью доверял ему. Он не только разрешил ему уехать, но назначил наместником Иудеи и дал ему письмо к хранителю царских лесов с приказанием выделить столько дерева, сколько понадобится для восстановления домов и стен Иерусалима. Он дал ему также с собой сильную вооруженную охрану из частей персидской конницы и пехоты.

Неемия прибыл в Иерусалим в 445 году до н. э. Три дня он незаметно для жителей города осматривал разрушенные стены и сожженные городские ворота и лишь после этого объявил о цели своего прибытия: «Вы видите бедствие, в каком мы находимся; Иерусалим пуст, и ворота его сожжены огнем. Пойдем, построим стену Иерусалима и не будем впредь в таком уничижении». Город был совершенно беззащитен перед разбойниками пустыни и враждебными племенами, поселившимися в опустевших районах Иудеи. Неемия немедленно принялся за дело. Он распределил участки стен для восстановления по семьям, не исключая семей жрецов, и жители города, воодушевленные его энтузиазмом и энергией, бодро приступили к работе. Вожди самаритян, аммонитян, арабов и других враждебных народов издевались над иудеями, не веря, что они сумеют восстановить стены Иерусалима. Вождь аммонитян, Товия, сказал с насмешкой: «Пусть их строят! Пойдет лисица и разрушит их каменную стену».

Однако, когда стены были уже наполовину воздвигнуты, они пришли в ярость и готовились напасть на Иерусалим. Неемия не дал запугать себя и организовал сопротивление. Он вооружил строителей мечами, копьями, луками и щитами. «Работа велика и обширна,— заявил он,— и мы рассеяны по стене и отдалены друг от друга. Поэтому откуда услышите вы звук трубы, в то место собирайтесь к нам .. и половина пусть держит копья от восхода зари до появления звезд». С тех пор жители Иерусалима разделились

на две смены: когда одна смена работала на стройке, вторая — стояла на страже, готовая отразить любое нападение. Трубачи, расставленные вдоль стен, должны были призывать защитников на участки, оказавшиеся под угрозой.

Увидев все это, неприятели не решились на открытый бой н пробовали действовать хитростью. Четыре раза они пытались заманить Неемию за пределы города, делая внд, что хотят вступить с ним в переговоры и заключить союз. Когда это нм не удалось, они попытались прн помощн подкупленных нудейских ренегатов поднять в городе панику. Но Неемия был постоянно начеку и настойчиво добивался своей цели. Жители Иерусалима работалн на стронтельстве лихорадочно, днем и ночью, часто не высыпаясь, не переодеваясь. Поэтому стены были восстановлены в пятьдесят два дня, н столнца вздохнула с облегчением.

Теперь Неемня прнступил к разрешению соцнальных проблем. Бедных он освободнл от податей и налогов, требуя лишь скромных поставок на содержание своего дома. Затем он созвал собранне н велел богатым поклясться, что онн перестанут заннматься ростовщичеством и вернут беднякам поля, виноградннкн и сады, отнятые за неуплату долгов.

Через двенадцать лет, выполнив свою мнссию, Неемня вернулся в Сузы, ко двору персидского царя. Несколько лет спустя он снова отправился в Иерусалнм, чтобы посмотреть, как ведет себя нудейское населенне. Он с возмущением убеднлся, что снова все изменилось к худшему. Больше всего возмутила Неемню жадность жрецов. Они не отдавали левитам н певцам прнчнтавшуюся нм часть десятины, вследствне чего те броснли службу в храме н занялись сельскнм хозяйством. Еще хуже было то, что ннкто не соблюдал субботу. Земледельцы делали в субботу внно, привознлн в город свон продукты на продажу, делалн покупкн в городских лавках. Даже тирскнм купцам, поселнвшнмся в Иерусалиме, разрешалн по субботам торговлю.

Неемня со всей решительностью лнквидировал беспорядкн в храме и приказал в канун субботы запирать городские ворота, чтобы купцы не моглн заниматься торговлей. Он обнаружнл также, что иуден начали снова заключать браки с чужестранкамн. Дело дошло до того, что детн от этих смешанных браков не зналн еврейского языка. Даже один из сыновей верховного жреца вступнл в брак с женщнной ненудейского происхождення. Выведенный всем этим из равновесия, Неемня прнзвал к себе всех внновных, делал им горькие упреки, проклинал, бнл н таскал за бороды. Потом заставил их поклясться, что они отошлют своих жен-чужестранок. Тех, кто не послушался, в частностн сына верховного жреца, Неемня нзгнал нз Иерусалнма.

«РАЗВЕ Я СТОРОЖ БРАТУ МОЕМУ!» [1]

Раскол государства Давида на Израиль и Иудею оказался одной из величайших трагедий еврейского народа. Достаточно привести несколько фактов, чтобы убедиться в этом. Соломон умер в 932 году до н. э. В 721 году пала Самария. Итак, израильское царство просуществовало лишь двести с небольшим лет. Иудея, призвавшая Ассирию на помощь в борьбе против братских израильских племен, уцелела только потому, что стала вассалом своего мнимого избавителя. Уже через двадцать лет после падения Самарии ассирийский царь встал у стен Иерусалима, и иудейское царство сохранило тогда свою независимость лишь благодаря счастливой случайности. Оно просуществовало еще сто пятнадцать лет, до 586 года до н. э., когда Навуходоносор разрушил Иерусалим.

[1] Слова Каина из книги Бытие (гл. 4, ст. 9).

Эту трагедию обусловили очень сложные причины. Как известно, между северными и южными племенами всегда существовал глубокий этнический и политический антагонизм. В царствование Давида и Соломона его смягчали общие государственные интересы и общий религиозный центр — Иерусалимский храм. После раскола Израиль нарушил и эту важнейшую общность, создав собственные религиозные центры в Вефиле и в Дане. Это не только привело к полному духовному разрыву между обоими еврейскими царствами, но повлияло пагубным образом и на их внутренние отношения.

Попробуем проанализировать то, что происходило в Израиле. Что касается состава населения, то израильские племена составляли в стране меньшинство. Они подвергались сильному влиянию различных ханаанских племен, имевших богатую религиозную и куль-

турную традицию. Иеровоам и другие израильские цари вынуждены были с ней считаться, и поэтому даже культ Яхве принял там идолопоклоннический характер. Это нашло выражение в установлении золотого тельца и изгнании из страны ортодоксальных представителей яхвизма — жрецов и левитов.

Слабый Израиль не мог также успешно защищаться от влияния соседних государств — Финикии и Дамаска. Религиозные культы этих стран пускали в Израиле все более глубокие корни, и временами казалось, что яхвизм обречен на исчезновение. В царствование Ахава и его финикийской супруги Иезавели борьба с яхвизмом приняла кровавый характер. Мы узнаем из Библии, что царица, ревностная почитательница финикийских богов, преследовала и убивала пророков Яхве. Правда, тогда вспыхнуло восстание под руководством пророка Илии, но, судя по тому, что Илия вынужден был покинуть страну, оно окончилось неудачей. Лишь Ииуй, вождь яхвистов, став царем, расправился с чужими культами. Но торжество яхвизма длилось недолго. Вскоре сам Ииуй, очевидно стремясь приобрести популярность среди большинства своих подданных, обратился к идолопоклонству. Даже первый израильский царь, Иеровоам, пришедший к власти при поддержке яхвистской группировки пророка Ахии, поощрял идолопоклонство.

Вообще, если взглянуть на историю израильского царства под этим углом зрения, то мы с изумлением убеждаемся, что всех царей Библия или обвиняет в культе чужих богов, или обходит молчанием их религиозную деятельность, что тоже достаточно красноречиво. Иначе говоря, среди них не было ни одного верного яхвиста, который бы заслужил одобрение составителей исторических книг Библии.

А как обстояли в этом смысле дела в Иудее? Казалось бы, что эта страна, защищенная от соседей горными хребтами, хранившая у себя традиционный предмет культа — ковчег завета, страна, в которой подавляющее большинство населения составляли иудеи, должна была стать оплотом религии Моисеевой. И все же даже там всегда процветал культ чужих богов. Восемь иудейских царей обвиняются Библией в идолопоклонстве или преследовании жреческого сословия. Ахаз отдал на всесожжение собственного сына. Иоас убил жреца Захарию за то, что тот упрекнул его в идолопоклонстве. Манассия начал кровавые преследования яхвистов.

Но несмотря на все это, яхвизм в Иудее был значительно сильнее, чем в Израиле. Бла-

годаря таким царям, как Аса, Иосафат, Иорам, Езекия и Иосия, религия Моисеева все снова и снова возрождалась и в конце концов одержала верх над другими культами. Это произошло главным образом благодаря Иосии, проведшему коренные религиозные реформы и восстановившему правовые нормы, изложенные в книге Второзаконие.

Итак, продолжительная и ожесточенная религиозная борьба постоянно терзала оба государства. К тому же эта борьба была связана тысячами нитей с расстановкой международных политических сил. Боровшиеся группировки в Самарии и Иерусалиме искали поддержки то у Сирии, то у Ассирии, то у Египта. Таким образом, Израиль и Иудея стали объектом политических интриг, которые в конечном итоге привели их к гибели.

Ухудшались также социальные отношения внутри обеих стран. Как это обычно бывает, междоусобные войны, революции, дворцовые перевороты и религиозные беспорядки не только приводили к анархии,

Тиглатпаласар III при осаде крепости.

но и обостряли классовые противоречия.

Широкие народные массы, обремененные налогами и долгами, все больше нищали, в то время как небольшая горстка имущих наживала огромные состояния.

Появились мудрецы, как пророки Амос, Иеремия и Неемия, клеймившие эксплуатацию, ростовщичество и жестокость богачей, но, увы, поучения, проповеди и призывы не в состоянии повернуть ход истории.

Наглядной иллюстрацией к этим отношениям может послужить упоминавшееся уже письмо израильского крестьянина, найденное в 1960 году в районе палестинского городка Ришон-Лецион. Письмо, по мнению ученых, написано в VII веке до н. э. и состоит из четырнадцати строк текста, вырезанного на обломках кувшина. Текст поврежден и имеет пробелы, но содержание его совершенно ясно. Крестьянин, только что кончивший сбор урожая, пишет своему князю жалобу на сборщика податей, который безо всяких на то оснований забрал у него плащ. Если мы примем во внимание, что израильским беднякам плащ служил также и одеялом, мы поймем жестокость тогдашней налоговой системы. Плащ был, должно быть, единственным имуществом обиженного крестьянина.

Со временем, однако, даже богатые стали страдать от войн и политических беспорядков. Враждебные племена терзали страну постоянными набегами, а большую дань, которую приходилось платить соседним государствам, покрывали из своего кармана те, у кого оставалось еще золото и серебро, так как из обнищавших масс не удавалось уже выжать ничего. Кровавый узурпатор Манаим, несмотря на террористические методы правления, чтобы удержаться у власти, вынужден был опереться на Ассирию. Тиглатпаласар III потребовал за услугу фантастическую мзду — тысячу талантов серебра. Манаим собрал эту сумму, взыскав с каждого богача по пятьдесят сиклей серебра. Так как в каждом таланте было по три тысячи, он уплатил своему покровителю три миллиона сиклей. Это значит, что шестьдесят тысяч человек (три миллиона, деленные на пятьдесят) должны были уплатить большую дань для того, чтобы кровавый узурпатор мог удержаться на престоле.

В свете этих фактов становятся понятными постоянные дворцовые перевороты и цареубийства в Израиле. В Иудее тоже случались цареубийства и государственные перевороты, но там правила все время лишь одна династия потомков царя Давида, в то время как в Израиле за двести с небольшим

лет сменилось девять династий, основанных узурпаторами путем насилия и кровопролития.

Династические распри между правителями Израиля и Иудеи и борьба жрецов за гегемонию ослабляли оба государства и вредили интересам народа. Правда, бывало, что оба царя жили в мире друг с другом, но это случалось редко, а мирные отношения носили скорее характер политических маневров и отнюдь не были продиктованы соображениями патриотизма. Большей частью же оба государства вели друг с другом опустошительные войны и без колебаний обращались при этом за помощью к своим злейшим исконным врагам.

Приведем три примера, наглядно иллюстрирующие политическую близорукость правителей обеих стран. Виновник раскола — Иеровоам несомненно состоял на жаловании у египетского фараона. Непосредственным результатом его мятежа было то, что спустя пять лет после смерти Соломона фараон Сусаким I разорил Ханаан и увез все сокровища Иерусалимского храма. Израильский царь Иоас тоже ограбил Иерусалимский храм и частично разрушил городские стены. Царь Факей заключил союз с Дамаском и, стремясь заставить Иудею примкнуть к антиассирийской коалиции, выступил вместе со своим союзником против царя Ахаза, разорил Иудею и начал осаду Иерусалима. Тогда царь Ахаз пригласил в Ханаан ассирийские войска. Эта самоубийственная политика не могла не привести рано или поздно к гибели обоих государств.

В то время как десять израильских племен растворились бесследно в пестром конгломерате народов Месопотамии, для иудеев так называемое вавилонское пленение было не пленом, а простым переселением, часто очень выгодным в материальном отношении. К тому же исторические события приняли очень благоприятный для них оборот. Уже в первый год своего царствования персидский царь Кир разрешил им вернуться на родину. Первая группа репатриантов отправилась в путь весной 537 года до н. э., и, следовательно, изгнание продолжалось неполных пятьдесят лет.

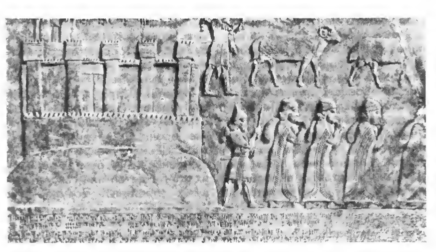
Но несмотря на столь краткий срок, многие иудеи привыкли к жизни на чужбине и отказались вернуться. Это были люди различных категорий: купцы, земледельцы и ремесленники, которых удерживали на новой родине деловые соображения, а также многие представители поколения, рожденного в Вавилонии, довольно равнодушные к религии отцов. Все они, однако, сохранили

живой интерес к своей старой родине и щедро вносили средства на восстановление храма. Живя на чужбине, они сохраняли старые обычаи и обряды.

Не подлежит сомнению, что готовность вернуться изъявили прежде всего бедный люд, жрецы и левиты. Это были ревностные почитатели Яхве, представители самой консервативной части приверженцев Моисеевой религии, не испугавшиеся дальнего пути и жизни в разрушенном Иерусалиме. Таким образом, в Иудее произошла исключительно сильная концентрация ортодоксов-яхвистов. Правильно говорят, что иудеи покинули страну нацией, а вернулись религиозной общиной.

Этим фактом объясняется почти все, что мы узнаём из книг Ездры и Неемии. В них поражает прежде всего колоссальное влияние религии и жрецов в новом иудейском обществе. Это был чистейшей воды теократический режим. Во главе стоял верховный жрец, при нем в качестве совещательного органа существовал совет старейшин, составленный из представителей аристократии. Из этого совета возник впоследствии постоянно действующий орган — синедрион.

Однако теократический строй не принес народу демократического равенства. Жрецы допускали финансовые злоупотребления, народные мас-

Изгнание жителей из покоренного города. Барельеф из дворца ассирийского царя Тиглатпаласара III.

сы подвергались безжалостной эксплуатации.

Неемия, взявшийся, несмотря на свой преклонный возраст, навести порядок в стране, следующим образом описывает существующие там отношения:

«И сделался большой ропот в народе и у жен его на братьев своих, иудеев. Были такие, которые говорили: нас, сыновей наших и дочерей наших много; и мы желали бы доставать хлеб и кормиться и жить. Были и такие, которые говорили: поля свои, и виноградники свои, и дома свои мы закладываем, чтобы достать хлеба от голода. Были и такие, которые говорили: мы занимаем серебро на подать царю под залог полей наших и виноградников наших... вот, мы должны отдавать сыновей наших и дочерей наших в рабы, и некоторые из дочерей наших уже находятся в порабощении. Нет никаких средств для выкупа в руках наших; и поля наши и виноградники наши у других.

Когда я услышал ропот их и такие слова, я очень рассердился. Сердце мое возмутилось, и я строго выговорил знатнейшим и начальствующим, и сказал им: вы берете лихву с братьев своих... И сказал я: нехорошо вы делаете... Возвратите им ныне же поля их, виноградные и масличные сады их, и домы их, и рост с серебра и хлеба, и вина и масла, за который вы ссудили их... А прежние областеначальники, которые были до меня, отягощали народ, и брали с них хлеб и вино, кроме сорока сиклей серебра; даже и слуги их господствовали над народом» (Неемия, гл. 5, ст. 1—7, 9, 11, 15).

Вместе с эксплуатацией и экономическими злоупотреблениями власть имущих росла деморализация и равнодушие к национальным делам. Мужчины и женщины вступали в брак с представителями соседних, чуждых в расовом отношении народов; дети, рожденные от этих браков, зачастую не знали даже родного языка, на улицах Иерусалима звучала чужеземная речь. В довершение всего многие репатрианты пользовались арамейским языком, который господствовал в Вавилонии. Короче говоря, возникла угроза, что иудеи перестанут существовать как нация.

Реакция Ездры и Неемии на эти явления была чрезвычайно бурной. Они установили строгие брачные законы. Иудеи, женатые на чужестранках, вынуждены были отправить своих жен и детей или сами покинуть пределы государства. Иудейский историк Иосиф Флавий рассказывает о неком Манассесе, иудее знатного происхождения, который претендовал на пост верховного жреца, но был отвергнут из-за своей жены — чужестранки. То-

гда правитель Самарии назначил его главным жрецом храма, построенного на горе Гаризим. Там к нему присоединилось большое количество жрецов и левитов, изгнанных из Иерусалима по тем же причинам.

Стремление полностью изолироваться от народов-соседей оказало большое влияние на иудейскую религию. Она стала орудием шовинистической политики, оковами, ограждающими немногочисленный иудейский народ от воздействия извне. Вся жизнь до мельчайших деталей быта была регламентирована подробными ритуальными правилами. В субботу никто не имел права отправиться в путь или сорвать колосок хлеба, если был голоден. Грехом считалось даже вытащить вьючного осла, попавшего в яму.

Еврейские писатели перечисляют тридцать девять действий, которых нельзя было выполнять в субботу. Многие жители, несогласные со строгостями ритуала, покинули Иудею.

Эта бесплодная религиозная формалистика, близкая к фетишизму, использовалась жрецами для укрепления своей власти над народом. Сама же религия Моисеева становилась из-за этого бездушной, теряла свою этическую глубину.

К счастью, в Иудее существовало и другое религиозное течение, выразителями которого были пророки.

Библия содержит книги шестнадцати пророков, самыми значительными из которых являются книги Амоса, Исаии, Иеремии и Иезекииля. Из того, что некоторых из них народная фантазия наделила сверхъестественной способностью творить чудеса, отнюдь не следует, что это легендарные лица. Но вместе с тем не подлежит сомнению, что не все тексты, которые им приписывает Библия, принадлежат им в самом деле. В результате лингвистических изысканий точно установлено, что книги, приписываемые этим пророкам, являются всего лишь антологиями, составленными в лучшем случае из подлинных отрывков их сочинений и из текстов неизвестных авторов, живших в разные эпохи.

Итак, мы можем сказать, что библейские книги пророков являются общим достоянием иудейского народа и выражают идеи, владевшие им, начиная с VIII века до н. э.

Пророки не имели ничего общего со странствующими прорицателями, хотя и являлись высшей, завершающей формой многовековой традиции религиозного прорицательства. Они отличались прежде всего тем, что пророчествование не было их профессией и они не зарабатывали на

жизнь предсказыванием будущего. Это были мудрецы, учители народа, общественные и политические деятели, выразители религиозной концепции, основанной на принципе индивидуальной моральной ответственности человека перед богом. Исаия был зажиточным земледельцем, Амос — скотоводом, Иеремия — потомком аристократического жреческого рода, а Иезекииль — жрецом в Иерусалимском храме. Все они были убеждены, что Яхве возложил на них важную религиозную и социальную миссию.

На первый план эти пророки выдвигали этическое содержание иудейской религии. Пророк Амос, например, прямо заявлял, что его не интересуют вопросы ритуала и церемониала в культе Яхве, так как важно лишь одно: чтобы люди были справедливы и держали бога в сердце своем. Михей выразил эту мысль еще проще, говоря, что Яхве требует от человека прежде всего доброты, справедливости и милосердия. Исаия, наконец, сделал Яхве богом всего человечества, придав ему универсальные черты. Согласно его учению, иудеи по-прежнему оставались избранным народом, но избранным лишь для того, чтобы принести всему человечеству благую весть и сделать, таким образом, возможным спасение мира. Эта мессианская идея была совершенно новой и имела впоследствии плодотворное влияние на идеологию первых христианских общин.

Любопытно, что в углубленной монотеистской идее, которая сквозит в сочинениях пророков, некоторые ученые усматривают влияние периода вавилонского пленения. Иудеи, должно быть, относились сочувственно к персидским последователям Заратустры, который учил, что в мире действуют две враждебные друг другу силы: бог света Ормузд и бог зла Ариман. Культ Ормузда имеет, несомненно, много общего с яхвизмом. Персы, как и иудеи, не признавали культовых статуй, что снискало им расположение яхвистских иконоборцев. Основные христианские дуалистские концепции — бога и дьявола, неба и земли, света и тьмы — восходят к персидской эпохе: иудеи заимствовали их в период персидского владычества и в свою очередь передали раннему христианству. Итак, идеи пророков были вполне революционными. Религия в их учениях перестала быть общественным институтом и превратилась в личное дело каждого человека. Они утверждали, что Яхве ценит не внешние формы культа и ритуала, а нравственную чистоту, честность, доброту и справедливость. Аристотель писал, что

показалось бы странным, если бы кто-нибудь заявил, что любит бога. А некоторые пророки учили именно любви к богу и этой идеей положили начало новой эры в религиозной жизни народов.

Логическим итогом этих нравственных принципов была резкая критика социальных отношений Израиля и Иудеи. Пророки клеймили сограждан за вероотступничество, падение нравов, продажность. Они бичевали царей за их преступления и распутство, а всему народу пророчили нищету и страдания, если он не вернется на путь истинный.

Как мы уже неоднократно подчеркивали, причин для критики было предостаточно. В то время как богатые жили в роскоши, народные массы все больше нищали. Цари загоняли население на принудительные работы на строительстве храмов, дворцов и крепостей, а сами жили в великолепных дворцах со множеством слуг и наложниц. Рабство существовало в Ханаане испокон веков, но долговое рабство получило широкое распространение лишь в эпоху царей и после возвращения из вавилонского пленения. Военные расходы всей своей тяжестью ложились на земледельцев и скотоводов и в конце концов разоряли их. Эксплуатация и произвол богачей, налоги и долги усиливали нищету трудовых масс и увеличивали богатство власть имущих. Пророк Исаия восклицал в отчаянии: «Горе вам, прибавляющие дом к дому, присоединяющие поле к полю, так что другим не остается места, как будто вы одни поселены на земле» (Исаия, гл. 5, ст. 8).

Пророки были также дальновидными политиками. Исаия, например, отговаривал царя Ахаза обращаться за помощью к ассирийцам против сирийско-израильского союза. Иеремия, рискуя жизнью, гневно клеймил политических фанатиков, которые, надеясь на помощь Египта, подстрекали Иудею против халдеев. Даже когда Навуходоносор уже осаждал Иерусалим, Иеремия призывал к капитуляции. Вскоре события доказали, насколько правильной и разумной была его позиция.

Эти духовные вожди, наставники, вдохновенные пророки и крупные поэты воплощали в себе лучшие черты иудейского народа. Их нравственные принципы, религиозные идеи и призывы к социальной справедливости наложили неизгладимый отпечаток на европейскую культуру двух следующих тысячелетий.

Библейская история Израиля и Иудеи сводится к перечислению царей и оценке их правления с точки зрения яхвизма. В большинстве случаев мы так и не узнаем, что скло-

няло царей к тем или иным поступкам, каковы были политические и психологические причины войн, договоров о дружбе и разных дипломатических мероприятий. Библия сообщает только, когда правил тот или иной царь. Словом, библейская история представляет собой, в сущности, лаконичный перечень фактов, вне всякой причинной связи.

К счастью, история Израиля и Иудеи была связана с историей великих держав древности — Месопотамии и Египта. В Вавилонии, Ассирии, нововавилонском царстве халдеев и в Египте сохранились колоссальные архивы, а также надписи на надгробиях, в храмах и на скалах. В текстах, касающихся истории этих государств, содержится множество замечаний, проливающих сенсационный свет на события в Израиле и Иудее.

Благодаря этим открытиям удалось не только выяснить причинные связи многих библейских сведений, но и установить, что эти сведения, как правило, достоверны. Более того, удалось даже вычислить приблизительные годы правления израильских и иудейских царей и уточнить важнейшие даты в истории обоих государств. Приведем один пример такого уточнения. В Библии сказано, что Кир в первый же год после завоевания Вавилонии разрешил иудеям вернуться в Иерусалим. Благодаря вычислениям, произведенным на основании персидских документов, мы знаем, что это произошло в конце 539 года до н. э. А так как переселенцы готовились несколько месяцев, то первая группа репатриантов отправилась в путь не раньше весны 537 года до н. э.

Бессмысленным было бы в нашем изложении строго придерживаться туманного и крайне лаконичного библейского текста, не используя богатейшего материала, предоставленного нам археологией.

Поэтому глава, посвященная Израилю и Иудее, является компиляцией, составленной из различных исторических источников. Изложение, основанное прежде всего на Третьей и Четвертой книгах царств, дополнено сведениями, почерпнутыми из книг Ездры и Неемии, из пророчеств Исаии, Иеремии и Иезекииля, а также из документов, сохранившихся в Месопотамии и Египте.

Археологические открытия, сделанные в Египте и Месопотамии, удивительным образом подтверждают точность и достоверность названных ранее библейских текстов. Этих открытий такое множество, что все их перечислить невозможно. Ограничимся лишь несколькими, самыми важными и интересными.

В Библии сказано, что спустя пять лет после раскола фараон

Сусаким вторгся в Иудею и ограбил Иерусалимский храм. И вот в храме в городе Карнаке обнаружен барельеф с изображением этого похода. Мы видим там египетского бога Амона, ведущего на веревке сто пятьдесят шесть иудейских пленников. Каждый пленник олицетворяет собой один из городов, захваченных и разграбленных фараоном. Из списка городов мы узнаем любопытную деталь, которую Библия обходит молчанием: оказывается, Сусаким в военном пылу не пощадил даже своего протеже, царя Иеровоама, и разорил также территорию вновь образованного израильского царства.

Крупнейший царь израильский Амврий подчинил себе моавитское царство и в течение сорока лет взимал со своего вассала огромную дань — сто тысяч баранов в год. В царствование Иорама Меса, царь моавитский, взбунтовался и отказался платить дань. Тогда Иорам в союзе с Едомом и Иудеей двинулся против Моава. Библия сообщает, что их объединенные войска победили Месу и опустошили его страну.

В свете этого несколько странной казалась библейская фраза о том, что победители «отступили от него, и возвратились в свою землю» (4 Цар., гл. 3, ст. 27).

Эту загадочную фразу объяснила археология. В 1868 году немецкий миссионер Ф. А. Клейн нашел к востоку от Мертвого моря огромную глыбу голубого базальта с надписью на моавитском языке. Клейн предложил арабам за этот ценнейший памятник сорок долларов. Но, прежде чем сделка состоялась, об этом проведало французское правительство и предложило тысячу пятьсот долларов. Тогда арабы пришли к заключению, что базальтовый камень обладает какими-то магическими свойствами. Они жгли под ним огонь и поливали водой до тех пор, пока не раскололи его на мелкие куски, которые стали продавать как талисманы. Лишь ценой огромных усилий и за большие деньги удалось французским археологам выкупить обломки и собрать камень заново. В настоящее время он хранится в Лувре.

Из надписи на камне следует, что вначале Меса действительно терпел поражения и, запершись в крепости Кир-Гасерооф, принес своего маленького сына в жертву богу Кемосу, чтобы расположить его к себе. В следующих строках сообщается с ликованием, что Меса разгромил захватчиков и «Израиль погиб навсегда».

Итак, как мы видим, обе стороны хвастались победой. Но поскольку Иораму не удалось окончательно покорить Моав и он, как признает Биб-

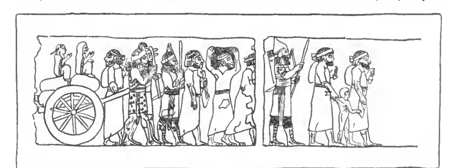
лия, «возвратился в свою землю», то можно заключить, что война была жестокой, но окончательную победу так и не удалось одержать никому. Но все же Меса действительно освободил свою страну от многолетнего ига.

В Библии рассказывается об инциденте, который долгое время оставался совершенно непонятным. Царь Ахав наголову разбил царя Дамаска Венадада II и взял его в плен. Но, вопреки тогдашним обычаям, не убил его и не разрушил его столицу. Напротив, Ахав обошелся с Венададом очень гуманно, посадил его на свою колесницу, назвал братом и даже заключил с ним союз и отпустил на свободу.

Можно было лишь догадываться, что за этим несвойственным Ахаву и вообще той эпохе великодушием кроется какая-то тайна.

Загадка разрешилась после открытия надписи ассирийского царя Салманассара III (859—825 годы до н. э.). Салманассар сообщает, что одержал победу над коалицией двенадцати царей, среди которых были Венадад и Ахав. Уничтожив двадцать пять тысяч неприятелей, он осадил Дамаск, но, очевидно, не сумел занять город, так как вернулся в Ниневию и в течение пяти лет не предпринимал новых походов. Из текста надписи можно заключить, что исход войны так и остался нерешенным. Дамаск сумел защититься, а Ахав вернулся к себе сильно пострадавшим, но непобежденным.

В свете этих вновь открытых фактов становится ясным библейский рассказ. Ахав, конечно, сознавал все возрастающее могущество Ассирии и не был заинтересован в чрезмерном ослаблении Сирии, расположенной на пути из Ассирии в Израиль. Как дальновидный государственный деятель, он выбрал единственную разумную

Угон ассирийцами покоренного населения. Ассирийский барельеф.

политику: союз с побежденным неприятелем. Правда, союз этот оказался непрочным. Стоило ассирийцам убраться восвояси, как сразу же с новой силой вспыхнула старая вражда между Сирией и Израилем, и Ахав погиб в одном из многочисленных сражений.

Самый большой интерес в научном мире вызвал так называемый «черный обелиск», найденный в 1846 году английским археологом Лайярдом среди развалин ассирийского города на холме Тель Нимруд. Четырехгранный столб из черного базальта покрыт со всех сторон барельефами и клинописными текстами. На одной стороне изображен царь Салманассар III со своей свитой. Хоровод рабов подносит ему ценные дары: слоновую кость, ткани, кувшины и корзины, а в другом месте приводят на поводках животных: слонов, верблюдов, антилоп, обезьян, быков и легендарного единорога.

На другом барельефе снова изображен Салманассар. Он стоит, гордо выпрямившись, а какой-то вельможа в роскошно расшитом плаще бьет ему челом.

Только несколько лет спустя англичанин Роулинсон сумел расшифровать надпись. И тогда оказалось, что бьющая челом фигура — это израильский царь Ииуй, убивший Ахава и Иезавель. Надпись под барельефом гласит: «Дань царя Ииуя из Беф-Умврия (то есть из царского рода Амврия): серебро, золото, золотая чаша, золотые блюда, золотые бокалы, золотые ведра, олово, скипетр для царя и полученное от него бальзамовое дерево». Из другого текста следует, что Ииуй принес эту дань на восемнадцатом году царствования Салманассара, то есть около 842 года до н. э.

Стела Меши.

Библия обходит молчанием

Царь Ииуй приносит дань Салманассару III.

тот факт, что Ииуй был вассалом ассирийского царя. Ассирийская же надпись объясняет, почему царь Дамаска вторгся в пределы Израиля и разрушил его города. Это была месть за то, что Ииуй изменил антиассирийскому союзу, заключенному с Сирией, и, когда вспыхнула новая война с Салманассаром, сдался без боя Ассирии, уплатив огромную дань золотом и серебром. Эта трусливая политика имела роковые последствия. После долгих и ожесточенных боев с Дамаском Израиль в царствование Иоахаза потерпел полное поражение, а его мощная армия была в принудительном порядке сокращена до пятидесяти конников, десяти боевых колесниц и десяти тысяч пехоты.

«Черный обелиск» показал нам, насколько близорукой и пагубной была политика израильских узурпаторов. Сирия, брошенная своим союзником на произвол судьбы, вынуждена была в одиночку бороться с могучей Ассирией и потерпела поражение. Израиль, ослабленный войнами со своим естественным союзником, был в конце концов завоеван Саргоном II. Самария была разрушена, а десять племен израильских угнаны в Месопотамию, где они бесследно пропали.

Саргон назван в Библии только однажды, в связи с восстановлением города Азота. Завоеватель же Самарии выступает там анонимно, как «царь ассирийский». Трудно было предполагать, что речь идет о Саргоне, тем более что тремя строками выше упоминается царь Салманассар.

Только надпись, обнаруженная на стене царского дворца в Хорсабаде, разрешила все сомнения. Оказалось, что Салманассар начал осаду Самарии, но год спустя умер. Город удалось занять лишь его преемнику — Саргону, осаждавшему его еще два года. Итак, всего осада длилась три года, и Самария пала в 721 году до н. э.

В обнаруженной археологами надписи Саргон сообщает:

«Я осаждал и покорил Самарию и увел как военную добычу двадцать семь тысяч двести девяносто жителей. Я образовал из них царский корпус, состоящий из пятидесяти боевых колесниц... город я отстроил и сделал его более прекрасным, чем прежде. Заселил его

людьми из покоренных мною стран. Поставил над ними губернатора и обязал платить такую же дань, какую платят все другие подданные Ассирии».

В Библии трижды отмечается роскошь, которой отличался царский дворец в Самарии. В Третьей книге царств (гл. 22, ст. 39) сказано, что Ахав построил дом из слоновой кости. Амос (гл. 3, ст. 15) пророчествует: «И поражу дом зимний вместе с домом летним, и исчезнут домы с украшениями из слоновой кости, и не станет многих домов, говорит господь». И наконец, в сорок четвертом псалме, относительно которого ученые предполагают, что он был написан как свадебный гимн в честь Ахава и Иезавели, упоминаются «чертоги слоновой кости».

«Черный обелиск».

Естественно, что эти фантастические сообщения считались просто одним из многочисленных примеров богатой фантазии, столь типичной для народов Востока. И лишь археологические раскопки на развалинах Самарии доказали, что это не совсем вымысел.

В 1931—1935 годах группа английских и американских археологов провела там тщательные раскопки. Под развалинами был обнаружен фундамент крепостных стен, башни и цистерны для хранения дождевой воды. Но главной находкой был дворец Ахава и Иезавели. Он стоял на западном краю горного хребта, откуда открывался вид на Средиземное море. На дворе были обнаружены выложенные камнем берега и дно упомянутого в Библии пруда, в котором вымыли окровавленную колесницу Ахава. Когда археологи стали просеивать обломки, их охватило изумление: среди кирпича, камней и пепла валялись тысячи обломков плиток из слоновой кости. Они были покрыты барельефами, изображающими лотосы, лилии, папирусы, пальмы, львов,

быков, серн, сфинксов и финикийских богов.

Дворец, конечно, не был построен из слоновой кости, но его стены и мебель были украшены столь грандиозным количеством этих плиток, что действительно могло показаться, будто он весь построен из слоновой кости.

А теперь оставим Израиль и перенесемся в Иудею. Сразу, в самом начале, мы сталкиваемся с интригующей загадкой, касающейся мудрого и несчастного царя Азарии. В Четвертой книге царств (гл. 15, ст. 5) мы читаем: «И поразил господь царя, и был он прокаженным до дня смерти своей, и жил в отдельном доме».

Библеисты и археологи предполагали, что Азария жил в подземелье своего дворца, в то время как от его имени правили по очереди его сын Иофам и внук Ахаз. Правда, согласно библейскому праву, прокаженным не разрешалось оставаться в Иерусалиме, но для царя могло быть сделано исключение.

Однако это предположение было опровергнуто, когда в местности Рама обнаружили развалины какой-то крепости, о которой не упоминает ни один исторический источник. Она была окружена стеной почти трехметровой толщины, а ворота, насколько можно судить по сохранившимся следам, были отлиты из меди или бронзы. На обширном дворе стояло три строения. В одном из них была сзади потайная дверь, позволяющая незаметно покинуть крепость.

Ассирийский царь Саргон II, завоеватель Самарии.
Барельеф из Ниневии.

Кто и зачем построил крепость так близко от столицы? Все говорит за то, что ее построил для себя Азария. Среди развалин найдено огромное количество статуэток Астарты,

а именно царя Азарию пророки обвиняли в культе финикийской богини. Кроме того, на одном из черепков изображена фигура сидящего бородатого мужчины. А поскольку сидящими изображали только богов и царей, не подлежит сомнению, что крепость была царской резиденцией.

Теперь понятно, почему Библия называет местопребывание Азарии «отдельным домом», «свободным домом»

Декоративная плитка из слоновой кости из царского дворца в Самарии.

или «домом свободы». Несчастный царь не пребывал в заточении, как другие прокаженные, и пользовался относительной свободой в своем уединенном дворце, откуда благодаря близости к столице он мог следить за делами государства.

После упадка Самарии Иудея осознала опасность, угрожающую ей со стороны Ассирии. Царь Езекия лихорадочно укреплял стены Иерусалима и собирал оружие в арсенале. Он позаботился также о постоянном водоснабжении города. Старый канал иевусеев, по которому проникли в город войска Давида, пришел в негодность и был, по всей вероятности, засыпан, так как представлял опасность для города. Библия сообщает, что Езекия велел пробить в скале новый канал, по которому вода из источника поступала прямо в Иерусалим, где ее собирали в цистерну.

Как это часто бывает, канал

Канал царя Езекии, подводивший воду к Иерусалиму.

Езекии был обнаружен совершенно случайно. В 1800 году группа арабских мальчиков играла над прудом Силоэ. Один из них свалился в воду и, плывя к противоположному берегу, обнаружил в скале узкий проход. Это был канал в полкилометра длиной, который вел кружным путем через известковую скалу к западной части города. Сначала казалось странным, что, несмотря на спешку, не прокладывали канал напрямик, что позволило бы сократить его почти на двести метров. Однако после тщательного изучения топографии местности оказалось, что нужно было обойти выдолбленные в скале гробницы Давида и Соломона.

Только в 1880 году удалось получить неопровержимое доказательство, что это был в самом деле канал Езекии. Несколько молодых немецких архитекторов отправились исследовать канал. Продвигаясь по колено в иле и воде, они с трудом добрались до середины. Вдруг один из них поскользнулся и, падая в воду, заметил на стене какую-то таинственную надпись. Узнав об открытии, в Иерусалим прибыл английский востоковед Арчибальд Сейс, чтобы снять копию с надписи. Работа была чрезвычайно тяжелой. Сейс просиживал целые часы в грязи и воде и со свечой в руке копировал букву за буквой. Но

Финикиец с обезьянами.

надпись стоила этих усилий: она оказалась необыкновенно интересной. Текст содержал драматический рассказ о том, как рабочие долбили скалу с двух сторон и, приблизившись друг к другу на расстояние трех локтей, услышали голоса друг друга. Когда они наконец

проложили тоннель и вода впервые потекла из источника в город, их ликованию не было конца.

Еврейский язык, на котором сделана надпись, бесспорно принадлежит к эпохе Езекии.

Ассирийский царь Синахериб сам косвенно признает в одной из своих надписей, что он не завоевал Иерусалим. Правда, он хвастает, что разорил Иудею и получил от Езекии дань в тридцать талантов золота и триста талантов серебра, но он говорит, что запер иудейского царя в столице, «как птицу в клетке». Конечно, он не указывает причин, по которым ему пришлось снять осаду. Библия изображает его отступление как чудо. Ангел, присланный Яхве, прошел по вражескому стану и убил сто восемьдесят пять тысяч ассирийских воинов.

Ученые пытались разгадать, что, собственно, кроется за этим чудом. Объяснение этой загадки дает будто бы греческий историк Геродот. Один египетский жрец рассказал ему, что армия Синахериба, прервав на время осаду Иерусалима, двинулась против Египта. Тогда на ассирийский лагерь напали полевые мыши и так изгрызли тетивы луков и кожаные части боевого снаряжения, что беззащитные воины вынуждены были отказаться от борьбы.

Мыши очень часто выступали в древних сказаниях как символ эпидемии. Мы встречаем их в Библии, в текстах Египта и Месопотамии. На этом основании можно предположить, что Синахериб вынужден был снять осаду Иерусалима, поскольку его армию поразила какая-то страшная эпидемия. Эту гипотезу подтверждает факт, что английский археолог Стречей обнаружил в районе города Лахиса массовую могилу, в которой находилось две тысячи мужских скелетов.

Как известно, в битве под Кархемишем фараон Нехао был наголову разбит халдеями. Крупный английский археолог Вулли вел раскопки на развалинах этого города и натолкнулся на драматические следы великой битвы. Пол одного из пригородных домов был покрыт слоем пепла, а под пеплом валялись сотни наконечников стрел, сломанные острия копьев и обломки сломанных мечей. Больше всего наконечников лежало у входа в отдельные комнаты. Они были искривлены от ударов о каменные карнизы и металлическую обшивку дверей. Из положения этих обломков явствует, что нападающие теснили из комнаты в комнату защитников, оказывающих яростное сопротивление. В конце концов нападающие победили и разрушили дом.

Другие находки проливают свет на тогдашние политиче-

ские интриги. Клинописные таблички с ассирийскими текстами доказывают, что хеттский Кархемиш был вассалом Ассирии. С другой стороны, статуэтки египетских богов, перстень с выбитым именем фараона Псамметиха I и печати его сына Нехао доказывают, как сильно было в этих районах египетское влияние. Очевидно, Кархемиш так же, как и Иерусалим, колебался в лояльности между Египтом и Ассирией, и это в конце концов привело его к гибели. Фараон Нехао подло изменил своим сторонникам и выступил в защиту Ассирии против Навуходоносора.

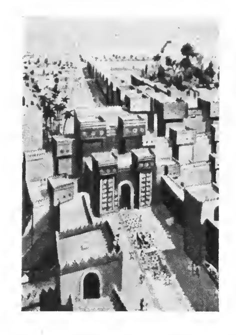
Заодно стоит рассказать здесь еще об одном интересном открытии. Среди оружия Вулли нашел греческий щит, покрытый бронзовым листом. На нем был выполнен горельеф Горгоны, окруженной кольцом животных: лошадьми, собаками, оленями и кроликами. Откуда в Кархемише греческий щит?

Вулли вспомнил отрывок из Геродота, где рассказывается, что в храме Аполлона в Бранхидае, близ Эфеса, состоялась церемония освящения военной добычи фараона Нехао, взятой в Газе, которая использовала ионийских наемников. Щит принадлежал, вероятно, греческому наемнику, который после разрушения Газы перешел на службу к фараону и погиб в Кархемише, вдали от своей родины.

В вавилонских документах найдено также подтверждение библейского рассказа об иудейском царе Иехонии, которого Навуходоносор угнал в плен в Вавилон. Когда на ассирийский престол вступил Евилмеродах, он выпустил Иехонию из тюрьмы и поселил в царском дворце.

В Четвертой книге царств говорится (гл. 25, ст. 28—29): «И говорил с ним дружелюбно, и поставил престол его выше престола царей, которые были у него в Вавилоне. И переменил темничные одежды его, и он всегда имел пищу у него, во все дни жизни его. И содержание его, содержание постоянное, выдаваемо было ему от царя, изо дня в день, во все дни жизни его».

В 1933 году в вавилонском архиве были найдены записки управляющего дворцом о выдаче довольствия различным резидентам, находившимся у царя на иждивении. В списке числятся царь Иудеи Иехония, пять его сыновей и восемь человек службы. Из этих документов следует, что в Вавилоне жила целая группа плененных царей. Каждый получал ежедневный продовольственный рацион, имел свой престол и свои комнаты во дворце. Среди этих царских теней доживал свой век и несчастный царь Иехония.

Вавилон. Реконструкция по раскопкам.

Благодаря археологическим открытиям мы убедились также, что упоминающийся в Библии Годолия, которого Навуходоносор назначил губернатором Иудеи и который был убит соплеменниками как ренегат, является историческим лицом.

Среди развалин города Лахиса найдена печать с надписью: «Собственность Годолии, поставленного над Иудеей».

Рассказывая о вавилонском пленении, мы отметили, что многие иудейские переселенцы нажили на чужбине большие состояния. Это полностью подтвердилось данными археологии. Например, одна американская экспедиция нашла в городе Ниппуре часть архива своеобразной банковой фирмы «Мурашу и сыновья». Сто пятьдесят документов, записанных клинописью на глиняных табличках, отражают широкие международные связи этой иудейской семьи. Мы находим там контракты на аренду земли, каналов, садов и баранов, сделки по купле и продаже, договоры о займах, расписки в получении залога за арестованных должников. Фирма получала за посредничество установленное тогда высокое вознаграждение — в двадцать процентов. Среди подписей на документах много иудейских фамилий; это доказывает, что многие переселенцы жили в большом достатке.

Библия обходит молчанием огромный период иудейской истории, охватывающий двести шестьдесят пять лет: с момента восстановления стен Иерусалима Неемией в 433 году до н. э. до начала восстания Маккавеев в 168 году до н. э.

По всей вероятности, за это время не происходило ничего достойного внимания. Иудея была маленькой, захолустной провинцией огромной персидской империи. С согласия персидских царей управление

Иудеей осуществляли жрецы, и она была, в сущности, не государством, а маленькой религиозной общиной. Иудеи, оторванные от остального мира, были заняты исключительно своими внутренними делами. Должно быть, именно в ту эпоху был создан Ветхий завет в его сегодняшнем виде. Жрецы и ученые люди анализировали прошлое и собирали документы, которые могли бы объяснить причины национальных бедствий. Они пришли к убеждению, что иудеи постоянно отступались от Яхве, нарушали его заветы и за это понесли наказание. В результате Библия стала великим обвинительным актом, направленным против царей и народа, документом, который должен был доказать, что единственный путь к спасению и благополучию — верность Моисеевой религии.

В 333 году до н. э. в мире произошли крупнейшие события. Македонский царь Александр в битве у города Исса одержал крупнейшую победу над армией Дария III. Персия перестала существовать. На ее территории возникла великая греческая империя. Молодой победитель поспешил в Египет и занял его без сопротивления. Непроверенная легенда гласит, что по пути он зашел в Иерусалим, чтобы поклониться Яхве. Библия обходит молчанием все эти события. Жители горной уединенной Иудеи не понимали, что они вступают в новую эру человеческой истории.

В 332—331 годах до н. э. новый властелин мира основывает на одном из мысов в дельте Нила город Александрию, будущий центр науки и искусства. Иудеям, потомкам беженцев вавилонской эпохи, он предоставляет такие же права, как грекам и египтянам. Этот шаг имел потом важнейшие последствия.

Александр Великий умер в 323 году до н. э. Его империю разделили между собой его военачальники, так называемые диадохи. Таким образом, после кровавой войны возникли три государства: Египет под властью Птолемеев, Сирия под властью Селевкидов и македонское царство под властью Антигонидов.

В 320 году до н. э. Птолемей I присоединяет Иудею к своему государству. Над иудейским народом нависла совершенно новая, значительно более опасная угроза, чем гнет и насилие. Наступила эпоха эллинизма, эпоха терпимости, свободы духа, свежих философских течений, расцвета науки, литературы и искусства. Центром этого просвещения и гуманизма стала Александрия. Птолемей II создал великолепное собрание рукописей, содержащих интеллектуальное наследие прошлых

поколений. Благодаря ему был сделан греческий перевод Библии, так называемая Септуагинта *.

Многие иудеи не могли устоять против благотворного влияния эллинизма. Особенно поддавались ему те, кто жил в Александрии. Постепенно они эллинизировались настолько, что забыли свой родной язык и разговаривали только по-гречески.

Из их среды вышли ученые, историки и поэты, которые приобрели мировую известность.

Греческое влияние дошло и до Иерусалима. Молодое поколение иудеев увлекалось греческой философией, литературой, языком. Дело дошло до того, что в самом центре города построили арену, где по примеру греческих атлетов состязалась в ловкости иудейская молодежь. Культ здорового и красивого тела, музыка греческой поэзии и сила свежих и ярких философских идей одерживали верх над пением псалмов и ритуальными запретами.

Но в Иерусалиме существовала также мощная группировка ортодоксальных почитателей Яхве, которые изо всех сил сопротивлялись чуждым влияниям. Разумеется, между столь разными частями населения происходили частые и резкие столкновения. Город стал на долгое время ареной интриг, беспорядков и политической борьбы.

Через сто с лишним лет Иудея перешла во власть Селевкидов. В 195 году до н. э. Антиох III одержал победу над Птолемеем V и захватил всю Палестину. Близ Иерусалима возникли греческие колонии, Самария стала важным административным центром нового правителя. В священном городе Яхве настолько распространились греческие обычаи, что, как рассказывает автор Второй книги Маккавеев (гл. 4, ст. 14), «священники перестали быть ревностными к служению жертвеннику и, презирая храм и нерадя о жертвах, спешили принимать участие в противных закону играх палестры по призыву бросаемого диска...» Даже набожный и добросовестный жрец Иасон был объявлен безбожником, сочувствующим новой ереси.

На престол вступил Антиох IV Эпифан. Это был фанатический поклонник греческой культуры, решивший искоренить в своем государстве все другие обычаи и религии. В 168 году до н. э. он ограбил Иерусалимский храм, забрав оттуда все сокровища. А когда из-за этого вспыхнули беспорядки, он послал своего военачальника, который огнем и мечом уничтожил город, разрушил крепостные стены, а многих жителей угнал в плен.

Настало время террора и

преследований. В храме ввели насильно культ Зевса Олимпийского; под угрозой смерти запретили жертвоприношения в честь Яхве, празднование субботы и обрезание детей. Тех, кто нарушал запреты, приговаривали к пыткам и мученической смерти.

Наконец иудеи во главе со жрецом Маттафией подняли восстание, которым руководили поочередно в 165—135 годах до н. э. сыновья Маттафии — Иуда, Ионафан и Симон, именуемые Маккавеями. Героическая борьба повстанцев была столь ожесточенной, что войска Селевкидов вынуждены были оставить многие палестинские города, и в 164 году до н. э. вождь восстания Иуда вошел в Иерусалим, восстановив в храме культ Яхве.

Сын Эпифана, Антиох V Евпатор, прибыл с большой армией, чтобы подавить восстание. Неподалеку от Вифлеема Маккавеи сдались, уступая превосходящим силам греческой конницы и отрядов боевых слонов. Условия капитуляции были неожиданно выгодными. Новый царь, видя тщетность усилий своего отца, вернул иудеям свободу вероисповедания и даже предоставил им известную автономию; но Маккавеев не удовлетворяло это подобие независимости. Братья Иуды — Ионафан и Симон возобновили борьбу, которая окончилась в 142 году до н. э. восстановлением полной политической независимости.

История этой героической борьбы изложена в двух книгах Маккавеев. Первая была написана неизвестным иудейским автором на еврейском языке, но до нас дошел только ее греческий перевод. Вторая, принадлежащая перу другого иудейского автора, написана на прекрасном классическом греческом языке [1].

С тех пор в Иудее царствовала династия Маккавеев, названная еврейским историком Иосифом Флавием династией Хасмонеев, по имени одного из предков Маттафии — Хасмонея.

В 63 году до н. э. на территорию Палестины вторгся римский полководец Помпей и после трехмесячной осады занял Иерусалим. Независимости иудеев пришел конец. Палестина стала римской провинцией.

Со временем гнет и произвол римских чиновников стали настолько невыносимы, что в Палестине снова вспыхнуло восстание. В 70 году н. э. император Тит с огромной армией начал осаду Иерусалима. Жители города защищались с необыкновенным мужеством и стойкостью, но в конце концов вынуждены были сдаться. По-

[1] Евреи не признали этих книг священными, зато католическая церковь включила их в число канонических книг *.

трясающее описание трагедии, пережитой Иерусалимом, мы находим у Иосифа Флавия. Люди, истощенные голодом и болезнями, падали и умирали прямо на улицах. Бывали случаи, когда матери съедали своих грудных детей. Римские легионеры зарезали и распяли на крестах тысячи иудейских пленных. Захватив город, Тит приказал сровнять с землей уцелевшие районы, а иудеям и почитателям Иисуса Христа нельзя было под угрозой смерти заходить в город.

Шестьдесят лет стоял в разрушенном Иерусалиме славившийся своей жестокостью X римский легион. В 117—138 годах н. э. император Адриан построил там римскую колонию Элия Капитолина. На месте, где прежде находился храм, поставили статую Юпитера. Осквернение святого места и запрет обрезания детей подняли иудеев в 132 году на новую войну.

Во главе повстанцев, число которых за короткое время достигло полмиллиона человек, стоял Симон Бар-Кохба. Он освободил в короткий срок Иерусалим и большую часть территории Палестины. Мудрец раби Акиба приветствовал его как мессию и уговорил объявить себя царем Израиля.

Новое государство просуществовало недолго. Адриан вызвал из Британии своего полководца Юлия Севера, который снова занял Палестину и в 136 году захватил последнюю крепость повстанцев — Бетар. В Бетаре погиб или покончил с собой Бар-Кохба. Оставшиеся в живых повстанцы были проданы в рабство или бежали в Вавилонию.

В 1961 году экспедиция израильских археологов нашла в одной из пещер на берегу Мертвого моря кости и документы последних погибших там повстанцев.

Уже вавилонское пленение и бегство убийц Годолии положили начало так называемой диаспоре, то есть рассеянию евреев по всему свету. В персидскую и греческую эпохи вынужденное изгнание превратилось в добровольную эмиграцию. Первый центр диаспоры в Вавилонии просуществовал вплоть до позднего средневековья. В Египте возникла еврейская колония на острове Элефантине и в Александрии. После восстаний Маккавеев и Бар-Кохбы на чужбину хлынули новые волны беженцев, увеличивая ранее возникшие еврейские эмигрантские общины.

Постепенно диаспора охватила Киренаику, Грецию и Малую Азию. Самая большая еврейская колония, насчитывавшая около ста тысяч человек, находилась в Александрии. Другим крупным эмигрантским центром был Рим.

ШЕСТЬ БИБЛЕЙСКИХ СКАЗАНИЙ О ГЕРОИЗМЕ, СТРАДАНИИ И СПРАВЕДЛИВЫХ БОЖЬИХ ПРИГОВОРАХ

ГЕРОИЧЕСКОЙ ИУДИФИ. В иудейском городе Ветилуе жила очень богатая вдова по имени Иудифь. Ей принадлежали тучные пашни, стада, у нее было множество слуг. Славилась Иудифь и своей ослепительной красотой. Но после смерти мужа жизнь, сулившая ей столько благ, утратила для нее всякую прелесть. В глубоком трауре — на протяжении трех с половиной лет — она предавалась молитве и умерщвлению плоти. Богобоязненностью и образцовым поведением Иудифь снискала всеобщее уважение, и жители Иудеи стали считать ее пророчицей.

Но вот в Ханаан вторглась огромная армия царя Навуходоносора под командованием Олоферна. Жители Ветилуи поначалу оказали энергичное сопротивление захватчикам. Однако после двадцатидневной осады в городе не стало воды и толпы людей, собравшиеся перед дворцом начальника города Озии, плача и стеная, умоляли его сдаться Олоферну. Сердце Озии разрывалось при виде столь тяжких страданий, однако он настойчиво просил горожан продержаться еще пять дней, веря, что Яхве окажет осажденным помощь *.

Иудифь сняла траурные одежды, умылась, намастила тело благовонной миррой и завила волосы. Потом она надела праздничное платье и украсила себя самыми красивыми драгоценностями, какие только нашлись в ее шкатулке. Нарядная, блистательная, она направилась в неприятельский лагерь в обществе одной служанки, которая несла бурдюк с вином, сосуд с оливковым маслом и мешок с мукою, сушеными плодами и чистыми хлебами.

На рассвете, когда Иудифь спускалась с холма, на котором раскинулся город Ветилуя, ее остановили передовые неприятельские посты «и взяли ее и спросили: чья ты, откуда идешь и куда отправляешься? Она сказала: я — дочь евреев и бегу от них, потому что они будут преданы вам на истребление». Стражи отвели ее в шатер командующего. Олоферн лежал на постели за сеткой, защищавшей его от комаров. Одет он был в пурпур и так и сверкал золотыми украшениями, изумрудами и прочими драгоценными каменьями.

Иудифь опустилась на колени и отдала земной поклон, а он, пораженный красотой незнакомки, молча любовался ею. Когда же он наконец пришел в себя, то ласково спросил, что привело ее к нему. Объяснив, почему она ушла от своих *, Иудифь сказала:

«Я раба твоя. Узнавши обо всем этом, бежала от них, и бог послал меня сделать вместе с тобою такие дела, которым изумится вся земля, где только услышат о них».

Олоферну пришлись по душе ее слова, и он приказал слугам помочь ей подняться с земли. Когда Иудифь распрямилась и встала, полная неописуемой прелести, присутствовавшие в шатре вельможи воскликнули в величайшем восторге: «Кто пренебрежет таким народом, который имеет таких жен у себя!»

Тогда Иудифь притворилась, будто на нее нашло вдохновение, и пророческим голосом предсказала захватчикам полную победу над Иудеей. Олоферн чрезвычайно обрадовался и сказал:

«Если ты сделаешь, как сказала, то твой бог будет моим богом».

Затем он приказал отвести Иудифи удобный шатер и три дня кряду приглашал ее на пышные пиршества. Но Иудифь не захотела есть нечистую пищу и ела только то, что принесла ее служанка из Ветилуи. Олоферн становился все более настойчив в своих ухаживаниях. Иудифь смекнула, что на четвертый день он попросит ее после ужина остаться с ним в шатре. Перед сном она удалила свою служанку и всю ночь с плачем молилась Яхве, прося укрепить ее в принятом решении.

На следующий день Олоферн дал пир еще более роскошный, чем накануне. В радостном ожидании будущих наслаждений он выпил слишком много вина, растянулся на своем ложе и заснул крепким сном. Тогда Иудифь двумя ударами отсекла Олоферну голову его же собственным мечом, завернула ее в сетку от комаров и спрятала в дорожную сумку. Затем она поспешила в Ветилую и показала своим согражданам голову ненавистного захватчика. Город ликовал. Все благодарили Яхве за победу и славили героиню, которая отсекла голову врага.

Под утро, узнав, что Олоферн мертв, ассирийцы впали в такую панику, что пустились наутек, бросив лагерь с его несметными сокровищами и награбленной в Иудее добычей. Защитники города яростно преследовали их и устроили им такую резню, что лишь немногим удалось выйти из нее живыми. Победителям досталась огромная добыча: многочисленные стада овец, ослов и верблюдов, большое количество золота, серебра, оружия и одежды. Все, что принадлежало лично Олоферну,— золото, серебро, драгоценные камни и богатые одежды — отдали Иудифи в награду за ее героизм.

Жители города в течение трех месяцев праздновали победу — танцевали, пели, молились, играли на арфах. Сам первосвященник Иоаким прибыл из Иерусалима, чтобы воздать честь героине и принять участие в общей радости.

Иудифь жила сто пять лет, окруженная уважением и любовью народа, а день ее великой победы был причислен к списку еврейских праздников, которые отмечают каждый год.

СФИРЬ — ЦАРИЦА ПЕРСИДСКАЯ. Персидский царь Артаксеркс на третьем году своего царствования устроил великий пир и созвал на него всех князей и вельмож Персии и Мидии, а также правителей подчиненных ему стран от Индии до Эфиопии. Пир длился сто восемьдесят дней без перерыва, а под конец царь пригласил на семидневный пир всех жителей города Сузы, независимо от богатства и общественного положения.

Столы были расставлены во дворе и в саду царского дома. Над ними для защиты от солнца повесили белые, зеленые и фиолетовые ткани, прикрепленные к мраморным столбам. Гости возлежали на золотых и серебряных ложах, установленных возле столов на плитах из изумрудного и белого мрамора. Кушанья и вино слуги подавали на блюдах и в кубках из литого золота. Одновременно на женской половине дворца царица Астинь принимала жен князей, вельмож и придворных.

На седьмой день пира Артаксеркс пожелал показать гостям царицу, ибо она была невыразимо прекрасна, и потребовал, чтобы Астинь в царском венце явилась пред его очи. Но она заупрямилась и не захотела слушаться приказа. Возмущенный ее непослушанием, Артаксеркс тут же созвал совет из семи князей персидских и мидийских, чтобы принять решение: как поступить со своенравной женщиной. Почтенные мужи были очень встревожены дерзостью царицы, они опасались, что ее пример окажется заразительным и покой в их собственном доме тоже будет нарушен. Посему один из них сказал так: «Поступок царицы дойдет до всех жен, и они будут пренебрегать мужьями своими и говорить: «царь Артаксеркс велел привести царицу Астинь пред лице свое, а она не пошла». Теперь княгини персидские и мидийские, которые услышат о поступке царицы, будут то же говорить всем князьям царя; и пренебрежения и огорчения будет довольно». Царь решил навсегда прогнать свою супругу. Одновременно он разослал во все концы страны послания, в которых всем царским подданным на их языках внушалось, что женщины обязаны слушаться своих мужей. Таким путем была подавлена в самом зародыше угроза женского бунта.

Вскоре царь приказал отобрать во всем его государстве самых красивых девушек и доставить их во дворец. Под надзором доверенного евнуха отобранные девицы в течение двенадцати месяцев натирались миррой и другими благовониями и подкрашивали лицо, а потом в свой срок всходили на царское ложе. Через четыре года пришла очередь красавицы по имени Есфирь. Она была иудейка, но никто об этом не знал, потому что она этого не открыла. Роди-

телей она потеряла еще в детстве, и ее воспитывал сын ее дяди, Мардохей, иудей, в числе многих переселенный из Иерусалима. Есфирь так приглянулась Артаксерксу, что он полюбил ее больше всех своих жен и надел царский венец на ее голову.

По просьбе воспитанницы Мардохея его назначили во дворец привратником, и вскоре он снискал такое доверие, что дежурил у порога царской спальни. Это озлобило двух других привратников. Однажды Мардохей подслушал их разговор и узнал, что они замышляют убить царя. Он сразу же сообщил об этом Есфири, которая предупредила супруга о грозящей ему опасности. Заговорщиков отправили на виселицу, а царь еще крепче привязался к своей возлюбленной.

Мардохей приобрел такое влияние при дворе, что не склонял головы даже перед первым министром Аманом, а это был всемогущий вельможа, которого все боялись и при виде которого падали на колени. Один только Мардохей не падал перед ним на колени и не кланялся. Обуреваемый бешенством, Аман тем не менее чувствовал себя бессильным, ибо враг его пользовался личным покровительством царя. И только случайно узнав, что Мардохей иудейского происхождения, Аман нашел способ с ним расправиться. По настоянию своего первого министра Артаксеркс подписал декрет, предусматривающий истребление всех иудеев, живших в Персии, поскольку они сохранили свои особые обычаи, законы и религиозные обряды. Услышав об этом, Мардохей разорвал на себе одежды, надел власяницу, посыпал голову пеплом и с громкими, отчаянными воплями побрел по улицам Суз.

Есфирь решила действовать *. На следующий день она устроила пир и пригласила царя и его первого министра. Аман, надувшись от гордости и от того, что его так отличили, стал еще более самоуверенным и приказал поставить виселицу высотой в пятьдесят локтей — на этой виселице он собирался повесить Мардохея *.

Меж тем ночью царь не мог заснуть и велел принести ему памятную книгу, в которой нашел старую запись о том, как Мардохей спас ему жизнь. Среди множества своих обязанностей царь совсем об этом забыл, но теперь решил вознаградить своего верного слугу.

На следующий день Аман явился к царю, чтобы тот утвердил приговор о казни Мардохея. Тогда Артаксеркс спросил его: как следует поступить с человеком, которого хочешь особо отличить? Твердо уверенный, что речь идет о нем, Аман ответил: «Тому человеку, которого царь хочет отличить почестью, пусть принесут одеяние царское, в которое одевается царь, и приведут коня, на

котором ездит царь, возложат царский венец на голову его. И пусть подадут одеяние и коня в руки одному из первых князей царских, и облекут того человека, которого царь хочет отличить почестию, и выведут его на коне на городскую площадь, и провозгласят пред ним: «Так делается тому человеку, которого царь хочет отличить почестию!»» Каков же был его ужас, когда он услышал, что царь имел в виду Мардохея. В соответствии с собственным же советом он должен был посадить своего врага на коня и провести по городу, возвещая удивленным царевым подданным: «Так делается тому человеку, которого царь хочет отличить почестию!»

Едва Аман вернулся домой, взбешенный своим унижением, как явились евнухи с приказом, чтобы он шел на царский пир. Есфирь призналась царю, что она иудейка и родственница Мардохея. Со слезами на глазах она умоляла царя отменить приговор об истреблении ее единоверцев. Теперь Артаксеркс понял всю подлость Амана и, едва только тот появился во дворце, приказал его повесить на той самой виселице, которую заготовили для Мардохея.

По просьбе Есфири царь не только отменил ужасный декрет, но даже разрешил иудеям отомстить своим врагам во всей Персии. Так погибло семьдесят пять тысяч человек, и в том числе десять сыновей Амана. Мардохей, занявший после смерти Амана пост первого министра при царском дворе, разослал во все иудейские общины письма с призывом ежегодно, в память о спасении, торжественно отмечать радостный праздник пурим, что означает «праздник судьбы», поскольку тогда решилась судьба иудейского народа.

ОВИТ — ВЕРНЫЙ ИЗРАИЛЬТЯНИН НА ПЕРСИДСКОЙ ЗЕМЛЕ. В одном из маленьких галилейских городков, на территории, занимаемой коленом Неффалимовым, родился Товит. Он рос в религиозной атмосфере дома, где царила привязанность к традиции и вере предков. В том же духе он воспитывал своего сына, которого назвал Товией. Когда Товита увезли в ассирийскую неволю, он как-то сумел наладить свою жизнь. Ему повезло, он разбогател, но богатство свое использовал не для себя, а делился с наиболее нуждающимися земляками, которых сурово угнетали ассирийцы. Особенно самоотверженно Товит воздавал своим землякам последний долг и хоронил умерших израильтян согласно с ритуалом Моисеевой религии, что по тем временам грозило строгим наказанием.

Однажды, усталый после захоронения мертвых, Товит лег на

землю за стеною двора, а на стене были воробьи; птичий помет попал ему прямо в глаза, и у него сделались бельма. Товит кротко переносил слепоту, не роптал на бога, а к насмешкам и издевательствам злостных безбожников относился с величайшим смирением.

Когда старый Товит почувствовал, что дни его сочтены, он послал своего сына Товию к бедному Гаваилу,— которому в свое время одолжил десять талантов серебра,— чтобы получить с него долг и привезти своему страдающему отцу *. Служить проводником неопытному юнцу вызвался сам ангел Рафаил, который для этого случая принял человеческий облик. А ехать надо было в далекий город Раги Мидийские. Молодой Товия, неожиданно увидев красивого юношу в дорожной одежде, спросил: «Скажи мне, брат, из какого ты колена и из какого рода?» А тот ответил, что происходит от сынов израильских и направляется в Раги Мидийские. Приятно удивленный, Товия сообщил эту радостную весть отцу, и тот посоветовал ему держаться незнакомого путника. И молодой Товия в нем не разочаровался. Ангел Рафаил довел его до Раг Мидийских, нашел там для него жену, дочку Рагуила, Товиева родича, а вернувшись вместе с Товией домой, излечил слепоту его старика отца. Тогда старый Товит, исполненный благодарности к Рафаилу, сказал своему сыну: «Приготовь, сын мой, плату человеку, который ходил с тобою; ему надобно еще прибавить». Он отвечал: «Отец мой, я не буду в убытке, если отдам ему половину всего, что принес». Рафаил, однако, не согласился принять вознаграждение и открыл, кто он такой.

ОВ. В арабской земле Уц жил богобоязненный и праведный человек по имени Иов. Счастье улыбалось ему во всех отношениях, ибо помимо семи сыновей и трех дочерей было у него семь тысяч овец, три тысячи верблюдов, пятьсот пар вьючных волов, пятьсот ослиц и великое множество челяди. И в то время, как дети его пировали, а он возносил жертвы всесожжения на своем поле, собрались у бога ангелы, а среди них затесался сатана. Когда бог спросил его, откуда он явился, сатана ответил: «Я ходил по земле и обошел ее». Когда бог спросил, не видел ли он Иова, человека богобоязненного и праведного, который никому не причинил зла, сатана задиристо ответил, что легко быть богобоязненным, если ты богат и счастлив. И с вызовом сказал богу: «Простри руку твою и коснись всего, что у него,— благословит ли он тебя?» Бог согласился подвергнуть благочестивого Иова испытаниям и предоставил сатане свободу действий.

Вскоре на Иова стали обрушиваться несчастия. Савеяне укра-

ли его скот и поубивали пастухов, огонь небесный сожрал овец и слуг. Халдеи угнали верблюдов, а из пустыни налетел ураган и обвалил дом, погребя в руинах сыновей и дочерей Иова. Старик разодрал свои одежды, остриг голову и, поклонившись богу, сказал с глубочайшим смирением: «Наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, господь и взял; да будет имя господне благословенно!»

Бог был очень доволен, что не обманулся в благочестивом муже, и упрекнул сатану за то, что по его уговору подверг мукам безвинного человека. Но сатана не сдавался и со злобой сказал: «Простри руку твою и коснись кости его и плоти его,— благословит ли он тебя?»

Бог снова разрешил сатане действовать, и тот поразил тело Иова лютою проказой. В довершение всех бед жена Иова, убитая горем, осыпала его бранью и в бешенстве кричала: «Ты все еще тверд в непорочности твоей! Похули бога и умри!» Но Иов спокойно ответил ей: «Ты говоришь как одна из безумных; неужели доброе мы будем принимать от бога, а злого не будем принимать?»

Узнав о страданиях Иова, три его друга — Элифаз, Вилдад и Софар — тотчас поспешили к нему, и когда увидели его в таком отчаянном состоянии, то расплакались, разорвали одежды и посыпали пеплом головы. Потом они сели рядом с ним и сидели семь дней и семь ночей, храня молчание, чтобы уважить страдания друга. Очнувшись наконец от болезненного оцепенения, Иов надрывающимся голосом стал причитать над своей злосчастной судьбой: «Погибни день, в который я родился, и ночь, в которую сказано: «Зачался человек!» Для чего не умер я, выходя из утробы, и не скончался, когда вышел из чрева? ...ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня; и чего я боялся, то и пришло ко мне. Нет мне мира, нет покоя, нет отрады: постигло несчастие».

Элифаз с тревогой выслушал жалобы и укоризненно напомнил Иову: «Богобоязненность твоя не должна ли быть твоею надеждою, и непорочность путей твоих — упованием твоим?» Однако Иов продолжал сетовать: «Предал меня бог беззаконнику и в руки нечестивым бросил меня. Я был спокоен; но он потряс меня; взял меня за шею и избил меня, и поставил меня целию для себя. Окружили меня стрельцы его; он рассекает внутренности мои и не щадит; пролил на землю желчь мою. Пробивает во мне пролом за проломом; бежит на меня, как ратоборец. Вретище сшил я на кожу мою и в прах положил голову мою. Лице мое побагровело от плача, и на веждах моих тень смерти. При всем том, что нет хищения в руках моих, и молитва моя чиста».

Друзья вступили с ним в долгий разговор, в ходе которого высказали предположение, что Иов, вероятно, согрешил, ибо людей ни в чем не повинных не наказывают. Но Иов клялся, что ни в чем не виноват, призывал бога в свидетели, что не совершил зла и страдает незаслуженно. В течение некоторого времени к их беседе прислушивался молодой человек, по имени Елиуй. В конце концов он вмешался в разговор четверых друзей и сказал, что, по его мнению, и та и другая стороны не правы. Страдание не всегда является наказанием за содеянные грехи. Иногда бог подвергает тяжелым испытаниям как раз тех, кто предан ему, дабы проверить их и утвердить в добродетели. Хотя Иов в разговоре с друзьями не переставал проклинать свою судьбу, однако он не терял веры в непостижимую мудрость божественного провидения.

В награду за безграничное доверие бог явился перед Иовом средь бури и объяснил ему, что напрасно он старается найти причины страдания, ибо всесильные и мудрые дела божьи превосходят границы человеческого понимания. Иов выразил сожаление о своих словах и покаялся, а бог взамен одарил его вновь сыновьями, дочерьми и вернул все его имущество.

АНИИЛ. Вавилонский царь Навуходоносор завоевал Иерусалим и взял в плен иудейского царя Иоакима; затем Навуходоносор велел доставить к его двору сынов Израилевых, отроков царской и княжеской крови, и пожелал воспитывать их и учить в халдейском духе. Среди этой красивой и одаренной иудейской молодежи находились Даниил и три его близких товарища — Анания, Мисаил и Азария. Четверо друзей отличались набожностью и не хотели есть пищу, которую подавали во дворце, потому что ее готовили не по завету Моисея. Тогда они упросили своего воспитателя-евнуха, чтобы он разрешил им питаться одним лишь хлебом да овощами. Молодые люди изучали не только историю и обычаи Вавилонии, их посвятили также в тайны наук халдейских магов: астрологии и искусства толкования снов. Когда кончился срок обучения, Навуходоносор велел привести к себе воспитанников и проэкзаменовал их. И тут, к своему удивлению, он убедился, что знаниями и умом они во много раз превосходят всех предсказателей и чернокнижников Халдеи. Однако самым умным из иудейских юношей оказался Даниил.

Однажды Сусанна, прелестная и богобоязненная супруга богатого купца Иоакима, купалась в пруду у себя в саду. Из-за кустов за ней подглядывали два сладострастных старца, они пристали к ней с гнусными предложениями. Сусанна решительно их

отвергла, и тогда старцы обвинили ее перед судом в преступлении, именуемом прелюбодеяние. От старцев потребовали подробностей, и они нагло сказали, будто видели ее вместе с каким-то юношей, однако им не удалось догнать его и задержать. Суд поверил старцам и приговорил женщину к смерти. В тот момент, когда ее собирались вести на казнь, прибежал Даниил. Голосом, полным отчаяния, он взывал, чтобы приостановили исполнение приговора, ибо женщина не виновна. Судьи разрешили ему провести еще одно следствие. Даниил стал допрашивать старцев каждого в отдельности, и вскоре выяснилось, что они дают противоречивые показания. Один уверял, будто видел преступную пару под мастиковым деревом, а другой — что под зеленым дубом. Стало ясно, что обвинители лгут, и суд решил побить их камнями, а благочестивую женщину отпустить на свободу.

Навуходоносору как-то приснился сон, не на шутку его встревоживший, и он призвал во дворец халдейских прорицателей, чернокнижников и магов. Но они ничем не могли ему помочь, поскольку царь забыл, какой именно сон он видел, и требовал, чтобы маги не только объяснили, но и напомнили, что ему снилось. Халдеи твердили, что только богам известны человеческие сны. Царь пришел в такую ярость, что приказал поубивать всех мудрецов своей страны. Приговор касался также и Даниила. Палачи уже собирались его схватить, но Даниил сказал им, что сможет объяснить царю его сон и просит лишь, чтобы ему дали день отсрочки — на подготовку. Всю ночь он молился, и Яхве в конце концов смилостивился над ним и выдал ему тайну.

На следующее утро Даниил предстал перед лицом Навуходоносора и сказал: «Тебе, царь, было такое видение: вот, какой-то большой истукан; огромный был этот истукан, в чрезвычайном блеске стоял он пред тобою, и страшен был вид его. У этого истукана голова была из чистого золота, грудь его и руки его — из серебра, чрево его и бедра его — медные. Голени его железные, ноги его частью железные, частью глиняные. Ты видел его, доколе камень не оторвался от горы без содействия рук, ударил в истукана, в железные и глиняные ноги его, и разбил их. Тогда все вместе раздробилось: железо, глина, медь, серебро и золото сделались как прах в летних гумнах, и ветер унес их... а камень, разбивший истукана, сделался великою горою и наполнил всю землю». Затем он стал толковать этот странный сон. «Ты — эта золотая голова! — говорил он в трансе.— После тебя восстанет другое царство, ниже твоего, и еще третье царство, медное, которое будет владычествовать над всею землею. А четвертое царство будет крепко, как железо... и оно, подобно всесокрушающему железу, будет раздроблять

и сокрушать». «И во дни тех царств,— продолжал Даниил,— бог небесный воздвигнет царство, которое вовеки не разрушится...»

Выслушав мудрые слова, царь пал ниц, восхваляя иудейского бога, и сделал Даниила главным начальником «над всею областью Вавилонскою». Благодаря заступничеству Даниила царь даровал жизнь гадателям и мудрецам, которых обрек было на смерть.

Некоторое время спустя Навуходоносор приказал возвести на поле Деире золотого истукана вышиною в шестьдесят локтей. Потом он собрал всех князей, вельмож и начальников и повелел им поклониться истукану. Едва только раздались звуки труб, свирелей, цитр, цевниц, гуслей, флейт и арф, подданные царя пали ниц и воздали золотому истукану божеские почести. И только иудейские юноши Седрах (то есть Анания), Мисах (то есть Мисаил) и Авденаго (то есть Азария) стояли прямо, ибо не хотели служить языческому божеству. В наказание царь приказал бросить их в горящую печь и распорядился, чтобы ее растопили в семь раз жарче, чем обычно. Но огонь не коснулся верных последователей Яхве, ибо их взял под покровительство ангел, который сопровождал их до места казни. Когда юноши, не тронутые пламенем, вышли из печи, царь возвел их на высшие государственные должности и отныне под страхом смерти запретил кому бы то ни было хулить Яхве.

Вскоре царь увидел другой сон. Ему приснилось дерево, усыпанное множеством плодов, высокое, до самого неба. На его ветвях полно было птиц, а у подножия ствола жили полевые звери. С неба спустился ангел, разрубил дерево, разогнал птиц и животных и оставил только корни, которые он прикрепил к земле железными и медными цепями.

Даниила вызвали во дворец, и он с легкостью объяснил удивительный сон: «Дерево, которое ты видел... это — ты, царь возвеличившийся и укрепившийся, и величие твое возросло и достигло до небес, и власть твоя — до краев земли. А что царь видел бодрствующего и святого, сходящего с небес, который сказал: срубите дерево и истребите его, только главный корень его оставьте в земле... То вот значение этого, царь... Тебя отлучат от людей, и обитание твое будет с полевыми зверями, травою будут кормить тебя, как вола... и семь времен пройдут над тобою, доколе познаешь, что всевышний владычествует над царством человеческим и дает его, кому хочет».

Так и случилось. Разум у царя помутился, он жил среди животных в величайшем унижении, как вол, питался травой, а спустя семь лет, когда к нему вернулось здоровье, князья и вельможи снова посадили его на трон. С этого времени он отверг лжебогов и

славил только царя иебесиого, который иаказал его за гордыию, уиизил, а потом опять возвысил.

На вавилонский трои вступил Валтасар. Одиажды он устроил во дворце великий пир и пригласил на иего всех своих вельмож. Столы были обильио заставлеиы едой н винном, так что вскоре пирующне, не нсключая цариц и царских иаложинц, опьянели. Захмелевший Валтасар велел принести все золотые и серебряные сосуды, когда-то вывезенные из Иерусалимского храма, чтобы гости пили из них вино. В этот момент показалась рука и иаписала иа стене дворца трн таинствеииых слова: «Мене, текел, перес». Воцарилась гробовая тншина: пирующие, вытаращив глаза, смотрели на иепоиятное видение, а царь побледнел н весь дрожал от страха. Сиова вызвали Даниила во дворец, н вот что он сказал царю: ты «возиесся протнв господа небес, н сосуды дома его принеслн к тебе, и ты н вельможн твон, жены твои и наложиицы твои пили из них вино... За это и послана от него кисть рукн, н начертаио это писание... Вот и значение слов: меие — исчнслнл бог царство твое и положил конец ему; текел — ты взвешен иа весах н найден очень легким; перес — разделеио царство твое и дано мидянам и персам».

Валтасар понял, что устами Даниила говорнт дух божий, и облек пророка в багряиицу, надел ему на шею золотую цепь и «провозгласнл его третьим властелином в царстве». В ту же иочь исполнилось пророчество: Валтасар был убит, а вавилоиский трои заиял Дарий, царь мидийский.

Царь Дарий иазначил сто двадцать сатрапов в провинциях, а над ними трех киязей, в числе которых был Даннил, впоследствии предполагая поставить Даннила иад всем царством. Сиедаемые завистью, князья н сатрапы решнлн свергнуть царского любимца. Но он честно выполнял порученные ему обязанности и очернить его в глазах царя было трудио. Однако все зиали о его предаиности Яхве и о том, что ои рьяно соблюдает религнозиые обряды. И враги Даниила решили иanести ему удар с этой стороиы. По нх наущенню Дарий издал указ, запрещающий всем его подданным молиться богам в течение тридцатн дней. Дaниил не мог подчинннться приказу, который противоречнл заветам Монсея. Отворив окна своего дома, выходнвшие в сторону Иерусалнма, ои трижды в день молился своему богу. Завистинкн подсмотрели, как он молится, и донесли об этом царю. Дарий очень ценнл и любил Даннила и с тяжелым сердцем прнказал броснть его в ров, где находилнсь голодные львы. Приняв такое решенне, царь не стал ужинать и так опечалнлся, что всю ночь ие сомкиул глаз. Раио утром он поспешнл ко рву и жалобиым голосом окликиул Даниила: «Да-

ннил, раб бога живого! Бог твой, которому ты неизменно служишь, мог ли спасти тебя от львов?» Тогда Даниил сказал царю: «Царь! Вовеки живи! Бог мой послал ангела своего и заградил пасть львам, и они не повредили мне, потому что я оказался пред ним чист, да и пред тобою, царь, я не сделал преступления».

Вне себя от радости царь велел вытащить Даниила изо рва и вернуть ему все прежние звания и должности. Зато тех, кто его обвинял, царь приказал бросить в ров, и львы тотчас растерзали их и сожрали.

Даниил дожил до начала царствования Кира и пользовался уважением и славой не только как видный сановник, но и как вдохновенный пророк. Его навещали видения, в которых по небу проносились вихри, а из моря выходили странные чудовища, и он предсказывал еврейскому народу, что придет помазанник божий, который освободит его от всех страданий и восстановит на земле справедливость. Этот мессия воссядет на троне среди пламени, и из-под ног его потечет огненная река. Тысячи слуг будут ждать его приказаний, а верующие будут соблюдать заповеди, записанные в книгах святых.

Когда Кир разрешил еврейским переселенцам вернуться в Иерусалим, Даниил был уже слишком стар, чтобы совершить далекий путь. Таким образом, он остался до конца дней своих в Вавилоне и, как высокий сановник, был похоронен в пышном царском склепе *.

ОНА. Однажды Яхве повелел Ионе пойти в Ниневию и возвестить ее грешным жителям близкую гибель. «Встань, иди в Ниневию — город великий — и проповедуй в нем,— сказал бог,— ибо злодеяния его дошли до меня». Но миссия эта испугала пророка; ему показалось, что читать поучения в городе, по сравнению с которым Иерусалим был убогой деревушкой,— занятие безнадежное. И вместо того, чтобы отправиться на восток, он сел на корабль в Яффе и поплыл в противоположном направлении — в Фарсис. Разгневанный непослушанием своего слуги, Яхве поднял на море страшную бурю. Ураган с ревом гнал высокие волны, которые обрушивались на корабль, матросы день и ночь вычерпывали воду и умоляли своих богов смилостивиться над ними.

А Иона тем временем спал крепким сном под палубой. Капитан корабля разбудил его и сказал: «Что ты спишь? Встань, воззови к богу твоему; может быть, бог вспомнит о нас, и мы не погибнем». Потом стали бросать жребий, чтобы обнаружить виновника

несчастья. Жребий пал на Иону, и матросы потребовали у него: «Скажи нам, за кого постигла нас эта беда?» Иона признался, что это он вызвал гнев Яхве, ибо не выполнил его волю. Тогда встревоженные матросы спросили: «Что сделать нам с тобою, чтобы море утихло для нас?» Иона смиренно сказал: «Возьмите меня и бросьте меня в море,— и море утихнет для вас, ибо я знаю, что ради меня постигла вас эта великая буря».

Моряки решили избавиться от пассажира, доставившего им столько неприятностей. Пытаясь высадить его на сушу, они изо всех сил гребли веслами, однако прибиться к берегу не смогли, так как бушующие волны отбрасывали корабль назад в море. Таким образом, не оставалось другого выхода, кроме как кинуть злосчастного пророка в воду. Тогда Яхве приказал киту проглотить Иону. И пробыл Иона во чреве морского чудовища три дня и три ночи и пел благодарственные гимны во славу господа, который не дал ему утонуть. Когда кит выплюнул его на сушу, пророк покорно двинулся в Ниневию. Он бродил там по улицам от зари до ночи, неся жителям города слово божье, и предсказывал, что через сорок дней Ниневия будет разрушена. Ассирийский царь поверил его предсказаниям и покаялся, предложив своим подданным соблюдать строгий пост и не давать домашним животным ни корма, ни питьевой воды.

Видя, что жители Ниневии раскаялись, Яхве смилостивился и отменил свое решение. Это не понравилось Ионе. Разочарованный и сердитый, он покинул город, чтобы не выставлять себя на посмешище перед людьми, которым он пророчил гибель. В пустынной местности построил себе шалаш и с горечью причитал: «О господи! не это ли говорил я, когда еще был в стране моей? Потому я и побежал в Фарсис, ибо знал, что ты — бог благий и милосердый, долготерпеливый и многомилостивый, и сожалеешь о бедствии. И ныне, господи, возьми душу мою от меня, ибо лучше мне умереть, нежели жить». Яхве не ответил пророку, но сделал так, что над его головой выросло высокое растение, заслонившее его от палящих лучей солнца. На следующий день бог приказал червям подточить корни растения, и оно сразу засохло и рассыпалось в прах. Одновременно с востока подул горячий сухой ветер, а солнце жарило так немилосердно, что Иона изнемог от духоты и зноя. Тогда Яхве произнес такие слова: «Ты сожалеешь о растении, над которым ты не трудился и которого не растил, так мне ли не пожалеть Ниневии, города великого, в котором более ста двадцати тысяч людей праведных и множество скота?»

НАЗИДАТЕЛЬНЫЕ НАРОДНЫЕ СКАЗАНИЯ

В период, следующий за вавилонским пленением, у евреев, живущих в Иудее, Вавилонии и Египте, получил развитие своеобразный жанр дидактических сказаний, именуемых мидраш. Это назидательные истории с моралью, которые народ передавал из уст в уста, чтобы поддержать патриотический дух или выразить какую-либо философскую мысль, тревожившую тогдашние умы. Таким образом, эти сказания принадлежат к подлинному фольклору. Раввины, по всей вероятности, широко пользовались ими в своих поучениях и библейских комментариях, чтобы с помощью содержащихся в них аллегорий легче убедить своих слушателей.

Как всякий подлинный фольклор, сказания эти отличаются живостью и драматизмом действия, богатством образов и напряженным сюжетом, не признающим границ между действительностью и фантазией, между сном и явью. Мидраши до известной степени напоминают знаменитую арабскую сказку о Синдбаде-мореходе или «Сказки тысяча и одной ночи». Есть в них такое же обаяние оригинальной поэзии, такая же тоска о справедливости на земле, с той только разницей, что еврейские сказания, созданные народом глубоко религиозным и перенесшим за свою историю тяжелые испытания, содержат более значительные философские мысли, связанные с извечными проблемами жизни и смерти, страдания и счастья, бога и человека.

Фабула этих сказаний развивается на условно-историческом фоне, в них упоминаются известные нам по другим источникам исторические факты, страны, города и лица. Например, города Ниневия и Вавилон, цари Навуходоносор и Валтасар и другое. Анонимные авторы иногда даже обнару-

живают несомненное знакомство с обстановкой, сложившейся, например, при дворе вавилонского царя. Однако в целом картина, воссозданная в этих сказаниях, не имеет ничего общего с реальной историей и принимать ее всерьез нельзя. С того момента, как были расшифрованы документы месопотамских царей, трудно стало отстаивать взгляд, будто в мидраше содержатся доподлинные исторические данные, и в наши дни даже сторонники наиболее традиционных взглядов на Библию относят эти сказания к чисто литературному жанру.

Для примера возьмем Книгу Иудифь. Там упоминается мифический мидийский царь Арфаксад, гонитель восточных народов и основатель города Екбатаны. Халдейский царь Навуходоносор назван владыкой ассирийским, а его резиденция находится якобы в Ниневии, которая была разрушена еще при его жизни. Олоферн, будучи персом, разумеется, не мог командовать ассирийской армией. Одним словом, наивно было бы утверждать, будто это историческая книга.

Тем не менее можно предположить, что в книге этой нашли отголосок и подлинные события. Исследователи старались расшифровать исторические намеки, скрытые в рамках ее фабулы, и пришли к заключению, что ее следует отнести к эпохе персидского царя Артаксеркса III Оха, который царствовал в 359—338 годах до н. э., ибо документально доказано, что его главнокомандующего звали Олоферн и что его помощником был евнух Багой. Оба они фигурируют в Книге Иудифь.

Артаксеркс III был человеком жестоким и надменным. В его царствование взбунтовались сатрапы — правители провинций, а в Египте вспыхнуло восстание. Первая экспедиция Артаксеркса против взбунтовавшегося вассала закончилась неудачей. При вести об этом к восставшему Египту присоединились Финикия, Кипр и часть Сирии. Восстановив наконец порядок в Азии, Артаксеркс поспешил через Ханаан в Египет и в 341 году до н. э. вновь подчинил его и превратил в персидскую провинцию.

Историк церкви Евсевий, живший в IV веке, уверяет, что Артаксеркс во время похода в Египет увел из Ханаана большое количество евреев и поселил их в Гиркании, на Каспийском море. Если переселение действительно произошло, то оно, вероятно, носило карательный характер. Евреи, видимо, участвовали в общем восстании, и осада Ветилуи является одним из его эпизодов.

Книга Иудифь была написана на основе устных преданий, вернее всего в период по-

встанческой борьбы Маккавеев. Борясь с превосходящими силами селевкидов, евреи создавали такого рода легенды, желая доказать на исторических примерах, что Яхве не покидает свой народ в трагические и переломные моменты. Следовательно, это была своего рода пропагандистская литература, назначение которой состояло в том, чтобы поддерживать дух у восставших и побуждать к стойкому сопротивлению.

Подвиг Иудифи, хотя и героический, вызывал в моральном отношении некоторые сомнения. Вдобавок оригинальный древнееврейский текст пропал и сохранились только переводы на греческий язык и латынь. По этим соображениям палестинские евреи не признали Книгу Иудифь священной. Зато католическая церковь причислила ее к каноническим сочинениям и включила в состав Библии *.

Типичный пример восточной сказки представляют приключения Есфири и Мардохея при дворе персидского царя в Сузах. Буйная фантазия автора невероятно преувеличила все описанные им эпизоды: царский пир длился сто восемьдесят дней; персидских девушек двенадцать месяцев «протирали» благовониями, прежде чем показать царю; Есфирь целых четыре года готовили к супружеству; виселица, на которой повесили Амана, была высотой в пятьдесят локтей; наконец, евреи из мести убили семьдесят пять тысяч человек.

Действие в этом драматическом повествовании относится к царствованию персидского царя Ксеркса (486—465 годы до н. э.), именуемого в Библии Артаксерксом. Забавная деталь: супруга царя, Астинь,— это, кажется, первая в истории суфражистка, своим непослушанием доставившая немало беспокойства мужской части персидской аристократии.

Автор Книги Есфирь неизвестен, но, судя по персидским наслоениям в древнееврейском тексте и по основательному знакомству с придворным бытом, эту книгу, вероятно, писал еврей, живший в Сузах в тот самый период, когда в Палестине шла Маккавейская война. Это был писатель, наделенный литературным талантом. Стиль сказаний живой и красочный, фабула полна драматического напряжения, богатство образов, пластических и колоритных, поразительное. Впоследствии и другие авторы внесли свои добавления в первоначальный текст, и в этом окончательном виде включили его в Библию.

Некоторые исследователи считают, что основную нить повествования автор заимствовал в вавилонской или персидской мифологии, хотя до сих

пор не найдено никаких конкретных тому доказательств. Исследователи эти опираются исключительно на тот факт, что имя Есфирь (Эстер) ведет происхождение от богини Иштар, а имя Мардохей — от вавилонского бога Мардука. Кроме того, они предполагают, что вся история придумана для того, чтобы драматизовать обрядность праздника пурим, происхождение и название которого до сих пор не объяснены достаточно удовлетворительно.

Книгу Есфирь трудно причислить к религиозной литературе. Имя бога упомянуто в ней только один раз, а резня, учиненная над врагами евреев, грубо противоречит принципам, которые провозглашали пророки Иеремия, Исаия и Иезекииль. Несмотря на это, священники причислили Книгу Есфирь к дидактическим текстам Библии, именуемым кетубим. Чтение этого сказания до сих пор составляет основную часть обрядов праздника пурим. Первые христиане отвергали сказание об Есфири, но католическая церковь впоследствии включила его в состав канонических текстов Библии *.

На рубеже «исторических» и дидактических книг Ветхого завета находится также Книга Товита, названная так по имени героя, чьи приключения изложены в Библии необычайно красочно и образно. Во вступлении автор книги знакомит читателя с исторической обстановкой, относящейся к действию сказания, и говорит о правлении ассирийских царей Салманассара (а вернее, Саргона) и Синахериба, а затем называет персидские города Раги и Ектабаны, не заботясь о согласовании расхождений хронологического порядка в сто — двести лет. Старый Товит дает сыну советы, живо напоминающие житейскую мудрость, которой насыщена литература семитских народов. А вера в ангелов, сатану, в неземные существа заимствована из персидской религии, с которой евреи столкнулись в изгнании.

Величайшим шедевром библейской литературы считается Книга Иова. Живость описаний и стиля, драматическое нарастание действия, смелость философской мысли и пылкость чувств — вот достоинства этого произведения, в котором сочетаются одновременно элементы философского трактата, поэмы и драмы. Имя божьего страстотерпца стало распространенным синонимом всяких несчастий или катастроф.

Книга состоит из трех основных частей: пролога в прозе, поэтического диалога и эпилога, имеющего характер «happy end» *. В результате

лингвистических исследований текста возникло предположение, что центральная часть, то есть разговор друзей о смысле страдания, более позднего происхождения.

Сказание в его окончательном виде относится, вероятно, к III веку до н. э. и, стало быть, к эллинистической эпохе. Неизвестный автор или еврейский компилятор создал, однако, не оригинальное произведение, а вариант уже существовавшего в шумерской литературе. Этим поразительным открытием мы обязаны американскому востоковеду Сэмюэлю Крамеру, автору книги «История начинается в Шумере». Расшифровывая клинописные таблички, известные из руин Ниппура, он наткнулся на поэму о неком шумерийце, который несомненно и послужил прообразом библейского Иова. Это был человек богатый, счастливый, мудрый и справедливый, окруженный многочисленной семьей и друзьями. Внезапно на него свалились всяческие напасти — болезни и страдания, но он не хулил своего бога, не обижался на него. Несчастный покорно подчинился божьей воле и среди слез и стенаний молил о жалости. Тронутый его смирением и благочестием, бог в конце концов смилостивился и вернул ему здоровье.

Совпадение в изложении фабулы и ведущей идеи так поразительно, что трудно усомниться в прямой зависимости обоих вариантов. Следует, однако, помнить, что их разделяют два или три тысячелетия развития религиозных представлений. Еврейское сказание хоть и опирается на шумерийский сюжет, но оно гораздо более совершенное в литературном отношении и более зрелое по своей философии.

С проблемой, затронутой в сказании о Иове, мы уже сталкивались, говоря о пророках. Речь идет о проблеме человеческой ответственности, о взаимозависимости страдания и вины. В Пятикнижии вопрос этот решен просто. Там говорится о коллективной ответственности: сыновья должны искупать вину отцов, даже если сами они ни в чем не виноваты. Однако по мере созревания этического монотеизма эта идея фатальной ответственности оказалась в вопиющем противоречии с понятием божьей справедливости. Иеремия и Иезекииль учили, что каждый человек сам по себе, в отдельности отвечает перед богом за свои деяния, и тем самым пророки эти выступили против главной идеи Пятикнижия. По сути дела, это был революционный шаг, означавший колоссальный прогресс в религиозном мышлении. Однако проблемы страдания и вины, мучившей человека, он не решил, а скорее даже усложнил

ее. Ибо если каждый человек отвечает за свои действия, то почему же в таком случае страдают люди праведные и богобоязненные? Если бог справедлив, то почему же он обрекает их на болезни, нищету и смерть самых близких и любимых?

Именно эти вопросы ставятся в Книге Иова. После долгого и бесплодного спора Иова с друзьями в разговор вмешивается молодой Елиуй и предлагает свой ответ, который по существу является капитулянтским: бог подвергает испытаниям преданных ему смертных, чтобы проверить их набожность и утвердить их в добродетели. Все участники спора соглашаются с юношей, не замечая, что такой жестокий метод испытания так же противоречит понятию справедливости, как и ничем не заслуженные болезни, страдания, нищета и утрата близких.

К категории литературного вымысла следует, разумеется, причислить и Книгу Даниила. Описанные в ней чудеса, апокалиптические пророчества и исторические реалии не вызывают к себе никакого доверия. Авторы сказания на каждом шагу выдают свое незнакомство с историей Вавилонии и Персии, они путают мидийских царей с персидскими, а халдеи у них, вопреки исторической достоверности, фигурируют как класс жрецов-магов, причем Даниила они называют «главою тайноведцев».

Особенно фантастичны сведения о царях, упоминаемых в сказании. Навуходоносор устанавливает золотую статую гигантской высоты и требует, чтобы народ воздавал этой статуе божеские почести. Затем он становится сторонником бога Израиля и постановляет, чтобы каждый, кто дурно отзовется об этом боге, был предан смерти. Дарий приказывает своим подданным, чтобы в течение тридцати дней они не молились никакому богу, а когда Даниил выходит из львиного рва, тот же Дарий обязывает все подвластные ему народы принять веру Моисея.

Конечно, в образе трех молодых евреев, которые вышли невредимыми из пылающей печи, или в образе Даниила, сидящего во рву среди кротких львов, много сказочного очарования, и эти сюжеты всегда находили отклик в народной фантазии и в живописи. Все же наибольшей популярностью пользуется чудо с таинственной рукой, начертавшей на стене пиршественного зала три загадочных слова: «мене, текел, перес».

Истинное значение этих слов все еще служит предметом научных споров. Трудность заключается в том, что в древнееврейском и арамейском языках пишутся только соглас-

ные звуки, а гласные не пишутся. В зависимости от того, вставляется ли между согласными, например, «а» или «э», изменяется смысл слов. В связи с этим в общем принято то толкование, какое дано в Книге Даниила.

Несмотря на нагромождение всяческих небылиц, мы находим в сказании о Даниила упоминание о некоторых фактах, прямо или косвенно связанных с подлинными событиями. Это относится, например, к безумию Навуходоносора. Из других источников мы знаем, что преемник Навуходоносора — царь Набонид действительно семь лет болел какой-то психической болезнью. Еще один пример. В Вавилонии очень часто применяли такую меру наказания: бросали провинившихся в пылающую печь. Или вот, в течение долгого времени оставалось невыясненным загадочное упоминание о том, что царь Валтасар сделал Даниила третьим лицом в городе. Почему именно третьим, а не вторым? Вопрос разъяснила только археология. Оказалось, что Валтасар, сын Набонида, стал при его жизни регентом и правил в Вавилоне. Таким образом, поскольку Валтасар (при живом отце) был вторым лицом в государстве, Даниил, в качестве его главного министра, мог занять только третье место в иерархии. Подробности эти, ясное дело, не изменяют взгляда на «историчность» Книги Даниила, но они доказывают, что основа фабулы возникла в вавилонской среде. Напомним, что Книга Даниила делится на две части, написанные двумя различными авторами в разные периоды времени: на очень популярное сюжетное сказание и на пророчество, выдержанное в стиле апокалиптического откровения.

Подобно Книге Иова, Книга Даниила также питалась соками чужой мифологии. В раскопках Угарита обнаружена поэма, датируемая XIV веком до н. э. В ней излагается история некоего Даниила и его сына Ахата. Герой был мудрым и справедливым судьей, заступавшимся за вдов и сирот, и, видимо, еврейские писатели именно из этой поэмы заимствовали идею сказания о Данииле.

В его апокалиптической части предсказывается появление четырех очередных царств: вавилонского, персидского, мидийского и греческого. Ясные намеки на осквернение иерусалимского храма, относящиеся к царствованию Антиоха IV Эпифана (167 год до н. э.), указывают, что Книга Даниила в своей окончательной редакции возникла в позднюю эллинистическую эпоху. Доказательством чему,

впрочем, служили многочисленные греческие слова, рассеянные в арамейско-древнееврейском тексте.

В истории евреев это были тяжелые времена борьбы за религиозную независимость, и пророчества Даниила должны были приободрить угнетенных и поддержать их надежду на победу. В видениях, насыщенных горячим патриотизмом, книга предсказывает евреям приход Сына человеческого, который спасет их от власти чужеземцев. Даниил провозглашает также наступление царства божьего на земле и воскресение в конце света. Но эти мессианские идеи лишены детерминистского характера. Пророчество исполнится только тогда, когда люди очистят свои души от греха и станут праведниками.

Как мы видим, Книга Даниила, подобно книгам других пророков и Книге Иова, подчеркивает личную ответственность человека перед богом. Ее мессианские идеи оказали глубочайшее влияние на первоначальное христианство, а названный в ней Сын человеческий стал титулом Иисуса из Назарета.

К этой же группе аллегорических народных сказаний принадлежит Книга Ионы. Бурные и колоритные приключения пророка являются типичным творением еврейского фольклора, но исследователи подозревают, что источники этого сказания скрываются в неизвестном месопотамском мифе. Рыба или морское чудище, проглотившее Иону, слишком живо напоминает мифическую богиню хаоса Тиамат.

Книга, несомненно, возникла после вавилонского пленения. Библейские комментаторы старались расшифровать ее якобы аллегорический смысл. У Израиля, говорили они, была особая пророческая миссия среди других народов, но поскольку он с ней не справился, то его по воле Яхве поглотило чудище — Навуходоносор.

Для нас, однако, гораздо важнее идея, содержащаяся в заключительной части книги. Когда Иона пришел в гнев из-за того, что Ниневия уцелела, Яхве дал ему наглядный урок справедливости. Если Иона сокрушался над судьбой засохшего растения, то неужели Яхве не должен был сжалиться над великим городом, где рядом с грешниками живут люди праведные, невинные дети и животные? Как же изменились взгляды Яхве по сравнению с Книгами Моисея, Иисуса Навина или судей! [1]

Идеи, заложенные в проро-

[1] Разговор Авраама с богом на такую же тему, вне всякого сомнения, был добавлен позднее, после вавилонского пленения, когда проблема справедливости была очень актуальной.

чествах Иеремии, Исаии и Иезекииля и в дидактических сказаниях, конечно, должны были творчески повлиять на дальнейшее развитие религиозных концепций. Как протекал этот интересный процесс, нам помогают понять свитки, обнаруженные в пещерах у Мертвого моря. В 1947 году пастухи из бедуинского племени таамире остановились на отдых в скалистой местности, неподалеку от источника Айн-Фешха. И тогда юноша, искавший заблудившегося козленка, обнаружил в одной из многочисленных пещер большие глиняные кувшины с таинственными свитками.

Позднее выяснилось, что это были длинные полоски бараньей кожи, исписанные архаическими древнееврейскими письменами.

Поначалу никто не разобрался в ценности этой находки. Лишь после того, как одна часть свитков попала в Соединенные Штаты, а другая — в сирийский православный монастырь святого Марка, у ученых открылись глаза. Уильям Ф. Олбрайт, не колеблясь, назвал обнаруженные рукописи «величайшим открытием нашего века».

Существо дела заключается в том, что свитки содержат тексты Ветхого завета, записанные в III или II веке до н. э. Поскольку самая древняя копия из тех, какие до сих пор удалось обнаружить, была сделана в IX веке н. э., эти свитки несомненно имеют неоценимое значение для сравнительного филологического исследования и для разъяснения спорных библейских фрагментов.

Слухи о том, какой шум поднялся вокруг свитков и какие огромные деньги за них платят (американцы заплатили за шесть свитков двести пятьдесят тысяч долларов), в конце концов дошли до Аравийской пустыни. На безлюдном каменистом побережье Мертвого моря появилось множество бедуинов-искателей, которые обшаривали пещеры и расщелины. Результат был необычайно успешный. В двадцати пяти пещерах бедуины нашли несколько сот свитков и тысячи обрывков и клочков с древнееврейскими, арамейскими и греческими письменами. Дальнейшие поиски, проводимые уже систематически научно-археологическими экспедициями, приносят все новые и новые открытия.

В данный момент накопленных материалов так много, что, по мнению ученых, пройдет самое меньшее пятьдесят лет, прежде чем тексты будут приведены в порядок и научно обработаны. Но теперь уже известно, что среди них находится Книга Исаии, комментарий к Книге Хабаккука, а также апокалиптическое сочи-

нение «Война сынов света против сынов тьмы».

Конечно, возник интригующий вопрос: каким образом эти священные писания очутились в пустынных пещерах на берегу Мертвого моря? Этой проблемой занялась в 1951 году специальная археологическая экспедиция и вскоре сообщила о результатах своих розысков.

На небольшом расстоянии от пещер находятся развалины, которые на протяжении многих лет считались остатками римской крепости. Арабы называли их Хирбет-Кумран. Руины эти когда-то были комплексом строений, воздвигнутых из блоков отесанного камня и покрытых крышей из стволов пальмовых деревьев, тростника и ила. Археологи легко установили, что развалины представляли собой в прошлом жилые помещения, мастерские ремесленников, купальные бассейны ритуального назначения, склады и прочее.

Однако важнейшим открытием был зал, именуемый «скрипторий», где писцы изготовляли списки священных книг. Там сохранились каменные столы со скамьями и прежде всего несколько чернильниц из бронзы и глины, в которых остались следы чернил. В подземных складах среди кучи керамических черепков найдены в целости такие же цилиндрические сосуды, в каких хранились свитки, обнаруженные в пещерах. Поэтому не подлежит сомнению, что владельцами свитков были обитатели найденных строений.

Из развалин сверх того извлечено много монет. Самая старая датируется 125 годом до н. э., а самая молодая — 68 годом н. э. В том же году пожар уничтожил обнаруженные теперь строения Хирбет-Кумрана.

Археологи пришли к выводу, что здесь находилась община еврейской секты ессеев, бежавших из Иерусалима от преследований синедриона. Свою гипотезу они построили не только на убедительных археологических находках, но и на сведениях, содержащихся в сочинениях древних путешественников и историков. Так, например, римлянин Плиний Старший рассказывает, что во время своего пребывания в Палестине он посетил большое поселение ессеев на берегу Мертвого моря. По всей вероятности, это было то самое поселение, руины которого обнаружены в Хирбет-Кумране. О ессеях пишут также еврейский историк Иосиф Флавий и Филон из Александрии.

Найденная в развалинах монета 68 года н. э. позволяет нам высказать предположение относительно судьбы, по-

стигшей кумранскую общину. В Иерусалиме вспыхнуло восстание еврейского народа. Против бунтовщиков послали X римский легион, известный своей жестокостью. После сожжения храма в Иерусалиме и кровавого подавления восстания ессеи не питали никаких иллюзий касательно своей участи. Солдатня грабила страну, опасность постепенно приближалась к общине. Ессеи прежде всего позаботились о спасении священных книг. Ценные свитки были спрятаны в глиняных сосудах и укрыты в тайниках; ессеи, видимо, надеялись, что, едва только минует военная сумятица, они смогут возобновить свою деятельность.

Среди документов, найденных в пещерах, весьма ценный памятник древности представляет свиток, содержащий обрядовые правила, поверья, моральные поучения и организационные принципы кумранской общины. Из этого документа мы узнаем, что ессеи твердо придерживались имущественной общности. Каждый день на закате солнца члены секты надевали праздничное платье, получали в бассейне ежедневное крещение и садились за общую вечерю, во время которой настоятель благословлял хлеб и вино. Ессеи проповедовали любовь к ближнему, бедность, обязательность раздачи милостыни, осуждали рабство и верили в пришествие помазанника божьего — великого праведника, который установит на земле мир и справедливость.

Почему древний свиток вызвал такие страстные споры? Дело в том, что ессеи во всех отношениях поразительно похожи на первых христиан. На этом основании группа востоковедов во главе с Дюпон-Соммером высказала мнение, будто ессеи образуют то связующее звено между иудаизмом и христианством, отсутствие которого чувствительно ощущалось в науке.

НОВАЯ КНИГА О БИБЛИИ[1]

Имеющаяся у нас литература о Библии и о критике Библии определенно недостаточна.

Поэтому совершенно понятен интерес, который вызывает у советских читателей, и особенно у пропагандистов атеизма, появление каждой новой более или менее солидной книги, посвященной научному анализу и трактовке библейского текста. Этот интерес еще более возрастает, если автор книги — наш современник и использует при анализе библейского текста новейшие достижения современной науки.

И вот перед читателем новая и к тому же большая книга о Библии. Что можно о ней сказать?

Книга польского автора Зенона Косидовского «Библейские сказания» не является исследованием всей Библии. З. Косидовский ограничивается анализом текста Ветхого завета и в основном тех его разделов, которые условно можно было бы назвать «историческими». Это пять книг Моисеевых, книги Иисуса Навина и судей, четыре книги царств, книги Ездры, Неемии и Иова и отдельные библейские сказания, такие, как Есфирь, Товит, Иудифь и другие.

Автор поставил перед собой большую и сложную задачу: лишить Библию ореола боговдохновенности, подвергнув ее текст скрупулезному историческому анализу и доказав, таким образом, что Библия — это не более как конгломерат древнейших народных преданий и легенд, собранных и переработанных в религиозном духе древнееврейскими теологами. Автор показывает, что в библейских сказаниях можно найти все что угодно, вплоть до моментов исторической правды, только не проявление сверхъестественной, божественной сущности.

При знакомстве с книгой З. Косидовского прежде всего обращает на себя внимание своеобразная двухрядная форма изложения. Косидовский сначала излагает, подкрепляя иногда дословными выписками, содержание разбираемого им раздела Библии, а затем дает свой комментарий к нему. Это позволяет читателю, во-первых, ознакомиться с библейским текстом как таковым. Такая возможность весьма ценна и для пропагандиста, и для просто интересующегося вопросами истории религии читателя. Правда, здесь у З. Косидовского есть одна особенность: там, где исторические и археологические данные позволяют более ярко нарисовать картины жизни и быта эпохи, к которой относятся те или другие библейские повествования, он использует эти данные. Это, как мы увидим далее, является одновременно и сильной, и слабой стороной его книги.

Во-вторых, двухрядность изложения материала дает возможность читателю, только что ознакомившемуся с библейским сказанием, получить научный комментарий, относящийся именно к этому тексту Библии.

[1] Послесловие написано к первому изданию книги.

Этот, второй ряд книги Косидовского является наиболее интересным, новым и нужным.

Здесь З. Косидовский, опираясь на новейшие археологические и исторические данные, а также на сумму всех накопленных человечеством знаний о прошлом, дает научный анализ изложенного им в первом ряде библейского текста. Дает его в популярной форме, научно честно и беспристрастно. Последнее хочется особенно подчеркнуть.

Дело в том, что у нас долгое время господствовала теория абсолютной мифичности и тем самым полного отрицания историчности большей части библейских сказаний и персонажей. Если открыть тома Большой Советской Энциклопедии (второе издание) на библейских именах, то чуть ли не везде против них можно прочесть: «мифическая личность», «миф» и т. п. В связи с этим у некоторых атеистов-пропагандистов выработался упрощенческий взгляд на Библию как на собрание древних легенд, ничего общего не имеющих с исторической действительностью. Однако современная историческая наука говорит о том, что дело здесь обстоит далеко не так просто.

В оценке Библии как исторического документа З. Косидовский не идет на поводу ни у одной из старых точек зрения, какой бы авторитетной она ни казалась. Он все время стоит на позициях науки, и это очень ценно. Если наука подтверждает какой-либо из библейских текстов, он так и пишет: подтверждает. Если он знает, что наука по данному вопросу имеет пока несколько мнений, гипотез, предположений и не обладает данными для последнего, окончательного вывода, он так и пишет: пока мы не можем сказать, где здесь истина. З. Косидовскому чуждо навязывание готовых мнений и рецептов. Он передает лишь то, что известно на сегодняшний день науке.

Шаг за шагом раскрывает он перед читателем абсолютно человеческую, лишенную всех покровов таинственности и божественности, земную, человеческую, на социально-экономической, классовой, исторической основе зиждущуюся сущность Библии и всех ее сказаний. Выявляются теснейшие связи якобы богооткровенных истин с культами отвергаемых и проклинаемых самой Библией и христианством языческих суеверий народов Ближнего Востока. Вместо бога и святого духа библейскими персонажами начинают руководить политические, хозяйственные, имущественные и другие соображения. Земные мотивы и интересы заслоняют таинственные небеса с сидящим на престоле творцом и промыслителем. Народ избранный оказывается не лучше и не хуже других племен и народов, среди которых он жил и развивался. Единобожие его вырастает из язычества, политеизма, генотеизма, а не из откровения свыше.

З. Косидовский нередко обращает внимание читателя на красоту стиля и языка некоторых библейских сказаний, на разработку их литературных образов, поэтичность описаний, верность исторических картин, но лейтмотивом всех этих честных восторгов человека, писателя и эстета является подчеркивание земного и человеческого характера этой красоты, указание на то, что библейские образы должны занять свое законное место не в иконном ряду на иконостасе, а среди образов, созданных другими человеческими гениями — писателями разных стран и народов, безвестными творцами шедевров фольклора.

Можно не соглашаться с некоторыми выводами, с некоторыми строчками или абзацами книги З. Косидовского, но нельзя не признать, что она является глубоким раскрытием человеческой сущности украденной у людей и присвоенной религией книги. И в этом огромная ценность труда Косидовского.

Да, можно кое в чем и не соглашаться с З. Косидовским. Например, некоторые возражения, как мы уже говорили, может вызвать использование исторических и археологических материалов при пересказе библейского текста. Поскольку Косидовский нигде не оговаривает, что именно взято из Библии, а что является

дорисовкой на основании научно-исторического материала, это может вызвать некоторые затруднения при пользовании книгой для научно-атеистической пропаганды. Поэтому мы нашли необходимым оговорить эти моменты в примечаниях к тексту книги.

Есть у Косидовского, правда в очень небольшом количестве, и более опасные тенденции, когда он, вместо скрупулезно точного изложения библейского текста, невольно следует широко укоренившимся традиционным церковным истолкованиям его и незаметно для себя начинает придавать библейскому тексту полезную для церковников окраску. Мы оговорили в примечаниях и эти места.

Иногда в изложении библейских легенд и событий у Косидовского сквозит субъективный подход, симпатия и антипатия к тем или иным библейским персонажам. Например, явно чувствуется стремление автора оправдать действия патриарха Авраама. И подобные места оговорены в примечаниях.

Нельзя не упомянуть, что З. Косидовский использовал в своей работе католический текст Библии. У православной церкви взгляд на состав Библии несколько иной. И это также побудило нас сопроводить книгу З. Косидовского рядом дополнительных оговорок и примечаний.

И последнее. К сожалению, в книге З. Косидовского нет разбора некоторых библейских преданий, которые, претендуя на историчность, могли бы дать хороший материал для критики библейского текста. Я подразумеваю здесь рассказ о Иуде и Фамари (Бытие, гл. 38); изложение молитвы Анны, матери Самуила, так ловко обыгранной в Новом завете (1 Царств, гл. 2); рассказ о переписи населения при Давиде (2 Царств, гл. 24), о встрече пророка Илии с богом (3 Царств, гл. 19). Не оговорена книга Екклесиаст, приписываемая церковниками Соломону, и ряд других сказаний. Их рассмотрение сделало бы книгу несомненно более яркой и полной.

Несмотря на эти оговорки, можно выразить уверенность, что книга З. Косидовского станет ценным и верным помощником наших пропагандистов, агитаторов, лекторов и беседчиков и одной из любимых книг просто интересующихся данной темой читателей. И хочется надеяться, что станет она книгой-другом и для тех, кто сегодня находятся еще в плену у религии, а завтра будут совсем иными, как бы просветленными добытым знанием, глазами смотреть на свои прежние привязанности и убеждения.

Ленинград,
июль 1965 г.

А. Осипов

ПРИМЕЧАНИЯ

К стр. 19
Хиддекель — древнее название реки Тигр.

К стр. 20
...И создал из... ребра женщину.— З. Косидовский излагает здесь одну из библейских версий о сотворении женщины, содержащуюся в главе 2 книги Бытие (ст. 21, 22). Согласно другой версии (гл. 1, ст. 27), бог сотворил мужчину и женщину одновременно на шестой день творения «по образу своему, по образу божию». Сказание, приводимое в книге Косидовского, в течение многих веков насаждалось церковью среди верующих, так как оно служило оправданием приниженного положения женщины в феодальной семье, ее полной зависимости от мужчины.

К стр. 21
Там он нашел себе жену и имел с ней сына Еноха.— Здесь неточность. В Библии не сказано, откуда у Каина жена. Некоторые церковные комментаторы утверждают, что ею была одна из сестер Каина.

К стр. 23
...Хам положил начало африканским народам.— Здесь Косидовский излагает традиционное церковное толкование библейского текста. В самой Библии нет указания на происхождение народов Севера, Востока и Африки от трех сыновей Ноя. Церковная версия о происхождении народов Африки от проклятого Ноем и обреченного на рабское существование потомства Хама использовалась для оправдания колониального гнета.

К стр. 39
Фарра был очень богат.— Этим почти исчерпываются библейские сведения о Фарре. Косидовский на основании исторических материалов воссоздает картину жизни и быта тех времен и тех слоев общества, к которым, согласно Библии, принадлежал Фарра.

К стр. 41
Фарра, Нахор и Аврам на новой родине.— В этом и следующем разделе из Библии взяты лишь сведения о том, что Фарра умер в Харране в возрасте 205 лет и что Авраам с Лотом, племянником и всем имуществом переселились в Ханаан. Все остальное —это дорисовка Косидовского на основании археологических и этнографических данных.

К стр. 42
...создателем вселенной, солнца, луны и звезд мог быть только единый бог...— В Библии ничего не сказано о том, как возникла у Авраама вера в единого

бога. В трактовке этого вопроса Косидовский опирается, вероятно, на древнееврейские предания. Однако здесь необходимо сразу же оговориться, что вера в единого, вездесущего и всемогущего бога, т. е. монотеизм, не могла возникнуть на столь ранней стадии развития еврейского народа. Бог Авраама — это единый бог лишь для его племени, у других племен были другие боги. В науке это называется генотеизмом. Монотеизм как таковой начал развиваться у евреев лишь во второй трети I тысячелетия до н. э. и получил более или менее законченную форму в середине I тысячелетия.

К стр. 43
Аврам приказал собираться в путь.— В Библии (гл. 12 книги Бытие) написано, что бог приказал Аврааму покинуть Харран и свой дом и уйти в землю, которую он укажет, и Авраам выполнил волю бога.

К стр. 45
Аврам ... попросил гостеприимства у фараоновых чиновников.— Подробностей путешествия Авраама в Библии нет, там лишь указано направление передвижения его каравана. Все остальное — это дорисовка Косидовского, опирающегося на археологические, этнографические и исторические источники о быте народов, населявших называемые в Библии районы.

К стр. 48
Аврам заботится о потомстве.— В этом разделе Косидовский, невольно следуя еврейской хачадимской и христианской моральной традиции, несколько приукрашивает нравственный облик Авраама, обеляя, например, его в некрасивой истории с Агарью. Библейский текст рисует Авраама откровенно равнодушным, если не бездушным, в этом деле.
Он услышал во сне голос бога.— В Библии Авраам (да и другие персонажи) чаще всего общаются с богом не во сне, а наяву или в «видениях».

К стр. 50
...требовали, чтобы им выдали подозрительных чужестранцев.— Здесь Косидовский не совсем точен. Согласно Библии, содомские жители потребовали пришельцев для противоестественных сношений. Отсюда бытование термина «содомский грех». Советские исследователи доказали, что в этом месте библейского текста получили отражение древнеханаанские культовые обряды в честь местных богов плодородия.

К стр. 52
Бог... решил сделать его родоначальником арабских племен.— Согласно библейскому тексту, бог пообещал Агари произвести от Измаила «великий народ», но какой именно, там не указано.

К стр. 53
Авраам отправился к местному царю хеттскому.— В этом эпизоде в Библии царь хеттский не упоминается. Авраам обращается прямо к народу, а затем к Ефрону.

К стр. 55
Авраам женится вторично.— В этом разделе Косидовский вновь, в более выгодном свете, чем дает на то право текст Библии, выставляет поведение Авраама по отношению к сыновьям, прижитым от Хеттуры.

К стр. 65
Ему приснилось, будто он яростно борется с богом.— В Библии не сказано, что Иаков видел сон. Согласно библейскому тексту, все происходило наяву.

К стр. 69
...имена Элохим и Яхве постоянно чередуются.— Следует отметить, что имя Элохим (означающее боги) не просто предшествует имени Яхве (по одним версиям значит сущий, а по другим — ниспадающий, т. е. разящий сверху громовыми стрелами). Ученые доказали, что это разные наименования бога у двух разных племенных группировок древних евреев — Иуды и Ефрема. Собрания легенд и мифов этих древних еврейских племен и составили основу для первой библейской книги — Бытие.

К стр. 85
Имеются и другие предположения относительно времени правления Хаммурапи: согласно Британской энциклопедии,— 2067—2055 гг. до н. э., согласно Французской энциклопедии «Лярус»,— 2003—1961 гг. до н. э.

К стр. 115
...гордившиеся своим знаменитым предком.— Ряд современных западных ученых рассматривает историю Иосифа и «двенадцати патриархов» как переработку некоторых еврейских племенных легенд, созданную в IX или VIII веке до н. э. в столице Иудейского царства Иерусалиме с целью идеологического воздействия на племена, отколовшиеся после смерти Соломона от общенационального государства и образовавшие Израильское царство со столицей в Самарии. Легенда о патриархах и Иосифе должна была утвердить дух родства и единства между еврейскими племенами и подготовить реставрацию единого государства.

К стр. 116
...долго еще оставались на земле Гесем.— Никто из ученых сегодня не отрицает, что среди гиксосских завоевателей могли быть и евреи. С вытеснением гиксосов египтянами, естественно, должны были уйти и евреи. Вряд ли они остались в Египте после его освобождения. Документы того времени называют нам целый ряд еврейских племен, которые в последующие века, именуемые Библией эпохой «рабства египетского», привольно жили в аравийских, синайских и заиорданских степях, полупустынях и пустынях. Это не исключает, конечно, того, что небольшие группки евреев могли остаться на освобожденной от гиксосов территории и попасть в кабалу к египтянам. Так что в данном случае Коссидовский слишком доверчиво следует библейской традиции.

К стр. 120
Чудесное спасение.— В этом разделе картины привольной жизни Моисея при дворе фараона дорисованы Косидовским для более полного представления о быте тех времен. В тексте Библии ничего подобного нет.

К стр. 122
Сорок лет в изгнании.— Все переживания Моисея в земле Мадиамской являются литературными дорисовками Косидовского.

К стр. 127
...жалкие остатки гордой египетской конницы.— В описании этого эпизода Косидовский следует не библейскому тексту, а церковной традиции. Согласно Библии, бог наслал сильный восточный ветер, который отогнал воду, в результате появилась возможность перейти узкий залив по выступившей косе. Когда войско фараона дошло до середины моря, колесницы завязли в размешанном тысячами ног мокром песке и еле двигались. Переменившийся ветер начал нагонять воду обратно. Так и погибло войско фараона. Таким образом, рассказ Библии несколько реалистичнее.

К стр. 131
Скиния — куща, шатер, походная церковь израильтян.

К стр. 133
Дерево ситтим — пустынная акация.

К стр. 134
Кидар — головной убор, тюрбан.

К стр. 146
...Моисей тоже был подлинной исторической личностью.— Рационалистически обосновывать библейские тексты с помощью исторической науки стремятся ныне богословы, делая из подтверждения наукой некоторых упоминаемых в Библии событий совершенно неправомерный вывод о том, что все в ней истинно и в нее следует верить как в слово божие. З. Косидовский здесь, как и в некоторых других случаях, тоже прибегает к рациональному толкованию библейских сказаний. Однако, подтверждая данными науки историчность ряда библейских событий, автор с помощью этого показывает еще раз чисто земное, человеческое содержание многих текстов «священной» книги христиан и иудеев.

К стр. 160
Post hoc, propter hoc — после этого, следовательно, вследствие этого (лат.).

К стр. 161
Дольмен — археологический памятник, надмогильное сооружение из одного или нескольких огромных блоков дикого или грубо отесанного камня.

К стр. 168
Господь — т. е. *Яхве.*

К стр. 224
Divide et impera — разделяй и властвуй (лат.).

К стр. 269
...оставив оружие только трем тысячам воинов.— Саул создал постоянную военную дружину, или полк постоянной готовности, какие были у всех царей Востока.

К стр. 276
...брак со старшей дочерью сулил больше надежд на престол.— Здесь Косидовский не совсем точен в передаче библейского текста. Давид не питал никаких надежд на брак со старшей дочерью Саула и охотно пошел на брак с Мелхолой.

К стр. 278
...в Вифлеем на семейное торжество.— Согласно Библии, речь идет здесь о ежегодном жертвоприношении идолам-покровителям рода Давида. Это еще раз доказывает, что Яхве был далеко не единственным богом у древних евреев.

К стр. 281
Навал — имя его, и безумие его с ним.— «Навал» в переводе значит безумный.

К стр. 321
...изрубил... двух волов, которыми пахал землю.— Здесь Косидовский не прав. Это не был акт безумия. Согласно Библии, Саул, получив сообщение об осаде Иависа аммонитянами, пришел в ярость, разрубил своих волов, разослал их части всем израильским племенам и пригрозил, что так будет с волами того, кто откажется выступать с ним на врага. Саул использовал просто древние традиции наглядной дипломатии. Всего сто лет назад Шамиль посылал горским племенам Кавказа мясо, землю и воду в знак того, что они будут изрублены, лишены земли

и воды, если не поддержат его. Именно такой символический характер носил поступок Саула.

К стр. 322

«Deus ex machina» — «бог из машины» (лат.), выражение, обозначающее неожиданное и не вытекающее из хода событий участие какого-нибудь лица в развязке сюжета драмы или романа.

К стр. 373

...спрятать ковчег завета и жертвенник Яхве.— Здесь Косидовский излагает версию неканонических книг Библии, возникшую несколькими веками позже описываемых событий. Иудейские богословы хотели таким образом показать, что святыни бога Яхве не могли погибнуть или попасть в руки захватчиков как обыкновенные вещи.

К стр. 374

...в столицу прибывали путники из всех стран мира.— Описание Вавилона составлено автором на основании вавилонских документов и данных археологии. В Библии его нет.

К стр. 406

...греческий перевод Библии, так называемая Септуагинта — «Септуагинта» значит перевод семидесяти. Согласно легенде, перевод Библии на греческий язык был осуществлен комиссией из 72 человек (по 6 человек от каждого еврейского колена).

К стр. 407

...католическая церковь включила их в число канонических книг.— Православная церковь включает их в Библию вместе с наполненной мифами 3 книгой Маккавейской, но не считает каноническими.

К стр. 411

...Яхве окажет осажденным помощь.— Согласно библейскому тексту, Иудифь, услышав о решении через пять дней прекратить сопротивление, явилась к начальникам и предложила оказать ей содействие в осуществлении задуманного ею плана. Старшины решили попробовать.

Объяснив, почему она ушла от своих...— Косидовский не приводит объяснения Иудифи, а без него рассказ не ясен. Иудифь рассказала Олоферну, что она, верующая еврейка, не могла видеть, как осажденные евреи нарушают законы Моисея и едят мясо с кровью. Она уверена, что бог накажет преступников и скоро Ветилуя, как спелый колос, падет в руки победителей. Олоферну нужно лишь немного подождать.

К стр. 414

...Есфирь решила действовать.— Здесь не совсем точно изложен текст Библии. Мардохей потребовал от Есфири ходатайствовать перед царем за обреченных евреев. Есфирь колебалась. У персов в царских гаремах жены без зова своего повелителя к нему не входят.

Мардохей пригрозил ей вечным проклятием в народе, карой от бога. Только тогда, после молитвы и плача, Есфирь решила действовать. Она явилась дерзновенно к царю, но, когда царь грозно взглянул на нарушительницу, упала в обморок. Это смягчило гнев царя. Очнувшись, она сказала, что просто соскучилась по любимому супругу, и пригласила царя на пир в свою половину дворца. А чтобы царя это не отвлекло от государственных дел, то порекомендовала царю захватить с собой и Амана.

...собирался повесить Мардохея.— Здесь пропуск в изложении легенды, который вносит неясность в рассказ. Пир состоялся. Царь, разнежившись, хотел чем-

то отблагодарить Есфирь, но она не решилась еще изложить свою просьбу и попросила лишь о том, чтобы и на следующий день царь с Амэном пришли к ней на обед. Царь, восхищенный любовью и преданностью супруги, разумеется, согласился. Аман тоже был на седьмом небе от этих знаков высокого доверия к нему и приближенности к царю и царице. И вот тогда он приказал построить виселицу для Мардохея.

К стр. 416

...получить долг и привезти... отцу.— Дело в том, что, согласно Библии, Товит обеднел. В нужде он вспомнил, что у него есть должник, не вернувший ему 10 талантов серебра — огромную сумму, данную в долг Товитом в годы его благоденствия.

К стр. 422

...похоронен в пышном царском склепе.— Эти сведения почерпнуты автором не из Библии, а из преданий.

К стр. 426

...включила в состав Библии.— Православная церковь не считает Книгу Иудифь канонической, но в Библию ее включает. Сама же Иудифь считается православными историческим лицом, ее провозгласили праведницей, и имя ее внесено в святцы.

К стр. 427

...включила его в состав канонических текстов Библии.— Православная церковь различает в Книге Есфирь два текста: канонический, где имя бога почти не упоминается, и многочисленные неканонические вкрапления, в которых вся повесть переосмысливается с религиозной точки зрения. Есфирь внесена в святцы и считается православными историческим лицом. Есть мнения, что каноническая основа книги родилась за пределами Палестины, в Персии, а неканонические добавления — это как бы расшифровка антиперсидского политического памфлета.

happy end — счастливый конец (англ.).

А. Осипов, Т. Трифонова

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СПИСОК ПОЛОСНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ЗЕНОН
КОСИДОВСКИЙ

•

БИБЛЕЙСКИЕ СКАЗАНИЯ

Перевод с польского
Издание третье

Заведующий редакцией
А. В. БЕЛОВ

Редактор
С. С. НИКОНЕНКО

Младший редактор
Г. И. ЖАРИКОВА

Художник
Н. С. ФИЛИППОВ

Художественный редактор
В. А. ТОГОБИЦКИЙ

Технический редактор
О. М. СЕМЕНОВА

Сдано в набор 16 августа 1974 г. Подписано в печать 29 января 1975 г.
Формат $60 \times 84^1/_{16}$ Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 28,02.
Учетно-изд. л. 28,40. Тираж 200 000 (1—100 000) экз. Заказ № 3796.
Цена 1 р. 44 к.

Политиздат. Москва, 125811, ГСП, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.

